

Макс Фрай

Лабиринт Мёнина

Амфора

Annotation

Это последняя книга про Ехо. История — длинная, как путь к Городу Мертвых; запутанная, как коридоры Лабиринта Мёнина; уютная, как сумерки в Тихом Городе, — завершена. Пришло время открыть карты, ответить на вопросы, расставить точки над i. И в финале читатель с удивлением узнает, что не кто-то, а он сам был главным героем книги.

- [Содержание](#)
    -
    - [Белые камни Харумбы](#)
    - [Лабиринт Мёнина](#)
    - [Тихий Город](#)
    - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
-

Содержание

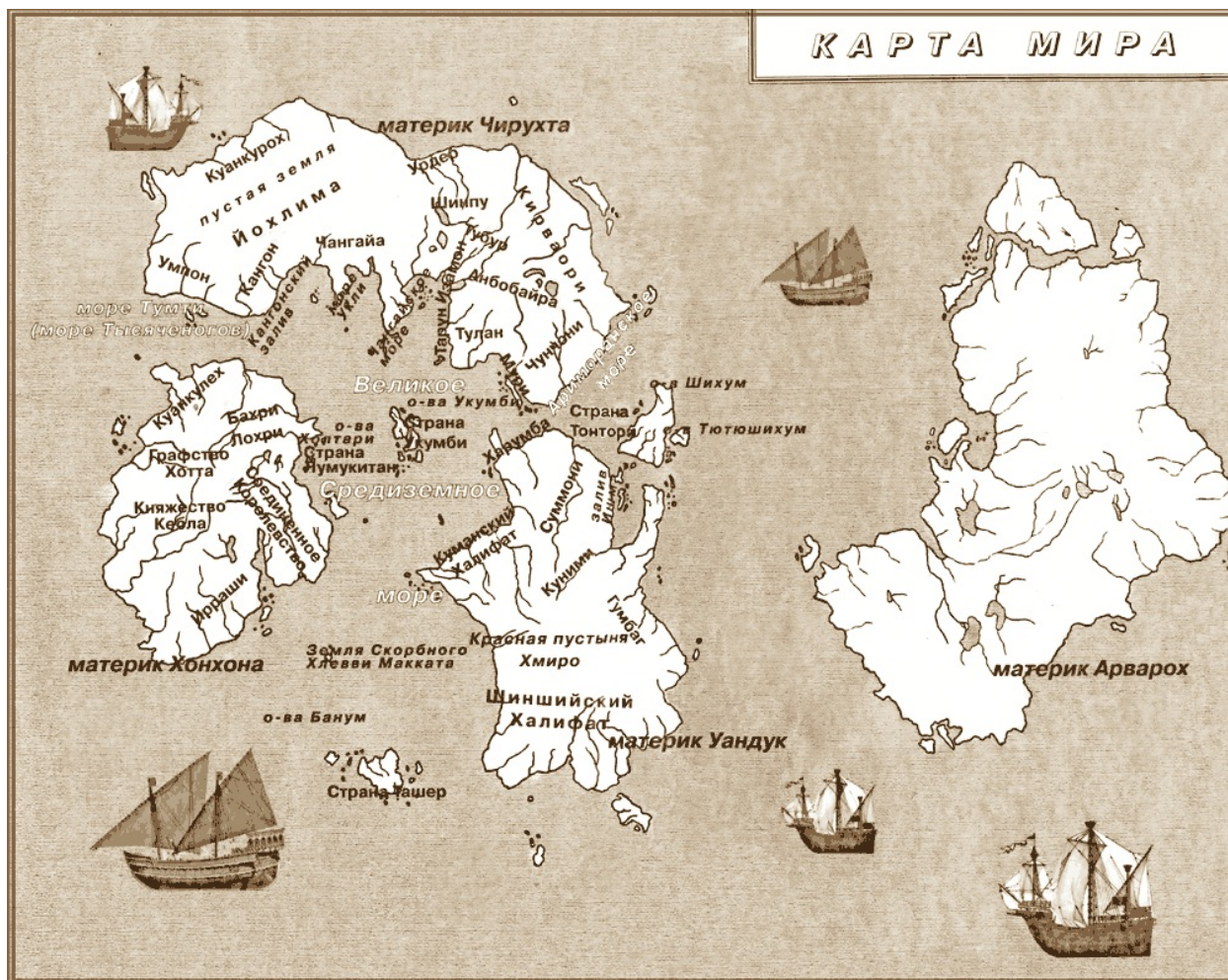
Макс Фрай
Лабиринт Мёнина

КАРТА МИРА

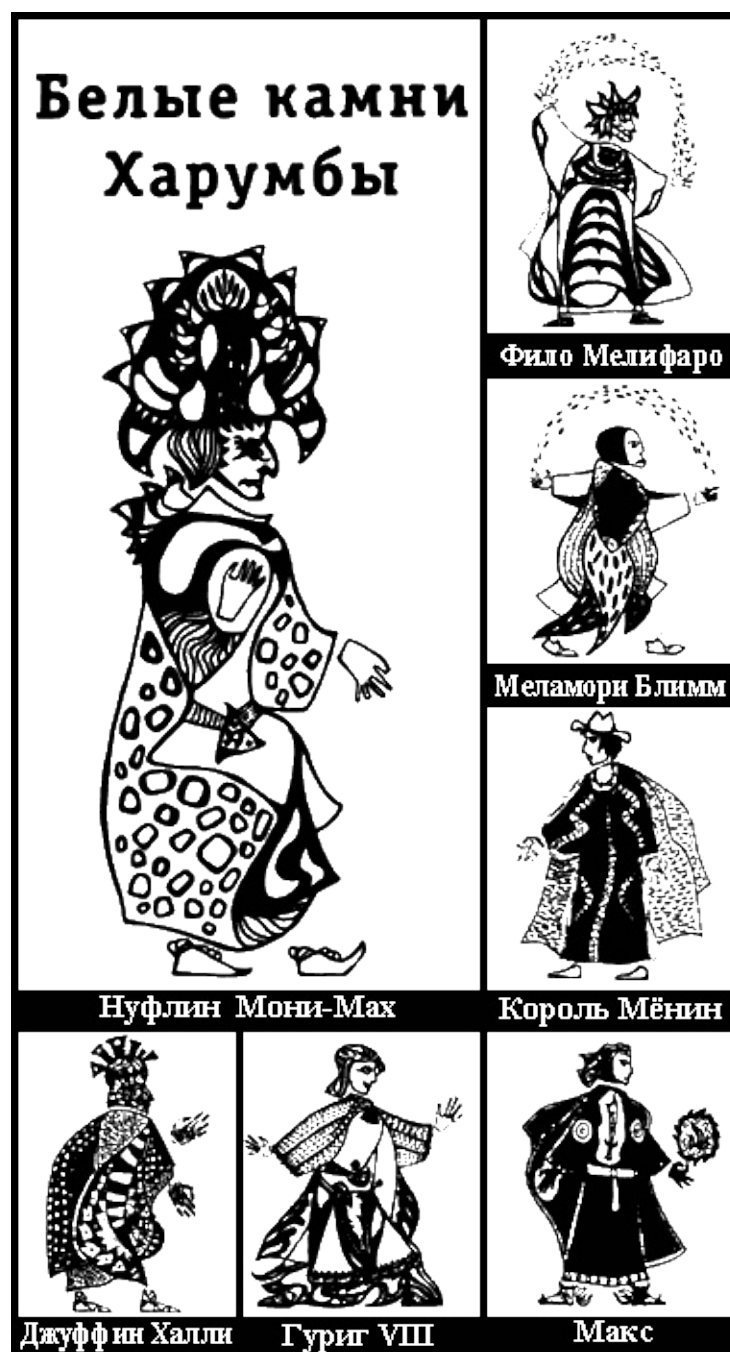

Белые камни Харумбы

*Now I'm not looking for absolution
Forgiveness for the things I do
But before you come to any conclusions
Try walking in my shoes*

Depeche Mode,

«Songs of Faith & Devotion»

У сэра Джуффина Халли, практически во всех отношениях безупречного джентльмена, имеется одна-единственная скверная привычка, каковой, впрочем, совершенно достаточно, чтобы свести в могилу человека, вынужденного ежедневно иметь с ним дело. Шеф просто обожает будить хороших людей в самое неподходящее время. Грешные Магистры, иногда я начинаю почти искренне сожалеть, что мы с ним не проживаем где-нибудь на территории моей исторической родины, в не слишком уютном, зато простом и понятном мире, где деспотический начальник,

возжелавший силой извлечь своего заместителя из сладкой тьмы сновидений, вынужден использовать примитивные технические средства связи типа телефона, пейджера или, на худой конец, посыльного, которому поручается жалобно мяукать под дверью несчастной жертвы до победного конца. Ибо телефон можно отключить и выбросить в окно, пейджер — растоптать, а потом утопить в унитазе, окна наглухо закрыть, установить бронированную входную дверь и обить ее войлоком (иногда лучше переборщить с предосторожностями). Потом следует заботливо обложить свои чуткие уши подушками, и пусть тогда хоть один гад попробует до тебя добраться!

Но меня угораздило надолго застрять в Мире, где существует Безмолвная речь. Поди скройся от неугомонного шефа, когда его коронная реплика: «Давай, давай, просыпайся!» — раздается не в телефонной трубке, а в твоей собственной голове, от которой никуда не денешься. Во всяком случае, сколько раз я пробовал игнорировать его настойчивый зов — безрезультатно!

Иногда я начинаю всерьез подумывать, что мне следует обзавестись уютной спальней в каком-нибудь ином Мире и завершать всякий рабочий день поспешным низвержением в Хумгат — отличная замена неторопливой прогулке по предрассветному городу. Зря я, что ли, так долго учился путешествовать между Мирами? Давно пора начинать применять сие таинственное магическое искусство в практических целях.

На сей раз злодей Джуффин умудрился разбудить меня ровно через час после того, как я наконец-то закрыл глаза. Но мои жалкие попытки объяснить шефу, что столь омерзительно я не чувствовал себя даже сразу после того, как умер, не произвели на него никакого впечатления.

«А бальзам Кахара тебе на что? — спросил он. — Целые поколения могущественных чародеев в течение долгих тысячелетий не щадили усилий, сберегая и совершенствуя рецепт этого бодрящего зелья. Должен же хоть кто-то применять его по назначению! Так что давай, исполняй свою историческую миссию, а потом поднимайся и приезжай ко мне домой. И учти, если через час тебя не будет, я начну рыдать в голос».

«Ужас какой, — вяло откликнулся я. — Погодите-ка, я должен приехать именно к вам домой, а не в Управление? Я не ослышался?»

«Ты не ослышался», — подтвердил Джуффин и умолк.

Оно и к лучшему: башка у меня гудела, как церковный колокол после вечеринки беспутных попов-расстриг, решивших как следует отпраздновать Хеллоуин. Что мне действительно требовалось — так это опустить голову на подушку и поспать еще часов семь, но я был вынужден

ограничиться глотком тонизирующего бальзама.

Хвала Магистрам, это простенькое чудо — всего-то восьмая ступень Черной магии! — по-прежнему имеет некоторую власть над моим замордованным всяческими чудесами организмом. Во всяком случае, умываться я отправился уже в добром здравии. Я настолько пришел в порядок, что даже начал понемногу терзаться любопытством.

Приглашение Джуффина показалось мне довольно странным. Ну, положим, тот факт, что шеф разбудил меня всего через пару часов после того, как мы расстались, вполне в порядке вещей. Я — такое специальное полезное живое существо, над которым можно всласть поизмываться, когда под рукой нет какой-нибудь другой дежурной жертвы, а злодейская душа господина Почтеннейшего Начальника требует своего... Но какого черта он ждет меня дома? До сих пор наш кабинет в Доме у Моста вполне подходил для деловых встреч. К тому же Джуффин не такой уж любитель бессмысленных перемещений в пространстве. Вряд ли шеф стал бы приезжать с утра на службу только для того, чтобы через пару часов получить счастливую возможность лишний раз поскучать на сиденье собственного амобилера, едва ползущего с Правого Берега на Левый под управлением бывшего гонщика Кимпы. Значит, домой он вернулся внезапно. Хотел бы я знать зачем?

Мне пришла в голову совершенно крамольная мысль: на виллу господина Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска было совершено грабительское нападение, но я поспешно прогнал дурацкую идею прочь: совершенно невозможно! Хотя...

— Ничего не понимаю! — решительно заключил я, обращаясь к своему лохматому отражению в зеркале.

Отражение сочувственно покивало, кое-как связало непослушные космы в хвост и отправилось одеваться. Мне ничего не оставалось, кроме как послушно последовать его примеру.

На пороге спальни мне пришлось выдержать настоящее сражение со своим зверинцем. Армстронг и Элла, два мохнатых чудовища, которые когда-то были котятами, возмущенно мяукали: им, знаете ли, кажется, что я очень неплохая грелка для постели, где они обожают валяться. Друппи, хвала Магистрам, не мяукал, поскольку родился собакой. Зато этот непоседливый центнер всклокоченного белого меха решил, что я встал специально для того, чтобы прогуляться с ним по окрестным кварталам. Теперь пес восторженно прыгал вокруг меня и лез обниматься.

— Извини, милый, но тебе пока ничего не светит, — виновато сказал я собаке. — Скажи спасибо своему любимчику, сэру Джуффину, это он во

всем виноват.

Друппи разочарованно присел на задние лапы и озадаченно помотал головой. Кажется, он просто не мог поверить, что человек, которому он после первого же знакомства отвел почетное место в своем любвеобильном сердце, мог сотворить такую вопиющую гадость: отвлечь меня от долгой прогулки с ним, любимым. Я ласково погладил большую умную голову собаки, подавил отчаянный зевок, поплотнее завернулся в Мантию Смерти и покинул свои апартаменты.

Нет ничего лучше, чем ясное, солнечное весеннее утро в старом центре Ехо... И нет ничего хуже, чем ясное, солнечное утро в любое время года и в любой точке Вселенной, если вам не дали выспаться. Поначалу мне приходилось подавлять настойчивое желание изловить всех солнечных зайчиков в округе и собственноручно набить морду каждому из них. У меня вообще весьма тяжелый нрав, а уж после принудительной побудки он обычно зашкаливает за отметку «отвратительный». Если бы сейчас вдруг выяснилось, что этому прекрасному Миру угрожает какой-нибудь очередной апокалипсис, я бы, скорее всего, вежливо осведомился, что я могу сделать, чтобы ускорить его наступление.

Но когда я пересекал мост Гребень Ехо, мне на нос села маленькая пестрая бабочка. Через мгновение она убедилась, что сей замечательный предмет, увы, не является цветком, и поспешно улетела, но моя хмурая физиономия уже расплылась в умиленной улыбке, каковая безнадежно заблудилась в окрестностях лица и продолжала блуждать там, даже когда я переступил порог гостиной Джуффина. А ведь я собирался начать наше общение с прочувствованного монолога на тему «сэр Макс тоже живой человек». Намечалось даже небольшое театрализованное представление. Пожалуй, обошлось бы без продолжительных глубоких обмороков, но я твердо вознамерился воздеть воспаленные очи к небу, драматически стиснуть виски дрожащими пальцами и зевать до хруста за ушами. Не могу сказать, что я действительно надеялся, будто мне удастся растрогать этого злодея, но я был просто обязан попробовать.

Ничего не вышло: к этому моменту я пребывал в совершенно лучезарном настроении. Зато Джуффин был мрачен, как отражение грозовой тучи в тусклом зеркале. Он поднялся было мне навстречу, серебристое лоохи сверкнуло в лучах полуденного солнца, как крылья стремительной чайки, но на середине пути шеф вдруг передумал и рухнул обратно в кресло. Адресовал мне тяжелый испытующий взгляд исподлобья и отвернулся к окну.

— Можно подумать, что это не вы меня, а я вас разбудил, — заметил я, разглядывая его насуспленные брови. — Что-то случилось?

— «Что-то случилось» — это еще слабо сказано, — буркнул Джуффин. — Скорее уж «стряслось». Или, если быть точным, неминуемо стрясется в самом что ни на есть ближайшем будущем... Да ты садись, Макс. Устраивайся поудобнее: разговор у нас с тобой будет долгий. Извини, что я не дал тебе выспаться, но тут такое творится...

Он нетерпеливо махнул рукой и умолк, задумчиво уставившись в окно. Решал, с чего начать, я полагаю.

Признаться, я опешил, услышав его извинение. Приятно, конечно, иметь дело с вежливым человеком, но такое поведение совершенно не вязалось с обычными манерами шефа. Предполагается, будто каждый сотрудник Тайного Сыска должен испытывать глубокую искреннюю благодарность за то, что его до сих пор не убили, и больше ничего не требовать.

— Так что творится-то? — спросил я. — И почему вы решили встретиться со мной дома?

— Так лучше, — невнятно, но безапелляционно объяснил Джуффин. И довольно неуверенно добавил: — По крайней мере, есть надежда, что здесь нам никто не помешает. Хотя, если бы в нашем распоряжении было немного больше времени, я бы предпочел провести этот разговор на Темной Стороне. А еще лучше — в каком-нибудь ином Море, где уж точно не будет никаких посторонних ушей... Но чего-чего, а времени у нас совсем нет.

— Так, я уже испугался, — вздохнул я. — Это о чем же, интересно, вы собрались со мной побеседовать? И с каких пор в нашем кабинете в Доме у Моста завелись чужие уши?

— Не бери в голову, Макс, — отмахнулся он. — И уж тем более, не трать силы на неубедительную имитацию какого-то бездарного испуга: эмоциональные излишества тебе не к лицу. Ничего страшного не происходит, просто... Одним словом, Нуфлин Мони Мах при смерти. Собственно говоря, этого следовало ожидать, но я думал, что старик продержится еще пару дюжин лет, как минимум.

— Магистр Нуфлин при смерти? Как такое может быть?

— А чему ты удивляешься? — пожал плечами Джуффин.

— Это как-то не вяжется с его имиджем, — растерянно объяснил я.

— Неужели до сих пор ты думал, что Нуфлин бессмертен? С чего бы это? Старик живет на свете довольно долго, и вот его время вышло. Такое, знаешь ли, со всеми случается, рано или поздно.

— Так, — решительно сказал я, с трудом подавляя желание устроить непродолжительную, но бурную истерику. — И что теперь? В Соединенном Королевстве грядут гражданские волнения в связи с предстоящей кончиной Магистра Нуфлина, великого и ужасного? Или волнения намечаются исключительно среди членов Ордена Семилистника? И нам придется расхлебывать эту несладкую кашу, сваренную из чужих амбиций?

— Да нет, не думаю, — равнодушно возразил Джуффин. — По моим сведениям, ничего подобного не намечается. Конечно, в делах такого рода всегда следует опасаться неприятных неожиданностей, но в любом случае все это пустяки. Суета сует и томление духа, как с некоторых пор любит выражаться наш сэр Мелифаро, пребывая в состоянии тяжелого похмелья. Кстати, он уверяет, что похитил сию мудрую сентенцию непосредственно из твоих болтливых уст. Звучит красиво, но излишне претенциозно, ты не находишь?.. В общем, с политической стороны проблемы мы как-нибудь разберемся, если вообще будет с чем разбираться. Орден Семилистника, разумеется, не пользуется пылкой всенародной любовью, как и всякий правящий клан в любом известном мне государстве, но, по большому счету, людям глубоко плевать на власть Ордена: им и без того есть чем заняться. Жизнь человеческая, знаешь ли, прекрасна и удивительна настолько, что в ней не так уж часто находится место скучной борьбе за власть. Разве что столичные жители по традиции все еще интересуются политикой, но после скандала с мемуарами Йонги Мелихаиса наши горожане, по-моему, приобрели устойчивое отвращение к беспорядкам. А если мальчики из Ордена сами решат устроить свару... Ха! Пока за оградой Иафаха хозяйничает наша Сотофа, я могу быть совершенно спокоен. Женщины Семилистника вполне способны призвать к порядку своих расшалившихся коллег, да так аккуратно, что ни одна крыша в Ехо не вздрогнет. В общем, забудь, сэр Макс. Это не наши проблемы.

— Отлично, — зевнул я. — Это самая лучшая новость со времен последней прибавки к моему жалованию. Но почему в таком случае вы не дали мне выспаться? Только не говорите, что, узнав о приближающейся кончине Магистра Нуфлина, вы почувствовали себя одиноко и вам захотелось немного подержаться за мою дружескую руку: все равно не поверю!

— Еще чего не хватало! — фыркнул шеф. — Ну и воображение у тебя, мой бедный романтичный сэр Макс!

— Какое там воображение, — вздохнул я. — Обычный сарказм дурно выспавшегося человека, только и всего... Нет, правда, зачем я вам так

срочно понадобился? Или вы полагаете, что я могу вылечить Магистра Нуфлина? Шарахнуть Смертным Шаром и рывкнуть: «А ну быстренько выздоравливай, старый негодник!» А что, можно попробовать...

— Не стоит, — сухо сказал Джуффин.

— Ну да, всегда подозревал, что вы не слишком дружны, — хмыкнул я.

— Не говори чушь, — отмахнулся шеф. — Дружны не дружны — какая, к Темным Магистрам, разница?! Как бы я ни относился к Нуфлину, но его смерть в данный момент представляется мне весьма досадным и несвоевременным событием. Так что если бы я полагал, будто ты способен его вылечить, мы бы уже ехали в Иафах. Но я заранее могу предсказать, что у тебя ничего не выйдет. Только, чего доброго, угробишь старика раньше времени...

— Почему это? — удивился я. — До сих пор из меня получался неплохой целитель. Во всяком случае, мои пациенты не жаловались!

— Попробовали бы они пожаловаться! — неожиданно рассмеялся Джуффин. И тут же снова насупился. — Дело в том, что никто не может помочь тому, чья сила превосходит его собственную. А вот навредить — это запросто, если повезет, конечно. Так уж все устроено, знаешь ли... Ну а Магистр Нуфлин — куда более могущественный колдун, чем ты, хотя в данный момент, конечно, для него и пальцем пошевелить — достижение... Тебе все ясно?

— Считайте, что да, — вздохнул я, хотя ни черта мне, конечно, не было ясно. — Доброго волшебника из меня, увы, не получилось. Карьера спасителя отечества и памятник в полный рост в холле главной резиденции Семилистника мне пока не светят. Тогда хоть камрой, что ли, угостите.

— Запросто! — просиял шеф. — Кимпа ее уже варит. В тазу, разумеется. Я предупредил его, что жду тебя в гости.

— Таз-то хоть большой? Или, как в прошлый раз, всего на дюжину литров? — невозмутимо осведомился я. Потом пригорюнился: — Не знаю, как вам, а мне грустно. По-моему, Магистр Нуфлин был вполне симпатичным дядей, что бы там о нем ни рассказывали...

— Прошедшее время не слишком уместно, — заметил шеф. — Нуфлин, хвала Магистрам, пока жив. А что касается твоих нежных чувств к умирающему старику, которого, объективно говоря, довольно трудно назвать «симпатичным дядей», — не могу с тобой согласиться, при всем моем к нему ува... м-да... Ну да ладно!

Я с трудом сохранял серьезность, наблюдая его внутреннюю борьбу. В конце концов Джуффин решил не сотрясать воздух упражнениями по

прикладному лицемерию и после небольшой заминки продолжил:

— Видишь ли, сэр Макс, тут дело не в его личных качествах. Просто ты ему всегда нравился, а у тебя есть одно забавное свойство: ты всем отвечаешь взаимностью. И посему абсолютно не разбираешься в людях. Все, кому ты нравишься, по твоему глубокому убеждению — милейшие люди, а прочие — злодеи, каких мало.

— Ну да, — авторитетно подтвердил я. — По-моему, отличный способ определить, кто есть кто. Сами подумайте: это какой же надо быть сволочью, чтобы меня не любить!

— Да уж, — фыркнул Джуффин, вручая мне кружку с горячей камрой, каковая, вопреки его зловещим посулам, все-таки была сварена и подана не в тазу, а в обыкновенном кувшине, размеры коего, впрочем, впечатляли.

Мы немного помолчали. Я терпеливо ждал, когда шеф соизволит наконец объяснить, зачем я ему понадобился. А он внимательно разглядывал некую загадочную точку в пространстве, аккурат над моим левым ухом, и не торопился приступать к делу.

— Ну и дельце тебе предстоит, сэр Макс! — наконец сказал Джуффин и снова задумчиво умолк.

— Так все-таки есть дельце? — заинтересовался я.

— Ну да, — вздохнул он. — Нуфлин решил, что ты — именно тот единственный и неповторимый парень, который доставит его в Харумбу, в целости и сохранности.

— Очень может быть, — я пожал плечами. — При условии, что он знает дорогу. Лично я понятия не имею, что это за Харумба такая и где она находится.

— Да, об этом я тебе еще не рассказывал, — кивнул Джуффин. — Дабы не шокировать. А теперь расскажу, даже если уши заткнешь. Харумба — это Страна Мертвых, Макс.

— Вы не очень обидитесь, если я не буду падать в обморок? — сухо спросил я. — Нашли чем меня шокировать! А кто вам мертвого Йонги Мелихаиса за ручку привел?

— Да погоди ты, — отмахнулся Джуффин. — И имей в виду: тебе не очень идет образ бывалого человека, стреляного воробья, или как там это называется... Милое идиотское выражение искреннего удивления украшает твою физиономию куда больше, уж поверь мне на слово! Хотя бы потому, что оно больше соответствует истинному положению дел. Когда я говорю о Стране Мертвых, я имею в виду именно настоящую страну, расположенную на континенте Уандук, а не всяческие неопишутельные уголки Вселенной, вроде того, откуда ты в свое время героически приволок нашего

горе-писателя.

— Подождите-ка! Страна Мертвых находится на Уандуке?! И это именно страна?! Они там что, живут, как нормальные живые люди? Может быть, у них еще и король имеется? Или, чего доброго, президент? И дипломатические миссии в столицах дружественных государств? Как это может быть, Джуффин? Я все-таки немного знаю, что такое смерть...

— Знаешь, — спокойно согласился он. — Но очень и очень немного, как ты сам справедливо заметил. Обычно смерть раз и навсегда отлучает человека от привычного бытия, тут ты прав, разумеется. Но «обычно» — не значит «всегда». Из любого правила есть исключения, так уж все устроено. Харумба — это место, где обитают эти самые исключения... Кстати, никакого короля в Харумбе нет. У них там, знаешь ли, своего рода демократия. Считается, что все равны перед лицом смерти. А особенно те, кому удалось от нее ускользнуть.

Он задумчиво умолк и уставился на меня тяжелым немигающим взглядом.

— Но... — начал было я.

— Не торопи меня, ладно? — мягко попросил Джуффин. — Я и так тебе все расскажу. Возможно, даже несколько больше, чем тебе хотелось бы услышать. Просто надо собраться с мыслями.

— Собирайтесь, — растерянно согласился я и потянулся за кувшином, чтобы подлить себе камры. Руки у меня дрожали — вот уж не знаю, с какой стати!

— Ох, нет ничего труднее, чем объяснять некоторые простые общеизвестные факты неوفиту вроде тебя, — наконец заключил Джуффин. — Ладно, все равно придется хотя бы попробовать. Итак, сэр Макс, в этом прекрасном Мире есть некоторое — не слишком большое, всего несколько сотен — количество счастливыхчиков, которым удалось победить смерть, по крайней мере, отчасти. Страна Мертвых Харумба была основана несколько тысячелетий назад коренными обитателями материка Уандук...

— То бишь эльфами, — кивнул я. — Или как их там по-научному?

— Кейифайи, — нетерпеливо подсказал Джуффин. — Как ты, надеюсь, и без меня знаешь, чистокровные эльфы живут столь долго, что их считают практически бессмертными. А вот их потомки от браков с людьми или крэйями редко живут подолгу. Некоторым эльфам присуще чувство родительской любви, и поскольку этим вечно юным беднягам то и дело доводилось одного за другим хоронить своих престарелых детей, они заключили, что следует попытаться как-то обмануть смерть. Продлить

жизнь своих потомков на сколь-нибудь серьезный срок уандукские чародеи так и не сумели. Зато им удалось создать условия, в которых любой мертвец может продолжать привычное существование. При этом его личность остается неизменной, а телесные ощущения и душевные порывы, которые испытывает умерший в Харумбе, в точности те же, что при жизни.

— То есть вообще никакой разницы? — деловито уточнил я.

— Ну, мне трудно об этом судить: пока сам не попробуешь, не узнаешь, — осторожно ответил шеф. — Но говорят, что никакой — словно бы и не умирал вовсе... Есть только одно неудобство, с которым приходится мириться: умерший не должен покидать пределы Страны Мертвых, поскольку смерть терпеливо караулит его на границе Харумбы. Рассказывают, впрочем, будто Харумба — славное местечко и вполне заслуживает того, чтобы провести там не одно тысячелетие.

— Но почему в таком случае там хоронят не всех? — изумленно спросил я. — По-моему...

— Да-да, — кивнул Джуффин. — Бедный, бедный сэр Макс, у меня для тебя плохие новости! Видишь ли, не так уж просто стать одним из обитателей Страны Мертвых. Еще неизвестно, что труднее: получить разрешение на переезд в Харумбу или улизнуть от смерти в иную Вселенную! Свободный вход открыт только прямым потомкам хранителей Харумбы — небольшого закрытого сообщества очень старых кейифайев. Замечу, что никому из них уже давно не приходила охота обзаводиться новыми наследниками взамен успокоившихся в чертогах Харумбы, да и внуки с правнуками редко появляются в этих странных семействах... У остальных людей тоже есть шанс попасть в Харумбу, но он, мягко говоря, невелик. Два основных условия — личные достоинства и огромные деньги. Да, и еще нужно быть достаточно удачливым, чтобы не умереть насильственной смертью, поскольку возродиться к жизни в пределах Харумбы может только тот, кто умер в ее пределах, под присмотром и, так сказать, руководством ее хранителей.

— Личные достоинства, говорите? И деньги?! — я был ошеломлен. — Ничего не понимаю! А деньги-то тут при чем?! Несложно смириться с тем, что бедняку не светит жизнь во дворце: хвала Магистрам, не в том счастье... Но шанс на бессмертие должен быть бесплатным, иначе свинство какое-то получается!

— Да, на первый взгляд требования хранителей Харумбы представляются весьма несправедливыми, — согласился Джуффин. — С другой стороны, справедливость как таковая вообще не является одним из непреложных законов Вселенной. Это понятие — всего лишь порождение

великой потаенной мечты всякого человека получить хоть какую-то награду за свои истинные и мнимые достоинства, не оцененные ближними... Впрочем, хранителей Харумбы можно понять: поскольку ребята дарят своим подопечным бессмертие, но не могут предоставить им полную свободу действий, они берут на себя обязательства содержать их в течение бесконечно долгого промежутка времени. И еще как содержать! Говорят, каждый обитатель Харумбы может устроиться с комфортом, какой не снился даже правящим монархам этого Мира, — если пожелает, конечно. Любителя простой жизни не станут принуждать купаться в роскоши. Но убежденных аскетов, знаешь ли, не так уж много, особенно после того как выясняется, что заботиться о здоровье во имя долголетия больше не нужно... Одним словом, меня не удивляет, что минимальная плата за вход в Харумбу составляет около миллиона наших корон.

Я присвистнул. Все-таки корона Соединенного Королевства — очень крупная денежная единица. Семья средних горожан без особых претензий может очень неплохо прожить на эти деньги несколько дней, не пользуясь при этом щедростью Его Величества Гурига Восьмого, который, продолжая семейную традицию, приказал владельцам столичных трактиров бесплатно кормить всех голодных, а счет за убытки выставлять его казне.

Мое жалование, правда, составляет около тысячи корон за дюжину дней, но тут следует иметь в виду, что я у нас какой — никакой, а все же заместитель Почтеннейшего Начальника этой уважаемой организации, его Ночное Лицо, как записано в официальных бумагах. Общеизвестно, что никому из государственных служащих в Соединенном Королевстве не платят столь щедро, как сотрудникам Тайного Сыска. Оно и понятно: если уж государство нуждается в постоянных услугах целой группы весьма могущественных колдунов, каждый из которых даже в одиночку вполне способен устроить согражданам новые Смутные Времена, пусть они будут настолько сытыми, насколько это возможно, — до икоты, до мучнистой отрыжки, до угрызений совести, в конце концов!

Но для того чтобы скопить целый миллион корон, даже мне потребовалась бы почти вечность, да еще и проведенная в режиме суровой экономии.

— М-да, пожалуй, бессмертие мне пока не по карману, — печально заключил я.

— Бессмертие по рецептам Харумбы тебе в любом случае не светит, как и прочим Вершителям, — с неуместной жизнерадостностью сообщил мой задушевный друг, сэр Джуффин Халли, злодей, каких мало. Посмотрел на мою разочарованную рожу и снисходительно добавил: — Не

расстраивайся, сэр Макс. С другой стороны, теперь у тебя появился дополнительный стимул оставаться в живых как можно дольше.

— Логично, — вздохнул я. — Впрочем, я никогда не жаловался на недостаток причин оставаться в живых. Ладно уж, Магистры с ним, с уютным уандукским бессмертием, которое мне не светит! Но все равно нечестно получается. У хороших людей редко бывает возможность скопить миллион корон — да какое там, даже пару тысяч: так уж они устроены! Это не значит, что все хорошие люди обречены на карьеру портовых нищих, но целый миллион корон... Готов спорить, его даже у вас нет!

— Да, — спокойно согласился шеф. — Можешь себе представить, мне до миллиона недостает нескольких дюжин корон, я как раз недавно проверял свои текущие счета в Канцелярии Больших Денег. Самое интересное, что этих нескольких дюжин корон мне уже лет сто недостает. Мистика какая-то, честное слово!

— Могу вам одолжить, — улыбнулся я. — Вот уж это точно не проблема! А вы в крак, небось, свой миллион выиграли? До выхода знаменитого Королевского Указа, который гласил, что господину Почтеннейшему Начальнику Малого Тайного Сыскного Войска навеки запрещается играть в карты в общественных местах во имя сохранения гражданского мира?

— Не весь, конечно, но какую-то часть, — с удовольствием подтвердил он. — Кроме того, не забывай: прежде чем стать господином Почтеннейшим Начальником, я довольно долго был самым высокооплачиваемым наемным убийцей в Соединенном Королевстве. Карманы у меня в то время были дырявые, но кое-что в складках все-таки застревало...

— Вот! — ехидно сказал я. — Теперь понятно, кто в состоянии заработать себе миллион на бессмертие в Харумбе: наемные убийцы и удачливые карточные шулеры. Ну и компания там собралась! Впрочем... А что, очень даже милая компания. Хотя мое чувство социальной справедливости по-прежнему бурно протестует против такого положения дел. Революцию, что ли, устроить? Под лозунгом: «Даешь бесплатный вход в Харумбу для мирового пролетариата!»

— Страсти какие! — снисходительно согласился Джуффин. — А что, действительно, организуй-ка восстание! А мы с Кофой будем его подавлять. Уж что-что, а это умеем... Главное, чтобы твой бунт обошелся без фатальных последствий: компания в Харумбе действительно собралась неплохая, грех такую портить. И знаешь почему? Потому что деньги — это почти обязательный, но далеко не единственный ключ от входа в Страну

Мертвых. Ты уже забыл: в качестве решающего фактора я сперва назвал личные достоинства кандидатов и только потом упомянул размер вступительного взноса в этот самый дорогой из элитарных клубов. Чтобы окончательно закрыть вопрос о деньгах, замечу, что, по моим сведениям, примерно три дюжины нынешних обитателей Харумбы были допущены туда без платы за вход. С них не взяли ни гроша. Эти господа поселились в Харумбе по специальному приглашению ее старожилов.

— Небось, какие-нибудь знаменитости? — неодобрительно спросил я.

— Ну, не сказал бы, что такие уж знаменитости. Во всяком случае, не все. Просто очень хорошие, вернее, в высшей степени приятные люди. Знаешь, из тех ребят, которые сразу же становятся душой общества в любой компании — неважно, попадут ли они к Королевскому двору или окажутся среди портовых нищих. Это врожденный дар. Встречаются ведь гениальные поэты или скульпторы: их даже учить ничему не надо, они от рождения способны творить чарующие вещи, для них это так же естественно, как для тебя клевать носом после бессонной ночи. Ну а иногда случается, что человек наделен даром создавать вокруг себя совершенно особую атмосферу счастливой легкости. Для этого вовсе не обязательно обладать острым умом, чувством юмора или даже природной добротой. Просто надо быть теплым, как этот нелепый древний камин в твоей большой гостиной...

— К которому все невольно придвигаются поближе зимним вечером, даже любители покритиковать его старомодный дизайн, вроде вас, — с невольной улыбкой закончил я. — Да, встречаются такие ребята. Жаль только, что редко.

— Да, пожалуй, действительно не так часто, как хотелось бы, — рассеянно подтвердил Джуффин. — Вот для таких людей вход в Харумбу открыт, можно сказать, настежь. Достаточно изъявить желание. Впрочем, парочка особо популярных знаменитостей в Страну Мертвых тоже просочилась — по многочисленным просьбам тамошних обитателей: они ведь интересуются делами живых, совсем как провинциалы событиями в столице. Что же касается богачей, готовых уплатить вступительный взнос, им рекомендуется заявить о своем желании умереть в Харумбе заранее. Хранители Харумбы тщательно собирают подробные сведения о кандидате, а потом предоставляют эту информацию своим питомцам. И жители Страны Мертвых сами решают, хотят они заполучить такого соседа или нет. Они, знаешь ли, весьма переборчивы. Когда впереди уютная вечность, заполненная исключительно маленькими радостями бытия, любые перемены, в том числе и новые знакомства, начинают казаться не слишком

привлекательными... У Магистра Нуфлина было не слишком много шансов получить приглашение в Харумбу: он, мягко говоря, не обладает даром привлекать к себе любовь окружающих. Но ему здорово повезло: многие обитатели Страны Мертвых все еще любопытны, а Нуфлин является счастливым обладателем рекордного количества самых невероятных секретов, каковые с удовольствием разгласит после смерти — почему бы и нет? Так что его появление в Харумбе сродни покупке какой-нибудь тысячетомной энциклопедии «Тайны, чудеса и легенды Мира» для тамошней библиотеки. Но подобная энциклопедия вряд ли когда-нибудь будет написана, а Магистр Нуфлин — вот он, еще тепленький, сам в гости просится! К тому же Нуфлин будет первым настоящим магом, изъявившим желание поселиться в Харумбе. Обычно наш брат или умирает насильственной смертью, или всю жизнь ищет свой собственный способ с нею договориться. Некоторые даже находят — если очень повезет. Но Орден Семилистника, при всем его внешнем могуществе, так и не сумел набрести на узкую тропинку, уводящую в сторону от смерти. А Нуфлин однажды понял, что уже стар и при всем желании не сможет обратиться к иной традиции: для этого ему не хватило бы ни времени, ни сил... Одним словом, старик своевременно обратился к хранителям Харумбы и еще несколько лет назад получил официальное приглашение. Ему предложили уплатить пять миллионов корон — не то доплата за тяжелый характер, не то ребята просто решили, будто Нуфлин настолько богат, что с него следует брать как можно больше, — и приезжать в любое удобное для него время. Деньги у старика действительно есть. Вернее, у Ордена Семилистника, который после похорон своего Великого Магистра станет, надо полагать, самой нищей шарашкиной конторой в Соединенном Королевстве. Но это их внутренние проблемы, нас они не касаются. У нас с тобой есть только одна настоящая проблема: прокатить Нуфлина до Харумбы.

— Тоже мне проблема! — фыркнул я. — Его-то перевезти — раз плюнуть, но вот деньги... Джуффин, объясните мне, каким образом можно доставить на Уандук пять миллионов корон?! Я даже не решаюсь предположить, сколько весят такие деньжищи.

— Ну, для подобных операций, хвала Магистрам, существуют именные чеки, Вековечный Банк при Управлении Больших Денег и специальная Невидимая Флотилия, каковая специализируется исключительно на перевозке ценностей. В ее составе служат уроженцы островов Укумбийского моря, причем только члены семей, посвященных в древние обряды Морской Охоты — единственная надежная гарантия, что их суда никогда не будут ограблены пиратами. В общем, в Харумбе от

Нуфлина не требуют ничего, кроме чека...

— А значит, и беспокоиться не о чем! — оптимистически заключил я.

— Ты даже представить себе не можешь, какое количество поводов для беспокойства остается в нашем распоряжении. Во-первых, Нуфлина подвела его обычная прижимистость: он откладывал отъезд в Харумбу, как скупые люди откладывают любую дорогую покупку. Ждал неизвестно чего...

— Ждал, пока припечет по-настоящему, — сочувственно кивнул я. — Могу его понять: просто невозможно заставить себя сделать некоторые вещи, пока тебя не припрут к стенке! В первую очередь это касается визитов к врачу, а ведь поездка в Харумбу чем-то сродни посещению знахаря, верно?

— Ну, в каком-то смысле, — хмыкнул шеф. — Тебе-то еще простительно подобное легкомыслие: по молодости да по глупости многое сходит с рук. А вот Нуфлин мог бы быть хоть немного рассудительнее! А он тянул с отъездом до тех пор, пока смерть лично не заявила на порог его спальни. Теперь у него нет сил не то что добраться до Уандука — он с постели-то с трудом встает! И времени осталось совсем мало. Существуют, конечно, всякие снадобья, способные немного продлить его век, но они не всесильны. Старик проживет еще дюжину дней... ну, может быть, две, если очень повезет. А попасть к хранителям Харумбы он непременно должен живым: воскрешать тех, кто умер своей смертью, даже там не умеют.

— Дюжина дней, говорите? — задумчиво повторил я. — Что ж, это вполне возможно. Когда мы с Кофой возвращались из Уандука на пузыре Буурахри, у нас ушло даже меньше времени. Вы же знаете, мы установили там магический кристалл, как на амобилере...

— Ну да, и твоя знаменитая любовь к спешке оказалась весьма кстати, — согласился Джуффин. — Поэтому, собственно говоря, Магистру Нуфлину и требуется твоя помощь.

— Но разве нельзя отправиться на Уандук Темным Путем? — нерешительно спросил я. — Это же еще быстрее: раз — и все!

— Быстрее-то быстрее, — вздохнул шеф. — Проблема в том, что сам Нуфлин теперь беспомощен как младенец, а чужое колдовство убьет его наповал — почти наверняка! Во всяком случае, старик предпочитает не рисковать, и он совершенно прав. Так что у него теперь одна надежда: на тебя и чрезвычайно полезное шило в твоей заднице... Ох, если бы проблема была только в этом!

— А что, есть еще и другие проблемы?

— А как же, есть. Ты, наверное, догадываешься, что за свою долгую

жизнь Магистр Нуфлин успел нажить немало смертельных врагов. Но я уверен, у тебя не хватит познаний в арифметике, чтобы вообразить себе их число!

— Небось можно заселить пустой город? — в тон ему откликнулся я.

— Скорее уж, обезлюдевшее государство, — шеф пожал плечами. — И знаешь, этих людей можно понять! Скажу больше: я не стану осуждать того, кто использует последний шанс отомстить Нуфлину и помешает старику добрался до Харумбы, где его ждет весьма приятная, как говорят, разновидность бессмертия. Но в мои обязанности входит сделать все, чтобы наш Великий Магистр прибыл в Харумбу живым и, желательно, неповрежденным. Видишь ли, если Нуфлин лишится, к примеру, руки или ноги, хранители Страны Мертвых не смогут его исцелить, и бедняге придется влачить свое увечье сквозь грядущие тысячелетия.

— Ужас какой! — искренне сказал я. — А если бы у него, к примеру, были мигрени? Или больные зубы?

— Ну уж нет, от всяких простеньких недомоганий и старческих хворей обитатели Харумбы, хвала Магистрам, избавлены, — заверил меня Джуффин.

— Уже легче! — фыркнул я. — Вечность, заполненная всеми заработанными при жизни болячками, не самая приятная штука... Ладно, я уже понял, что доставить Магистра Нуфлина в Харумбу — не совсем то же самое, что отвезти красивую девушку на загородный пикник.

— Рад, что ты это понял, — флегматично откликнулся шеф. — Поскольку отправиться на этот, с позволения сказать, пикник предстоит именно тебе. Причем одному, без помощников.

— Одному?! Джуффин, а вы не перегибаете палку? Ну, положим, мое присутствие на летающем пузыре Буурахри действительно заставит его лететь гораздо быстрее, чем это обычно происходит. Но неужели вы считаете, будто я — такой великий герой, что способен одной левой справиться с многочисленными врагами Магистра Нуфлина?

— Ну что ты, Макс, — мягко возразил Джуффин. — Разумеется, я так не считаю. Гладиатор из тебя никудышный, по крайней мере пока. Будь моя воля, я бы тебя и близко не подпустил к этой дрянной истории. Беда в том, что Великий Магистр Нуфлин Мони Мах искренне полагает, что ты — тот самый единственный и неповторимый парень, который в целости и сохранности доставит к воротам Страны Мертвых его тело, в последнее время ставшее до неприличия бранным. Ну, если принять во внимание тот факт, что старик всегда был великолепным провидцем... Что ж, все может быть! В конце концов, ты у нас везучий.

— Ага, — угрюмо подтвердил я. — Только удача у меня... как бы это сказать... Несколько своеобразная, вы не находите?

— Это правда, — согласился шеф. — Но если ты думаешь, что я не пробовал переубедить Нуфлина, ты глубоко заблуждаешься. Я пытался. Скажу тебе больше: на этой почве мы даже поскандалили. Весьма бурно и, скорее всего, в последний раз. Больше просто не успеем. Я, знаешь ли, весьма настойчиво предлагал ему свою драгоценную персону в качестве охранника. И могу поклясться: столь благих намерений у меня еще никогда в жизни не было! Я лично знаком со всеми заклятыми врагами Нуфлина. С некоторыми был дружен, а кое-кто до сих пор мечтает впиться зубами в мою глотку — обычная история... По крайней мере, я совершенно уверен, что способен справиться с каждым из этих ребят, а многих мог бы просто вразумить, не доводя дело до драки, о чем и сообщил Нуфлину.

— А он что, сомневается в ваших способностях? — сварливо спросил я. — Этот бедняга искренне полагает, что я круче? Плохи же его дела...

— Да не то чтобы, — поморщился Джуффин. — Просто он мне не доверяет. Считает, что все эти годы я вынашивал план страшной мести. Порой его осторожность и предусмотрительность граничат с глупостью... Ох, Макс, старик совершенно не разбирается в людях, вот что я тебе скажу! Ну, то есть разбирается, конечно, но не во всех. Грешные Магистры, Нуфлин вряд ли дожил бы до сегодняшнего дня, если бы я... Но за что я должен ему мстить?! За то, что в начале Смутных Времен старик никак не мог решить, что лучше: убить меня или переманить на свою сторону? Какие пустяки! Я и сам некоторое время раздумывал: а не расправиться ли с ним при случае? Если уж быть до конца откровенным, мои колебания продолжались чуть ли не до последнего дня битвы за Кодекс — и что с того?! Война есть война, но мы оба, хвала Магистрам, остались живы. Какие тут могут быть счеты?

— А Лонли-Локли он что, тоже не доверяет? — упавшим голосом спросил я. — Из нас двоих могло бы получиться вполне сносное сопровождение. Я бы мог подгонять летающий пузырь и поплевывать ядом на тех злодеев, которых не успел испепелить сэр Шурф.

— Да, — согласился Джуффин. — Можешь себя представить, я тоже предложил Нуфлину такой вариант. Угробил чуть ли не час жизни на бездарные, увы, попытки объяснить ему, что тебе потребуется надежное подкрепление. А уж человека надежнее сэра Лонли-Локли попросту не существует в природе. Но Нуфлин упрям как...

— Как осел, да? — горестно подсказал я.

— Я смутно представляю себе, что такое осел, но надеюсь, ты

добросовестно подобрал для сравнения самую упрямую скотину во Вселенной, — шеф с досадой пожал плечами и умолк.

— И что, выходит, мне предстоит в одиночку отбиваться от оравы разъяренных могущественных колдунов? — упавшим голосом спросил я. — Ну-ну... Ладно, если Магистр Нуфлин настаивает, можно попробовать, но боюсь, старик не представляет себе, сколь ничтожны его шансы благополучно добраться до побережья Уандука! И мои, кстати, тоже. Разве что повезет, и меня оставят в живых в качестве экспоната какой-нибудь частной коллекции трофеев. Надеюсь, я буду неплохо смотреться за стеклом витрины.

— Нуфлин почему-то совершенно уверен, что путешествие завершится благополучно, если сопровождать его будешь именно ты, — проворчал Джуффин. — Его доверие к тебе воистину безгранично! Умеешь ты, сэр Макс, пыль в глаза пускать, вот что я тебе скажу... Ладно, выше нос, на самом деле не так уж все и страшно. Во-первых, большинство противников Нуфлина ни на что толком не годятся без милой их сердцу угуландской Очевидной магии, каковая почти не работает на таком расстоянии от Сердца Мира. Во-вторых, я искренне надеюсь, что о вашем путешествии никто не пронюхает. Конечно, почти все эти ребята ясновидцы, и им нет нужды читать свежие газеты, чтобы узнать о ближайших планах нашего сияющего Магистра Нуфлина... Но и я, хвала Магистрам, не три дня назад колдовать научился. Да и помощники у меня будут превосходные. Вернее, помощницы. Поворожим вместе с Сотофой и ее девочками, напустим туману, так что самые выдающиеся пророки Мира будут в течение ближайшей дюжины дней давать неверные прогнозы по всем вопросам без исключения. Может быть, все обойдется, и единственной настоящей проблемой в предстоящем путешествии для тебя станет смертная скука.

Это его выступление мне, чего скрывать, очень даже понравилось. Хотел бы я только, чтобы тон шефа был хоть немного увереннее...

— Ехать-то когда надо? — спросил я.

Печальный опыт совместной работы с сэром Джуффином Халли научил меня, что на такой вопрос существуют два ответа: «Прямо сейчас» и «Вообще-то, надо было еще вчера, но...»

Но на фоне моих мрачных прогнозов ответ шефа прозвучал весьма оптимистически:

— Сегодня ночью. Под покровом темноты — ха, а как ты думал?! Да, и имей в виду, Макс, об истинной цели твоей поездки не должен знать никто. Вообще никто. Думаю, ты сам понимаешь, что это требование

продиктовано не моим нездоровым пристрастием к секретам, а исключительно необходимостью. Разумеется, я знаю, что среди близких тебе людей нет болтунов, но поскольку нам предстоит обвести вокруг носа не городских сплетников, а могущественных колдунов прекрасной эпохи...

— Да понимаю я, понимаю... Но имейте в виду: интуиция нашей леди Меламори — это нечто. Она ловит меня на вранье примерно за полчаса до того, как я начинаю искажать факты.

— Да пусть себе ловит, — пожал плечами Джуффин. — На здоровье! Лишь бы правды не знала. Скажи ей: если очень рассердится, может отвесить тебе пару-тройку оплеух, я разрешаю... Официальная версия такова: ты срочно улетаешь в Куманский Халифат по личной просьбе тамошнего правителя Нубуйлибуни — как бишь его?..

— Нубуйлибуни цуан Афия, — подсказал я.

Забывчивость Джуффина изрядно меня обескуражила. До сих пор он никогда не путался в именах, даже самых заковыристых. Это как же надо было заморочить голову человеку, чтобы из его памяти вылетело имя куманского халифа!

— Ну да, ну да, — рассеянно согласился Джуффин. — Согласно нашей официальной версии, при Куманском дворе стряслось нечто из ряда вон выходящее. А поскольку у халифа остались чрезвычайно приятные впечатления от твоего прошлого визита, он попросил Его Величество Гурига, бла-бла-бла... Дальше и сам можешь досочинить.

— Могу. Дурное дело нехитрое... А сам цуан Афия, в случае чего, подтвердит эту информацию?

— Разумеется не подтвердит, — шеф пожал плечами. — Но и не опровергнет. Он попросту проигнорирует всякий вопрос, исходящий от кого бы то ни было, за исключением разве что нашего общего приятеля Гурига: некоторые владыки, знаешь ли, предпочитают общаться исключительно с равными... Но и своему коллеге ответит не раньше, чем через полгода, поскольку торопливость не считается достоинством, приличествующим правителям Куманского Халифата.

— Тоже верно.

Я невольно улыбнулся, вспомнив порядки Куманского двора, от которых и сам пострадал немало: чуть ли не две дюжины дней дожидался аудиенции у халифа. А ведь дело у меня было не просто срочное, а безотлагательное.

— В общем, так, — устало вздохнул Джуффин. — До заката можешь резвиться. Заодно и нашу официальную версию раструбишь на всех углах. И постарайся врать как можно убедительнее, я тебя умоляю!

— Ладно, буду врать, — пообещал я. И после небольшой, но напряженной паузы спросил: — Думаете, я серьезно влип?

— Как всегда, — ехидно отвечал шеф.

— Какая прелесть! — буркнул я, уже с порога.

Впрочем, не такой уж скверной казалась мне жизнь, когда я покидал дом сэра Джуффина. Во-первых, на пороге топтался мой старинный приятель по имени Хуф. Я бережно взял собачку на руки, чтобы подарить этому мохнатому малышу счастливую возможность облизать мой нос — до сих пор не могу понять, что такого особенного он находит в столь заурядном предмете! Во-вторых, солнечные зайчики по-прежнему жизнерадостно плясали на серебристой поверхности Хурона, не заботясь о безопасности многочисленных возниц, вынужденных пересекать мосты почти вслепую. И, в-третьих, пьянящий ветер дальних странствий уже кружил мою бедную глупую голову. Не могу сказать, что перевозка умирающих стариков на летающем пузыре Буурахри сквозь плотно сомкнутые ряды их старинных врагов — мое любимое занятие, но я очень люблю жизнь во всех ее проявлениях — при условии, что эти самые проявления отличаются некоторым разнообразием.

Одним словом, я был вынужден с некоторым удивлением признать, что настроен скорее оптимистически. Довольно странно, если учесть, что сам сэр Джуффин Халли не был уверен в благополучном исходе моей похоронной миссии.

Настроение стало еще лучезарнее, когда я обнаружил, что владелец крошечного трактирчика, приютившегося в конце Гребня Ехо, выставил несколько столиков на свежий воздух — явление само по себе ничем не примечательное, если бы за одним из столиков не сидела леди Меламори. Ее яркое полосатое лоохи трепетало на ветру, как флаг неведомой державы. Любовь всей моей жизни наворачивала мороженое с энтузиазмом оголодавшего за зиму медведя-шатуна. Она еще и перемазаться умудрилась, совсем как наш пернатый умник Куруш, который, в отличие от нее, не имеет решительно никакой возможности пользоваться салфетками.

Меня она упорно отказывалась замечать, пока я не уселся напротив. Справедливости ради следует отметить, что появление моей физиономии в полуметре от ее носа заставило Меламори на мгновение оторваться от мороженого.

— Здорово! — искренне обрадовалась она. — А я как раз тебя выслеживаю. До меня доползли слухи, что ты сидишь дома у нашего шефа: Кофа собственными глазами видел, как твой амобилер пересекал мост. Я

предположила, что рано или поздно тебе придется покинуть сие убежище. И вот, как видишь, сижу, караулю...

— Гениально! — вздохнул я. — Собирать информацию ты действительно умеешь. А вот сидеть в засаде — не очень-то.

— Что, скажешь, я плохо сижу? — возмутилась она. — По-моему, так просто отлично!

— Никаких возражений, — моя улыбка помимо воли уползала куда-то за священные границы, в пределах которых, по мнению матушки природы, должна была простираться моя рожа. — Сидишь ты великолепно. И развлечение нашла достойное. Но вот меня ты не заметила. Скажу больше: даже если бы я не ехал по этому мосту в амобилере, а скакал по его перилам в чем мать родила, распевая народные песни жителей границ, ты бы вряд ли оторвалась от мороженого!

— Не преувеличивай, — строго возразила Меламори. — Ну, если бы ты просто скакал голышом, я бы, пожалуй, действительно могла пропустить это замечательное событие. Но если бы ты при этом еще и пел, мне бы кусок в горло не полез... А вообще-то, я решила, что в таком наряде ты и сам меня заметишь. И, как видишь, оказалась права. Так что я очень хорошо сижу в засаде, просто отлично сижу, и попрошу без грязных инсинуаций!

— Инсинуации были, признаю, — покаялся я. — Но не грязные. Я их мыл перед употреблением, честное слово.

— Ну извини, — снисходительно согласилась она. — Ежели мыл, тогда никаких претензий. В знак примирения могу угостить тебя мороженым... только не вздумай тянуть лапы к моему, обжора! Лучше уж я закажу еще одну порцию.

— Это кто еще обжора, — хмыкнул я. — Ладно, заказывай. Мороженого, камры и вообще всего, что душа пожелает. Будем кутить напоследок.

— Ты что, умирать собрался? — хладнокровно поинтересовалась Меламори. — Я бы тебе не советовала. Жизнь, знаешь ли, прекрасна и удивительна.

— Не умирать, а уезжать, — вздохнул я. — И теперь начинаю понимать, что это ужасно. Я уеду на этот грешный Уандук, а ты останешься здесь, и некому будет вытереть твой замечательный ротик, когда ты в очередной раз дорвешься до мороженого, — вот так!

Я наконец сделал то, чего мне хотелось с самого начала: использовал белоснежную салфетку по назначению и привел изумительное личико Меламори в полное соответствие с собственными консервативными

представлениями об элементарных требованиях гигиены.

— А я измазалась? — смутилась она. — С ума сойти: в детстве не понимала, как людям удастся есть мороженое и оставаться чистыми, и до сих пор не понимаю... С другой стороны, если ты все равно уедешь, какая разница: утираться или не утираться? По-моему, ты единственный человек во Вселенной, которого всерьез заботит этот вопрос. Правда, есть еще мама, но с нею я вижусь так редко, что она не в счет... Ой, подожди, а ты что, действительно уезжаешь? Надолго?

— Не знаю еще, — я пожал плечами.

— А что ты забыл на Уандуке? — строго спросила она.

— Могу соврать, могу промолчать. Выбирай, что тебе больше нравится.

— Понятно, — вздохнула Меламори. — Расспрашивать бессмысленно, да? Ну тогда хоть соври, чтобы я была в курсе официальной версии.

Я послушно пересказал ей очередной шедевр сэра Джуффина Халли, который уже давно снискал себе славу если не самого талантливого, то, безусловно, самого плодовитого автора в жанре художественной фальсификации. Господа журналисты могут «откусить», как любил говаривать мой старинный приятель Андэ Пу, великий поэт, а ныне гражданин далекого южного Ташера.

— Что ж, звучит вполне достоверно, — снисходительно согласилась Меламори. Потом загрустила — минуты на полторы, никак не меньше. Наконец бодро тряхнула отросшей челкой и снова принялась за мороженое.

— Макс, я давно хотела спросить: а ты очень ревнивый? — деловито осведомилась она с набитым ртом.

— Очень. С трудом удерживаюсь от желания запереть тебя в подвале на все время своего отсутствия. Впрочем, этот злодей Джуффин все равно быстренько тебя разыщет и выпустит. Не по доброте душевной, а чтобы на службу ходила... Мой тебе совет: больше никогда не задавай подобных вопросов глупым мужчинам, особенно накануне их отъезда. Это травмирует нашу нежную психику.

Меламори звонко расхохоталась.

— Ты решил, что я подыскала тебе подходящего заместителя? Ты гений, Макс, я бы ни за что не додумалась! Но вообще-то я имела в виду не себя, а Друппи. Собиралась узнать, будешь ли ты возражать, если я заберу к себе твою собаку? Пусть поживет у меня, пока ты проводишь ревизию многочисленных гаремов его Величества Нубуйлибуни цуан Афии. Я с ним буду гулять. По крайней мере, я вполне способна удержать его на поводке — в отличие от некоторых!

— Не преуменьшай мое могущество, и без того весьма сомнительное, — рассмеялся я. — А вообще это замечательная идея. Единственный известный мне способ не разбить его большое нежное сердце. Он тебя очень любит.

— Еще как! — подтвердила Меламори. — Знаешь что? — деловито спросила она, добывая мою порцию мороженого. — По-моему, нам с тобой просто необходимо прогуляться по городу. Без всяких там катаний на амобилере, скорбных поцелуев на прощание и потоков джубатынской пьяни, чтобы залить горе.

— Отличная идея, — улыбнулся я. — Хотя от пары-тройки поцелуев на прощание я бы не отказался. Со своей стороны обещаю, что скорбными они не будут.

— Договорились, — кивнула она. — Но ведь у тебя, наверное, куча дел перед отъездом?

— Наверное, — равнодушно согласился я. — И единственный разумный поступок, который я могу совершить в данной ситуации, — это послать их подальше. Прогулка с тобой — единственное и неповторимое дело, которое я просто обязан довести до конца. Имей в виду, под «концом» я разумею именно прощальные поцелуи. Все остальное — к Темным Магистрам!

— Здорово! — резюмировала она и торжественно отставила в сторону обе опустевшие вазочки.

В ее темно-серых глазах плясали мои старые приятели солнечные зайчики. На сей раз они явились с официальным предупреждением, что нам с Меламори предстоит не слишком долгий, но чертовски хороший весенний день.

«Грешные Магистры! — подумал я. — Человек просто не может быть таким счастливым, это противно нашей природе. Наверное, я все-таки сумасшедший».

Определившись с диагнозом, я расслабился. Великодушно позволил себе и дальше пребывать в этом замечательном настроении.

* * *

Настроение мое переменилось только перед самым закатом, когда выяснилось, что мне все-таки пора пулей лететь на другое свидание — в Иафах.

Меламори, впрочем, выглядела вполне довольной. Сидела на краю

моей постели и с удовольствием планировала их с Друппи счастливую будущность. Одна прогулка — утром, после завтрака, вторая — в обед, если удастся удрать со службы. И, конечно, вечером: продолжительное путешествие по городу, пара-тройка дружеских визитов, полуночные посиделки в саду Лонли-Локли в обществе говорящего пса Дримарондо, одного из крупнейших любителей и знатоков древней угуландской поэзии. Слушая ее, я понял, что до сих пор совершенно не умел наслаждаться жизнью. Вот как, оказывается, надо!

— Не перегни палку, — попросил я, впопыхах запихивая в дорожную сумку какие-то бессмысленные предметы. — Складывается впечатление, что ты всю жизнь мечтала сплавить меня как можно дальше. Я рад, конечно, что ты не грустишь из-за моего отъезда... Ох, рад-то я рад, но мне обидно!

— Вот уж чего я точно не собираюсь делать, так это грустить из-за твоего отъезда, — неожиданно серьезно сказала она. — Ни за что! Слишком мелочное чувство. Не хочу его испытывать.

— Ты такая же сумасшедшая, как я сам, — удовлетворенно констатировал я. — Впрочем, нет. Ты гораздо хуже. Любой сведущий знахарь из Приюта Безумных был бы в ужасе, но мне нравится. Сумасшедшая птица, прилетевшая с Арвароха и ловко прикинувшаяся женщиной, вот ты кто!

— Любая женщина — сумасшедшая птица, — Меламори оставалась серьезной. — Любая, запомни это, сэр Макс! Проблема в том, что большинство женщин не стремится научиться летать. Им лишь бы вить гнезда. Просто беда с нами!

— Отличная метафора, — одобрительно промычал я, пытаюсь затянуть ремень на дорожной сумке.

— Никакая это не метафора. Констатация факта, — вздохнула Меламори. — Мне-то повезло: я от рождения испытываю отвращение к витью гнезд... и именно поэтому — заметь! — решительно отказываюсь грустить по поводу твоего отъезда.

— А я решительно отказываюсь жить в мире, где нет тебя, — заключил я.

Еще минут пять я топтался на пороге. Наконец нашел в себе силы развернуться и уйти. Решил, что Великий Магистр Ордена Семилистника вряд ли должен расплачиваться жизнью за мою персональную слабость к затянутым прощальным сценам.

Джуффин ждал меня в Доме у Моста, так что я решил пройтись

пешком, даром что ноги все еще гудели после многочасовых блужданий в обществе неугомонной Меламори. Когда дело доходит до пешей ходьбы, ее темперамент становится совсем уж невыносимым. Как я вообще ее в дом заманил — диву даюсь!..

Теплый ветер донес до меня слабый аромат цветущих садов Левобережья; оранжевые и голубые огоньки один за другим загорались в окнах домов; звуки музыки выплескивались из распахнутых настежь дверей трактиров, которых в этой части Старого Города чуть ли не больше, чем жителей.

Я люблю Ехо почти так же сильно, как саму жизнь, и совершенно уверен, что у этого дивного города попросту не бывает плохих дней. Его мозаичные мостовые прекрасны всегда, в любую погоду, вне зависимости от моего дурацкого настроения. Они были восхитительны за много столетий до того дня, когда мои глаза впервые сощурились от сияния здешних фонарей; их красота будет кружить романтические головы и после того, как я отправлюсь на свою самую последнюю прогулку. И все же сегодня город был как-то особенно неотразим. Густая синева долгих сумерек, приправленная ароматами дыма, меда и мяты, ластилась ко мне, как огромная невидимая кошка, пока я неторопливо шагал в направлении улицы Медных Горшков, — маленькое, неброское, но совершенно необъяснимое чудо, предназначенное, кажется, для меня одного.

* * *

— Ах ты предатель! — ласково сказал мне сэр Кофа Йох, которого я поначалу не заметил.

Дело не в том, что в коридорах Управления Полного Порядка вечно царит полумрак, просто Кофа уже экипировался для очередного рейда по городским трактирам: закутался в свой знаменитый укумбийский плащ, который способен превратить в невидимку даже такого солидного пожилого джентльмена, как наш Мастер Слышащий.

— Почему предатель? — опешил я.

— Ну как почему? Едешь на Уандук, прямехонько в объятия гостеприимного цуан Афии — и без меня! Неслыханное вероломство.

— Без вас — это ладно, он туда еще и без меня едет, гад такой! — сварливо сказал Мелифаро. Он выглянул из своего кабинета, заинтригованный звучанием наших голосов, и взирал на меня с таким упреком, словно я только что силой отнял несколько центнеров конфет у

оравы голодных сирот.

— Моему адвокату дадут слово, или меня сразу расстреляют? — осведомился я.

— А что такого интересного может сообщить твой адвокат? — полюбопытствовал Кофа. — Кстати, давно хотел спросить: что это за нелепая профессия?

— Адвокат — это такой специальный человек, который помогает влипшим в неприятности идиотам выкручиваться и оправдываться. Почему-то считается, будто сами они слова в свою защиту сказать не способны, — тоном знатока объяснил ему Мелифаро, большой любитель криминального кино моей исторической родины. — Но наш сэр Макс сам себе адвокат, одно удовольствие его слушать! Сейчас небось будет молоть какую-нибудь чушь о трудном детстве.

— Не дождетесь! — фыркнул я. — Хотя детство у меня действительно было то еще... Но по сравнению с предстоящей мне тоскливой поездкой в Куманский Халифат, без вас обоих — единственных существ, которые могли бы хоть как-то скрасить мое убогое существование, детство представляется мне не самой мрачной страницей биографии! Поэтому стреляйте, господа, мне терять нечего.

— Разжалобил, сволочь! — огорчился Мелифаро. И доверительно сообщил Кофе: — А я уж было морду ему бить собрался...

— Ни в коем случае. Теперь нам придется покупать ему пирожные, — тоном опытного врача, выписывающего рецепт, сказал Кофа. — А то как бы руки на себя не наложил. Макс умный мальчик и понимает, что без меня в Куманском Халифате делать совершенно нечего...

— Нет, он наконец-то осознал, что это без меня там нечего делать, — гордо возразил Мелифаро. — По крайней мере такому зануде, как он. Я — единственный, кто мог бы его как следует напоить, а потом, возможно, и вытащить на увлекательную экскурсию по чужим гаремам. Но теперь... Чем он будет заниматься на досуге? Газеты читать?

— Хваленые куманские гаремы — ничто по сравнению с их кухней, — снисходительно отметил Кофа. Я в свое время как следует распробовал и то и другое, и могу тебя заверить...

Пока они препирались, я тихонько проскользнул в пустующий Зал Общей Работы, а оттуда — в кабинет шефа. Будь моя воля, я бы болтал с коллегами до наступления следующего утра, тем паче, что они как раз изготавились меня утешать, но время, увы, поджимало.

— Наконец-то! — с явным облегчением сказал Джуффин. — Я уж

собирался посылать тебе зов. Только никак не мог подобрать достойные ругательства, способные внушить тебе некоторое уважение к начальству, а сэра Шурфа с его знаменитым конспектом рядом не оказалось. Он ушел пораньше, чтобы сопровождать свою собаку в Королевский Университет. Кстати, любопытно, этот пес все еще слушает лекции или уже ведет собственный спецкурс? Не знаешь? Ладно, пошли.

Не откладывая дело в долгий ящик, Джуффин стремительно покинул кресло и начал медленно погружаться в каменную стену.

Я судорожно сглотнул: сколько раз мне доводилось принимать участие в подобных мероприятиях, но к некоторым вещам просто невозможно привыкнуть! Зажмурился и героически ломанулся следом за шефом. Пережил несколько не самых приятных секунд — с некоторых пор я чертовски боюсь застрять в стене! — а потом с облегчением обнаружил себя в уютной темноте одного из многочисленных подземных переходов, соединяющих Дом у Моста с Иафахом, главной резиденцией Ордена Семилистника, благостного и единственного, если пользоваться казенной формулировкой, обязательной для употребления в официальных документах.

— Я решил немного сократить путь, чтобы избавить тебя от продолжения дискуссии о гаремах Куманского Халифата, — объяснил Джуффин, с ангельским злорадством разглядывая мою перекошенную рожу.

— Жизнь мою вы решили немного сократить, — проворчал я, к его неопишуемому удовольствию.

— Ты дела-то уладил перед отъездом, герой? — лукаво спросил шеф, пока мы брели по темному коридору.

— Нет, — честно ответил я. — Понял, что на все дела у меня не хватит времени, и сосредоточился на главном.

Признаться, я думал, что сейчас мне заслуженно намылят голову. По идее, я должен был не предаваться романтическим прогулкам с любимой девушкой, а подыскать себе более полезное занятие. К примеру, передать сэру Шурфу толстенную стопку самопишущих табличек с отчетами из провинциальных отделений Тайного Сыска, каковые я тщился привести в порядок в течение последних дней. Работал с упорством тупого, но трудолюбивого первокурсника, корпящего над первым в жизни рефератом. Торжественный акт передачи следовало сопровождать краткой, но внятной лекцией о своих достижениях на этом поприще, дабы сэр Шурф мог продолжить и благополучно завершить мой скорбный труд. Кроме того,

мне полагалось ввести Мелифаро в курс нескольких мелких дел, расследование коих почему-то входило в сферу моей компетенции; вызвать Нумминориха из внеочередного отпуска, каковой он получил исключительно по причине моей личной симпатии к его семейству; вручить очередную коробку «контрабандных» сигар из Щели между Мирами генералу городской полиции Бубуте Боху, чьи отношения с Тайным Сыском в последнее время опять начали усложняться... Ох, список мелких, но обязательных дел, каковые мне, по идее, полагалось привести в порядок перед отъездом, был настолько велик, что даже не уместился в моей бедной голове!

Но, к моему изумлению, шеф не стал ворчать, а одобрительно кивнул:

— И правильно. Хорош бы ты был, если бы провел день, закопавшись в эти грешные таблички...

— Ваша покладистость меня настораживает, — фыркнул я. — Начинаю чувствовать себя умирающим.

— А ты считаешь, что доброго отношения заслуживают только умирающие? — усмехнулся Джуффин.

Увы, ему так и не удалось поднять настроение — ни мне, ни, кажется, даже себе. Дело, скорее всего, было не в нас. Просто мы уже приближались к Иафаху, древние стены которого теперь излучали мрачное, гнетущее настроение. Казалось, еще немного, и оно начнет клубиться и оседать на пол невесомыми влажными клочьями, как зимний гугландский туман.

— Ужас, да? — шепнул Джуффин, открывая невидимую дверь, небольшой проем высотой чуть больше метра.

Нам пришлось вползать туда чуть ли не на четвереньках. Этот крысиный лаз привел нас в один из коридоров резиденции Ордена Семилистника. Проем тут же исчез, словно его никогда не было. Я не удержался от искушения и украдкой пощупал стену. Камни были прохладные и немного скользкие, как стены колодца.

— Конечно ужас, — согласился я. — Похоже, строители Иафаха предполагали, что в гости к обитателям резиденции будут ходить исключительно маленькие дети... и еще гномы. Или это такой простой, но эффективный способ заставить нас склониться перед могуществом здешних старожил?

— Подозреваю, что ты прав, — проворчал шеф. — Впрочем, я имел в виду не вход, а поселившееся здесь настроение. Неужели не чувствуешь?

— Хотел бы я его не чувствовать! Просто я уже успел с ним смириться. Сначала решил, что это моя личная депрессия, а когда понял, что меня гнетет чужое настроение, так обрадовался, что перестал обращать

на него внимание.

— Я тебе завидую, — буркнул Джуффин. — Меня редко понимают подобные мелочи, но еще немного, и мне начнет казаться, что это я старый, больной и почти мертвый, а не...

— Ну, не все так ужасно.

Леди Сотофа Ханемер бесшумно вынырнула из какой-то ниши. По счастью, фирменная сияющая улыбка оставалась при ней, и даже изумительные ямочки на щеках были на месте.

— Выше нос, старый лис! — потребовала она, приподнимаясь на цыпочки, чтобы провести крошечной ладошкой по лбу сэра Джуффина Халли. — Ну, когда все эти глупенькие мальчики, наши, с позволения сказать, Старшие и Младшие Магистры, бродят по резиденции с таким видом, словно твердо решили повеситься и теперь разыскивают подходящую веревку, это я еще могу понять. Но ты-то! Твой длинный нос создан не для того, чтобы его опускать. Верь мне, уж я-то знаю, что следует делать с носами!

— Вот ведьма! — восхищенно отозвался Джуффин. — Спасибо, Сотофа, я твой вечный должник. Как рукой сняло!

— Не «как», а именно рукой, — невозмутимо ответила она и повернулась ко мне: — Макс, ты-то с каких пор бродишь по свету с постной рожей? Впрочем, не такая уж она у тебя и постная. Небось грустил за компанию с шефом? Этого требует служебная дисциплина? Тогда можешь смело начинать улыбаться: твой начальник уже вполне доволен жизнью.

— Я тоже, — искренне сказал я. — Быть недовольным жизнью в вашем присутствии — ересь и святотатство!

— Молодец, — одобрила леди Сотофа. — Чему ты точно успел научиться, так это делать мне удачные комплименты: именно такие, которые мне нравятся. Если бы мы встретились в другой день, я бы непременно угостила тебя вареньем. Мои ученицы варят его из нераспустившихся бутонов айоххи. Эти сладкие цветы растут только на севере Черухты. И еще, разумеется, в нашем саду... Впрочем, не буду травить тебе душу. Идемте, мальчики, отведу вас к Нуфлину. Зря, что ли, я полчаса караулила вас в этом коридоре?

— Вообще-то я знаю дорогу... Или он спрятался? — Джуффин выразительно посмотрел на свою старинную подружку.

— Да не то чтобы спрятался, — рассмеялась Сотофа. — Просто сидит в саду, в хижине, которую я для него построила. Скажу тебе по секрету, Джуф: в этой хижине он мог бы прожить еще несколько лет, даже не

прибегая к помощи знахарей. А если бы он послушал меня лет сто назад, когда я поняла, что его сила угасает, и предложила ему свою защиту... Мог бы жить и жить, еще хоть тысячу лет! Тогда помочь ему было проще простого.

— Я помню эту историю, — кивнул Джуффин. — Нуфлин испугался, что ты получишь над ним слишком большую власть.

— Ага, как будто мне нужна какая-то власть, — она высокомерно передернула плечами. — Но наш Великий Магистр не доверял никому, даже своему отражению в зеркале. По крайней мере, я не раз замечала, что он всегда отворачивается от зеркала, когда считает деньги или пишет какое-нибудь секретное письмо... Что ж, и кому от этого плохо?! Иногда лучше быть простодушным, чем слишком уж хитрым: того и гляди перехитришь сам себя... Ладно, следуйте за мной.

Леди Сотофа провела нас в конец коридора и распахнула дверь, ведущую в сад. Он был великолепен, как всякий сад, погруженный в ласковую темноту весеннего вечера: невнятная, но щемящая смесь шорохов, теней и ароматов.

— Хижину, которую я соорудила для Нуфлина, почти невозможно обнаружить, — гордо сказала леди Сотофа. — Даже я сама могу сделать хороший крюк по окрестным кустам, прежде чем наткнусь на входную дверь. Не только сейчас, в темноте, но и при свете дня.

— Смотри-ка, не один Маба способен на такие чудеса! — обрадовался шеф. — Я думал, только он у нас горазд партизанить, ан нет! Знай наших!

— Ты так радуешься, словно это твое чудо, — насмешливо заметила леди Сотофа.

— В каком-то смысле немножко мое, — улыбнулся Джуффин. — Я ведь тоже из Кеттари! — И он два раза легонько стукнул по кончику собственного роскошного носа указательным пальцем правой руки. Ну как же, как же, их знаменитый кеттарийский жест: «Два хороших человека всегда могут договориться». Вот это, я понимаю, масоны!

— Ой, да ты не дурак примазаться к чужой славе! — звонко расхохоталась Сотофа. Ее беззаботный девчоночий смех рождественским колокольчиком зазвенел над унылой оградой Иафаха.

Жалкие остатки наголову разгромленной армии моих мрачных предчувствий трусливо ретировались в ближайшие кусты. Там, где присутствует эта могущественная ведьма с внешностью заботливой бабушки и манерами кокетливой, но задиристой гимназистки, мрачным предчувствиям делать нечего!

Домик, где скрывался от смерти Великий Магистр Ордена Семилистника Нуфлин Мони Мах, мы все-таки нашли, хотя поплутать успели основательно. «Вот наворожила, вот расстаралась, а теперь сама мучаюсь!» — ворчала леди Сотофа.

Но наша экспедиция все же завершилась успехом: Джуффин неожиданно нашарил в темноте садовых зарослей входную дверь. Ничего удивительного, шеф частенько гостит в заколдованном доме Мабы Калоха. Надо думать, у него имеется совершенно уникальный опыт в делах такого рода.

Заждавшийся нас старик был не слишком похож на умирающего. Сидел в уютном кресле у дальней стены единственной комнаты. Сегодня я впервые как следует разглядел лицо Великого Магистра Нуфлина Мони Маха. До сих пор оно всегда скрывалось в полумраке под просторным капюшоном и даже при ярком освещении казалось скорее смутной игрой теней, вопиющим торжеством неопределенности, словно было создано не реалисткой природой, а учеником импрессионистов, старательным, не слишком умелым, но чертовски последовательным подражателем своих великих учителей.

Лик Магистра Нуфлина оказался довольно заурядным стариковским лицом, морщинистым, пучеглазым, горбоносым и суровым, как у пожилого конквистадора. Его выражение показалось мне скорее сердитым, чем страдальческим. Складывалось впечатление, что Великий Магистр был бы не прочь отчитать, а то и вовсе выпороть негодяйку смерть, которая позволила себе бестактно приблизиться к нему на непочтительное расстояние. Поскольку это его желание вряд ли относилось к числу осуществимых, Нуфлин решил отыгаться на нас.

— Вы, как я погляжу, не слишком торопились, — сварливо сказал он. — В кои-то веки могли бы и подсуетиться. В конце концов, это происходит в первый и в последний раз. У меня нет скверной стариковской манеры умирать каждые полгода! Я, конечно, понимаю, вам таки поднадоело со мной считаться. Но что я вам скажу: могли бы еще немного потерпеть, не так уж долго осталось...

Джуффин едва заметно поморщился, я растерянно заморгал. Вот уж чего не ожидал, так это скучной свары напоследок! И только леди Сотофа, кажется, искренне наслаждалась происходящим.

— Нуфлин, не стоит тратить драгоценное время на спор с Джуффином, — наконец сказала она. — Если пожелаете, можете написать ему гору ругательных писем из Харумбы. Пересылайте их мне, и я даю вам слово, что заставлю его прочитать все, до последней строчки!

— Ой, Сотофа, ты такая мудрая, — проворчал Нуфлин. — Слишком мудрая для такой молодой девочки! Не к добру это.

Я не сдержал улыбку. Конечно, теоретически я понимаю, что Магистр Нуфлин старше леди Сотофы как минимум на тысячу лет. Но слышать, как совершенно седую старушку снисходительно называют «молоденькой девочкой», в высшей степени забавно.

— А ты, как всегда, ухмыляешься. — От зорких глаз Нуфлина ничего не ускользало, и теперь он решил приняться за меня. — Ну, объясни, что ты здесь увидел смешного? Посмотреть на тебя, так кажется, что нет в Ехо более счастливого юного оболтуса, чем сэр Макс из Тайного Сыска! Джуффин, за что ты ему деньги платишь? За «хи-хи»?

— Ну, если я буду сидеть с постной рожей, пока мы не доберемся до Уандука, вам же самому тошно станет, — огрызнулся я, чувствуя, что отчаянно краснею.

Как был всю жизнь стеснительным нахалом, так им и остался. Иногда мне кажется, что человека совершенно невозможно изменить, сколь бы усердно ни колотила по его башке маньячка судьба.

— Ну, положим, я еще сам не решил, что меня больше раздражает: постные рожи или глупые ухмылки, — проворчал старик. — Пожалуй, и то и другое. Так что будь любезен, отыщи золотую середину и постарайся изобразить ее на своем непростительно юном лице.

— Получил? — Джуффин дружески толкнул меня локтем в бок. Голос его звучал не то сочувственно, не то злорадно. — Зато теперь мы с тобой в одной лодке, — оптимистически добавил он.

— Господа, вы еще не заметили, что меня безмерно раздражает ваша жизнерадостность? — буркнул Магистр Нуфлин. — Вы сами могли бы сообразить: ни одному умирающему не понравится то и дело получать наглядные доказательства и без того весьма очевидного факта, что его кончина не слишком огорчает окружающих.

— Ваша правда, — я почувствовал себя законченной скотиной. — Извините нас, сэр. Просто сейчас я чувствую себя скорее солдатом накануне сражения, чем гостем на похоронах. Сэр Джуффин здорово напугал меня рассказами о ваших могущественных врагах, которые будут подстерегать нас по дороге. И теперь я немного на взводе. А когда я на взводе, я начинаю хихикать по любому поводу и вовсе без...

— Ну и зачем ты так застращал мальчика, Джуффин? — укоризненно спросил старик. — В воспитательных целях?

— Просто я стараюсь быть откровенным со своими сотрудниками, когда это возможно. Человек имеет полное право знать, что ему грозит

опасность. Хотя бы для того, чтобы не расслабляться и быть настороже.

— Пустяки, — отмахнулся Магистр Нуфлин. — Ничего с ним не случится. Будем надеяться, что со мной тоже... А теперь хватит болтать. Не знаю как вам, а мне время дорого.

— Безусловно, — кивнул Джуффин. — Пузырь Буурахри ждет вас в саду. Сэр Макс потрудился захватить с собой дорожную сумку. Насколько я успел вас изучить, прощальных сцен не намечается, верно?

— В таком случае помогите мне встать, — вздохнул Нуфлин. — Вот уж не думал, что однажды мне придется принимать чью-то помощь...

Его худое тело показалось мне почти невесомым. Я не ахти какой силач, но Магистра Нуфлина вполне мог бы пронести на руках через весь город. А рука, вцепившаяся в мое плечо, была такой холодной, что я ощущал ее ледяное прикосновение сквозь плотную ткань своей Мантии Смерти. Мне пришло в голову, что никогда прежде высокопарное название моей одежды не было настолько уместным, как сейчас, когда мне пришлось стать кем-то вроде Харона, на чьем утлом челне отправляются в свой последний круиз мертвецы...

Магистр Нуфлин покосился на меня с некоторым любопытством. Я понял, что он по-прежнему способен читать сумбурное содержимое моей башки, как утреннюю газету, и с удовольствием это проделывает. «Еще один ясновидящий, — удрученно подумал я. — Кажется, обитателей этого Мира, не способных видеть меня насквозь, можно пересчитать по пальцам...»

Что касается летающего пузыря Буурахри, меня ждал очередной сюрприз. Я-то все недоумевал: каким образом умудрился его проглядеть, пока мы плутали по саду? А когда Джуффин остановился на краю поляны, засаженной мелкими белыми цветами, похожими на маргаритки, и торжественно заявил: «Ну вот», я почувствовал себя полным идиотом.

Шеф укоризненно покачал головой.

— Чему ты удивляешься, Макс? Разумеется, я позаботился о том, чтобы сделать этот пузырь невидимым. Вернее, незаметным. Помнишь укумбийский плащ нашего Кофы? Ну так вот, я изучил его на досуге, и мне удалось сотворить подобное чудо с нашим летательным аппаратом. Не так уж это было сложно, между прочим...

— Ну, я-то, положим, его вижу, — лукаво заметила леди Сотофа. — И вы видите, правда, Нуфлин?

— Можно сказать, вижу, — согласился Великий Магистр. — Но контуры дрожат и расплываются, а сквозь днище корзины просвечивает

трава... Наверное, дело в том, что я очень ослаб. Но если его видит Сотофа... Джуффин, ты уверен, что хорошо заколдовал это летательное средство?

— Не знаю, хорошо ли, но, скажем так, — неплохо. Могу вас заверить, что наши горожане не увидят ничего, как и сэр Макс, — Джуффин отвесил мне комический поклон. — А это главное. В таком деле чем меньше определенности, тем лучше!

— Интересно, как я буду забираться в корзину пузыря, если я его не вижу? — спросил я, почему-то чувствуя себя обиженным. Они-то все видят, гады, чернокнижники проклятые, а я — нет!

— Не печалься, горе мое, — усмехнулся шеф. — Как только ты к нему прикоснешься... — Он взял меня за руку и опустил ее на шершавую поверхность корзины.

И я тут же увидел пузырь Буурахри. Он не возник из небытия внезапно, как в кадре фантастического фильма, — его очертания открывались моему зору постепенно. Нечто похожее происходит, когда глаза привыкают к темноте, и ты с удивлением понимаешь, что мутная мгла, окружавшая тебя минуту назад, представляет собой вполне упорядоченное пространство, расчерченное четкими контурами узнаваемых предметов.

Сначала мы со всеми возможными предосторожностями усадили Магистра Нуфлина. Хвала Магистрам, у него ничего не болело. Единственным симптомом надвигающейся смерти была сокрушительная слабость, которая лишила его не только магической силы, но и способности ловко управляться со своим худощавым телом. Потом я тоже забрался в корзину и удивился, не обнаружив там ничего похожего на удобное ложе для умирающего старика. Зато в корзине было установлено громоздкое кресло с высокой спинкой. Магистр Нуффин устроился там, как император на троне: прямой позвоночник, руки аккуратно сложены на укрытых пледом коленях. Даже взор его теперь казался мне вполне пламенным — откуда только силы взялись?!

— Вам будет удобно? — осторожно спросил я.

— Не слишком, — он пожал плечами. — Особенно когда мы поднимемся в воздух и начнется качка. Но если я улягусь, меня тут же начнет клонить в сон. А смерти, знаешь ли, куда сподручнее подбираться к спящему. Умереть, лежа под одеялом, не входит в мои планы. Кроме всего, это попросту недостойно!

Я понимающе кивнул и обернулся туда, где стояли Джуффин и леди Сотофа. Они молча смотрели на Нуфлина. Ничего похожего на печаль не

обнаружил я в их фосфоресцирующих очах — ни единого намека хоть на какое-то чувство, для которого можно отыскать название в одном из человеческих языков. И в то же время это нельзя было назвать равнодушием. Я каким-то образом чувствовал, что на дне их глаз таится боль. Слабую тень этой боли можно нащарить разве что в темной глубине слова «навсегда», произнесенного шепотом и без малейшего намека на пафос.

Они прощались. Не с другом: Магистр Нуфлин никогда не был другом — ни им, ни вообще кому-либо под этим небом — скорее уж со своим прошлым, неотъемлемой частью которого был умирающий старик, неподвижно застывший в кресле за моей спиной.

Хвала Магистрам, мне хватило ума не нарушать магию их расставания шумными воплями: «До свидания, Джуффин, я непременно пошлю вам зов! Надеюсь заглянуть к вам на кружечку камры, леди Сотофа, как только приеду!» Единственное, что я мог сделать — стать тишайшим из свидетелей, тенью, безмолвной и безучастной настолько, что ее присутствие ничего не меняет...

Я почти услышал нежный звон рвущейся серебристой паутины и понял: все, пора улетать. Прощание закончилось, теперь этих троих ничто не связывало. Даже их воспоминания друг о друге отныне надежно спрятаны в потаенную шкатулку, на крышке которой выжжена надпись: «Больше не имеет значения».

Пузырь Буурахри взмыл над землей, повинуясь моему приказу.

Я сидел на дне корзины и молча смотрел в небо, затянутое тучами. Удивительное дело: на сей раз я даже как-то не вспомнил, что боюсь высоты. Я вообще старался не забивать голову всякими ненужными мыслями. Просто смотрел на холодное зеленоватое свечение, очерчивающее контуры одного из облаков, а когда в неаккуратном лохматом разрыве показалась совершенно круглая луна, благодарно улыбнулся, сочтя ее появление добрым знаком.

— Пузырь действительно летит очень быстро, — шелестящий голос Магистра Нуфлина нарушил тишину. — И это лишний раз доказывает, что я сделал правильный выбор, когда настоял на твоей кандидатуре.

Мне показалось, что старик говорит вполне приветливо. Отсутствие Джуффина оказывало на него весьма благотворное воздействие. По крайней мере, сварливые интонации почти исчезли.

— Боюсь, вы все-таки погорячились, — вздохнул я. — Ну да, я неплохо управляюсь с транспортными средствами, это правда. У меня они

начинают бегать с такой скоростью, что ваши знаменитые гонщики от зависти млеют. Но охранник из меня тот еще... Вы ведь сами знаете, я не очень опытный колдун.

— Ты совершенно неопытный и до безобразия молодой. К тому же ты еще не слишком-то освоился в нашем Море, — равнодушно согласился Нуфлин. — Зато ты очень удачлив и, что особенно важно, ужасно хочешь, чтобы наше путешествие завершилось благополучно. А твои желания имеют куда большую власть над реальностью, чем иные заклинания. Полагаю, это мой единственный шанс добраться до Харумбы. Если бы я считал, что мне требуется профессиональный охранник, я бы, пожалуй, взял в спутники Сотофу, она очень умелая девочка. Или твоего начальника. Из бывших убийц получают самые надежные защитники.

— Сэр Джуффин сказал, что вы ему не доверяете, — заметил я, чувствуя, что отчаянно краснею. — Ни ему, ни сэру Шурфу, вообще никому... Только мне. Потому, дескать, что у нас с вами нет — и, разумеется, быть не может! — никаких счетов. Мне это кажется немного странным. Вы же видите людей насквозь. И наверняка отлично понимаете, что Джуффин не стал бы делать вам гадостей напоследок, правда?

— Знаешь, мальчик, я действительно долгое время полагал, будто вижу людей насквозь. Мне очень нравилось думать, что так оно и есть... Старость — отвратительная штука, но одно несомненное преимущество у нее все-таки имеется. Она избавляет от иллюзий. От любых иллюзий, в том числе и насчет собственной исключительности. Не такой уж я мудрец, как принято полагать. Я действительно всегда был довольно прозорлив и весьма хитер, но это не значит, что я способен видеть людей насквозь. На это никто не способен. Можно прочесть чужие мысли — невелика наука! Можно с уверенностью предсказать действия любого живого человека; порой мне кажется, что нет ничего проще. Но узнать, кто на самом деле стоит перед тобой, — невозможно! Ты понимаешь, о чем я?

— Не знаю, — честно сказал я. — Скорее все-таки нет.

— Что ж, значит, у тебя есть шанс понять, — оптимистически заявил Нуфлин. — Видишь ли, мальчик, каждый из нас живет в окружении загадочных существ — других людей. Но когда ты пытливо вглядываешься в лицо очередного незнакомца, ты видишь всего лишь собственное отражение. Часто — искаженное до неузнаваемости, но все же... Положим, ты способен прочесть чужие мысли — и что с того? «Я ненавижу тебя!» — думает незнакомец, и ты решаешь, будто он — злейший враг, поскольку ты сам употребил бы слово «ненавижу», только размышляя о враге. А на самом деле никакой он не враг. Незнакомцу решительно наплевать на тебя,

просто у него, предположим, болит голова, и в такие минуты он с ненавистью думает о любом живом существе, которое попадается на его пути. Теперь понимаешь?

— Вы хотите сказать, что мы примеряем на себя слова, мысли и поступки других людей, чтобы составить хоть какое-то представление о них? И оно обычно оказывается ошибочным, поскольку мы знаем, что говорит или делает другой человек, но не знаем, почему он так поступает? — нерешительно откликнулся я.

— Ловишь на лету, — одобительно отозвался Нуфлин. — Так что когда Джуффин говорит тебе, будто я ему не доверяю, он невольно заблуждается. Он делает этот вывод, располагая полным набором моих слов, решений и поступков, даже воспоминаниями об интонации и выражении моего лица. Все это он примеряет на себя. Но для того чтобы понять, почему я отказался от помощи, ему потребовалось бы надолго залезть в мою шкуру — что, к слову сказать, вполне возможно, когда такой умелый колдун, как сэр Халли, имеет дело с другими людьми. Но я-то под свою шкуру никого не пускаю, уж на это у меня сил хватит до самого конца... То же самое происходит, когда я пытаюсь разобраться, что за тип этот Кеттариец, наемный убийца, которому я, чего скрывать, обязан относительно легкой победой в Войне за Кодекс; один из немногих знатоков почти недоступного мне искусства, каковое он сам с пафосом именует Истинной магией; идеальный начальник Тайного Сыска — можно подумать, что он родился специально для этой должности! — трогательно опекающий своих подчиненных... Я знаю о твоём опекуне очень много, куда больше, чем он сам предполагает. Но я по-прежнему не знаю, кто он. И уже вряд ли когда-нибудь узнаю. А что касается моего отказа от его услуг... Разумеется, я не настолько глуп, чтобы предположить, будто Джуффин перережет мне глотку, как только летающий пузырь удалится от столицы. Просто меня посетило некое предчувствие, и теперь я знаю, что ты — единственный спутник, который мне требуется на этой самой последней дороге... Что там внизу, кстати?

— Темнота, — лаконично ответил я.

— И никаких огней, да? Что ж, значит, Ехо уже далеко позади, — вздохнул Нуфлин. — За нашей болтовней я так и не успел попрощаться с этим городом.

— Уехать — это и есть попрощаться, — возразил я. — Зачем еще какие-то дополнительные церемонии? Я раньше все время старался почувствовать что-то особенное, покидая то или иное место. Когда был совсем молодой и глупый, даже стихи всякий раз писал по такому поводу...

А потом вдруг понял, что любой отъезд — поступок вполне самодостаточный.

Признаться, я несколько обалдел от собственной наглости. Если бы вчера кто-нибудь сказал мне, что я начну спорить с Великим Магистром Нуфлином Мони Махом, чуть ли не жизни его учить, я бы немедленно отвез этого пророка к ближайшему знахарю, от греха подальше.

Но старик совсем не рассердился. Посмотрел на меня со снисходительной улыбкой и, как мне показалось, с некоторым любопытством.

— А ты что, был поэтом, мальчик? Вот уж никогда бы не подумал. Ты не похож на поэта. Слишком практичный.

— Вы же сами сказали: невозможно разобраться, что представляет собой другой человек, — улыбнулся я. — Меня, кстати, многие считают практичным, не только вы... И, наверное, только я сам знаю, какой романтический идиот прячется в этом незамысловатом свертке, — я выразительно похлопал себя по животу.

— Странно, — пожал плечами Нуфлин. — Признаться, я думал, что знаю о тебе если не все, то очень многое. И вдруг выясняется, что сэр Макс поэт... Удивительно.

— Ничего удивительного, — смущенно откликнулся я. — Никакой я не поэт. Просто человек, который когда-то, очень давно, писал стихи. Это разные вещи. И разумеется, я никогда никому об этом не рассказывал... Впрочем, нет, проговорился однажды в присутствии сэра Лонли-Локли, но он — наилучшая гробница для чужих тайн.

— Полагаю, что так, — рассеянно согласился старик. И с любопытством спросил: — И какие же стихи ты писал? Ты помнишь хоть что-нибудь?

Мне сегодня то и дело приходилось краснеть от смущения, но сейчас мои уши, надо думать, начали светиться в темноте, как некие чудовищные сигнальные огни на борту летающего пузыря, сводя на нет нашу маскировку.

— Очевидно, помнишь, — усмехнулся Нуфлин. — Ну, прочитай что-нибудь.

Заплетающимся языком я начал бормотать, что, дескать, ничего не помню и вообще...

— Ничего, не смущайся, — подбодрил меня он. — Я отлично понимаю, что ты твердо решил не читать свои стихи — никому, никогда! То ли потому, что считаешь их скверными, то ли потому, что боишься, что они, как некое заклинание, вернут тебя в прошлое, к тому смешному

беззащитному мальчику, который их написал... Но будь добр, сделай для меня исключение. Мне теперь все можно доверить.

Грешные Магистры, как он это сказал! В его тихом бесцветном голосе таилось устрашающее очарование самой смерти. Не мрачного чудовища, чья утроба набита разлагающимися остовами органической живности, а печального сказочника в темном плаще, того самого, о котором рассказывал свою последнюю историю Оле Лукойе. Безжалостного, но приветливого всадника, у которого всегда найдется прелестная и страшная сказка для каждого, чье время закончилось навсегда.

Так что я плюнул на все свои зарок и позволил полузабытым словам выползти из надежного тайника, спрятанного в самом дальнем углу моего сердца.

Кажется, в эту ночь я прочитал своему спутнику все, что успел написать за свою коротенькую жизнь. Даже рваные строчки, которые я легкомысленно записывал на бумажных салфетках за бесчисленными столиками маленьких дешевых кафе, а потом комкал и сжигал или топил в густом томатном соусе. А мне-то казалось, что я никогда их не вспомню!

Ответом было молчание, долгое, как остаток ночи. Особого успеха моя ритмизированная исповедь не снискала, но и критика на меня не обрушилась. Магистр Нуфлин умел слушать со спокойной, великодушной бесстрастностью, так что в какой-то момент я почти забыл о его присутствии. Мне начало казаться, что я остался совершенно один в корзине пузыря Буурахри и устроил себе такой своеобразный вечер воспоминаний, оглушил разум потоком зарифмованной ритмичной речи — просто чтобы не рехнуться, болтаясь между небом и землей в чреве сомнительного летательного аппарата.

Когда я наконец заткнулся, то внезапно, без малейшего намека на сомнение почувствовал, что старик мне благодарен. Не потому, разумеется, что мои юношеские стихи были такими уж великими шедеврами, просто я помог ему скоротать ночь. Одну из многих ночей, сквозь строй которых предстояло пройти его немощному телу на пути к вожделенному бессмертию.

— Постарайся остаться молодым, Макс, — тихо сказал Нуфлин, когда оранжевые сполохи замельтешили на границе видимой и невидимой области небес. — Если тебе не удастся перехитрить смерть, хотя бы не позволяй ей загнать тебя в ловушку обессилевшего стариковского тела. Оно того не стоит, мальчик. Старость действительно отвратительная штука. Тебе не понравится... Можешь не отвечать. Зачем болтать о вещах, которых

не понимаешь? И моли судьбу о том, чтобы никогда не понять.

Я молча кивнул.

— А ты таки хитрец почище своего начальника, мальчик, — вдруг лукаво сказал Нуфлин. Сейчас его голос звучал вкрадчиво и обладал скрытой, но пугающей силой, как в прежние времена, когда Магистра Нуфлина Мони Маха можно было называть «великим и ужасным» почти без тени иронии.

Я вопросительно поднял брови.

— Теперь я тебе немножечко должен, — пояснил он. — Ты помог мне дожить до утра, в точности как говорится в одном из твоих коротеньких стихотворений.^[1] А поскольку у меня осталось мало времени, придется вернуть долг незамедлительно.

Я уставился на своего спутника, силясь вообразить, что за сюрприз приготовила мне на сей раз судьба.

— Знаешь, почему я дожил до столь преклонных лет? — снисходительно спросил старик.

Вопрос, как мне показалось, был не риторический, на него полагалось дать членораздельный ответ.

Я пожал плечами.

— Думаю, потому, что вы были сильнее своих врагов. И осторожнее. И наверняка гораздо удачливее...

— Все это общие фразы, — отмахнулся Нуфлин. — Неужели ты думаешь, что умирающий старик нуждается в комплиментах глупого мальчика вроде тебя? Кстати, я никогда не был самым могущественным колдуном в Соединенном Королевстве. Возможно, самым умным и предусмотрительным, это да. Но что касается силы, мое имя никогда не значилось в списке первых. Зато в моем распоряжении с юных лет имелся один хитрый фокус, весьма полезный для того, кто хочет оставаться в живых как можно дольше.

— Именно то, что требуется, — уважительно кивнул я.

— У меня было много учеников, — продолжил Нуфлин. — Как Великий Магистр, я был обязан заниматься обучением каждого члена своего Ордена. Но знаешь, что я тебе скажу? У меня не было ни одного настоящего ученика. И не то чтобы мне совсем уж никто не нравился... Но и дурному было понятно, что избранного сочтут моим будущим преемником. А я не собирался обзаводиться преемником. Видишь ли, мальчик, я до последнего момента надеялся, что сумею перехитрить смерть. А если хочешь пожить подольше, надо вести себя так, словно считаешь себя бессмертным — так я думал. Выходит, что ошибался...

— Но ведь там, куда мы едем, вас ждет бессмертие? — осторожно спросил я.

— Говорят, так оно и есть, — буркнул Нуфлин. — А я, за неимением лучшего, стараюсь не сомневаться. Можешь мне поверить, я таки очень стараюсь!.. Но, знаешь, откровенно говоря, я и сам вполне мог бы открыть такой бизнес: брать деньги с умирающих дураков да и закапывать их поглубже. Все шито-крыто, проверить невозможно: живых в Харумбу не пускают, бессмертных не выпускают, Безмолвная речь не работает. А уж написать письмо родственникам, подделав почерк, любой студент способен. Нет уж! Если эти сбрендившие кейифайи из Харумбы докажут мне на деле, что я — старый дурак, а они — чудотворцы, овладевшие секретом бессмертия, может быть, тогда я и начну верить людям. Но не раньше!.. С другой стороны, и кому от этого хорошо? Уж точно не мне...

Старик отвернулся и некоторое время тихо бранился себе под нос. Портовым нищим, на мой взгляд, не помешало бы взять у него пару уроков ораторского мастерства: по сравнению с Великим Магистром Ордена Семилистника эти бродяги сюсюкают, как девицы из зажиточных семей.

Наконец он умолк, перевел дух и как ни в чем не бывало продолжил:

— Ладно, давай-ка поговорим о деле. Я собираюсь научить тебя своему коронному фокусу. Думаю, кому-кому, а уж тебе он пригодится. И не раз. Да и мне будет приятно знать, что мое искусство не умрет навсегда после того, как за мной закроются врата Харумбы.

Я растерянно молчал, не зная, что тут можно ответить. Благодарить? Но мяукнуть пару раз «спасибо» — слишком ничтожная плата за чудо. По мне, лучше уж молчать в тряпочку и глядеть на своего благодетеля восхищенными глазами преданного ученика.

— Тебе потребуется время, чтобы как следует освоить мою науку, — строго сказал Нуфлин. — Что ж, время у тебя, надеюсь, есть. Задача такая — соорудить вокруг себя стену из белого кирпича...

Он снисходительно оглядел мою рожу, которая не выражала никаких чувств, кроме абсолютного непонимания, укоризненно покачал головой и объяснил:

— Разумеется, речь не идет о настоящих строительных работах. Эту стену ты должен воздвигнуть в своем воображении. Впрочем, обычные фантазии тут не помогут. Стена из белого кирпича должна быть воздвигнута не наяву, но и не во сне, а на границе между тем и другим.

— В темноте под закрытыми веками?

Кажется, я начал понимать. В свое время мне уже доводилось действовать подобным образом, только никаких защитных стен я не

возводил. Писал письмо своему таинственному защитнику, мечу Короля Мёнина, всего-то делов...

— Можно сказать и так, — согласился Нуфлин. — И запомни: небрежность тут неуместна. Такую стену можно построить только из очень хороших кирпичей. Ни один из них не может занять свое место в кладке, пока ты не убедишься, что его формы безупречны, а ладонь должна ощутить тяжесть, почти как наяву. Разумеется, у тебя уйдет много времени на то, чтобы представить себе первый кирпич. Наверняка будет очень трудно сложить первый ряд...

— Могу себе представить! — растерянно сказал я. — Одной ночи тут не хватит. Если уж на то пошло, мне придется брать очень длинный отпуск. И надолго отказаться от сна...

— Не обязательно, — покачал головой Нуфлин. — Эту стену ты можешь строить постепенно, день за днем, используя всякую свободную минуту. Фокус состоит в том, что, закрыв глаза на следующий день после первой попытки, ты должен увидеть не пустоту, а результат своей вчерашней работы. С этим у тебя, возможно, тоже будут трудности — в первое время. Или не будет никаких трудностей. Джуффин говорил, ты способный... Главное, не пугайся большого объема работы: дело того стоит!

— Думаю, что да, — неуверенно согласился я.

— Он, видите ли, думает! — с неподражаемыми интонациями старого скандалиста, обладающего богатым опытом дискуссий на коммунальной кухне, возмутился Нуфлин. — Да ты пока понятия не имеешь, о чем говоришь! — Он немного успокоился и продолжил: — Эта стена должна окружить тебя, как круглая ограда. Чем выше она будет, тем лучше. Впрочем, ты сам поймешь, когда можно будет остановиться. И не думай, будто тебе придется воздвигать ее всякий раз, когда возникнет опасность. Достаточно один раз построить стену. Если ты выполнишь работу безупречно, она будет защищать тебя всегда, даже в тех случаях, когда ты о ней не вспомнишь.

И он умолк.

— Это все? — нерешительно спросил я.

— Ну да. А чего ты еще хотел?

— И эта стена защитит меня... — я немного помедлил, глупо ухмыльнулся и недоверчиво закончил: — от всего на свете?

— Не от всего на свете, а только от внешних врагов, — строго сказал Нуфлин. — От старости и смерти она не спасает, как видишь... И от разнообразных хворей, по-моему, тоже. Своим здоровьем я обязан скорее

природе, чем чудесам.

— Ясно, — вздохнул я и тоже замолчал.

Если честно, я здорово сомневался, что когда-нибудь займусь строительством этой таинственной стены из белого кирпича. Заманчиво, но чертовски хлопотно. Я заранее предвидел, что у меня попросту не будет времени возводить эту стену в темноте под закрытыми веками — на службе спать не очень-то получается, а дома... Да у меня на личную жизнь времени не хватает, какая уж там стена! К тому же до сих пор мне вроде бы вполне хватало защиты, которой окружил меня невидимый меч Короля Мёнина, с некоторых пор прочно засевший в моей груди.

Разумеется, я не стал говорить все это Магистру Нуфлину. Я постарался даже не думать об этом, поскольку был совершенно уверен, что чтение моих мыслей для него — самая простая вещь на свете.

Но через несколько минут мне стало стыдно. «Умиравший старик, самый могущественный человек в Соединенном Королевстве, вдруг решил передать тебе свое сокровенное знание, а ты... — укоризненно сказал я себе. — Ты мне глубоко противен, сэр Макс! Лентяй, разгильдяй, легкомысленный болван! Нет уж, ты разучишь его фокус и доведешь исполнение до совершенства. И не потому, что твоей драгоценной заднице не помешает лишний щит, а просто из уважения к этому человеку. А потом, когда сам соберешься на покой, научишь еще кого-нибудь — чтобы его таинственное искусство не пропало навсегда», — вот приблизительное содержание строгого выговора, который я себе вlepил.

Внушение подействовало. По крайней мере, я решил начать немедленно и тренироваться всю дорогу. В принципе, я действительно очень быстро всему учусь, так что у меня имелся шанс управиться с этой грешной стеной до возвращения домой.

Магистр Нуфлин удовлетворенно кивнул. Он явно был в курсе моего внутреннего монолога. Мне стало неловко. Одно дело уживаться с тем фактом, что мои мысли читает сэр Джуффин Халли, который и без того знает меня как облупленного и заранее готов принять меня таким, каков я есть. И совсем другое — понимать, что свидетелем твоей немудреной склоки с самим собой стал совершенно посторонний человек. Но мне поневоле пришлось смириться с проницательностью своего спутника — а что еще я мог сделать?!

— Судя по огням внизу, мы уже пролетаем над заливом Гокки, — меланхолично отметил Нуфлин. — Знаешь, что я тебе скажу, мальчик? Ложился бы ты спать. Как я понимаю, это странное сооружение все равно будет лететь к месту назначения, верно?

Под словом «спать» подразумевалась первая тренировка по возведению невидимой стены, это было ясно и ежу.

— Лететь-то оно будет, — согласился я. — И все же не дело это — оставлять пузырь Буурахри без управления...

— Почему? — холодно осведомился старик. — Тебе надо каким-то образом контролировать процесс? Но с тех пор, как мы поднялись в воздух, я что-то не заметил, чтобы ты возился с управлением. Только поначалу, когда мы набирали высоту.

— Это правда, — признал я. — Пузырь Буурахри уже знает направление, этого вполне достаточно.

— Ну вот, — пожал плечами Нуфлин. — Так зачем же тебе бодрствовать?

— На всякий случай. Мало ли что может случиться...

— Можешь мне поверить, я разбужу тебя примерно за полчаса до того, как оно начнет «случаться», — пообещал Нуфлин. — Что я действительно умею, так это предвидеть неприятности!

— Верю, — неохотно согласился я.

— А мне спать нельзя в любом случае. Так что отдыхай, пока есть возможность, — заключил он и так лукаво посмотрел на меня, что я больше не сомневался: о том, чтобы просто завалиться спать, и речи быть не могло.

Настойчивость Нуфлина меня здорово раздражала — именно потому, что в глубине души я прекрасно понимал: старик совершенно прав. *«Завтра, завтра, не сегодня — так лентяи говорят»* — боюсь, этот стишок из учебника немецкого языка будет преследовать меня всю жизнь. Как ни крути, а без труда...

Короче говоря, я принялся «вытаскивать из пруда» очередную «рыбку». Кое-как устроился на дне корзины. Единственное одеяло, которое я в последний момент запихнул в сумку, оказалось слишком тонким, а запасных, как выяснилось, никто сюда не положил. А лезть в Щель между Мирами в поисках пледа мне было не с руки. Не до жиру: тут с одним чудом справиться бы...

Я закрыл глаза, сосредоточился и вообразил первый белоснежный кирпичик. К моему несказанному удивлению, все получилось не просто быстро, а, можно сказать, мгновенно. Я сразу же ощутил на ладони его холодную тяжесть и представил себе, как осторожно кладу его на землю в нескольких сантиметрах от круглых носков дорожной обуви.

Дело пошло как по маслу: перед тем как окончательно уснуть, я уже был окружен низенькой круговой оградой из одинаковых белых кирпичей.

Сие призрачное сооружение достигало середины щиколотки, и это было гораздо лучше, чем просто хорошо. «Если буду продолжать в таком темпе, маета закончится через полдюжины дней, а то и раньше», — удовлетворенно подумал я. И с чувством выполненного (даже перевыполненного) долга нырнул в разноцветный омут беззаботных сновидений.

Когда я проснулся, все было в полном порядке. Наш летающий пузырь парил над бескрайними водами, а мой подопечный был живехонек. Сидел в своем кресле и, кажется, дремал. Нападать на нас никто не собирался — по крайней мере пока.

Я послал зов Джуффину, сообщил ему, что у нас, дескать, все хорошо. «Поплыв, чтобы не сглазить», — без тени иронии посоветовал шеф.

Некоторое время я удивленно размышлял, каким образом сэр Джуффин мог подцепить одно из самых распространенных суеверий моей далекой родины? Наконец заключил, что сие тайна великая есть, и приступил к следующей беседе: при всей нелюбви к Безмолвной речи я не мог отказать себе в удовольствии перекинуться парой-тройкой сотен словечек со всеми, кто остался дома.

После полудня Магистр Нуфлин изволил открыть глаза. От еды решительно отказался, заявил, что теперь это для него непозволительная роскошь. И настойчиво потребовал, чтобы я продолжил строительство стены — пока есть время.

Как ни крути, он был совершенно прав. Нам предстояло еще полдюжины дней пути и, возможно, куча неприятных неожиданностей. Я рассудил, что было бы неплохо закончить строительство защитной стены прежде, чем на горизонте объявится первый из грозных любителей мщения, душевное общение с которыми было мне обещано в качестве своеобразного средства от дорожной скуки.

Так что большую часть дня я провел с закрытыми глазами. В конце концов, это странное колдовство захватило меня полностью. Я бы даже не вспомнил об ужине, если бы мой спутник не прочел мне своевременную лекцию о необходимости подкреплять силы.

На исходе третьих суток полета я с изумлением понял, что работа подходит к концу. Ничего такого, что можно было бы назвать событиями, за это время не произошло: состояние здоровья моего подопечного не ухудшилось, никто не пытался на нас напасть, даже погода не менялась. Можно сказать, что никакой погоды вовсе не было: равномерно пасмурное

небо не выказывало намерения разразиться дождем или ослепить нас яркими солнечными лучами, ветром и не пахло, а температура воздуха идеально соответствовала представлениям человеческого тела о том, что такое «ни холодно ни жарко», и не привлекала к себе внимания.

«Смотри-ка, я сделал это!» — с равнодушным удивлением отметил я, обнаружив, что высокая иллюзорная стена из белого кирпича окружает меня плотным кольцом. В ней не обнаруживалось ни единого изъяна, а реальность этого сооружения в тот момент не вызывала у меня никаких сомнений. Когда я поднялся на ноги, чтобы выглянуть наружу, туда, где среди прозрачных серых облаков пылала тускло-оранжевая полоса заката, мне показалось, что стена каким-то невообразимым образом движется вместе со мной. Впору было удивляться: и как я до сих пор обходился без этой защитной стены, которая теперь казалась мне чуть ли не наиважнейшей частью тела?!

— А ты таки да, очень быстро всему учишься, мальчик. Даже слишком быстро, — не размыкая глаз, заметил Магистр Нуфлин, чье присутствие в последнее время казалось мне столь необременительным и ненавязчивым, что я — поверить невозможно! — почти забыл о его существовании.

— Теперь тебе надо как следует отдохнуть, — авторитетно добавил старик.

— Будете смеяться, но я совершенно не устал. Скорее даже наоборот. Такая приятная бодрость...

— Знаю я эту бодрость, — насмешливо кивнул он. — Все идет просто великолепно, а наутро очередной глупый мальчик, растерявший жалкие остатки своих силенок, падает в самый что ни на есть дурацкий, никому не нужный обморок.

— Все так страшно? — изумился я.

— Хочешь проверить — проверяй, — пожал плечами Нуфлин. — Но имей в виду: даже если я очень сильно захочу тебе помочь, у меня вряд ли что-то получится. Так что попробуй поспать. Или хотя бы просто полежи с закрытыми глазами, благо есть возможность.

— Да, хвала Магистрам, все эти мрачные пророчества касательно ваших мстительных приятелей, похоже, оказались липой! — оптимистически согласился я.

Удивительное дело: мне не пришлось долго ворочаться под тонким одеялом. Сон сморил меня почти сразу. Я засыпал с безмятежной улыбкой ребенка, который уверен, что живет в добром сказочном мире, где с ним не может случиться решительно ничего плохого.

Господи, каким же я был болваном!

Я спал, и мне снилось... Черт, надо быть полным кретином, чтобы полагать, будто все случившееся со мной в ту ночь действительно было обыкновенным сном, но я по-прежнему отчаянно хватаюсь за эту — если не спасительную, то, по крайней мере, успокоительную — формулировку: «Я спал, и мне снилось».

Итак, *я спал, и мне снилось*, что я — глубокий старик, все еще живой лишь потому, что у него не осталось сил даже на то, чтобы немедленно умереть.

Нет, я не увидел свое отражение в зеркале. В этом сне не было никаких зеркал, так что мне не пришлось содрогаться, разглядывая собственную физиономию, изборожденную глубокими морщинами, или седые пряди редких истончившихся волос, выбивающиеся из-под традиционного угуландского тюрбана. Впрочем, я долго, почти зачарованно изучал тыльную сторону своих рук: сухая, как пергамент, сморщенная, будто измятая, кожа; толстые желтые ногти, больше похожие на потрескавшиеся обломки морских раковин; узловатые суставы, безжалостно искореженные не то временем, не то ревматизмом; причудливое переплетение лиловых вен — как пьяный кошмар скульптора-модерниста. Вполне достаточно, чтобы испытать панический животный ужас пополам с отвращением к собственной плоти — омерзительное ощущение!

Но есть вещи похуже, чем созерцание искореженного безжалостным временем тела. Бесконечная немощь и вялое, апатичное равнодушие казались моими врожденными, а не приобретенными свойствами. О, если бы в моем распоряжении осталось хотя бы одно живое, трепетное, достоверное свидетельство, что прежде все было иначе! Но тошнотворная слабость, пропитавшая каждую клеточку моего тела, казалась нормальным, естественным, привычным состоянием. Память о том, что когда-то давно я был совсем иным и каждая клеточка моего тела восторженно пела, захлебываясь свежестью ночного ветра, а дух был преисполнен — если не сокрушительной силы, то, по крайней мере, веселого любопытства, — являлась всего лишь теоретическим, умственным знанием, а не болезненным уколом, сулящим надежду на выздоровление.

Моя новая дряхлая оболочка оказалась самой надежной темницей для духа: у меня не осталось сил даже на то, чтобы по-настоящему страдать от свершившихся необратимых перемен. О том, чтобы сопротивляться сковавшей меня слабости или хотя бы как следует разозлиться и разнести в клочья поработившую меня реальность, и речи не шло. Я мог только неподвижно сидеть в неудобном полумраке, который царил в этом странном

сновидении, и рассеянно перебирать драгоценности своих воспоминаний — все еще привлекательные, но совершенно бесполезные игрушки. Они не были волшебными талисманами, способными принести божественную прохладу перемен, а годились лишь на то, чтобы орошать их скуными стариковскими слезами.

Впрочем, даже слез у меня не нашлось. Наверное, я уже был недостаточно живым для того, чтобы плакать. Я принял свою судьбу — потому что так было проще. Мое внезапное смирение проистекало не из мудрости — его причиной была все та же гадкая телесная слабость. Помнится, мне вдруг захотелось съесть что-нибудь вкусное — кажется, я просто осознал, что это единственный доступный мне способ испытать жалкое подобие физического удовольствия; все остальные разновидности наслаждений уже давно остались по ту сторону моих возможностей...

Я не знаю, как долго тянулся этот кошмар. Разум утверждает, что совсем чуть-чуть, секунд десять. В крайнем случае он готов согласиться на пару дюжин этих самых секунд — никак не больше. Но какая-то часть меня не в силах принять эту утешительную версию. Маленький мудрец, снимающий флигель на заднем дворе моего сознания, знает, что дремотное умирание одинокого старика продолжалось невообразимо долго. Возможно, измерять его следует годами, но я упорно затыкаю уши, когда он пытается заговорить на эту тему.

Все закончилось совершенно неожиданно: я услышал дикий, душераздирающий крик и проснулся.

Первое мгновение после пробуждения было воистину ужасно: я увидел орущего человека, скорчившегося на полу корзины, и с содроганием узнал в нем себя.

Сам я наблюдал это малопривлекательное зрелище как бы со стороны. Прежде чем все встало на свои места, я успел осознать, что сижу в кресле Магистра Нуфлина и мои руки, такие же сухие и сморщенные, как в давешнем ужасном сне, бессильно покоятся на укрытых теплым пледом коленях.

А потом меня с головой накрыла знакомая волна жгучей боли, которая сопровождает всякое пробуждение моего могущественного защитника. Меч Короля Мёнина уже в который раз стал зримым и осязаемым, его рукоятка торчала из моей груди, а клинок безжалостно терзал плоть. Столь сильной боль не была даже в ту ночь, когда сероглазая Тень Мёнина пронзила меня этим волшебным оружием — не потому, что собиралась убить, а для того, чтобы уберечь.

И ведь уберегла.

Я захлебнулся ароматным ночным воздухом, понял, что ору с отчаянием новорожденного младенца, и мой крик вдруг превратился в восхищенный смех — радость бытия оказалась гораздо сильнее боли. Впрочем, теперь боль понемногу уходила прочь, а рукоятка меча постепенно таяла, превращалась в причудливый клубок белесого тумана, который тоже понемногу рассеивался.

Через несколько минут я окончательно пришел в себя, успокоился и даже поспешил сделать скоропалительный вывод: ничего страшного не случилось, мне приснился кошмарный сон, но я уже проснулся, так что все позади.

Не могу описать, с каким наслаждением я ощупывал свое тело, разглядывал руки — теперь они были в полном порядке: мои, родные! — просто дышал, поражаясь, сколь восхитительным, оказывается, может оказаться это будничное занятие. Я дотянулся до кувшина с водой и выпил чуть не все его содержимое. Каждый глоток заново убеждал меня: реальность — это то, что происходит сейчас, а не кошмарная тягомотина давешнего сновидения.

Вдоволь напившись, я наконец вспомнил о своем спутнике. Вспомнил — и чуть не умер со стыда. Представил себе, какое впечатление должны были произвести на него мои вопли, и в отчаянии схватился за голову: нет мне прощения! Да уж, сэр Макс — лучшая в мире сиделка для умирающих стариков. Сократит жизнь, доведет до инфаркта быстро, качественно, недорого.

Кошмар.

Но к моему величайшему удивлению, Магистр Нуфлин по-прежнему то ли дремал, то ли просто безучастно сидел в своем кресле. А ведь мои вопли вполне могли бы разбудить даже матросов парусника, бороздившего море где-то далеко внизу, в ультрамариновой темноте безлунной ночи.

Я хотел извиниться за свое экстравагантное поведение, объяснить, что порой мои ночные кошмары выходят за рамки обычных остросюжетных страшных снов. Пообещать, что впредь постараюсь быть сдержанным — ну и что там еще обещают в таких случаях?..

Открыл было пасть и тут же снова ее захлопнул: до меня наконец начало доходить.

Я обессилено прислонился к стенке корзины, чувствуя, как струйка холодного пота медленно ползет по спине. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

Меч Короля Мёнина никогда прежде не вмешивался в мои кошмары.

И, собственно говоря, правильно делал: какая бы дрянь мне ни снилась в его присутствии, до сих пор она не была по-настоящему опасна для жизни. Скорее уж мои страшные сны можно было считать неоценимым опытом — не слишком приятным, но в высшей степени полезным. И если уж он возник из небытия, чтобы разбудить меня, значит, опасность была такой настоящей, что хоть в обморок хлопайся!

И тут — очень неохотно, потому что некоторые вещи лучше не осознавать, если хочешь сохранить рассудок (а я собирался сделать это любой ценой!), — я понял еще кое-что. Старческое тело, в темнице которого мне довелось побывать, *не было моим*. Я не зря так долго разглядывал свои руки в этом кошмарном сне. Да, беспощадное время могло искорежить их в соответствии со своим извращенным вкусом, оно имело полное право превратить мои руки в худые пожелтевшие слепки причудливых птичьих лап, но куда, скажите на милость, подевался маленький, но глубокий шрам от ожога на тыльной стороне правой кисти? И потом, эти пальцы... Старость вполне могла искривить фаланги, изуродовать суставы, но сделать их чуть ли не в два раза короче — невозможно! Это были не мои руки, вот в чем дело.

И, кажется, я прекрасно знал, кому они принадлежали. В конце концов, я отлично помнил, что пробуждение застигло меня в кресле Магистра Нуфлина Мони Маха, в нескольких шагах от собственного, хорошо знакомого тела, которое — я хотел бы усомниться, но не мог сделать себе такой роскошный подарок! — в тот момент было занято другим жильцом... Черт, совсем как уютный заячий домик, где по праву силы и согласно сказочному сюжету поселилась разбойница лиса. Ясно теперь, почему я так ненавидел эту сказку в детстве, ненавидел с непримиримой страстью, на которую способны только очень маленькие дети и великие безумцы. Ненавидел, несмотря на счастливый финал, где появлялся бесстрашный петух и изгонял захватчицу своим жизнерадостным криком. Наверное, предчувствовал, что рано или поздно мне доведется побывать в шкуре бедолаги зайца, который не способен отвоевать свое жилище без помощи великодушного защитника...

— О господи, дырку в небе над твоим домом! — тихо сказал я вслух, невольно смешав в одной фразе разговорную лексику разных Миров.

Я не стал задавать своему спутнику драматические вопросы из серии: «Что это было?» и «Зачем вы это сделали?» Какого черта спрашивать, и так все ясно... Не потому, что я такой уж мудрый и проницательный, просто мне довелось побывать в его шкуре — в буквальном смысле слова, иначе и не скажешь! — и теперь я действительно знал о нем все. Оставалось только

позволить этому смутному знанию оформиться в более-менее осмысленную словесную конструкцию.

У этого знания была обратная сторона: после непродолжительного визита в его шкуру я отлично понимал, почему Нуфлин затеял эту подлую, паскудную игру. Более того, я чувствовал себя не столько жертвой, сколько соучастником его мерзкой интриги, а это, пожалуй, было совсем уж глупо.

Я закрыл лицо руками, чтоб не видеть неподвижный темный силуэт могущественного старика, который чуть было не... Ох, я по-прежнему боялся четко сформулировать, что именно он чуть было не сделал!

Я не узнавал себя: мне бы следовало послать зов Джуффину, обрушить на него поток жалоб и просьб о помощи или хотя бы о практическом совете. Но я этого не сделал. Собственно, я и так знал, что именно посоветует мне шеф. На его месте я бы тоже сказал любому из своих друзей: «Убей его и немедленно возвращайся», потому что иной ответ был бы бессмысленным. И еще я знал, что не воспользуюсь таким советом, потому что связан по рукам и ногам сопереживанием. А это чувство куда более могущественное, чем обычная жалость, которая вечно сует свой нос в человеческие дела и обрекает нас на бесконечное повторение бессмысленных ошибок...

Впрочем, Джуффин сам прислал мне зов. «У тебя все в порядке?» — осведомился он.

«Почти», — лаконично ответил я.

Мне показалось, что шеф не слишком мне верит. Безмолвная речь не больно-то приспособлена для передачи эмоций собеседника, но я хребтом чувствовал его настороженность. Джуффин всегда был рядом со мной — в каком-то смысле — и, несомненно, почуял грозившую мне опасность.

«Со мной действительно все в порядке, просто дурные сны замордовали, — добавил я. — Вы же знаете, я боюсь высоты, так что все время буду на взводе, пока мои ноги не ступят на твердую землю... Ну или пока я не привыкну. Это было бы наилучшим выходом, правда?»

«Да уж», — снисходительно проворчал Джуффин. Мне показалось, что он успокоился. В конце концов, я был жив, да и говорил ему сущую правду. Ну, почти...

Попрощавшись с шефом, я снова умолк. Что-что, а проводить с Магистром Нуфлином «разбор полетов» мне уж точно не хотелось. Я был готов заплатить почти любую цену за возможность провести остаток пути в полном молчании. Но такое счастье мне не светило, конечно.

Нуфлин заговорил первым, и его голос звучал столь невозмутимо, что

недавние события снова показались мне бредом больного воображения, заслуживающим немедленного забвения.

— Передай мне кувшин с водой, будь столь любезен, — вежливо попросил он. Немного помолчал и с неподражаемой царственной снисходительностью добавил: — Если уж ты все никак не можешь решиться меня убить, потрудись сделать доброе дело.

Я передал ему кувшин, старательно избегая прикосновений. Нуфлин заметил проснувшуюся во мне почти суеверную брезгливость и ответил на нее взглядом, преисполненным снисходительного любопытства.

— Напрасный труд, мальчик. Старость, знаешь ли, не заразна, — заметил он, когда я снова забился в свой угол.

Грешные Магистры, как он это сказал! Наверняка хотел, чтобы его голос прозвучал насмешливо и язвительно, чтобы каждое слово превращалось в презрительную ледяную градину и больно щелкало по моей макушке, но в последнее мгновение старик дрогнул и обрушил на меня столько боли — половины ее хватило бы, чтобы отравить воды Великого Средиземного моря, над которым мы как раз пролетали!

Сначала мне показалось, что пошел мелкий дождь, и только потом я понял, что плачу. Вдруг вспомнил, что однажды в раннем детстве очень хотел зареветь, когда — подробности жирным нефтяным пятном вдруг всплыли на поверхность моей памяти — выяснил, что все люди непременно стареют и умирают.

Но тогда я не смог заплакать — впервые в жизни. До этого момента громкий требовательный рев исторгался из груди по любому поводу и быстро приносил облегчение. Я понял, что все эти годы носил в своем сердце маленький горький комок отчаяния. Старался запрятать его как можно дальше, то и дело переупаковывал в очередную спасительную философскую систему, сулившую смутную надежду на бессмертие, — а что еще делать, если избавиться от этого источника неизбывной тоски было не в моих силах?

И вот теперь наконец пришло время по-детски выплакать эту боль и принять свою судьбу, которая, вопреки моей тайной уверенности в собственной исключительности, была почти точной копией всякой человеческой участи.

— Старость заразна, и смерть заразна. Судьба заразна, — пробормотал я сквозь слезы, а потом внезапно успокоился и добавил, смутно удивляясь твердости собственного голоса: — Но в одном вы правы, прикосновения тут ни при чем. Все мы больны старостью и смертью — с рождения, тут уже ничего не попишешь... С чего вы решили, будто я стану вас убивать? Я

не могу держать на вас зла — просто потому, что знаю, от какого ужаса вы пытались избавиться. На вашем месте я бы и сам ухватился за любой шанс. И знаете что? Я восхищаюсь вами, потому что побывал в вашей шкуре. И теперь не могу понять, как вам удалось заставить себя бороться за возможность вернуться к жизни? Откуда вы черпали силу? Я не нашел ее источника в своем сердце, когда...

Я осекся, потому что окончание фразы — «когда я был вами» — показалось мне до безобразия нелепым. К тому же оно было не совсем точным. Я вдруг понял, что не просто побывал в шкуре Магистра Нуфлина. Случилось нечто большее, на мгновение я каким-то образом стал всеми умирающими стариками всех миров, всеми смертниками, доживающими последние дни перед исполнением приговора в жалкой, обветшавшей темнице.

Теперь я знал, что порой покой и смирение могут быть страшнее самого черного отчаяния. Поэтому злодейская выходка моего спутника не попала в мой личный архив под грифом «Подлое предательство». Тот, кому довелось хоть на мгновение оказаться в чужой шкуре, поостережется употреблять слова, чье звучание сходно с презрительными плевками. Пресловутое предательство Нуфлина сейчас казалось мне настоящим сокодвижением, черной жемчужиной, зловещей, но драгоценной. Оно было порождением величайшего мужества, которое, оказывается, может остаться в распоряжении человека, когда не только дряхлое тело, но и усталый дух его сдался на милость победительницы смерти.

Мое внезапное, иррациональное милосердие не было предназначено Великому Магистру Нуфлину Мони Маху лично. Черт с ним, с праведным мщением, но вряд ли я смог бы так легко пренебречь собственной безопасностью, если бы речь шла только об этом человеке, с которым я не был связан ни узами дружбы, ни оковами тайных клятв. Только служебным долгом, который, что греха таить, никогда не являлся для меня основным смыслом бытия.

Но Нуфлин — нечаянно, конечно, — позволил мне прикоснуться к восхитительной тайне. Теперь я знал, что иногда человек бывает способен бороться не просто до конца, а немного дольше — и еще как бороться! Отрубленная голова действительно может впиться зубами в горло палача. Слабое утешение для приговоренного, но другого нет и быть не может.

Это было чрезвычайно полезное открытие, если принять во внимание, что мне тоже предстояло когда-нибудь стать умирающим стариком. Конечно, в Ехо, где среднестатистический гражданин редко отправляется на кладбище прежде, чем отпразднует свой трехсотлетний юбилей, а

могущественные колдуны порой и вовсе растягивают свою жизнь на долгие тысячелетия, я мог надеяться, что дряхлым стариком я стану не слишком скоро. Но в тот момент, когда старость валит тебя на землю, связывает по рукам и ногам и принимается звать на помощь свою поделщицу смерть, тот факт, что позади осталось не семьдесят, а тысяча семьсот лет, не имеет никакого значения...

— Я не мог не попытаться, — просто сказал Нуфлин. — И я удивлен, что ты это понимаешь. Жаль, что ты оказался достойным противником... Но я вынужден признать, ты заслуживаешь лучшей участи, чем скоропостижная смерть от старости в этом немощном теле.

— Вы тоже, — сухо сказал я. — И не только вы. Все заслуживают лучшей участи, вот в чем ужас! — мой голос предательски дрогнул, а потом я неуверенно добавил: — Но возможно, это Царство Мертвых, Харумба, действительно сулит нечто лучшее, чем...

— Возможно, — старик пожал плечами. — Теперь мне придется на это надеяться, поскольку ничего иного не остается. Но одно я, увы, знаю наверняка: ничто не может сравниться с настоящей жизнью. А если и может... Я, видишь ли, не отличаюсь богатым воображением и не берусь представить себе, как будет выглядеть альтернатива.

— Вы выбрали меня потому, что я показался вам самым слабым противником? — спросил я, когда вновь воцарившееся тягостное молчание начало казаться мне невыносимым.

— Ну, скажем так, самым неопытным, наивным и доверчивым, — равнодушно ответил Нуфлин. — И в то же время твое могущество очень велико, что тоже было немаловажно для благополучного осуществления моего плана. Видишь ли, сила действительно оставила меня, так что оставался один выход — заставить жертву своими руками построить ловушку. Ну кто еще, кроме тебя, так легко и охотно поверил бы моим словам о какой-то нелепой охранный стене? Все более-менее опытные маги отлично знают, что невидимым защитником может стать нарисованный в воображении белый сверкающий плащ. А еще лучше, если удастся усилием воли превратить его в некое подобие шалаша... Да и тот действует не слишком долго и помогает лишь в тех случаях, когда имеешь дело со слабым противником. Незаменимая штука на войне или во время большой смуты, когда поневоле приходится сновать среди стрел и смертоносных снарядов бабума, но при встрече с могущественным колдуном — совершенно бесполезная! А ты юн и несведущ, поэтому принял мои рассказы на веру. Впрочем, это не принесло мне пользы, как видишь... Жаль, что я ничего не знал про этот чудесный меч, который почему-то

считает своим долгом оберегать тебя. Я бы просто выбрал кого-нибудь другого.

Я внутренне содрогнулся, когда представил себе, что на моем месте мог бы оказаться сэр Мелифаро: он у нас тоже весьма могущественный парень... и почти такой же неопытный болван, как я сам. К тому же ему на роду написано то и дело влипать в разнообразные неприятности. Пожалуй, у него не было бы никаких шансов выкрутиться. А потом в Ехо вернулся бы наш Мелифаро, и мы получили бы отличную возможность как следует посмеяться по поводу некоторых забавных перемен в его характере, только и всего... Ужас!

— Закроем эту тему, ладно? — предложил я. — Будем считать, что ничего не случилось.

— Очень великодушное предложение, мальчик, — невесело усмехнулся Нуфлин.

— Ответьте мне взаимностью и больше не пытайтесь повторить этот ваш фокус, — устало сказал я. — Меч все равно меня защитит, а паскудные ощущения достанутся нам обоим. Я-то переживу, пожалуй, а вот вам такие потрясения ни к чему. Мне поручили доставить вас в Харумбу живым, и мне не хочется...

— Можешь меня не уговаривать, я себе не враг, — кивнул он.

Я добыл из Щели между Мирами чашку крепчайшего эспresso, несколько крошечных галет, вроде тех, что подают в некоторых забегаловках в качестве бонуса, и сигарету. Но через несколько минут мне пришлось брезгливо испепелить остатки этого скромного завтрака: я не чувствовал ни вкуса, ни аромата, только легкую тошноту, похожую на первый приступ морской болезни.

Чтобы немного прийти в себя, я поднялся на ноги, выглянул в одно из маленьких смотровых окошек и невольно заулыбался: далеко внизу переливалась в сумрачном свете пасмурного дня жемчужная пыль фонтанов.

«Неужели киты?» — изумился я и почти незаметным волевым усилием заставил летающий пузырь опуститься пониже. Моему взору открылось восхитительное зрелище: среди невысоких волн вальяжно резвилась четверка морских гигантов, поразительно похожих на китов моей родины. Только золотисто-рыжий цвет их блестящей кожи напоминал о том, что дело происходит в другом Мире. С размерами определиться было трудно. Сначала мне показалось, что они даже больше, чем киты моего Мира, потом я сделал скидку на расстояние и тот прискорбный факт, что до сих

пор я не видел вблизи ни одного кита, и понял: объективных данных моя голова все равно не выдаст.

— Сэр Макс, неужели ты решил, что теперь нам обоим самое время утонуть? — с неподражаемой иронией осведомился мой спутник. — Ой, если бы ты спросил старого Нуфлина, как он хочет умереть, знаешь, что бы я тебе на это сказал? Только не в холодной воде! У меня от нее кости ломит...

— Нет, топиться мы не будем. Там киты, — объяснил я, не отрываясь от окошка. — Я их еще никогда не видел, разве только на картинке в Энциклопедии Манги Мелифаро...

— Киты? Да что ты говоришь?!

К моему изумлению, Магистр Нуфлин разволновался не на шутку. А я-то думал, что я тут один такой «юный натуралист», способный забыть обо всем на свете, разглядывая изумительные туши этих грациозных громадин.

— Рыженькие, — нежно мурлыкнул я, чувствуя, как по моей физиономии, все еще перекошенной после давешних неприятностей, расползается идиотская блаженная улыбка.

— А не мог бы ты помочь мне подняться? — вдруг спросил Нуфлин. — Мне бы не хотелось пропустить такое знаменательное событие, — добавил он, как мне показалось, довольно смущенно.

— А оно именно знаменательное? — растерянно уточнил я, помогая ему выбраться из кресла.

Великий Магистр ничего не ответил, а припал к смотровому окошку и замер — как маленький ребенок, честное слово! Через несколько минут мой локоть, в который он вцепился, чтобы сохранять равновесие, взмолился о пощаде, но я не решался шелохнуться: если уж умирающему старику приспичило посмотреть на китов — что ж, его право!

— Спасибо, Макс, — наконец сказал Нуфлин. — Усади меня в кресло, пожалуйста.

Я помог ему устроиться в кресле и тут же сам припал к окошку. Киты постепенно удалялись, но скрываться под водой, вроде бы, не собирались, так что можно было продолжать любоваться.

— А знаешь, это очень добрый знак, мальчик, — неожиданно сказал Магистр Нуфлин из-за моей спины.

— Еще бы! Киты все-таки! — тоном знатока подтвердил я.

— Обычно они не заплывают в Великое Средиземное Море, — пояснил мой спутник. — И вообще в нашей полушарии киты — большая редкость. Вот поближе к Арвароху их много... Моряки с Хонхоны считают встречу с китом наилучшей приметой: она означает, что все вернутся домой

живыми, да еще и с прибылью, огромной, как китовая туша. А мы встретили не одного кита, а сразу четырех.

— Значит, все будет хорошо, — я обернулся к нему и искренне улыбнулся. — Ваша Харумба окажется замечательным местом, вот увидите! А я вернусь домой живым, что тоже не может не радовать...

— Ой, Макс, не прибедряйся! Тебе и примет никаких не нужно, — усмехнулся Нуфлин. — Ты — одно из самых живучих существ в этом Мире, в чем я имел честь самолично убедиться.

— Ничего, лишний добрый знак и мне не помешает, — вздохнул я, с облегчением отметив, что обстановка необъяснимым образом разрядилась.

Спасибо китам: если бы не они, вряд ли бы мы стали так непринужденно болтать — два человека, отрезанные от мира многими дюжинами футов и высокими бортами корзины бесхитростного летательного аппарата, охранник и его подопечный, неудачливый убийца и его ошеломленная жертва, не в меру великодушный судья и оправданный преступник — все это, с позволения сказать, в одном флаконе.

— Рыжие здесь киты, — еще раз сказал я. Сочетание звуков в слове «рыжие» необъяснимым образом ласкало мое нёбо и идеально соответствовало не только окраске китов, но и восторженной нежности, которую я к ним испытывал. — Там, где я родился, рыжих китов не бывает, — с внезапной откровенностью сообщил я Нуфлину. — Они там... — я запнулся, подбирая определение, и наконец нашел: — ...темные, как сумерки в пасмурную погоду.

— А в том Мире, где ты родился, тоже есть киты? — любопытствовал Нуфлин.

— Ага, — кивнул я.

Мы снова замолчали, но на сей раз молчание было не гнетущим, а умиротворенным.

* * *

Незадолго до заката я почувствовал странное беспокойство. Странное потому, что оно родилось не в моем собственном сердце, а пришло извне. Ощущение было похоже на внезапный порыв ветра, иначе не скажешь.

— Что-то случилось? — сразу спросил я своего спутника.

— Еще не знаю, — настороженно ответил он. — А что ты почуял?

— Ничего определенного. Но...

— Что-то переменилось, — кивнул он. — И знаешь, что я тебе скажу?

Мне это не нравится. Хуже всего, что я никак не могу понять, что именно происходит: то ли просто погода портится, то ли надвигаются настоящие неприятности.

— Сейчас окажется, что ваши старинные враги — никакой не миф, а самая что ни на есть суровая правда, — вздохнул я. — Ладно, если что — будем драться. Куда ж я денусь?..

Я не успел договорить, потому что началось черт знает что. Небо разверзлось и пролилось на нас огненным дождем.

Черт, я понимаю, что неуместный пафос делает мою попытку достоверно обрисовать ситуацию беспомощной и неуместной, но что я могу поделать, если небо действительно именно разверзлось и пролилось на нас огненным дождем — не больше, и не меньше! Разноцветные брызги холодного огня не обжигали кожу, зато они стирали с лица земли наш летающий пузырь, да и нас, его пассажиров, тоже. Я успел заметить, что мое тело зияет зловещими прорехами, как рваное лоохи портового нищего, и испытал ужас, описать который не берусь: все мои прежние страхи не имели никакого сходства с этим всепоглощающим чувством.

Но у меня в запасе все же было одно-единственное коротенькое мгновение. Его бы не хватило на размышления и поиски выхода, зато хватило на действие — судорожный, но мощный рывок под сень стены из белого кирпича, которая, как ни крути, была раз и навсегда воздвигнута в моем сознании. Разумеется, я бы ни за что не стал этого делать, если бы у меня была возможность обдумать свои действия. Оказывается, иногда паника может спасти жизнь, кто бы мог подумать!

Мне снова пришлось испытать сокрушительную, тошнотворную слабость умирающего старика, содрогнуться от ужаса при виде собственного сведенного судорогой тела; вернуться наконец к себе и заорать от жгучей боли в груди, смешанной с восторгом новорожденного. Хвала Магистрам, все это продолжалось очень недолго, словно бы услужливый киномеханик великодушно промотал пленку в ускоренном режиме, бормоча под нос: «Это мы уже видели».

По счастью, я не только отлично помнил события, которые предшествовали повторению одного из самых неприятных эпизодов моей жизни, но и сумел довольно шустро сообразить, что случилось.

Оказавшись на самом краю, я инстинктивно рванул под защиту своей белой стены. Ничего удивительного, в течение нескольких дней я строил ее в полной уверенности, что она защитит меня от всех напастей. Мне, конечно, доходчиво объяснили, что это бессовестное вранье, но сжиться с новой концепцией я пока не успел.

Все к лучшему. Могущество ловушки каким-то образом протащило меня сквозь время и грубо швырнуло на пол корзины, «мордой в говно», как непременно сказала бы моя бабушка, крупный специалист по бытовым невзгодам.

Впрочем, это, с позволения сказать, сальто назад с переворотом пришлось исполнить не только мне. Магистр Нуфлин сидел в своем кресле — смертельно бледный, взволнованный, зато вполне живой. К счастью, он оказался крепче, чем мы предполагали перед отъездом. От таких потрясений кто угодно мог бы свалиться с инфарктом, а ему хоть бы хны!

— Вы поняли, что случилось? — взволнованно спросил я.

— Думаю, что да.

Нуфлин замялся, а потом торопливо добавил:

— Видишь ли, до сих пор я не слишком часто использовал этот прием с белой кирпичной стеной, и мне в голову не приходило, что такая ловушка способна перенести своего пленника сквозь время... А, собственно, как ты это сделал? — с показным равнодушием спросил он.

Я понял, что Магистр Нуфлин умирает от любопытства, но за свою долгую жизнь законного властителя и признанного мудреца он давным-давно отвык обращаться за разъяснениями, особенно к сопливым неوفитам вроде меня. Но вот ведь обуздал гордыню. До чего любопытство людей доводит!

Но тут еще поди объясни...

— В общем, тут и рассказывать-то нечего, — я даже по сторонам стал оглядываться, словно бы в надежде отыскать подходящее слово где-нибудь на полу, среди дорожных сумок и одеял. — Когда все... ну, или не все, а только мы с вами стали... ну, что ли, таять под этим огненным дождем... В общем, я ударился в панику, перестал соображать, забыл, что ваша стена была ловушкой. И воссоздал ее в своем воображении, словно она может меня спасти. И, как видите, действительно спасла. Хотя все это было довольно неприятно.

— Полностью с тобой согласен, — кивнул Нуфлин. — Не так неприятно, как в первый раз, и все же... Будь любезен, выгляни-ка в окно.

Я послушно обернулся к смотровому окошку и обнаружил, что последние остатки заката все еще размазаны по нижнему краю блеклых облаков.

— Начало ночи? — лаконично спросил Нуфлин.

— Ну да. Судя по всему, она только что наступила. И это подтверждает самую ужасающую из моих версий.

— Да, ты прав. Судя по всему, мы действительно вернулись в прошлое и были вынуждены еще раз его пережить, — задумчиво сказал он. — Ты каким-то образом получил некоторую власть над временем, что само по себе удивительно.

— Здорово, что мы с вами сохранили воспоминания обо всем, что случилось, — заметил я. — Я помню и наш тяжелый разговор, и китов, и весь этот кошмар, который случился под вечер. Вы тоже все помните, верно?

— Разумеется, — кивнул Нуфлин. — И это не только избавляет нас от необходимости снова толочь воду в ступе, но и сулит надежду на спасение. Теперь мы оба заранее знаем, что нас ждет завтра на закате, и, возможно, сумеем надлежащим образом подготовиться к неприятностям. По крайней мере, у нас есть время как следует подумать.

— Изменить курс? — тут же предложил я. И сам понял, что сморозил глупость: существо, заставившее небеса истекать смертоносным ледяным пламенем, наверняка сможет найти и поразить нас где угодно, хоть на дне моря, — было бы желание.

Мы немного помолчали, потом я нерешительно спросил:

— А что если все-таки попробовать уйти Темным Путем? Джуффин говорил мне, что вы наотрез отказались путешествовать таким способом, но теперь я думаю, что дело вовсе не в том, будто чужая магия опасна для вашей жизни...

— Правильно думаешь. Особой опасности тут для меня нет. Просто, путешествуя Темным Путем, я бы не успел заманить провожающего в ловушку, — сухо согласился он. — Что ж, не ошибаются только мертвые. Но кусать локти уже поздно.

— Подождите, почему поздно? — изумленно спросил я. — Вы же сами знаете, до заката у нас куча времени...

— Но, к сожалению, недостаточно, чтобы добраться до ближайшего клочка суши. Можешь не хвататься за карту, я и без нее отлично знаю каждый клочок пространства в этой части Мира, — печально заметил старик. — Не понимаешь? Если хочешь воспользоваться Темным Путем, нужно, чтобы ноги твердо стояли на земле. Ну или на полу, в доме, который построен на земле, — этаж, хвала Магистрам, не имеет значения. Но уйти Темным Путем отсюда, из этой корзины... Решительно невозможно! Даже не пробуй, а то навлечешь беду на себя и на меня, вот что я тебе скажу.

— Ну мы и влипли, — разочарованно вздохнул я. — И что делать будем? Говорил же я вам, что охранник из меня никудышный.

— Что ж, другого все равно нет, — философски пожал плечами

Магистр Нуфлин. — Впрочем, ты уже спас нас обоих от неминуемой гибели. Так что не прибедайся, мальчик.

— Послать, что ли, зов Джуффину? — неуверенно предложил я. — Может быть, он знает?

— Ни в коем случае! Даже не вздумай ни с кем разговаривать, — резко сказал Нуфлин. Потом, смягчившись, добавил: — Пойми, Макс, сейчас мы заново переживаем события, которые уже случились с нами однажды. Не стоит отягощать эту ситуацию, и без того двусмысленную и опасную, лишними контактами с внешним миром. Я не знаю, каковы могут быть последствия, но поверь мне на слово, с временем лучше не шутить. Ему палец в рот не клади: сведет с ума и проглотит, ты и пикнуть не успеешь.

— Ладно, — растерянно согласился я. — Но что в таком случае мы будем делать?

— Думать, — строго сказал старик. — Впрочем, можешь не слишком себя утруждать. Лучше успокойся и съешь что-нибудь. На тебе лица нет.

Последовать его снисходительному совету оказалось чертовски трудно. Мне кусок в горло не лез. Впрочем, Магистр Нуфлин не считал нужным контролировать, как я справляюсь с этой задачей. Он неподвижно сидел в своем кресле, прикрыв глаза: не то действительно думал, не то дремал. Я оставил попытки изнасиловать свой взбунтовавшийся организм порцией чего-нибудь съестного и заступил на вахту у окошка. Решил проверить, объявятся ли наши киты. Это почему-то было для меня очень важно.

Золотистые спины морских гигантов появились в срок.

— А вот и киты, — сообщил я Нуфлину. — Здесь они, приплыли как миленькие.

Он равнодушно кивнул. К смотровому окошку на сей раз не попросился.

— Вы еще ничего не придумали? — нетерпеливо спросил я. — А то смотрите, могу подключиться.

Все мои давешние заслуги вместе взятые не избавили меня от ехидного молчания Магистра Нуфлина. Уверен, в прежние времена, когда старик еще был в силе, я бы тут же грохнулся замертво — настолько ядовитым был взгляд, которым он меня смерил.

«Так, в мой могучий интеллект он явно не верит, — весело подумал я. — И никто в него не верит, разве что мой пес, да и тот по доброте душевной».

— Что ж, не хотите, чтобы я думал, — не буду. Но скажите, вы хоть

догадываетесь, кто на нас нападал?

— Я не догадываюсь, я знаю, — пожал плечами Нуфлин. — А толку-то... Его имя на хлеб не положишь. Скажу тебе больше: его и вслух-то произносить нежелательно.

— Хонна, Великий Магистр Ордена Потаенной Травы?! — изумился я.

Теоретически мне следовало бы испугаться, но я обрадовался. Этот легендарный персонаж уже давно тревожил мое воображение — с тех самых пор, когда Джуффин подарил мне его головную повязку, которая, увы, сгорела, спасая меня от верной смерти. А уж сколько раз она оберегала мой сон, пока была моим талисманом, — и не сосчитать!

— Ты что, спятил? — возмутился Нуфлин. — Его имя нельзя произносить вслух. Это смертельно опасно.

— Но я-то жив, как видите. Мне однажды объяснили, что замертво упадет только тот, кто питает к Магистру Хонне недобрые чувства. Так что мне ничего не грозит. В свое время у меня хранилась одна его вещица... Вернее, это я у нее «хранился» — такой хороший был защитный амулет! Если бы не Магистр Хонна, меня бы уже давным-давно в живых не было. Можете себе представить, насколько теплые чувства я к нему испытываю!

— Ну, если ты так уверен... Что ж, поступай как знаешь, — неохотно согласился мой спутник.

— А почему вы полагаете, что это именно он? — взволнованно спросил я. — Неужели Магистр Хонна ваш самый злейший враг? Странно, ведь Орден Потаенной Травы был распущен не по вашей милости, а по его собственной инициативе...

— Он, возможно, не самый злейший враг, хотя свои счета у нас всегда были. Да с кем их только у меня не было!.. — неохотно сказал Нуфлин. — Но не в этом дело. Хонна — единственный, кто покинул Ехо с намерением найти силу в удалении от Сердца Мира, там, где прочие мастера Очевидной магии становятся беспомощными, как младенцы. И у меня есть сведения из самых надежных источников, что его усилия не пропали даром. Все очень просто, Макс, никто другой не смог бы заставить вечность излиться на нас холодным дождем. Скажу тебе больше, сейчас у моих бывших противников, даже если бы они собрались все вместе, вряд ли хватило бы могущества повредить наш летающий пузырь и обрушить его в море — пустяковый фокус, который в прежние времена был под силу любому из Младших Магистров какого-нибудь заштатного Ордена.

— Значит, никто, кроме Магистра Хонны, просто не смог бы ничего с нами сделать? — уточнил я.

— Разве что его любимый ученик, Фило Мелифаро, дед твоего

приятеля, — неохотно сказал Нуфлин. — Я слышал, что Фило не только последовал за своим учителем, но и достиг значительных успехов на этом темном для моего понимания пути. Но Фило слишком добродушен. И слишком молод для таких дел.

— Ясно, — кивнул я. Бросил прощальный взгляд на рыжие спины беззаботных морских гигантов, резвящихся далеко внизу, — тоже мне, хорошая примета! — уселся на пол и задумался.

Ничего гениального я, разумеется, не придумал. Зато с удивлением понял, что уверенность Нуфлина в том, что на нас охотится Великий Магистр Хонна, подействовала на меня весьма успокаивающе.

Я больше не мог бояться, как ни старался. Сколько ни твердил себе, что мой внезапный героизм неуместен и порожден легкомыслием молодого идиота, уверенного в несокрушимой силе своего обаяния, но предстоящее нам повторение давешнего приключения не вызывало у меня почти никакой тревоги — ну, разве что самую малость. Если бы выяснилось, что сегодня вечером мне придется посетить стоматолога, я бы, вне всякого сомнения, разволновался куда больше.

«Дурак!» — сердито сказал я себе, когда окончательно понял, что трачу драгоценное время на сущую ерунду. Вместо того чтобы искать выход, сижу, мечтаю, сколь захватывающие и поучительные беседы могли бы вести мы с Магистром Хонной, если бы судьба предоставила нам возможность перекинуться словечком за кружечкой камры вместо всех этих хлопот вокруг Магистра Нуфлина, и без того едва живого.

Слово «дурак» не произвело особого впечатления на ту часть моего сознания, которая была поглощена ударным строительством воздушных замков. Пришлось пойти на крайние меры. В течение нескольких минут я рисовал перед внутренним взором ужасающие картины полного исчезновения меня, любимого, с лица земли.

«Пойми, кретин, тебя прихлопнут просто так, за компанию, — объяснял я себе. — Ему нет никакого дела до тебя. Когда террорист кладет бомбу в автомобиль своей жертвы, он вряд ли станет задумываться о судьбе мухи, беззаботно ползающей по сиденью. И уж тем более не станет отменять задуманное ради спасения несчастного насекомого. Скорее всего, муху вообще никто не заметит. А в данной ситуации ты и есть та самая муха!»

Надо отдать мне должное: уж если я решил испортить себе настроение, то своего добьюсь, рано или поздно. Я наконец-то оценил безвыходность ситуации, в которую влип. К тому же ощущать себя мелкой,

незначительной фигурой, которую, не задумываясь, принесут в жертву во имя великой цели, было чертовски обидно. За годы, проведенные в прекрасной столице Соединенного Королевства, я привык ощущать себя значительной персоной, центральной фигурой чуть ли не любого происшествия. Моя жизнь не раз подвергалась опасности, но никогда еще меня не убивали просто так, за компанию с какой-нибудь важной шишкой.

«Ну вот, — рассудительно сказал я себе, — не хочешь быть случайной жертвой — и не надо. Постарайся объясниться с этим гением, Великим Магистром Хонной, пока не поздно. Авось выпросишь у него помилование для Нуфлина или хоть для себя, любимого... М-да, «только для себя» — это, конечно, выйдет изрядное свинство. И все же лучше, чем ничего!»

Моя идея — ее, строго говоря, и идеей называть не следовало — казалась простой до безобразия. Я решил провести переговоры с нашим — не то бывшим, не то будущим, с этими путешествиями во времени свихнуться можно! — противником.

Принять такое решение было проще простого. Оно казалось вполне очевидным, и что особенно важно — единственным. А вот с его осуществлением были серьезные проблемы.

У меня до сих пор то и дело возникают мелкие недоразумения с Безмолвной речью: устаю я от нее слишком быстро, иногда даже умудряюсь временно потерять собеседника, совсем как в те времена, когда я был счастливым обладателем самого раздолбанного телефонного аппарата во Вселенной. А уж установить Безмолвный контакт с человеком, которого никогда в жизни не видел...

Ох, у меня были все основания сомневаться в успехе задуманного дипломатического мероприятия! Но стоило хотя бы попробовать, поскольку мне не улыбалась перспектива навсегда увязнуть в сегодняшнем дне. А уж возможность героически погибнуть за компанию с Магистром Нуфлином вызывала у меня чувства, весьма далекие от энтузиазма.

Поскольку единственной зацепкой, которая связывала меня с Великим Магистром Хонной, как ни крути, была его головная повязка, я сосредоточился и принялся восстанавливать в памяти облик этой вещицы, давным-давно сгоревшей от прикосновения «Тонкой смерти».

Было бы что вспоминать, конечно. Обыкновенная старая тряпочка, выгоревшая на солнце до полного исчезновения цвета. Такой блеклый, изжелта-серый лоскуток тонкой ткани, на ощупь напоминающей прохладный шелк... Но я проявил завидное упорство. Бабочка, настойчиво бьющаяся об оконное стекло, по сравнению со мной — сущая бездельница и разгильдяйка!

В конце концов перед моим внутренним взором возникли даже спутанные коротенькие нитки, топорщившиеся по краям могущественной тряпочки. Но это была только половина дела, причем левая половина. Теперь мне предстояло вспомнить бывшего владельца этой повязки. Ага, легко сказать — «вспомнить»! Человека, которого я не видел никогда в жизни. То еще развлечение...

Сам не знаю как, но кое-что мне удалось. Не то чтобы я действительно вспомнил Великого Магистра Хонну, но мне удалось почувствовать, что между нами существует некая связь — весьма поверхностная и, можно сказать, ни к чему не обязывающая. Нечто похожее ощущает порой новый владелец дома, когда смотрится в старое зеркало и почти видит там размытые отражения прежних жильцов.

И я знал, что сам Магистр Хонна, где бы он ни был, чем бы ни занимал свой ум, сейчас тоже настороженно прислушивается к странному беспокойству, чувствует, что кто-то незнакомый хочет установить с ним Безмолвный контакт. Оставалось надеяться, что он все так же любопытен, как в старые времена, когда абстрактное влечение к тайне сорвало его с насиженного места и повлекло на край света, по темным лабиринтам новой, чужой, не подогнанной по росту судьбы.

Хвала Магистрам, Магистр Хонна действительно заинтересовался происходящим. Ему не составило труда разыскать меня и обрушиться на мою горемычную голову градом вопросов: «Что такое? В чем дело? Ты кто?»

«Хороший день, — вежливо сказал я. — Прошу прощения, что пришлось вас потревожить. Меня зовут Макс. Мы с вами не знакомы. Вернее, это вы со мной не знакомы, а я очень много о вас слышал. Скажу больше: в свое время сэр Джуффин Халли подарил мне вашу головную повязку, и она не раз спасала мне жизнь, за что я вам глубоко признателен».

«Погоди, — остановил меня он. — Хочешь сказать, что ты просто решил выразить мне свою признательность? Чушь какая!»

«Нет, — честно признался я. — Ради того, чтобы просто сказать спасибо, я бы вряд ли решился вас беспокоить. Да и не вышло бы ничего. Установить Безмолвную связь с человеком, которого я никогда не видел, — до сих пор мне такое чудо было не по плечу! А невозможное я совершаю, только когда меня припрут к стенке».

«Выходит, тебя только что приперли к этой грешной стенке? Очень любопытно, — отозвался мой невидимый собеседник. — Ну-ну, продолжай».

И я продолжил. Выложил ему все, как духовнику на исповеди. Сначала сообщил, что я и есть тот самый единственный и неповторимый «счастливчик», на которого возложили ответственность за доставку Магистра Нуфлина в Харумбу. Эта новость, как и следовало ожидать, не произвела на моего собеседника должного впечатления. Он, как я заранее опасался, тут же вознамерился закончить разговор. Я выпросил еще одну минуту внимания и поведал Хонне, что мы уже успели подвергнуться атаке, которую он запланировал на сегодняшний вечер. То есть для него это событие пока было делом неопределенного, хоть и тщательно распланированного будущего, а для нас — прошлым.

Испытывая законную гордость единственного в своем роде специалиста по невозможному, я добавил, что нам с Нуфлином удалось удрать от его грозной ворожбы в спасительное утро уже прожитого дня. Магистр Хонна изумился, но был вынужден поверить мне на слово: я довольно достоверно описал, как именно выглядела его атака.

Теперь об окончании беседы и речи быть не могло. Этот бывший-будущий агрессор временно забыл о своих счетах с Нуфлином и жаждал полноценного профессионального общения.

В первую очередь Магистр Хонна пожелал выяснить, с кем он имеет дело. Пришлось изложить ему сокращенную версию своей занимательной биографии. К счастью, мне как-то удалось произвести благоприятное впечатление — не столько благодаря собственным достоинствам, сколько потому, что Хонна с известной симпатией относился к подавляющему большинству моих добрых приятелей, начиная с семейства Мелифаро, чьи предки были адептами Ордена Потаенной Травы, и заканчивая сэром Мабой Калохом, с которым мой собеседник, оказывается, был дружен — насколько могли быть дружны Великие Магистры двух разных Орденов. Скажем так, эти достойные джентльмены ни разу не попытались вцепиться друг другу в глотку. По тем временам такие взаимоотношения считались наивысшим проявлением братской любви!

«Ладно, — резюмировал Магистр Хонна, когда я уже был близок к обмороку от переутомления. — С тобой мне все более-менее ясно. Чего я не понимаю — с какой стати ты взялся защищать Нуфлина? Ну, положим, у тебя нет к нему никаких претензий. Опять же, так называемый служебный долг... Надеюсь, ты не придаешь слишком большого значения этому словосочетанию?»

«Если честно, этому словосочетанию я не придаю почти никакого значения. Но вы забыли, мы с ним сидим в одной корзине. Так что и погибать, в случае чего, будем вместе. Вам не кажется, что это весьма

веский довод?»

«Что ж, резонно, — согласился он. — Но тебе ничего не грозит, Макс... Я не перепутал? Тебя ведь именно так зовут? Можешь быть спокоен, меч Короля Мёнина не даст тебе умереть. Впрочем, не обязательно полагаться на его защиту. Я могу извлечь тебя из корзины летающего пузыря, прежде чем...»

«Соблазнительный вариант, — мрачно откликнулся я. — И довольно паскудный, как и положено всякому настоящему соблазну. Нуфлин Мони Мах, мягко говоря, не относится к людям, без которых моя жизнь утратит смысл. И не думаю, что сэр Джуффин Халли уволит меня из Тайного Сыска, когда узнает, что я с треском провалил это задание. Скорее уж похвалит за то, что сам жив остался. Но... Как-то очень уж гнусно выйдет, если я эвакуируюсь и оставлю старика пропадать. И вообще, зачем вам все это?»

«Что — вс?»

«Зачем вам убивать дряхлого старика, который и без того едет умирать? Ну, положим, он здорово насолил вам в свое время... Хотя, насколько мне известно, вам-то он как раз не слишком насолил, вы добровольно покинули Ехо в самом начале Смутных Времен, по каким-то своим соображениям, верно? И ребята из вашего Ордена, по-моему, пострадали гораздо меньше, чем другие, — никто не погиб, все разбежались, а изгнание не такое уж великое зло, если даже вы сами сочли его единственным достойным способом обрести невиданное могущество... И ведь, судя по всему, обрели!»

«Все правильно, — согласился Магистр Хонна. — Длительное пребывание в Сердце Мира не идет на пользу тому, кто хочет чего-то большего, чем кухонная магия. Доступность чудес развращает не меньше, чем их полное отсутствие, а странствия дают шанс обрести некую золотую середину. Так что изгнание действительно может пойти на пользу тому, чей дух достаточно тверд, чтобы не сломиться под бременем неизбежных неудач, преследующих неофита... Но я и не занимаюсь личной местью. Я лишь восстанавливаю справедливость. Не больше, но и не меньше. На руках Нуфлина слишком много крови — и какой! Самой лучшей крови, которая текла в жилах самых могущественных колдунов Соединенного Королевства».

«Не только на его руках, — возразил я. — Насколько я успел изучить историю этих ваших Смутных Времен, кровью все до ушей перемазались. Почему именно Нуфлин? Или это только начало вашей работы с длинным-длинным списком?»

«Не говори ерунду. Нет у меня никакого длинного списка. Нуфлин — особый случай. Видишь ли, он не только зачинщик смуты — если уж на то пошло, покойный Король приложил не меньше усилий, чтобы развязать гражданскую войну. Но Нуфлин, пожалуй, единственный, кто получил от нее настоящее удовольствие. Можешь мне поверить, он отдавал приказы об убийствах не потому, что смиренно подчинялся необходимости. Скорее уж наоборот, Нуфлин силой вынудил необходимость подчиниться его тайным властолюбивым мечтаниям, замешанным на зависти, трусливой осторожности и неизбежном одиночестве. Вот, к примеру, Кеттариец, твой нынешний начальник, — тот никогда не испытывал личной ненависти к своим жертвам. И уж тем более не радовался, совершая очередное убийство. Просто следовал своей странной судьбе со смирением истинного странника. Поэтому с него и спроса никакого — по большому счету, разумеется, а другой счет меня не интересует. А вот Нуфлин очень искренне ненавидел каждого, за чьей жизнью посылал своих наемников. И столь же искренне радовался, получая в подарок очередную голову. Впрочем, ненависть — не самый тяжкий его грех. Он убивал тех, кому завидовал. И тех, кого опасался. Тех, кто при всем своем несовершенстве был лучше, чем он. Он уничтожал весьма избирательно — лучших из лучших. Ты хоть понимаешь, о чем я толкую?»

«Пожалуй, понимаю. Да, действительно мерзкий тип. Что у него в голове делалось — представить тошно! Но... Да какая, к Темным Магистрам, разница, почему он это делал? Это осталось в прошлом. А прошлое — прошло. Тогда — это тогда, а сейчас — это сейчас, и я, хоть убейте, не могу связать их в единую непрерывную цепочку. Если бы вы собирались убить того Нуфлина, который отдавал эти приказы, — что ж, вряд ли я стал бы вам мешать. Но сейчас это не имеет значения. Тот Нуфлин, которого вы приговорили к смерти, и без того давным-давно исчез. Остался только совершенно беспомощный, дряхлый старик. Такая участь сама по себе достаточное наказание. Мне пришлось побывать в его шкуре, поэтому я знаю, о чем говорю».

«Не понимаю, что ты имеешь в виду, — перебил меня Магистр Хонна. — Ты побывал в его шкуре? Но каким образом? Что ты имеешь в виду? Объясни».

И мне пришлось рассказать о последней гастроли Магистра Нуфлина. Без этой предыстории мне не удалось бы объяснить Хонне, каким образом я — не на крыльях пылкого воображения, а целиком, со всеми потрохами — оказался в шкуре своего подопечного.

«Ну ты даешь!» — резюмировал он, когда я закончил объяснения.

К этому моменту мою одежду можно было выжимать, а перед глазами весело плясали разноцветные пятна, верные спутники полуобморочного состояния. Еще полчаса назад я благополучно установил новый личный рекорд продолжительности непрерывного Безмолвного диалога, а конца нашей беседе по-прежнему не было видно.

«Понимаю, со стороны я наверняка выгляжу не то идиотом, не то благородным рыцарем, — вздохнул я. — Но на самом деле...»

«На самом деле ты — нечто среднее, — перебил меня Магистр Хонна. — Впрочем, это твое личное дело. Не мне судить человека, с которым произошло нечто выходящее за пределы моего опыта. Что ж, я должен обдумать наш разговор, да и ты, кажется, выбился из сил. Можешь перевести дух. И не беспокойся о том, как снова установить со мной Безмолвную связь, я сам найду тебя через час-другой».

«Спасибо, — с облегчением выдавил я. — До свидания».

«Такой воспитанный молодой человек! — насмешливо заметил он на прощание. — Просто чудо какое-то! Хотел бы я знать, сэр Макс, у тебя есть хоть какие-то обычные человеческие пороки?»

Чего-чего, а этого добра всегда хватало; наскоро составленный список мог бы насчитать не одну дюжину пунктов. Но отвечать я уже был не в состоянии, так что вопрос повис в воздухе.

Сделав несколько медленных, глубоких вдохов и выдохов, я кое-как расслабил окаменевшие мускулы живота и потянулся к дорожной сумке. Мне срочно требовалось переодеться: даже Мантия Смерти насквозь пропиталась потом, о прочих тряпках и говорить нечего.

Переодевшись в сухую скабу и закутавшись в теплое туланское лоохи, я почувствовал себя достаточно живым, чтобы наконец уделить внимание своему спутнику.

Оказалось, что Магистр Нуфлин смотрит на меня с неподдельным интересом, как отвыкший от полевой практики антрополог на татуированного жителя джунглей.

— Что с тобой происходит? — наконец спросил он. — То сидел, закатив глаза, — спасибо хоть в обморок падать не стал! — то вдруг раздеваться начал... Только не вздумай сойти с ума прежде, чем я окажусь в Харумбе. Потом — твое дело!

— Вы поздно спохватились, — злорадно сказал я. — С ума я сошел так давно, что исправлять сей прискорбный факт уже поздно. Но, вообще-то, я просто беседовал с нашим противником. Решил, что для начала можно попробовать найти с ним общий язык — почему нет? Уроженцы Кеттари,

например, считают, что два хороших человека всегда могут договориться. А мы с Магистром Хонной хоть и не кеттарийцы, но вполне славные ребята. Устал я зверски, вот что скверно. Эта Безмолвная речь когда-нибудь меня в могилу загонит!

— И до чего же вы договорились? — в голосе Нуфлина появились недоверчивые интонации.

Его можно было понять. На его месте я бы и сам дергался. Увы, в критических ситуациях самые симпатичные личности порой начинают вести себя по-свински — такова человеческая природа, и чем дольше живешь на свете, тем лучше понимаешь, как мало исключений из этого правила, Люциферу никаких пастей не хватит! А Магистр Нуфлин жил очень долго. Настолько долго, что вполне мог решить, будто исключений не бывает вовсе.

— Мы пока не договорились, — честно признался я. — Я довольно долго объяснял ему, что вас не надо убивать. Некоторые аргументы казались ему смехотворными, к другим он вроде бы прислушался. Теперь Магистр Хонна взял тайм-аут. Будет думать. Надеюсь, моя пламенная речь произвела на него впечатление. Это было бы самым простым выходом из положения, правда? Если учесть, что драться с ним вы уже не можете, а я еще не могу...

— Если тебя интересует мое мнение, имей в виду, что я не думаю, будто этого упрямца так просто уговорить, — проворчал Нуфлин. — Хотелось бы, конечно. Потому что я пока ничего путного не придумал. Есть в моем арсенале пара-тройка фокусов, специально для такого случая, но я, как видишь, не в лучшей форме, а ты, пожалуй, не справишься. Для таких чудес требуется не только могущество, но и некоторый опыт в высокой науке ненависти, тебе совершенно недоступной.

Он адресовал мне укоризненный взгляд (оставалось только удивляться его способности перекладывать проблемы с больной головы на здоровую) и сварливо добавил:

— Взял бы я с собой Кеттарийца и горя теперь не имел бы... Как говорится, знал бы, где споткнешься, подушку подложил бы! А с такой охраной, какую я получил на свою голову, ничего не остается, кроме как попробовать достичь ближайшей суши и воспользоваться Темным Путем. Но за один день мы до земли не доберемся, даже если пузырь будет лететь в два раза быстрее.

— Вот то-то и оно, — веско подтвердил я — лишь бы что-то сказать.

Честно говоря, у меня больше не было сил поддерживать эту тягостную беседу. Их у меня вообще ни на что не осталось.

Я свернулся калачиком на дне корзины и задремал, от всей души надеясь, что Магистр Нуфлин не предпримет очередную попытку завладеть моим телом. Это было бы как-то уж слишком глупо.

Но он не был безумцем. Старик прекрасно понимал, что я — его последний шанс добраться до Харумбы в целости и сохранности. Думаю, он понимал это даже лучше, чем я сам.

Поэтому разбудила меня не очередная порция чертовщины, а насущная необходимость поддерживать Безмолвную беседу. Магистр Хонна сдержал слово и прислал мне зов. Впрочем, я и не сомневался: он с самого начала показался мне человеком, слову которого можно доверять — насколько вообще можно доверять слову.

«Ну что ж, — произнес он таким тоном, словно наш давешний разговор не прерывался ни на минуту. — Можно сказать, я принял решение. Не уверен, что ты придешь в восторг, но... Мне кажется, так будет справедливо».

«Не тяните из меня жилы, — мрачно попросил я. — Скажите сразу, ладно?»

«Да я, собственно, и собираюсь это сделать. Итак, сэр Макс, я решил, что поскольку меня не связывает по рукам и ногам необходимость совершать так называемые добрые поступки...»

«Черт! — обреченно подумал я. — Так и знал, что ничего не получится!»

«...У меня нет ни единой стоящей причины отпускать Нуфлина восвояси, — продолжил Хонна. И после эффектной паузы добавил: — Но ты можешь выкупить у меня его голову».

«Выкупить?! — изумился я. — Но что вы хотите получить? Не деньги же, в самом деле! А если мою жизнь... Знаете, я, пожалуй, не готов принести такую жертву. Я не хочу умирать и никогда не стеснялся говорить об этом вслух».

«Не болтай ерунду, — перебил он. — Твоя жизнь мне ни к чему: ты не враг и не друг, по крайней мере, пока. Я, можно сказать, вообще с тобой не знаком, сэр Макс. Какое мне дело до твоей жизни? Но у тебя есть одна вещица, которая меня весьма интересует. Меч Короля Мёнина. Обменяешь его на жизнь пройдохи Нуфлина? Сделка, что и говорить, для тебя невыгодная. Но это единственный вариант, на который я готов согласиться».

В первое мгновение я испытал ни с чем не сравнимое облегчение: выход нашелся! Это было профессиональное торжество кризисного

менеджера, которому в очередной раз удалось все уладить.

Потом я призадумался. По здравому размышлению, плата была слишком высока. Я уже привык жить с этой полезной мистической железякой в груди. Время от времени меч Короля Мёнина заставляет меня переживать весьма неприятные мгновения, а иногда он сам решает, какие поступки я должен совершать, абсолютно не считаясь с моим драгоценным мнением по данному вопросу. Но это такие пустяки по сравнению с теми преимуществами, которые он мне дарит!

Я уже почти забыл, что такое настоящая опасность. Меч предоставил мне ни с чем не сравнимую возможность шутя ускользать от смерти, хоть по дюжине раз на дню. Более надежного защитника и вообразить невозможно: если бы не он, моя увлекательная биография завершилась бы еще несколько лет назад. Отдать меч и снова стать уязвимым, как все люди... Да нет, гораздо более уязвимым: мои могущественные опекуны не раз озабоченно предупреждали меня, что смерть испытывает ко мне совершенно особый, обостренный, можно сказать, нездоровый интерес.

Конечно, если бы речь шла о спасении кого-нибудь из моих друзей, я бы не колебался ни мгновения. Была бы ставкой, скажем, жизнь того же Джуффина, я и меч бы отдал, не раздумывая, да еще и в море бы прыгнул прямо из корзины летающего пузыря, если бы такая дикая выходка входила в условия контракта! Правда, я решительно не мог вообразить ситуацию, в которой мне пришлось бы спасать жизнь Джуффина. Он из породы людей, которые просто не могут нуждаться в чужой помощи; разве что по мелочам — за газетой сбегать, годовой отчет за него дописать...

Я покосился на Магистра Нуфлина. Он неподвижно сидел в своем кресле. Глаза закрыты, дыхание ровное и поверхностное, как у спящего. Но я не сомневался: старик отлично понимает, что сейчас решается его судьба. Он был совершенно спокоен — еще бы! Думаю, Нуфлин с самого начала знал, что я не могу сказать Магистру Хонне: «Ладно, берите его голову, на черта он мне сдался!» — а потом жить дальше, как ни в чем не бывало. Нуфлин Мони Мах знал меня лучше, чем я сам.

Я утер вспотевший лоб и обреченно вздохнул: выбора, кажется, не было. Вообще-то, с точки зрения нормального человека, я — совершенно безнравственный тип. Откровенно говоря, я никогда не испытывал какого-то особого отвращения к предателям, поскольку прекрасно понимал: все дело в том, что одни люди живут всерьез, а другие играют в увлекательную игру под названием «жизнь», на ходу изобретая и меняя правила. И первые придумали кучу нелестных слов для определения действий вторых, как правило, неудобных и опасных для окружающих, — только и всего! Я

уверен, что и сам вполне мог бы не раз заработать почетное звание предателя (по крайней мере, потенциального) — если бы комиссии добропорядочных граждан, считающих своей священной обязанностью судить всех, кто под руку подвернется, довелось как следует покопаться в моей голове.

Но в данном случае о предательстве и речи не шло. Невозможно предать человека, с которым тебя ничего не связывает. Если я отдам Нуфлина, это будет всего лишь выгодная сделка с собственной трусостью, сопровождаемая низким верноподданническим поклоном в адрес алчности и расчетливости, — так я себе это представлял. Мне светила не бездонная пропасть, а всего лишь приятное непродолжительное путешествие в сточную канаву.

Именно это мне и не нравилось. Низвержение в пропасть хоть на каком-то этапе худо-бедно похоже на полет, зато падение в канаву совершенно безопасно. Но уж дерьма наглотаешься на всю жизнь... и, чего доброго, привыкнешь к его вкусу!

«Что ж, — обреченно подумал я, — очевидно, никто не выбирает, ради кого или чего следует приносить жертвы. Нужно быть редким счастливчиком, чтобы пожертвовать собой во имя того, что тебе действительно дорого, а не ради чужого дяди. Очевидно, не такой уж я счастливчик. Впрочем, от меня и не требуется умирать. Всего лишь расстаться с могущественным талисманом — одним из многих талисманов, правда, дружок? Меч Короля Мёнина — высокая плата, что и говорить. Но не слишком высокая».

«Что ж, у нас будет только одно затруднение, сугубо технического свойства, — сказал я Магистру Хонне. — Вы в курсе, что этот меч оказался в моей груди по воле Тени Короля Мёнина? Сам я его туда не совал. И, как следствие, понятия не имею, каким образом его оттуда извлечь».

«Следует понимать, ты согласен?»

«Разумеется я согласен, — подтвердил я. — Не могу похвастаться, что испытываю некое особое воодушевление, но... Одним словом, я согласен — если вы действительно сможете извлечь эту таинственную железяку из моего тела, оставив меня в живых».

«Да не суетись ты, ничего с тобой не случится. А уж каким образом я возьму меч — это мое дело. Если бы я не был уверен, что смогу им завладеть, я бы и разговора не заводил. Главное, чтобы ты не сопротивлялся. Надеюсь, твое согласие — это не только пустые слова?»

«Конечно нет, — удивленно отозвался я. — Хорошо бы я был, если бы думал, что вас можно подкупить одним обещанием!»

«Вот и славно, — заключил он. — Тогда до вечера».

Я хотел спросить его, что означает это «до вечера»? Как будет выглядеть наша встреча, что именно придется мне пережить? Иногда пациенту хочется заранее знать подробности предстоящей операции: это почему-то успокаивает. Но Магистр Хонна уже исчез из моего сознания. У меня не было сил снова устанавливать с ним связь, так что я решил махнуть на все рукой: пусть идет как идет!

— Я с ним договорился, — сообщил я Нуфлину. — Так что все будет в порядке, если только... Вы, случайно, не в курсе: Магистру Хонне можно доверять?

— Вообще-то доверять нельзя никому. Но... — он на мгновение замялся, суеверно опасаясь произнести вслух имя своего противника, и наконец выкрутился: — Человек, о котором идет речь, никогда прежде не нарушал своего слова. В Ордене Потаенной Травы бытовало мнение, что ложь разрушительно сказывается на магической силе. А вот, дескать, если всегда говорить правду, со временем твои слова могут приобрести силу колдовских заклинаний. Не знаю, не знаю! Сам я никогда не верил в эту теорию... погоди, мальчик, так ты сказал: вы договорились? Трудно поверить! Чем ты его приворожил?

— Да ничем я его не приворожил. Я купил у него вашу жизнь. Обменял ее на... На одну полезную в хозяйстве вещицу. Вот и все. Думаю, мы с вами все-таки доберемся до этой грешной Харумбы. Иначе быть не может: мы же видели китов, правда?

— Обменял, говоришь? — почти возмущенно переспросил Нуфлин. — Ну и дела! Хотел бы я знать, чего стоит моя голова? Что он за нее потребовал?

— Можете быть спокойны: ваша голова стоит очень дорого, — буркнул я. — Дороже вообразить невозможно.

Я отвернулся и умолк. Настроение мое стало совсем уж поганым — до меня только теперь дошло: без меча Короля Мёнина я буду совершенно беззащитен, если Нуфлин решится повторить свой фокус с ловушкой. Эта проклятая стена из белого кирпича по-прежнему маячила на периферии моего сознания, так что у старика были отличные шансы все-таки заполучить мое тело. Рассчитывать на его благодарность особо не приходилось: люди, которые борются за свою жизнь, быстро перестают придавать значение таким глупостям!

— Кажется, я догадываюсь, что за полезную в хозяйстве вещицу потребовал у тебя мой враг, — задумчиво сказал Нуфлин. — Чего я

действительно не понимаю: почему ты согласился на такой обмен? Ты не похож ни на великодушного человека, ни на безумца, мальчик. Тем не менее...

— А вот так! — я пожал плечами. — Согласился потому, что иначе не получалось, вот и все. Все остальные решения были бы неправильными.

— Именно неправильными? — Нуфлин изумленно поднял брови. — Я не понимаю тебя. Объясни.

— А тут и объяснять нечего, — неохотно сказал я. — Когда я представил себе, что могу отдать вас Хонне и спокойно вернуться в Ехо — а он сразу сказал, что ничего не имеет против такого решения! — меня начало тошнить, только и всего... Извините, сэр, вы не будете возражать, если я еще немного посплю?

— Да, конечно, — вздохнул он. — Я не буду тебя беспокоить.

Вообще-то я просто хотел немного помолчать, но сам не заметил, как действительно задремал. Удивительно, что мне это удалось: нервы дрожали, как натянутые струны в предвкушении предстоящего веселья. Но сон проявил ангельское великодушие: он пришел ко мне, не спрашивая, готов ли я его принять, и принес в подарок несколько часов удивительной, блаженной тишины.

Я проснулся, когда жемчужно-серое сияние дня неохотно уступало место матовой голубизне ранних сумерек. Магистр Нуфлин тут же подчеркнуто вежливо попросил, чтобы я дал ему воды. Это следовало понимать так: мой спутник уже давно хочет пить, но мужественно терпел жажду, не решаясь прерывать мой сон. Впрочем, вполне возможно, так оно и было.

— В прошлый раз все началось незадолго до заката, — с плохо скрываемой тревогой сказал Нуфлин после того, как я вручил ему чашку с водой. — Значит, нам следует ждать событий с минуты на минуту... Или вы с моим врагом договорились, что он придет за своим имуществом потом, когда наше путешествие будет завершено? — с надеждой спросил он.

— Хонна сказал мне: «До вечера», — вздохнул я. — Не сомневаюсь, что подразумевался именно сегодняшний вечер. Он хочет получить меч, не откладывая. Это называется «предоплата», — и я нервно хихикнул — так нелепо прозвучало это слово, извлеченное из моей прежней, почти забытой жизни.

Нуфлин не обратил никакого внимания на это дурацкое словечко. Задумчиво кивнул и уставился куда-то в небо. Ждал очередного сеанса

огненного душа, я полагаю.

Что касается меня, я и сам не знал, чего мне ждать. Но предполагал, что в ближайшее время мне не светит ничего, кроме неприятностей — в любом случае!

Предстоящая процедура извлечения меча Короля Мёнина из моего тела пугала меня куда больше, чем дальнейшая жизнь без этого могущественного защитника.

Но отступить было некуда, так что к неприятностям я худо-бедно подготовился. К чему я действительно не был готов, так это к полному отсутствию событий.

Ничего не случилось. Небеса больше не порывались обрушить на нас огненный дождь, да и у меня за спиной не шастали зловещие тени каких-нибудь призрачных хирургов, посланцев моего нового «делового партнера». Тишина и покой царили в мире, и лишь в моем организме бушевала адреналиновая буря, бессмысленная и беспощадная, как всякое стихийное бедствие.

Через два часа, когда тьма одержала окончательную победу над солнечным светом, я уже был на таком взводе — дальше некуда! Поэтому первые слова Безмолвной речи, возникшие в моем сознании, заставили меня не просто вздрогнуть, а подпрыгнуть чуть ли не на метр.

Это уже потом до меня дошло, что ничего страшного не случилось. Скорее уж наоборот: если Хонна, бывший Великий Магистр Ордена Потаенной Травы, а ныне свободный художник, желает со мной пообщаться, значит, неприятности как минимум откладываются — уже хлеб!

«Ну вот видишь, я держу свое слово! — объявил он. — А ты сомневался! Впрочем, если учесть, что в последнее время ты общался исключительно с Нуфлином... Могу себе представить, что ты теперь думаешь о людях!»

«Есть такое дело, — невольно улыбнулся я. — Спасибо, что не стали нас сжигать. А меч? Вы что, передумали?»

«Я не мог передумать, — отрезал он. — Я не барышня, которая обещала тебе поцелуй за хорошее поведение. Меч уже у меня. Я ведь обещал, что ты даже не заметишь».

«Но как это может быть? — изумился я, невольно хватаясь за грудь, которая, если верить утверждениям Магистра Хонны, больше не являлась ножнами для этой исторической реликвии. — Мало того что мне не было больно, так и вас ведь рядом не было. Или?..»

«Вот именно что «или»! — передразнил меня он. — Я взял меч, пока ты спал. Для этого совершенно не обязательно соваться в ваш летательный аппарат и склоняться над твоим беспомощным телом, размахивая окровавленными хирургическими инструментами. Ты ведь именно так себе это представлял?»

«Ну... Да, что-то в таком роде», — смущенно признался я.

Мне стало стыдно. Вообще-то, после всего что успело со мной случиться за годы, проведенные в прекрасной столице Соединенного Королевства, я мог бы хоть немного поумнеть!

«Если бы меч Мёнина был обыкновенным оружием, а ты — обыкновенным человеком, мне действительно пришлось бы заняться вульгарным знахарством, — снисходительно заметил Хонна. — Впрочем, если бы дела обстояли таким образом, я бы, пожалуй, извлек меч из давным-давно остывшего трупа. А так мне было вполне достаточно дожждаться, пока ты заснешь, и установить с тобой связь, немного похожую на близость, необходимую для Безмолвной речи. Только в этом случае я тебя не слышал, а видел. Я прочитал несколько древних заклинаний, из тех, что принято пускать в ход, когда могущественный амулет должен сменить хозяина. Все остальное случилось почти без нашего с тобой участия. Меч Мёнина обладает свойством совершать самостоятельные поступки. Он знал, что ты согласишься отдать его мне. И не возражал против перемены хозяина: волшебные вещи, как правило, испытывают ко мне некоторую слабость. Поэтому он сам покинул твою грудь — ты даже ничего не почувствовал — и нашел меня. Не знаю, как все это выглядело со стороны, и вряд ли когда-нибудь узнаю. Главное, что меч у меня. А для вас путь свободен. Скажу тебе больше, я все время буду рядом и сам прослежу, чтобы вы благополучно добрались до Уандука. Мало ли кому еще придет в голову поохотиться на Нуфлина! А ты теперь отнюдь не бессмертный. К тому же у меня есть смутное предчувствие, что мне, возможно, придется защищать тебя от твоего подопечного».

«Да, он такой, — усмехнулся я. — Что ж, спасибо. Если честно, я не рассчитывал, что вы будете столь великодушны».

«Если бы ты рассчитывал, я бы не был великодушным, — строго сказал Магистр Хонна. И добавил: — Что ж, теперь пора откланяться. Может быть, еще доведется увидаться, а может, и нет. Твоя судьба — слишком переменчивая штука, чтобы ее можно было предвидеть!»

«Да, это я уже и сам заметил», — сухо согласился я.

— Вы не поверите, — сказал я Нуфлину, — но... Елки-палки, у нас с

вами все в порядке! Причем уже давно. А мы тут сидим как на иголках, ждем чего-то...

— Он сказал, что отпускает нас? — с явным облегчением спросил старик.

— Не только отпускает, но еще и охранять будет, — с законной гордостью сообщил я. И лукаво добавил: — Магистр Хонна собирается проследить, чтобы вы меня не обижали.

Несколько секунд Нуфлин внимательно смотрел на меня. Мне показалось, что он чуть было не разразился пламенной речью, краткое содержание которой свелось бы к тому, что даже умирающие Великие Магистры способны испытывать рудиментарное чувство признательности к своим свежееиспеченным спасителям. Знаем, как же...

Но старик, хвала Магистрам, вовремя одумался, так что обошлось без речей. Отвернулся и принялся созерцать — не то зеленоватые звезды в разрывах встревоженных облаков, не то лиловую темноту моря далеко внизу.

— Разбери стену, — сказал он мне минут через пять, когда я решил, что остаток вечера пройдет в полном молчании.

— Что? — мне показалось, я ослышался.

— Разбери стену, — настойчиво повторил Нуфлин. — Ты сам построил ее в своем воображении, и никто, кроме тебя, не может ее разрушить. А ты можешь. Ломать обычно проще, чем строить. В данном случае это правило тоже работает... Вообще-то, я думал, ты сам догадаешься.

— Не до того было, — растерянно сказал я. — Но вы правы: я — законченный болван. Такое простое решение!

— Ничего, мальчик, ты еще слишком молод, чтобы легко приходить к простым решениям. Будем надеяться, у тебя еще будет время этому научиться, — мягко сказал Нуфлин. — Так что давай, разбирай эту грешную стену. Чем быстрее, тем лучше. Не вводи меня в искушение.

Я невольно улыбнулся его чистосердечному признанию и принялся за дело.

«Ломать не строить» — да уж, что правда, то правда! Еще до рассвета я представил себе, как последний камень белой кирпичной стены крошится в пыль, исчезает, растворяется в темноте под моими веками.

— Вот и все, — сказал я Нуфлину.

Старик кивнул, как бы ставя точку в конце этой тягостной истории.

— Я не знаю, что ждет меня в Харумбе, — тихо сказал он, когда я уже собрался было задремать. — Но надо отдать тебе должное: ты спас остатки

того, что когда-то было моей жизнью. Я подумаю, чем отплатить тебе за этот великодушный жест. Не так уж много у меня осталось...

— Не надо платить, — сонно улыбнулся я. — Когда делаешь этот самый великодушный жест, получаешь удовольствие от процесса. К тому же я ведь на службе. А моя работа очень неплохо оплачивается, вы и сами знаете!

Потом я все-таки уснул, и меня окружила веселая толпа разноцветных сновидений, путаных и легкомысленных, совсем как в детстве.

Утром я понял, что сон уже давно не дарил мне столько радости, бессмысленной, но восхитительной, и смутно удивился тому, что жизнь без меча Короля Мёнина таит в себе не только множество опасностей, но и целый ворох очаровательных преимуществ, о существовании которых я успел забыть.

Остаток полета обошелся без чрезвычайных происшествий и даже без долгих бесед.

Магистр Нуфлин чувствовал себя все хуже. Я ничем не мог помочь ему в безнадежной борьбе со смертью и старался хотя бы не мешать. Тихо, как дрессированный мышонок, сидел в углу корзины и утешался приветами из дома. Столичные новости понемногу начинали казаться мне волшебными сказками, а все проблемы обитателей Дома у Моста — высосанными из пальца. Теперь я молил судьбу об одном: чтобы наше путешествие завершилось как можно скорее.

На седьмой день пути вдалеке показался берег, а небо над нашими головами окрасилось в бледно-оранжевый цвет: надежное свидетельство того, что наше путешествие подходит к концу.

Нуфлин заметно приободрился, хвала Магистрам! Больше всего на свете я боялся, что мои труды пойдут прахом, и я прибуду к стенам Харумбы с остывающим мертвецом на руках. Слишком уж дорого мне обошелся мой подопечный! Жизнь его теперь казалась мне чуть ли не моим личным, семейным сокровищем, а Харумба — своего рода банком, куда я собирался сделать вклад.

— Вот и мне довелось-таки увидеть алое небо над Уандуком. Это хваленое зеркало, в котором отражаются красные пески пустыни Хмиро, — мечтательно вздохнул Магистр Нуфлин.

— Вы говорите так, словно никогда прежде его не видели, — удивился я.

— Конечно не видел. Я никогда не бывал на Уандуке, — подтвердил он. — Я вообще довольно мало путешествовал. Не до того было. Да и

покажи мне колдуна, который добровольно согласится удалиться от Сердца Мира... Только будь добр, не ставь мне в пример своего нового приятеля из Ордена Потаенной Травы! За всю Эпоху Орден он был единственным. И, кстати, если уж на то пошло, прежде чем заделаться бродягой, он просидел в своей столичной резиденции не одну сотню лет.

Я и не собирался с ним спорить. Не до того мне было. Я радовался его бодрому тону. Магистр Нуфлин явно не был похож на человека, способного вероломно скончаться у меня на руках, а больше мне ничего и не требовалось.

— Куда теперь? — спросил я. — Налево, направо, или в глубь континента? Где она, ваша Харумба? Или мы должны бесцельно парить над Уандуком, пока эта волшебная страна сама не решит открыться нашим взорам?

— Ну и фантазия у тебя! — усмехнулся старик. — Нет, Макс, Харумба — не какой-нибудь зачарованный город, а величина постоянная, она даже на некоторые карты нанесена. Харумба построена у моря, поэтому нам следует просто лететь вдоль побережья, вон в ту сторону, где на горизонте виднеются горы, и, если верить карте, совсем скоро... Ох! — он осекся и драматически схватился за грудь.

— Что-то не так? — испугался я.

— Все не так! — буркнул Нуфлин.

Кажется, ему уже полегчало. По крайней мере, его голос больше не дрожал на ветру, как порванный парус.

— А чего ты хочешь? — проворчал он. — Чтобы я сказал тебе, будто со мной все в порядке? Ну так, если бы все было в порядке, я бы сейчас не в Харумбу с тобой ехал, а сидел бы дома и делом занимался. Ты лучше давай пошевеливайся. Вернее, заставь пошевеливаться этот грешный пузырь! А то в таком темпе ты довезешь до Харумбы разве что мои туфли. Да и те к тому времени успеют окончательно выйти из моды.

Я озадаченно покачал головой: оказывается, Магистр Нуфлин еще и шутить умеет, в придачу ко всем своим многочисленным талантам! Для умирающего, надо сказать, совсем неплохо.

Его язвительное брюзжание окончательно меня успокоило: в таком настроении не умирают. Куда там, еще и окружающих в могилу сводят, за милую душу!

Харумба возникла на горизонте еще до заката и явила собой зрелище, к которому я не был готов. С высоты нашего полета город казался заключенным в сверкающую перламутровую оболочку огромного

полупрозрачного пузыря.

В детстве у меня была любимая елочная игрушка: стеклянный шар, в центре которого находился маленький домик с остроконечной крышей, красной дверью и клетчатыми занавесками, нарисованными на окнах. Имелся даже кусочек заснеженной поляны с непременно рождественской елью и двумя крапчатыми мухоморами, нарушавшими пропорции пейзажа (если бы в домике жили человечки, грибы оказались бы им по плечо, а то и выше). Харумба выглядела в точности как эта игрушка. Отличный подарок на елку для юного титана: целый город из солнечно-белого камня, заключенный в сияющий прозрачный шар.

— Спускайся понемногу, Макс, — взволнованный голос моего спутника вывел меня из благоговейного ступора. — Только не вздумай приземляться в городе: живым там нельзя находиться.

— Ясное дело, — согласился я. — А кстати, вы не знаете, где живут эти важные господа, Хранители Харумбы? Тоже в городе? Или где-нибудь снаружи?

— Понятия не имею, — пожал плечами Нуфлин. — Да ты не гадай, а иди на посадку. Как только мы окажемся на побережье, они нас сами найдут. В конце концов, это часть их работы.

— За которую им платят обалденные деньжищи, — подхватил я. — Так что вы правы, они нас действительно найдут, я могу не дергаться.

— Боюсь, что не дергаться ты как раз не можешь, поскольку спокойствие глубоко противно твоей природе, — проворчал он.

На сей раз мне удалось совершить столь мягкую посадку, словно я всю жизнь только тем и занимался, что управлял летающими пузырями, унаследовав эту благородную профессию от своего отца, деда и еще доброй дюжины предков. Место я тоже выбрал удачно: в полусотне метров от моря, неподалеку от рощи низкорослых деревьев с пышными кронами светло-зеленых, почти белых листьев. Крупные черные птицы, как грозди спелых плодов, облепили толстые ветви. Молчаливые и малоподвижные, они показались мне почти зловещими, но я сказал себе, что дело не в птицах, а в мрачной игре моего воображения.

Вдалеке, за рощей, белели изящные строения Харумбы. Теперь, когда мы спустились на землю, странный оптический эффект, заставивший меня предположить, будто Город Мертвых находится в центре огромного мыльного пузыря, почти исчез. Скорее было похоже, что его окружает полупрозрачный туман, а может быть, цветной дым, мечтающий стать туманом, или просто теплый, насыщенный влагой морской воздух дрожит,

не давая мне как следует разглядеть очертания города.

Я поежил, когда подумал, что за этими стенами живут мертвецы. Сидят в своих уютных жилищах, больше похожих на летние дворцы местных владык, перебирают какие-нибудь роскошные безделушки, смакуют тонкие вина, подолгу раздумывают над меню очередного обеда, ходят друг к другу в гости, возможно даже заводят романы и вообще наслаждаются жизнью как могут.

Жизнью?! Ну-ну...

Был бы рядом сэр Джуффин Халли, он непременно сказал бы мне: «Не драматизируй, несчастье мое, ты и сам-то на живого человека бываешь похож раз в год по большим праздникам, красавчик!» Но Джуффина рядом, увы, не было, поэтому мне пришлось воспроизвести эту фразу самостоятельно, про себя, стараясь подражать его насмешливым интонациям.

Голос Магистра Нуфлина вернул меня к действительности.

— А я все гадал: сообразишь ты, что мои старые кости — не мешок с соломой? — проворчал мой драгоценный груз. И снисходительно добавил: — Вроде сообразил. Молодец.

— Помочь вам выбраться из корзины? — вежливо осведомился я, не обращая внимания на его бурчание. За эту поездку я так закалил характер, что вполне мог наняться ковриком для вытирания ног к какому-нибудь местному сатрапу.

— Не трудись, — вздохнул Нуфлин. — Неужели ты думаешь, будто я собираюсь немного попрыгать на песочке или искупаться в море? — и упавшим голосом добавил: — Впрочем, даже если бы я собирался... Такие удовольствия мне больше не светят, мальчик. Никогда.

— Ну почему же, возможно, одни только удовольствия вам теперь и светят, — робко возразил я. — Джуффин говорил мне, что обитатели Харумбы...

— Меня не интересует, что он тебе говорил, — отрезал старик. — Кеттариец за всю свою жизнь не произнес и дюжины правдивых слов. Слышать больше не желаю об этом человеке, который, кстати, по слухам, убил, зажарил и съел собственных родителей, когда узнал, что это может увеличить его магический дар, от природы весьма посредственный.

— Джуффин съел своих родителей? Да ну, ерунда какая! — я уже не знал, плакать мне или смеяться перед лицом такого откровения.

— Может, и ерунда, но сейчас мне приятно думать, что так оно и было! — отрезал Нуфлин. — Имей в виду, Макс, упоминания о твоём драгоценном Кеттарийце и его не менее драгоценных мудрых изречениях

чрезвычайно действуют мне на нервы. Скажу больше, они меня попросту бесят, как, впрочем, и упоминания обо всех остальных хитрецах, которым удалось-таки меня пережить, невзирая на все мои старания задержаться в этом прекрасном Море как можно дольше. Чего я точно никогда не планировал, так это найти в конце жизни утешение в речах Кеттарийца. Так что потерпи еще немного, ладно? Совсем чуть-чуть осталось.

— Я готов терпеть сколько угодно, — покорно ответил я. — Собственно говоря, только этим в последнее время и занимаюсь. Вы еще не заметили?

— Да, — неожиданно согласился Нуфлин. — Думаю, я был не самым приятным спутником. Когда умираешь, да еще так долго и трудно, очень хочется хоть немного насолить живым. Просто невозможно удержаться от искушения! Ничего, в твоём возрасте это даже полезно. Наконец-то поймешь, что мир не состоит исключительно из добрых людей.

— Вы поздно спохватились. Это я как раз понял уже очень давно, — хмуро сообщил ему я. — Еще в детстве. И каждый новый год, представьте себе, приносил мне рекордное количество убедительных аргументов в пользу этой мрачной теории. Уверяю вас, сэр, большую часть своей жизни я был глубоко убежден, что любой мир состоит из чего угодно, только не из добрых людей. А вот в Ехо я начал понемногу оттаивать, благо наконец-то появилась возможность. Так что не учите меня мизантропии. Что-что, а это искусство я в своё время освоил. Только оно мне смертельно надоело.

— Ишь ты! — усмехнулся Нуфлин. И сочувственно покачал головой. Возможно, хотел что-то добавить, но я ему не дал.

— Смотрите-ка, к нам идут. Наверное, это и есть Хранители Харумбы.

Мое старое доброе глупое сердце отчаянно билось о ребра, казалось, что завтра в левой части грудной клетки появятся синяки. Даже второе сердце, которое было старше и мудрее меня самого, а посему редко снисходило до участия в общей истерике, вдруг — даже не заколотилось, а взволнованно затрепетало, как простыня на ветру.

Я панически испугался без всяких видимых причин, совсем как в раннем детстве, когда на карнавале к тебе подходит Дед Мороз, насчет которого ты так и не определился: верить в него или нет? А он уже совсем рядом, даже убежать поздно — что хочешь, то и делай!

Как и Дед Мороз, приближающиеся к нам существа отличались от обычных людей разве что экипировкой. Длинные пышные волосы достигали земли и развевались при ходьбе, как некие нелепые плащи; высокие, плотные, как у классических борцов, тела были задрапированы в балахоны жизнерадостного цвета весенней листвы. А я-то, наивный,

ожидал увидеть хрупких эльфов, чьи узкие ступни почти не соприкасаются с землей! Лица были закрыты масками из той же ткани, а кисти рук тонули в своеобразных матерчатых варежках, немного похожих на защитные перчатки, оберегающие Мир от смертоносных лап моего коллеги Шурфа Лонли-Локли.

— Приветствуем вас у входа в чертог Харумбы, — голос одного из великанов звучал на удивление мягко. Такая умиротворяющая манера говорить встречается иногда у врачей — тех, кого пациенты считают кудесниками и только что церковные свечи не жгут под их портретами.

— Мы благодарим тебя за то, что ты доставил сюда нашего гостя, — поклонился мне его коллега. — Теперь ты можешь вернуться домой. К сожалению, мы даже вынуждены попросить тебя не задерживаться у стен Харумбы: твоему спутнику больше не нужна помощь. К тому же у нас нет специальных жилищ, в которых могли бы селиться провожающие.

— Нет проблем, я и сам тороплюсь домой. Но сначала мне хотелось бы убедиться, что с ним все будет в порядке, — сказал я. — Я знаю, что не могу войти в город. Ну и не надо, меня туда и силой не затащишь! Можно я просто немного подожду на берегу? Надеюсь, Магистр Нуфлин будет столь любезен, что пришлет мне зов, когда... Когда поймет, что смерть больше не властна над ним.

— Но это совершенно невозможно! Обитатели Харумбы не могут общаться с внешним миром при помощи Безмолвной речи!

Хранители смотрели на меня почти с ужасом, как священнослужители на студента, явившегося к ним с просьбой отслужить в его присутствии Черную Мессу — ему это, дескать, необходимо для реферата.

— Ладно, — покорно согласился я, — если невозможно, то и не надо. Тогда пусть просто пошлет мне записку. Я должен знать, что у него все хорошо. Записку-то написать он сможет?

— Странная просьба, — растерянно заметил один из Хранителей. — Ладно, если вам так хочется и если господин Мони Мах сам пожелает написать вам письмо... Принуждать его, как вы понимаете, никто не станет. Удивительно, что вы так волнуетесь: обычно родственники наших гостей нам доверяют. Это ваш отец?

Тихий кашляющий смех Нуфлина положил конец этому недоразумению.

— Ох, сэр Макс, насмешил ты меня! Довелось-таки обзавестись наследником на старости лет! Теперь даже умирать не так страшно, — наконец вздохнул он. И объяснил Хранителям: — На самом деле этот мальчик состоит на Королевской службе. Он очень старается хорошо

выполнять свою работу, в чем я неоднократно убедился по дороге. К тому же он дорого заплатил за мою старую шкуру и теперь справедливо полагает, что имеет право на информацию о ее дальнейшей участи.

— Простите? — вежливо переспросил один из великанов. — Что вы имеете в виду?

Кажется, они просто не привыкли к такой манере обращаться со словами.

— А, ничего особенного, — с досадой отмахнулся Нуфлин. — Просто, если можете оказать гостеприимство моему спутнику, сделайте это. Я с удовольствием напишу ему записку, если... Ну, словом, если со мной все будет в порядке.

— Вы напрасно сомневаетесь, — заметил тот самый Хранитель, чей добрый голос так понравился мне с самого начала. — Больше никаких «если», дорогой гость: у нас не бывает ни ошибок, ни неудач, ни несчастных случаев. Как только вы переступите Порог, вы станете одним из бессмертных. Поэтому я предлагаю вам не задерживаться.

— Да, конечно, — неожиданно упавшим голосом сказал старик. — Простите мое недоверие, господа. Я, и правда, медлю так, словно за вашим порогом меня ждет не бессмертие, а смерть.

— Это вполне понятно, — согласился Хранитель. — Многие наши гости не могут до конца поверить, что смерть им больше не страшна. Вашей веры в наше могущество обычно хватает на то, чтобы внести деньги на свой новый счет в Вечном банке Харумбы и приехать сюда, но мало кто переступает Порог со спокойным сердцем. Ничего, уже завтра утром у вас будет отличная возможность посмеяться над собственными сомнениями вместе с вашими новыми соседями. Они уже приготовили для вас торжественную встречу: еще никогда нам не выпадала честь принимать у себя столь великого человека. Идемте. Не следует подвергать излишним волнениям ваше сердце: оно и без того много трудилось в последние дни... А ваш спутник может остаться и подождать, если ему так угодно. Каждый волен находиться на этом побережье. Оно не принадлежит никому, в том числе и нам. Мы заботились только о его удобстве.

Одним легким движением он извлек Магистра Нуфлина из корзины летающего пузыря и взял его на руки, словно тот был маленьким ребенком.

— Макс, ты слышал? Ты можешь остаться. А я обязательно пошлю тебе записку, — торопливо сказал Нуфлин. — Ты помнишь, я говорил тебе, что подумаю, чем отплатить тебе за твою великодушие? Я все еще думаю. И об этом тоже будет сказано в записке.

— Удачи вам, — деревянным голосом сказал я. — И счастливой

долгой жизни в Харумбе...

— Сказано, пожалуй, от чистого сердца, но звучит чрезвычайно пошло, — вздохнул он. — Такой молодой мальчик — и такие банальные пожелания!

— Может быть, тебе требуется еда или еще что-нибудь? — вежливо спросил меня второй Хранитель. — Вообще-то наше гостеприимство обычно не распространяется на живых, но если уж ты решил остаться здесь до утра... Нет ничего хорошего, когда людям приходится страдать от голода или жажды. Это ожесточает вас и заставляет суетиться.

— Точно подмечено, — невольно улыбнулся я. — Спасибо за заботу. Но мне действительно ничего не нужно: я неплохо снаряжился в дорогу.

— Хорошо, — кивнул он. — Думаю, ты и сам знаешь, что живым не следует приближаться к стенам Харумбы. Разумеется, ты все равно не сможешь войти, но будет лучше, если ты и пробовать не станешь. В этом тумане слишком легко заблудиться, хоть он и кажется прозрачным. К тому же он странно действует на человеческие тела: здоровые люди могут заработать множество болезней, скитаясь в нашем волшебном тумане, зато безнадежно больные иногда исцеляются, вдыхая его испарения. Но ведь ты здоров, правда?

— Как лесной колдун, — кивнул я. — Не беспокойтесь, я уже не раз обжигался на незнакомых чудесах и не собираюсь делать глупости. Только искупаться в море, как следует выспаться и дождаться записки от моего подопечного... Кстати, у вас тут не водятся хищники? Я могу спать спокойно?

— Хищников здесь нет. А сможешь ли ты спать спокойно — зависит только от тебя.

Буйноволосый великан улыбнулся — не то насмешливо, не то доброжелательно — и поспешил прочь.

Я же искупался в теплой прибрежной воде и с наслаждением растянулся на песке. Послал зов Джуффину и наконец-то рассказал ему все драматические подробности последнего путешествия Магистра Нуфлина Мони Маха.

Смешно признаться, но до сих пор я ограничивался короткими сдержанными отчетами, содержание которых сводилось к тому, что у нас все в порядке. Я был совершенно уверен, что Нуфлин прослушивает все мои Безмолвные беседы, и великодушно берег его расшатанные нервы. Рассудил, что рассказать шефу о его прощальных художествах всегда успею. И вот сбылось наконец-то!

Еще никогда в жизни я не был столь близок к тому, чтобы уверовать в собственное могущество: удивить сэра Джуффина Халли один раз — и то дорогого стоит. А слушая мои откровения, шеф исключительно тем и занимался, что удивлялся — по-моему, вполне искренне, а не только для того, чтобы доставить мне удовольствие.

«Ох, сэр Макс! — резюмировал он, когда я наконец умолк. — Ну ты даешь! Мне, откровенно говоря, даже сказать на это нечего».

«Ну, теоретически говоря, сейчас вы должны объявить, что я вел себя как идиот, а потом убедительно доказать эту теорему по всем пунктам», — подсказал я.

«Да? — снова удивился Джуффин. — А ты сам действительно считаешь, будто вел себя именно как идиот?»

«Вовсе нет, — жизнерадостно откликнулся я. — Но это как раз не имеет значения. Просто предложенный мною сценарий уже давно стал традицией».

«Долой традиции! — заключил шеф. — Тем более что в данном случае главным идиотом оказался я. Отправить тебя Магистры знают куда в обществе этого старого стервятника... Где была моя голова?!»

«Вам виднее, — вздохнул я. — Кстати, я поначалу все удивлялся, что вы не приходите мне на помощь. Обычно вы знаете о моих неприятностях примерно за полчаса до того, как они начнутся. Что, вы немного понаблюдали за нами и решили, что я и сам неплохо справляюсь? Или я действительно работал без страховки?»

«Без, — лаконично ответил Джуффин. Немного помолчал и пустился в объяснения: — Я же говорил тебе, что мы с Сотофой постараемся окружить вас своего рода защитой, чтобы ни одна сволочь не пронюхала о вашем путешествии... Ну вот, мы с ней так хорошо поворожили, что даже я сам не мог добраться до вас сквозь этот туман. Поэтому я ни сном ни духом не ведал о твоих неприятностях. Полагал, что в случае чего ты пришлешь мне зов, но ты молчал, как пленник на допросе».

«Я решил, что должен справляться сам, раз уж все так сложилось. А когда обнаружилось, что одна, как вы выражаетесь, «сволочь» о нас все-таки пронюхала, Нуфлин начал кричать, что ни о каких Безмолвных контактах и речи быть не может: мы, дескать, и без того заплутали во времени. Вот тогда я окончательно уяснил, что значит остаться в одиночестве: и рад бы позвать на помощь, да нельзя».

«Да, против Хонны наша ворожба оказалась бессильной, — печально согласился Джуффин. — Мысленно снимаю перед ним шляпу: его могущество действительно возросло вдали от Сердца Мира, кто бы мог

подумать! А вот его мстительность, кое-как замаскированная под жажду справедливости, кажется мне как минимум мальчишеством... Ладно, о нем мы еще успеем наговориться, когда ты вернешься домой. Кстати, я надеюсь, ты уже в пути?»

«Еще нет. Отправлюсь завтра утром. Нуфлин обещал, что пришлет мне записку, когда... Ну, когда оклемается после всех этих загадочных оживлений, превращений, или чем они там развлекаются в своей Харумбе.»

«Записку?! — снова изумился шеф. — Но зачем?»

«Вот сейчас вы точно назовете меня идиотом, — вздохнул я. — И, наверное, будете правы. Вы не поверите, Джуффин, но я о нем беспокоюсь. И очень хочу, чтобы с ним все было в порядке. Я мог бы торжественно сказать вам, что несу ответственность за каждого, чью жизнь спас, как родители несут ответственность за детей, которым они подарили возможность быть живыми. Но не буду врать ни вам, ни себе. Ответственность тут ни при чем. Просто я так дорого заплатил за его жизнь, что, кажется, невольно начал считать ее своим личным достоянием. И теперь мне хочется увериться, что мое имущество находится в надежных руках. Представляете?»

«Как ни странно, представляю. Мне бы хотелось, чтобы ты поскорее избавился от этого странного чувства собственности, но... Мало ли чего мне бы хотелось! Хорошо хоть, что ты отдаешь себе отчет в том, какова истинная природа твоих поступков. Ладно уж, жди эту грешную записку, если тебе без нее жизнь не мила. Но завтра утром отправляйся домой в любом случае. Ясно?»

«А не то вы поставите меня в угол, — подхватил я. — Ох, Джуффин, знали бы вы, как я хочу домой! Пообедать в «Обжоре Бунбе», прогуляться по Старому Городу, прийти на службу и как следует поцапаться с Мелифаро. Грешные Магистры, да я без него жить не могу! Передайте ему, что я готов безропотно перенести первую дюжину свеженьких издевательств, которые он, несомненно, уже заготовил, и только потом начну вяло огрызаться... Впрочем, нет, вру: в последнее время у меня стал портиться характер. Дурное влияние Магистра Нуфлина, сами понимаете. Например, меня все время подмывает спросить у вас, под каким соусом вы ели своих изжаренных родителей?»

«Я сожрал их без соуса и даже без соли, как того требует старинный кеттарийский обычай, — фыркнул шеф. — Так вот, оказывается, кто был автором этой глупой сплетни! Да уж, покойный Нуфлин — не человек, а просто какой-то сундук с сюрпризами».

«Покойный? Да, теперь уже наверняка покойный», — согласился я, с суеверной неприязнью покосившись на далекие стены Харумбы.

«Все-таки будешь сидеть там до утра?» — сочувственно спросил Джуффин.

«Ага. Не думаю, что мне здесь будет сладко спать, но... В конце концов, мне просто интересно получить записку от человека, только что ставшего бессмертным».

«Тоже верно. А что касается сладких снов... Знаешь, я, как и ты, большой любитель искать приключения на свою задницу, но я бы, пожалуй, не стал спать в таком месте. Бальзам Кахара у тебя имеется?»

«Сколько угодно. Так вы думаете, что спать здесь опасно?»

«Не знаю, — неохотно признался шеф. — Просто не знаю, и все. Но Харумба никогда не вызывала у меня большого доверия. Скажу больше, Город Мертвых всегда казался мне одной из тех тайн нашего Мира, в которых лучше не копаться. Возможно, это обыкновенное предубеждение: в конце концов, я как был простым, неотесанным, суеверным кеттарийским пареньком, так в глубине души им и остался».

«Как мы с вами все-таки похожи! — невольно улыбнулся я. — Правда, я не из Кеттари, ну да ничего, нас, простых, неотесанных и суеверных ребят везде хватает».

Наконец мы распрощались.

Некоторое время я с удовольствием рылся в Щели между Мирами, предвкушая роскошный ужин. В присутствии Нуфлина у меня не было никакого желания пировать — хотя бы потому, что он сам ничего не ел. Но увы, большой жратвы опять не получилось. Уж очень я нервничал, предвкушая долгую ночь у стен Города Мертвых.

Я попробовал было подманить птиц из рощи, демонстративно разбрасывая вокруг аппетитные куски пирожков, но они не обращали внимания ни на меня, ни на мое угощение, так что в конце концов я почувствовал себя призраком.

Когда солнце скрылось за горизонтом, я уже был настолько на взводе, что начал всерьез сожалеть о своем решении, чего со мной, хвала Магистрам, уже давненько не случалось.

«Ты идиот, сэр Макс, — сердито говорил я себе. — Ты просто законченный кретин! — поневоле приходилось самому ругать себя последними словами, раз уж Джуффин забастовал. — На кой тебе понадобилось затевать эту эпопею с запиской?! И ведь никто тебя за язык не тянул, сам решил выпендриваться! Ну вот, теперь сиди тут, наслаждайся

жизнью! А еще лучше плюнь на все и отправляйся домой. Прямо сейчас, без всяких дурацких записок».

Впрочем, я и сам понимал, что не воспользуюсь собственным разумным советом. Мое знаменитое ослиное упрямство, как же, как же, давно не виделись! Я знал, что буду сидеть тут до утра, даже если небо разверзнется, чтобы обрушить на меня кошмарные видения, пригодные разве что для иллюстрации Дантова «Ада». Иногда принятое решение, каким бы дурацким оно ни было, связывает по рукам и ногам куда надежнее, чем дюжина метров стальной проволоки.

К счастью, я довольно быстро вспомнил, что уже давно перестал быть обыкновенным беспомощным мальчишкой: на самом деле в моем распоряжении имелось множество полезных чудес, в том числе и дыхательная гимнастика Шурфа Лонли-Локли, вполне способная превратить перепуганного, взбудораженного, донельзя сердитого на себя Макса в спокойного разумного человека. И когда почти идеально круглая луна появилась на темно-багровом небе Уандука, она не обнаружила на дне моих глаз ни страха, ни смятения, только молчаливую готовность улыбнуться — не сейчас, а немного позже, когда странная радость, доступная только человеку, оставшемуся наедине с ночью, затопит меня, как воды прилива.

Я и сам не заметил, как улегся на теплый песок и закрыл глаза, и почти не удивился, обнаружив, что мои веки стали прозрачными. Сквозь них я по-прежнему видел все тот же ночной пейзаж, разбавленный лунным светом, как кофе молоком: спокойное море, рощу, на ветвях которой дремали грузные, усталые птицы, размытые очертания стен Харумбы и небо, темное, как свернувшаяся кровь, в разрывах облаков. Только теперь этот пейзаж больше не вызывал у меня ни страха, ни внутреннего протеста: я наконец-то смирился с его существованием, даже отвел ему место в своем сердце — возможно, на самой окраине этой сумасбродной мышцы, и все же...

Сейчас, когда мои глаза были закрыты, я стал видеть лучше, чем прежде. Можно сказать, я наконец-то прозрел.

Город Мертвых больше не казался мне пугающим местом, хотя и земным раем он тоже не был — скорее уж подобием сумрачного Лимба, дарующего своим обитателям бесконечное спокойствие и бесконечную грусть. По белым камням его изящных башенок дождевой водой струилась печаль. Я откуда-то знал, что бессмертные обитатели Харумбы навсегда утратили способность видеть сны, но иногда, лунными ночами, им удается

взглянуть на этот берег глазами сонных птиц. И еще я знал, что число птиц в роще точно соответствует числу жителей Харумбы, и поэтому завтра утром, когда в Городе Мертвых наступит время пить камру на верандах, праздновать конец долгой ночи и благодарно улыбаться новому дню, очередному осколку цветного бисера в бесконечном ожерелье вечной жизни, здесь, среди невысоких деревьев с бледной листвой появится еще одна птица, и ее круглые глаза будут мерцать в робком свете предутренних сумерек, как застоявшаяся вода на дне колодца.

Теперь я знал, что это за птицы. Хранители Харумбы уже давно поняли, что в каждом человеке с момента рождения обитает его собственная смерть, таинственная, ничтожно малая, но почти бесконечно могущественная часть его существа. Обученная искусству умирать — и ничему сверх того! — она молча дремлет в тишине, пока мы, наивно уверенные в собственном бессмертии, мечемся по свету в поисках приключений, суетливо роемся на книжных полках, пытаюсь обнаружить там источник сокровенного знания, или смиренно сидим на месте, наслаждаясь повседневными радостями бытия. Мы почти не имеем связи с этим таинственным существом, нашим настоящим неумолимым убийцей, только сны у нас общие, но нам никогда не удастся договориться и заключить пакт о ненападении.

Древние обитатели Уандука совершили величайшее открытие: каким-то непостижимым образом они научились удалять эту частичку человеческого существа, невидимую бомбу замедленного действия, готовую в любой момент уничтожить мягкую беспомощную оболочку своего владельца, — так хирурги вырезают пришедший в негодность кусочек нашей плоти. И (поскольку невозможно просто выбросить ее в стерильный контейнер для мусора, что стоит на полу операционной) отпускают ее на волю. И тогда человеческая смерть становится грузной черной птицей, меланхоличной и малоподвижной. Теперь, когда единственный смысл ее бытия утрачен, она может только дремать в роще у стен Харумбы, среди бледных листьев, почти утративших цвет от близости такого количества чужих смертей — отстраненных от дел, беспомощных и безобидных...

В эту ночь мне открылись и другие тайны Харумбы, скорее печальные, чем зловещие, и совершенно бесполезные. Бывают такие знания, которые вряд ли доведется применить на практике, и даже поделиться ими с друзьями почти невозможно, потому что рассказывать, в сущности, нечего; можно только помолчать как следует, чтобы дать бессловесному, невесомому, не поддающемуся формулировке знанию вылиться из тебя, как

молоко из переполненного кувшина.

Хранитель Харумбы появился рядом со мной спустя час или полтора после рассвета, когда мои веки утратили обретенную было прозрачность, съезжившись под первыми горячими лучами новорожденного солнца. Молча протянул мне свернутый вчетверо листок плотной голубоватой бумаги, наградил долгим испытующим взглядом.

— Кажется, ты все-таки умудрился стать гостем Харумбы, незнакомец, — заметил он.

В его голосе не было ни упрека моей бесцеремонности, ни восхищения моим мастерством. Обычная констатация факта — вот, дескать, оно как!

— Всего на одну ночь, — мягко сказал я. — А может быть, я просто спал и видел странный сон о белых мостовых Харумбы, сладкой воде ее фонтанов и бесшумной походке бессмертных жителей, как ты думаешь?

— Может быть, — бесстрастно согласился пышноволосый великан. Помолчал и добавил: — Имей в виду, если ты когда-нибудь захочешь скрыться от смерти за стенами этого города, тебе не придется платить деньги.

— Спасибо, — улыбнулся я. — Но мне говорили, что Вершителям не светит такая разновидность бессмертия.

— Скорее всего, тебя обманывали, — спокойно возразил Хранитель. — Вершители не так уж отличаются от прочих людей, что бы ни думали на сей счет суровые угуландские колдуны. А теперь уезжай. Харумба сейчас взволнована, как живое существо, как женщина, встретившая мужчину своей мечты. Не стоит испытывать ее терпение. Еще решит, чего доброго, поторопить события.

— Зачарованные города Уандука ко мне почему-то равнодушны, — проворчал я, поспешно забираясь в корзину летающего пузыря. — Так и норовят навеки запереть меня в лабиринтах своих переулков!

— В древности, когда наши предки закладывали новый город, они старались поймать перелетную птицу и живьем замуровать ее в фундаменте городской стены, — откликнулся Хранитель. — Считалось, что вместе с птицей в городе навсегда поселится вольный ветер, поэтому его жители не будут страдать ни от дурных снов, ни от пыли, ни от недостатка перемен. Но зачарованные города строили не люди... во всяком случае, не обыкновенные люди. Да и следовали они совсем иным традициям, а посему не приносили в жертву своим созданиям птичью жизнь. А ты немного похож на такую перелетную птицу. Ты уже давно забыл, где твой

дом, у тебя круглые глаза, всегда открытые для чудес, и обрывки лихого ветра спрятаны в твоих рукавах. Поэтому держись подальше от зачарованных городов, мой тебе совет! Ну а когда устанешь бегать от смерти — добро пожаловать в Харумбу. Мы никогда не отменяем своих обещаний.

— Ладно, буду иметь в виду, — растерянно согласился я. И велел летающему пузырю Буурахри подниматься в небо — чем скорее, тем лучше.

Записку Нуфлина я развернул, только когда расстояние между дном корзины и землей достигло нескольких дюжин метров. Его почерк оказался очень мелким, с ярко выраженным наклоном влево и почти неразборчивым из-за обилия завитушек, уместных скорее в учебных работах начинающего каллиграфа, чем в письме самого могущественного человека в Соединенном Королевстве.

«Доброе утро, сэр Макс!» — так начиналось его послание.

«Как ни странно, — писал Нуфлин, — сладкие обещания Хранителей Харумбы не оказались лживыми, а ведь я до последней минуты изрядно опасался, что эти господа просто нашли ловкий способ отнимать деньги у чудаков, размечтавшихся о легком бессмертии.

Тем не менее два часа назад я проснулся в своем новом дворце, где все устроено в полном соответствии с моими пожеланиями, и должен отметить, что уже много лет не чувствовал себя настолько здоровым и бодрым. Даже поясница, которая всегда была моим самым слабым местом, не дает о себе знать, а что касается аппетита — можно подумать, что я вернулся в дни своего детства, когда был готов жрать любую дрянь с жадностью оголодавшего волчонка.

Впрочем, мои старческие восторги по поводу здоровья и аппетита вряд ли тебе интересны. Памятуя о твоём любопытстве (тебе ведь наверняка не терпится узнать, как тут у них все устроено), замечу, что мне уже довелось испытать не только голод, но и желание посетить отхожее место; моя кожа по-прежнему чувствует тепло солнечных лучей и прохладу утреннего ветра, так что мои ощущения ничем не отличаются от обычных. Разве что неприятных заметно поубавилось, как я уже отметил выше.

Хранители этого места (как ты понимаешь, я еще не успел завести других знакомств) утверждают, что обитатели Харумбы не чураются даже радостей плотской любви. Признаться, меня весьма забавляет мысль о том, что теперь, на старости лет, после долгих столетий аскетического подвига, я вполне могу позволить себе пуститься во все тяжкие. Что ж, по крайней

мере, будет чем заполнять ночи: меня как раз предупредили, что единственное неудобство, связанное с моим новым существованием, заключается в том, что спят здесь редко, понемногу и никогда не видят снов. Зато и от усталости не страдают. Откровенно говоря, я не считаю, будто бессонница — такая уж высокая плата за бессмертие.

Надеюсь, мой рассказ хоть немного удовлетворил твое любопытство. А теперь приступим к главному».

— Ишь ты! — вслух сказал я. — Что ж, посмотрим, что у нас считается «главным»...

Но Великий Магистр Нуфлин Мони Мах все-таки умудрился удивить меня напоследок. Остается благодарить судьбу за то, что в мой распахнувшийся рот не залетела какая-нибудь чайка.

«Я уже не раз говорил, что собираюсь отблагодарить тебя. Надо отдать тебе должное, сначала ты проявил великодушие и не стал мстить мне за попытку похитить твое молодое, отлично приспособленное для долгой жизни тело, а потом уговорил моего старинного врага отпустить меня восвояси, да еще и расплатился с ним самым ценным из своих талисманов. И вот теперь, когда я стал новым жителем Города Бессмертных (какая все же непростительная глупость называть благословенную Харумбу «Городом Мертвых»!) и окончательно убедился, что твои усилия не пропали зря, пришло время, фигурально выражаясь, выписать чек. Разумеется, о настоящем чеке не может быть и речи: все мои личные сбережения да и почти все богатства моего Ордена перекочевали в кладовые Харумбы. Теперь я могу с чистым сердцем сказать, что оно и к лучшему. К тому же, при всем моем уважении к деньгам, вынужден отметить, что они не всегда являются адекватной платой за некоторые услуги. Поэтому я собираюсь предложить тебе не больше и не меньше как власть над Соединенным Королевством.

Как ты знаешь, у меня не было преемника, который мог бы возглавить Орден Семилистника после моей, скажем так, вынужденной отставки. Возможно, теперь ты и сам догадываешься, почему я не стал назначать преемника: я ведь всерьез намеревался вернуться в Ехо в твоём теле; при этом (уж прости меня за откровенность) карьера служащего Малого Тайного Сыскного Войска отнюдь не казалась мне достойным содержанием новых страниц моей жизни. Поэтому перед отъездом я предупредил всех Старших Магистров Ордена, что они должны оставаться без Великого Магистра столько, сколько понадобится, и беспрекословно склониться перед любым человеком, который придет к ним на закате с непокрытой головой и произнесет некие заветные слова, звучание которых заставит все

окна Иафаха распахнуться и снова захлопнуться. В небе над Ехо при этом появится радуга в три дюжины разноцветных полос и будет сиять всю ночь.

Я связал их клятвой — из тех, что невозможно нарушить и остаться в живых, поэтому можешь быть спокоен: ты не услышишь ни единого возражения.

Разумеется, я сам планировал стать собственным преемником. Как видишь, все повернулось не так, как я задумал. Впрочем, все к лучшему — сейчас, когда я встречаю рассвет на террасе своего дворца в Харумбе, я наконец-то могу произнести эти слова без затаенной горечи... Ладно, дабы окончательно отказаться от лукавства, скажу так: почти без горечи.

А ты, сэр Макс, — раз уж я обязан тебе удовольствием встретить этот рассвет! — можешь занять мое место. Или, если кресло Великого Магистра Ордена Семилистника покажется тебе слишком скучной игрушкой (а я подозреваю, что так оно и есть), ты можешь усадить в него любого, кого тебе заблагорассудится, — хоть своего драгоценного Кеттарийца. Правда, я заранее уверен, что он тоже откажется. Я неплохо изучил его за эти годы.

Одним словом, судьба моего Ордена и всего Соединенного Королевства в твоих руках, а следующий Великий Магистр будет твоим вечным должником. Я даже не прошу тебя хорошенько подумать перед тем, как принять решение: если захочешь как следует развлечься — на здоровье!

Ну а теперь, когда все уже сказано, мне осталось написать совсем немного: попрощаться и сообщить тебе заветные слова, вернее числа и буквы. Имей в виду на будущее: почти любой ясновидец может разгадать чужое заклинание, если оно состоит из слов, принадлежащих человеческому языку, но никому не под силу распутать клубок из бессмысленных звуков и цифр. Да, не вздумай произносить это вслух ни при каких обстоятельствах — только один раз, у Явных Ворот Иафаха, и только на закате. А вот время года, погода и фазы луны никакого значения не имеют».

Далее следовало несколько строк, больше всего на свете похожих на какой-нибудь шпионский шифр: густая каша, сваренная из обрывков бесконечно больших чисел и букв знакомого мне алфавита, которым пользуется добрая половина населения этого Мира. Запомнить невозможно, да что там запомнить — я здорово сомневался, что смогу прочитать вслух этот кошмар, ни разу не запнувшись.

Но читать его вслух, как я только что выяснил, мне и не требовалось. Это удовольствие предстояло счастливчику, которого я сочту достойным занять парадное кресло Великого Магистра Ордена Семилистника, со всеми вытекающими последствиями.

До меня окончательно дошел идиотизм ситуации, и я тихо рассмеялся, усевшись на дно корзины летающего пузыря. Идей на сей счет у меня было много, и все как одна дурацкие. Например, присвоить звание Великого Магистра сэру Мелифаро — чтобы никому мало не показалось! Или вызвать из Ташера моего приятеля Андэ Пу и устроить всем «полный конец обеда», по его собственному меткому выражению.

Вдоволь потешив свое воображение чудовищными сценами единоличного правления Андэ Пу, я устал смеяться в одиночестве и послал зов Джуффину. Кажется, на сей раз мне удалось не только удивить шефа, но даже слегка его шокировать.

«Одним словом, выбирайте достойного кандидата, — заключил я. — А я, так и быть, устрою вам этот подарок ко Дню Чужих Богов».

«Кошмар! — наконец сказал шеф. — Сэр Макс добрался до большой политики. Кажется, мне пора подавать в отставку и уезжать на край Мира, поскольку на территории Соединенного Королевства скоро воцарится абсолютная анархия».

«Ну уж нет! — возмутился я. — Тоже мне, нашли великого анархиста! Я люблю, чтобы вокруг все было спокойно, а бузил только я сам, да и то изредка. В общем, вы пока думайте над кандидатурой, а я спать хочу. Ночка была та еще. Кстати, я теперь знаю, что такое эта Харумба, только рассказать как следует, наверное, не сумею... Но это все потом, ладно?»

«Ладно, — решил Джуффин. — Спи, что ж с тобой сделаешь! И постарайся добраться домой без приключений. По-моему, ты уже выполнил свою годовую норму».

«По-моему, тоже», — миролюбиво согласился я.

Как ни странно, мне удалось исполнить его просьбу. Семь дней, которые мне пришлось провести между небом и землей, протекли на удивление спокойно и однообразно.

В глубине души я подозревал, что где-то рядом незримо присутствует Магистр Хонна, который вроде бы намеревался охранять меня от всевозможных напастей, и даже надеялся, что он решит со мной пообщаться. Но тут я ошибся: очевидно, этот мудрец не считал меня интересным собеседником. А может быть, какие-нибудь таинственные дела давным-давно отвлекли его от сомнительного удовольствия оберегать мою драгоценную персону. В любом случае грозовые тучи, хвала Магистрам, больше не сгущались над моей головой, так что я успел как следует выспаться, отъестся и даже немного поскучать в финале.

— Ну, что вы решили? — это был первый вопрос, который я задал Джуффину, переступив порог его уютной гостиной.

Таково магнетическое воздействие высокой политики на человеческий организм: я прибыл в Ехо поздно вечером, но не побежал целоваться со своей девушкой, не объявил общий сбор старых приятелей, дабы подарить им уникальную возможность повиснуть на моей шее, а посадил летающий пузырь в саду шефа и тут же ринулся к нему — совещаться.

— Совершенно живой сэр Макс — воодушевляющее зрелище! — с удовольствием констатировал Джуффин. — Наконец-то хоть кто-то допьет остатки камры, скопившиеся в моих кружках за время твоего отсутствия. Я ее специально не выливал, чтобы не переводить на тебя свежую.

— Мелифаро уступил вам парочку своих дежурных остроумий, чтобы вы могли устроить мне достойную встречу? — понимающе вздохнул я.

— Ну что ты, мальчик, это мое собственное творчество. Неужели ты полагаешь, будто я уже ни на что не гожусь? — возмутился шеф.

— Годитесь, — заверил его я.

Рухнул в кресло и с удовольствием огляделся. Нет ничего лучше, чем оказаться в знакомой обстановке после долгой отлучки!

— Ну, где они, ваши хваленые остатки? Ловите момент, я так истосковался по всему домашнему, что вполне способен их допить.

К счастью, слова сэра Джуффина Халли иногда расходятся с делом, так что вместо обещанных помоев мне досталась здоровенная кружка свежей горячей камры.

— И все-таки, что вы решили? — нетерпеливо спросил я. — Кого будем делать Великим Магистром Ордена Семилистника? Вообще-то, если принять во внимание их бедственное финансовое положение, самой лучшей кандидатурой мне представляется Коба. Человек столько лет был старшиной портовых нищих, ему не привыкать!

Джуффин укоризненно покачал головой. А я-то надеялся его рассмешить.

— Да уж, Нуфлин сумел хорошо пошутить напоследок, — наконец сказал шеф. — Поставить судьбу своего Ордена в зависимость от твоего сомнительного чувства юмора — это надо же! Ты не очень обидишься, если я все-таки отклоню кандидатуру Кобы?

— Не очень, — улыбнулся я. — Вообще-то, если бы вы согласились с моим решением, я бы первый начал умолять вас еще немного подумать. Знаю я этого Кобу, замучает налогами честных граждан, по старой нищенской привычке!

Про себя я подумал, что Коба им еще и «Архипелаг Гугланд» устроить

может, но эту шутку шеф вряд ли бы понял, поэтому я спросил:

— А вы уже кого-нибудь выбрали?

— Не все так просто, — вздохнул Джуффин. — Будешь смеяться, но достойных кандидатов попросту нет. Вообще-то, поначалу я надеялся, что выберет Сотофа. В конце концов, она столько лет состоит в Ордене Семилистника, кому и решать, как не ей! Но ей все равно, лишь бы ее не принуждали занять это место. И пусть покарают меня Темные Магистры, если я стану делать вид, будто не одобряю ее желания оставаться в стороне!.. Потом я подумал, что Его Величеству Гуригу Восьмому будет приятно принять решение по этому вопросу. Король очень обрадовался и сказал: «Так пусть сам сэр Макс и возглавит Орден!» Мне пришлось потратить не один час своей единственной и неповторимой жизни, чтобы изложить ему причины, в силу которых из тебя получился бы никуда не годный Великий Магистр.

— Спасибо! — искренне сказал я. — Только этого мне не хватало... Но что же вы, в конце концов, решили?

— Да ничего мы толком не решили, — признался Джуффин. — Вернее, решили, что пока можно ничего не решать. Придержим эту козырную карту в рукаве, на будущее. В отсутствие Великого Магистра всеми делами в Ордене будут заправлять женщины Семилистника — негласно, разумеется. На такой вариант Сотофа согласна. А это значит, что в тайных подвалах Иафаха будет вершиться куда больше чудес, чем в последние десятилетия, а вот при Королевском Дворе постепенно начнут забывать, что такое настоящая интрига в духе минувшей эпохи. Сам понимаешь, меня это устраивает. О Короле и говорить не буду: он с детства мечтал, чтобы грозный Орден Семилистника превратился в некое подобие «канцелярии по делам чудес» — одну из многих Королевских канцелярий. И вот, похоже, сбылось — кто бы мог подумать!

— А если дела пойдут вразброд? — нерешительно спросил я. — В столицу станут возвращаться беглые Магистры, начнутся какие-нибудь беспорядки и все такое?

— Да нет, не думаю. Пока я сижу в своем кресле, желающих вернуться по пальцам можно пересчитать! — хмыкнул шеф. — Ну а если окажется, что я — плохой предсказатель... Вот тогда-то ты и извлечешь из своего рукава нашу козырную карту! — заключил он. — А теперь марш отсюда!

Мои брови изумленно поползли вверх: Джуффин еще никогда не выставлял меня из своей гостиной столь бесцеремонно.

— Тебя ждут дома, — усмехнулся он. — И если ты не объявишься там в ближайшие полчаса, беспорядки в столице начнутся уже этой ночью,

причем зачинщиками станут мои собственные сотрудники.

— Отечество в опасности! — с пафосом провозгласил я. — Что ж вы мне сразу не сказали? Меняю летающий пузырь Буурахри на ваш амобилер!

Лабиринт Мёнина

Ничто не предвещало неприятностей. Бутерброды падали исключительно маслом вверх, дождь шел только в те дни, когда я выходил из дома в непромокаемых сапогах, на улице мне улыбались незнакомые девушки и их величественные мамы (первые — многообещающе, вторые

— снисходительно). А жизнь в Управлении Полного Порядка протекала согласно священному принципу «солдат спит, служба идет».

Главным «спящим солдатом» был я: мои ночные дежурства напоминали размеренное существование пожилого курортника, скучноватое, но приятное. Поэтому когда сэр Лонли-Локли пригласил меня поужинать в только что открывшемся трактире с интригующим названием «Уголья Хмиро», я с чистой совестью взвалил ответственность за судьбу Соединенного Королевства на нашего пернатого умника Куруша. В последнее время он поднял цены, теперь час отлучки обходится мне в целых три пирожных, но это меня не остановило.

Нынче вечером сэр Шурф производил впечатление человека, который всерьез вознамерился расслабиться. Даже его смертоносные перчатки отдыхали от дел в шкатулке, а большие сильные кисти рук, украшенные «маникюром» древних защитных рун, мирно покоились на столешнице.

— Я сегодня уезжаю, — деловито объяснил он, когда мы уютно устроились за маленьким овальным столиком в овальном же помещении, с горем пополам имитирующем особенности архитектуры Шиншийского Халифата.

Хозяева этого трактира обещали потчевать жителей столицы Соединенного Королевства исключительно шиншийской кухней; сэр Кофа Йох утверждал, что прежде никто еще не решался на такие эксперименты с желудками наших богачей, и настойчиво призывал окружающих поддержать сей смелый почин, не дать энтузиастам разориться. Мы с Лонли-Локли стали первыми жертвами его рекламной кампании. Прочие наши коллеги пока опасливо обходили «Уголья Хмиро» стороной. Это ведь только наивные обыватели полагают, будто в Тайном Сыске служат исключительно отчаянные храбрецы.

— Куда? И почему, собственно, без меня? Путешествовать надо в хорошей компании.

— Я еду один, поскольку для расправы с мертвецами, воскресшими на кладбище в Уттари, вполне достаточно моего присутствия, — он пожал плечами. — Это же служебная поездка, а не путешествие ради удовольствия!

— Тогда ладно, — рассеянно согласился я. Откровенно говоря, огорчение мое было любительской инсценировкой. Не так уж мне хотелось срываться с места и куда-то ехать. Да что там, совсем не хотелось. От добра добра не ищут, а я в те дни находился, можно сказать, в эпицентре этого самого «добра».

— До нас дошла информация, что на кладбище в Уттари бесчинствуют какие-то совершенно особенные покойники, — принялся рассказывать Шурф. — Они были колдунами в каком-то ином Море, там же и умерли, а вернуться к жизни почему-то решили у нас под боком.

— Их можно понять — в смысле, покойников! — заметил я. — Этот Мир — великолепное местечко...

— ...Под небом которого совершенно неуместно досадное присутствие полуразложившихся людоедов из чужого Мира! — строго возразил Лонли-Локли.

— Так они еще и людоеды? — огорчился я.

— По крайней мере, так утверждает начальник Тайного Сыска Уттари, — мой коллега пожал плечами. — Как обстоят дела в действительности, я пойму, когда окажусь на месте.

— И надолго ты туда?

— Пока не знаю. Было бы опрометчиво строить планы, не ознакомившись с обстоятельствами. Возможно, окажется, что это дело не для одного дня. Поэтому я позволил себе небольшое отступление от правил и предложил тебе отлучиться со службы для участия в этом ужине... Кстати, я собираюсь заказать суп «Тысяча Специй». И тебе рекомендую. Это — жемчужина шиншийской кухни, мастера которой славятся умелым обращением с пряностями.

— А что, специй действительно тысяча? — недоверчиво спросил я, попробовав ароматное варево. Суп показался мне вполне вкусным, довольно острым, но число «тысяча» вызывало у меня некоторое недоверие.

— Увы, нет, — печально вздохнул Лонли-Локли. — Я читал, что классический рецепт этого блюда предусматривает девятьсот восемьдесят семь специй. Полагаю, его название — дань совершенно необъяснимой человеческой привязанности к круглым числам. Но в супе, который мы едим, их гораздо меньше.

Он, как заправский дегустатор, посмаковал исследуемый состав и резюмировал:

— Всего восемьсот тридцать одна! Не могу понять почему, вроде бы повара выписали из Шиншийского Халифата... Наверное, он просто экономит на самых дорогих специях. Полагает, что в Соединенном Королевстве живут только грубые варвары, не способные уловить разницу.

— И жестоко заблуждается. По крайней мере ты у нас точно не варвар! Ты что, действительно на вкус определил, что специй именно восемьсот тридцать одна, а не восемьсот тридцать две, к примеру? — изумился я.

— Ну разумеется, на вкус, а как же еще? Мои вкусовые рецепторы, хвала Магистрам, достаточно чувствительны. Если бы у меня было немного больше свободного времени, я бы мог составить список недостающих специй и официально предъявить претензии хозяину этого заведения, но поскольку через полчаса я должен ехать... Придется заняться этим по возвращении.

Я мог только искренне посочувствовать горемычному ресторатору. Когда в твой кабинет вваливается грозный сэр Лонли-Локли, Мастер Пресекающий Ненужные Жизни, торжественно потрясая списком не попавших в суп специй и требуя немедленной сатисфакции... Ох, счастье все-таки, что я — не владелец трактира! По всему выходит, опасная это профессия.

Как бы то ни было, но я проводил этого потрясающего типа до амобилера, пожелал ему счастливого пути и напоследок безапелляционно заявил, что его священная обязанность вернуться как можно скорее. Дескать, без него мы все тут пропадем.

Грешные Магистры, я как в воду глядел!

Но тогда я и не подозревал, что мой безответственный треп является своего рода мрачным пророчеством. Помахал ему рукой и отправился на службу, предусмотрительно запасшись пирожными для Куруша. Его традиционное ворчание по поводу моего долгого отсутствия казалось мне единственной проблемой, заслуживающей внимания.

На самом деле мне предстояло всего два часа нормальной человеческой жизни — и на том спасибо! По крайней мере, я успел выпить кружку камры, спокойно покурить и даже полистать свежайший, то есть завтрашний утренний выпуск «Королевского голоса».

В последнее время с тамошними репортерами творятся престранные вещи: ребята начали писать лучше, чем прежде. Думаю, сэр Рогро Жииль устал постоянно краснеть перед приятелями за бесчисленные ляпы своих сотрудников и потихоньку заколдовал весь штат.

Поэтому я отказался от давнишней привычки читать «Голос» через полдюжины дней после его выхода, когда газета хорошенько отлежится под столом и станет частью истории. Напротив, договорился, чтобы свежий номер мне доставляли ночью, прямо из типографии. Запах свежей краски кружит мне голову и почему-то заставляет чувствовать себя чуть ли не самой важной персоной в Соединенном Королевстве.

Идиллия была прервана вторжением сэра Джуффина Халли, что само по себе не лезло ни в какие ворота. В это время суток шефу полагается вовсю наслаждаться жизнью или, на худой конец, спать.

— Вы истосковались по моему обществу? — недоверчиво спросил я. — Все равно зря приехали. Все свежие анекдоты я вам уже рассказал. И вообще я сегодня сонный. То ли шиншийская кухня виновата, то ли за сложившуюся личную жизнь расплачиваюсь...

— Сонный, говоришь? — зловеще переспросил Джуффин. — Ничего, сэр Макс, сейчас я тебя разбужу.

— Мне уже страшно, — отчаянно зевнул я. — Подождите, не говорите ничего, дайте подумать. Может быть, мне лучше просто подать в отставку, пока не поздно?

— Уже поздно, мой бедный сэр Макс! — вздохнул шеф. И печальным, но обыденным тоном, каким обычно жалуются на зловердных жен и скверных поваров, сообщил: — У нас тут, видишь ли, Его Величество потеряться изволило...

— Как это — потеряться?! — опешил я. — Король не может просто так взять и потеряться! У него же телохранители небось имеются. Всяческие стражники, пажи, церемониймейстеры и прочие специальные полезные личности, которые не дают властителям жить по-человечески. Фиг тут потеряешься!

— До сегодняшнего вечера я тоже так думал, — проворчал Джуффин. — Тем не менее Гуриг всегда успешно боролся с придворными за свободу собственной личности. В самом начале правления запретил свите сопровождать его в уборную, потом отменил почетный караул на пороге своей спальни, потом понемногу приучил дворцовую охрану к мысли, что Король имеет полное право в одиночестве бродить по коридорам замка. Когда старый церемониймейстер, который держал в ежовых рукавицах даже его воинственного папеньку, подал в отставку, Гуриг от радости прыгал. И вот допрыгался... Пропал в собственном дворце, среди бела дня.

— Среди бела дня? Странно: в газете об этом ни слова! — я выразительно помахал завтрашним выпуском «Королевского Голоса».

— Еще чего не хватало! — возмутился шеф. — Эта новость не для газет. Если граждане Соединенного Королевства узнают, что остались без своего Короля... Грешные Магистры, в этом случае смута во время

книжного скандала памяти блаженного Йонги Мелихаиса покажется нам шумным, но вполне безобидным карнавалом. Это пахнет сменой династии: у Гурига ведь нет ни братьев, ни детей, ни даже каких-нибудь кузин с кузенами. Род Гуригов никогда не отличался чадолюбием...

— Ужас! — я даже зажмурился. — Но куда он мог исчезнуть? Небось, очередное колдовство? Какой-нибудь мятежный Магистр пронюхал, что Нуфлин отбыл в Харумбу, власть Ордена Семилистника пошатнулась, и не преминул этим воспользоваться.

— Нет, мятежные Магистры тут совершенно ни при чем, — возразил Джуффин. — А вот колдовство, разумеется, имеет место. И какое колдовство! Очередной сюрприз твоего старинного приятеля Мёнина.

— Хреново, — вздохнул я. — Этот ваш Мёнин хуже целой армии мятежных Магистров. Не король, а сундук с сюрпризами. Нет чтобы с достоинством взирать на потомков со страниц учебников по истории, как подобает всякому уважающему себя историческому персонажу... А, кстати, откуда вы знаете, что это он развлекался?

— Хорош бы я был, если бы не знал! — строго сказал Джуффин. — Работа у меня такая. Неужели ты думаешь, что я занимаю свое кресло только потому, что его срочно требуется протереть до дыр?

— А разве нет? — невинно переспросил я. Тут же почувствовал, что перегнул палку, кое-как придал своей роже серьезное выражение и проникновенно сказал: — Извините, просто до меня пока не дошло, насколько все серьезно. Расскажите, как обстоят дела, я больше не буду вас перебивать.

— Что ж, тогда у тебя есть шанс дожить до утра, — ласково пообещал шеф. — Ладно уж, слушай. Исчезновение Гурига обнаружилось на закате, примерно за час до ужина. К счастью, его новый церемониймейстер весьма сообразителен и сделал все для того, чтобы эта информация не стала достоянием остальных придворных. Официально заявил, что Король изволит грустить и желает побыть в одиночестве, отнес в его пустую спальню поднос с едой, дабы не вызывать излишних подозрений, а потом послал мне зов. В этот момент я как раз подъезжал к дому. Пришлось повернуть обратно, отправиться в замок Рулх и браться за поиски. Скажу откровенно: задача оказалась не из легких. Закон Соединенного Королевства запрещает кому бы то ни было становиться на след Короля — при любых обстоятельствах! А ведь даже для меня это единственный способ быстро найти человека. Счастье, что в свое время ты пристроил в нашу контору Нумминориха. Я тут же вызвал его в замок и велел нюхать как следует.

Джуффин умолк, я озадаченно уставился на него.

— И что? Неужели безрезультатно? Насколько я успел изучить нос нашего Нумминориха, вы должны были обнаружить Гурига через несколько минут после старта.

— Не так все просто, — меланхолично откликнулся Джуффин. — Мы сделали ровно половину дела. Теперь я совершенно точно знаю, куда делся Гуриг. Догадываюсь, как его туда занесло. Почти уверен, что он все еще жив. Но это ничего не меняет, Макс. Его Величество угораздило заплутать в знаменитом Лабиринте Мёнина. До сих пор все заинтересованные лица утешали себя надеждой, что этот Лабиринт — страшная сказка для непоседливых юных принцев и еще более непоседливых придворных чародеев. Сегодня я убедился, что это не сказка. К сожалению или к счастью — я еще не решил...

— Так, — обреченно вздохнул я. — Не успел я избавиться от меча Короля Мёнина, как тут же всплывает новый сувенир. Ставлю дюжину корон, что слоняться по этому грешному лабиринту предстоит именно мне. Я же у нас с некоторых пор специализируюсь по художествам этого шутника Мёнина.

— Совершенно верно, — спокойно подтвердил Джуффин. — Тебе будет легче жить на свете, если я по секрету скажу, что сначала попытался войти в Лабиринт Мёнина сам? Это было бы наилучшим выходом. Но меня не пустили. Хитрец Мёнин заранее позаботился о том, чтобы в его Лабиринт не могли войти могущественные старики вроде меня. Если бы я оказался внутри, я бы просто разнес в клочья эту опасную игрушку: есть вещи, с которыми нельзя шутить. А Мёнин был большим любителем нарушать те немногочисленные запреты, которые должен соблюдать всякий, прикоснувшийся к тайнам Истинной магии. За что и поплатился в конце концов, но это уже его проблемы... Скажу тебе откровенно, сэр Макс: мне не слишком хочется посылать тебя в это пекло. Но я не вижу альтернативы.

— А Лабиринт Мёнина — именно пекло? — дрогнувшим голосом уточнил я.

Джуффин кивнул и отвернулся к окну. Не то обдумывал свое дальнейшее выступление, не то просто не хотел смотреть мне в глаза. Если так, то дело точно пахло керосином, да не простым, а марочным: до сих пор шеф отправлял меня в пасть очередного чудовища по имени «приключение», не испытывая чувств, даже отдаленно напоминающих угрызения совести.

— Я не зря использовал именно слово «пекло», позаимствовав его из

твоего лексикона, — наконец сказал Джуффин. — У нас, в Мире, нет ни одной философской системы, которая обещает воздаяние за грехи после смерти. Впрочем, это ты и сам давно уяснил. Зато в этом Мире есть хитроумная ловушка, созданная совместными усилиями Вечности и рехнувшегося от собственного могущества Вершителя по имени Мёнин. Если верить мифу, Лабиринт Мёнина соткан из обрывков разных Миров — всех Миров, какие только существуют в бесконечности Вселенной. Следовательно, и сам лабиринт бесконечен. Неизвестно, существует ли выход из Лабиринта Мёнина. До сегодняшнего дня даже не было известно, существует ли вход. Теперь мы знаем, что вход все-таки есть, и это позволяет надеяться на наличие некоего подобия выхода.

Джуффин умолк, потом испытующе посмотрел на меня и решительно сказал:

— Знаешь, Макс, я ведь не могу приказать тебе отправиться в Лабиринт Мёнина. Твоя жизнь не принадлежит мне, а вполне возможно, что за порогом Лабиринта тебя ждет смерть или... Впрочем, лучше бы мне помолчать. Нет ничего хуже, чем пророчить беду. Вполне может стать, что Лабиринт примет тебя, как старого друга, и подарит тебе множество восхитительных тайн. Возможно, меня подводит профессиональная привычка с недоверием относиться ко всему неизвестному, и я зря тебя пугаю. Тем не менее имей в виду: если ты откажешься идти в Лабиринт Мёнина, я не стану ставить тебе «двойку». И не напишу слово «трус» напротив твоего имени в своем рабочем дневнике. Да и нет у меня никакого дневника, это у нас только сэр Шурф с причудами.

— Грешные Магистры, как не вовремя он уехал! — с горечью сказал я. — Вдвоем с этим парнем я бы отправился в Лабиринт, не раздумывая... Может быть, попросим его вернуться?

Джуффин с сомнением покачал головой.

— Не думаю, что это было бы разумно. По моим сведениям, ожившие мертвецы в Уттари — настоящее бедствие. Мертвые колдуны из иного Мира, одержимые жаждой убийства... К тому же они озлоблены страданиями, которые постоянно испытывают их разлагающиеся тела. И, что хуже всего, их число возрастает с каждым часом. Я уверен, что сэр Шурф легко справится с этой напастью, но кроме него, пожалуй, некому. А если мы вернем его обратно... Боюсь, что за время его отсутствия окрестности Уттари могут опустеть. Слишком высокая плата за жизнь нашего Короля, даже если прибавить к ней твою шкуру, тоже весьма ценную в глазах компетентного эксперта вроде меня.

— Спасибо за комплимент, — вздохнул я. — Значит, Шурф вне игры.

И вы тоже, поскольку некая неведомая сила не пускает вас в этот грешный Лабиринт. Сие досадно. Если встречу на улице свою судьбу, непременно набью морду этой гадине... Ладно, значит, придется идти в одиночку.

— Так ты решил идти?

Не могу сказать, что шеф удивился. Ну да, конечно, этот хитрец с самого начала знал, чем закончится наш разговор. Поэтому я даже отвечать не стал, просто пожал плечами: дескать, и так все понятно.

— Что ж, отговаривать я тебя не стану: служебное положение не велит. Считай, что памятник в полный рост на какой-нибудь центральной площади Ехо ты уже заслужил, — невесело усмехнулся Джуффин. И твердо добавил: — Но один ты не пойдешь!

— Что касается памятника, его следовало поставить еще года три назад, — в тон ему откликнулся я. — По крайней мере, тогда я еще был достаточно глуп, чтобы искренне обрадоваться этому событию. А теперь, пожалуй, не стоит впустую переводить казенные средства. — Я посмотрел в глаза шефу, осекся и снова стал серьезным: — Один не пойду, говорите? Ладно, но с кем, в таком случае? Кто он, этот счастливчик? Или жребий бросать будем?

— Не будем, — сухо сказал Джуффин. — Давай действовать методом исключения. Меня Лабиринт не принимает. Сэр Шурф в Уттари. Нумминорих слишком неопытен и будет для тебя скорее обузой, чем помощником. Меламори я с тобой не пущу, даже если оба умолять будете. Когда вы с ней собираетесь в одном помещении, там тут же воцаряется совершенно нерабочая атмосфера!

— Еще чего! — буркнул я. — У меня не так много любимых девушек, чтобы таскать их по всяким подозрительным лабиринтам!

— Рад, что ты не настолько романтичен, — улыбнулся шеф. — Ну, кто у нас там дальше? Сэр Луукфи Пэнц? Думаю, ты и сам понимаешь, что этот парень рожден исключительно для нежного воркования с буривами из Большого Архива, так что пусть остается на своем месте.

— Ага, — кивнул я. — Вот если бы пропал не Король, а буривах, тогда — другое дело!

— Сэр Кофа — самый опытный и, возможно, самый могущественный из наших коллег, — продолжил Джуффин, — но, как ты и сам знаешь, он слишком мирской человек для подобных путешествий. Леди Кекки Туотли — его достойная ученица, со всеми вытекающими последствиями. Так что особого выбора у нас нет: с тобой отправится сэр Мелифаро. По-моему, из этого парня получится неплохой спутник: он быстро соображает, еще быстрее действует и, в отличие от тебя, никогда не теряет голову. Да и ему

это приключение пойдет на пользу. Его потенциальные возможности весьма велики: как и всякий Страж, Мелифаро горы способен свернуть, когда приходит время пройти по тонкой грани, отделяющей Очевидную Магию от Истинной, но до сих пор у него не было решительно никакой возможности как следует попрактиковаться. Надо же когда-то начинать!

— А жизнь — не чрезмерная цена за возможность как следует попрактиковаться? — осторожно спросил я.

— Это нормальная цена, — сухо ответил Джуффин. — Обычная. Ты и сам это знаешь.

— Так то я...

Я неопределенно пожал плечами, не в силах четко сформулировать, в чем состоит принципиальная разница между мной и сэром Мелифаро. В моем сознании шевелились смутные предположения: дескать, мне позволили перебраться в этот прекрасный Мир и великодушно предложили здесь пожить, поэтому я вроде как всем вокруг должен, а сэр Мелифаро вроде как нет. Чушь, одним словом.

— Не вижу особой разницы, — Джуффин решительно положил конец моим размышлениям. — Собственно говоря, Мелифаро должен прыгать до потолка. Такой шанс по уши залезть в настоящие чудеса раз в тысячу лет выпадает. В отличие от тебя, парень отлично понимает, что без хорошей практики годков через сто он сможет претендовать разве что на место генерала Бубуты, который к тому моменту, я надеюсь, наконец-то подаст в отставку. Но я сомневаюсь, что наш сэр Мелифаро действительно планирует провести остаток своей единственной и неповторимой жизни в кресле Начальника Городской Полиции. На мой вкус, лучше уж навсегда застрять в Лабиринте Мёнина, все не так паскудно.

— Стоит четверть часа с вами поговорить, и все переворачивается с ног на голову, — улыбнулся я. — Одного не могу понять — то ли вы такой умный, то ли я такой глупый?

— Не могу назвать эти тезисы взаимоисключающими, — подмигнул шеф. — Ладно, какое-никакое, а решение принято. И то хлеб. Сейчас вызову Мелифаро и поедem в Замок Рулх. Такое развлечение надолго откладывать нельзя.

— Нельзя так нельзя, — вздохнул я.

Налил себе немного камры (не то чтобы мне действительно хотелось пить, но когда еще доведется?), уткнулся носом в чашку и предался мрачным раздумьям.

Признаться, мне было здорово не по себе. Не страшно, скорее, просто грустно. Перед внутренним взором маячил список запланированных на

завтра дел, незначительных, но приятных. Возвращение домой на рассвете, несколько торопливых поцелуев в полумраке коридора, прогулка с собакой по узким переулочкам Старого Города, неторопливый завтрак у ворчуна Мохи в обществе стопки свежих газет и двойной порции его изумительных блинчиков по-мурийски, пара-тройка блаженных часов под одеялом, а вечером еще одна долгая прогулка по городу, на сей раз не с Друппи, а в обществе Меламори, которая наверняка не откажется заглянуть на очередной поэтический вечер в «Трехрогую Луну», благо завтра как раз новолуние. Все эти планы я теперь мог записать на бумаге, а список тщательно скатать в трубочку и аккуратно засунуть в собственную задницу. Им не суждено было осуществиться.

Джуффин заметил прискорбную перемену в моем настроении, адресовал мне вполне сочувственный взгляд и негромко сказал:

— Макс, ты не обязан идти в Лабиринт Мёнина. Я с самого начала ясно дал тебе это понять.

— Я помню, — вздохнул я. — Но вы же сами знаете, что я все равно пойду. И я это знаю. Так что не будем толочь воду в ступе, ладно? А то у меня в сердце снимает угол один малодушный паренек, живучая такая сволочь. В отличие от меня, он просто обожает такие разговоры!

— Понимаю, — серьезно кивнул Джуффин. — Что ж, не буду лишний раз искушать твоего приятеля. Решено — значит решено!

Мы замолчали. Я молчал обреченно, шеф — сочувственно.

Настроение у нас было настолько лирическое, что явление сэра Мелифаро, злого, невыспавшегося и, как следствие, ехидного до изжоги, показалось мне настоящим подарком судьбы. К тому же на сей раз к его ярко-алому лоохи прилагались зеленые сапоги, лиловая скаба и желтый тюрбан. Сие ужасающее зрелище здорово подняло мне настроение, совсем как праздничный фейерверк.

— Ага, сейчас выяснится, что это чудовище боится оставаться одно в темноте, и поэтому я должен всю ночь сидеть рядом с ним и держать его за ручку, ибо вы уже устали его успокаивать! — сварливо сказал он Джуффину прямо с порога, не утруждая себя формальным вежливым сообщением о высоком качестве нынешней ночи.

Под «чудовищем», естественно, разумелся я — а кто же еще?!

— Что-то в этом роде, — спокойно согласился Джуффин. — Скажем так, сэр Макс боится оставаться один в темноте, которая окутывает коридоры Лабиринта Мёнина. Поэтому было бы неплохо, если бы рядом с ним был парень вроде тебя, способный одним только видом своего наряда

отвлечь его от тревожных предчувствий и прочих глупостей. Ты ведь у нас специалист по управлению оттенками его драгоценного настроения?

— Подождите-ка! — Мелифаро озабоченно нахмурился. — Я что-то со сна никак не соображу, где заканчивается шутка и начинается служебная инструкция.

— Шутка — это всего лишь часть служебной инструкции, — строго сказал шеф.

— Да, я так и подумал.

Он растерянно моргал, силясь проснуться. На «автопилоте» вполне можно проделать путь от улицы Хмурых Туч до улицы Медных Горшков и брякнуть дежурную остроту слабого посла, но для того чтобы поддерживать осмысленную беседу с сэром Джуффином Халли, все-таки следует прийти в сознание.

— Так вы говорите, что темнота окутывает коридоры Лабиринта Мёнина? — переспросил Мелифаро. — Впервые слышу это словосочетание! Слово «лабиринт» знаю, о Короле Мёnine, сами понимаете, тоже наслышан, но о том, что у него был какой-то личный лабиринт...

— Почему же — «был»? — насмешливо прищурился Джуффин. — Он есть. И в этом грешном лабиринте заплутал наш бездетный монарх, что, сам понимаешь, чревато большими внутривластными осложнениями. Признаться, мне бы очень хотелось сохранить династию Гуригов. Все-таки Соединенному Королевству это семейство приносит исключительно пользу. К тому же в их жилах кровь людей, эльфов и крэйев смешалась в очень хорошей пропорции. Где еще найдешь таких психически уравновешенных монархов?

— Так, — ошарашено сказал Мелифаро, опускаясь в кресло. — Рассказывайте все по порядку. Я уже проснулся.

Мне пришлось еще раз выслушать историю исчезновения Его Величества Гурига Восьмого и не слишком оптимистическую версию Джуффина касательно природы Лабиринта Мёнина. Мелифаро был на высоте: он и глазом не моргнул.

— Ясно, — просто сказал он, когда шеф умолк. — Мы прямо сейчас должны отправляться? Тогда поехали — чего мы ждем?.. Макс, это ведь ты рассказывал мне анекдот про обезьяну и полицейского? Ну, когда обезьяна не смогла достать лакомство с верхушки столба и села подумать, а полицейский сказал: «Чего тут думать, прыгать надо!» Так вот, я считаю, что он был совершенно прав. Пришло время как следует попрыгать!

Я невольно улыбнулся, восхищаясь его деловитым оптимизмом.

Джуффин исподтишка скорчил мне лукавую рожу. Подразумевалось: «Ну что, съел, сэр Макс?» Я был с ним совершенно согласен: «съел»!

— Это здесь, — лаконично сообщил Джуффин, когда мы миновали добрую дюжину дворцовых коридоров, несколько огромных, роскошно обставленных комнат и наконец оказались в сравнительно небольшом захламленном помещении.

Чего здесь только не было! На мебельных баррикадах толпились забавные игрушечные зверьки, сшитые из лоскутов меха и кожи; парадные портреты словно бы в наказание были повернуты лицом к стене, а рулоны ковров преграждали нам путь, превращали наше паломничество из угла в угол в увлекательную спортивную игру.

— Уж не знаю, как выглядит Лабиринт Мёнина, но это помещение больше похоже на обыкновенную кладовую, — презрительно фыркнул Мелифаро.

— А это и есть кладовая, — согласился шеф. — Здесь хранятся вещи, которые в свое время стояли в детской Его Величества. Надо думать, у Гурига случился приступ сентиментальности, с ним это бывает. Наверняка он пришел сюда за любимой меховой собакой или решил разыскать картину, которая висела над его постелью. Слоняясь среди воскресших воспоминаний о детстве, он случайно — если, конечно, хоть что-то в этом Мире происходит случайно! — задел гобелен, который и без того держался на одном честном слове. Гобелен упал — видите, до сих пор валяется на полу. И тут Гуриг обнаружил нечто такое, мимо чего просто не смог пройти: любопытство — скорее достоинство, чем порок, но иногда весьма опасное достоинство... Идите-ка сюда, мальчики, я вам кое-что покажу. Вот он, вход в Лабиринт.

Джуффин указывал на неглубокую нишу в стене. Там скрывалась низенькая дверь, украшенная резьбой и кусочками драгоценного светлого металла. Она больше смахивала на дверцу одежного шкафа, чем на вход в неведомое, поэтому я недоверчиво покосился на шефа.

— Не веришь — проверь! — лукаво подмигнул он.

— Да уж придется, — в тон ему усмехнулся я.

— Пошли! — нетерпеливо сказал Мелифаро. Осекся и вопросительно посмотрел на Джуффина: — Или у вас есть какие-то инструкции, сэр?

— Какие уж тут инструкции! — тот с досадой пожал плечами. — На сей раз я знаю о предстоящих вам неприятностях ничуть не больше, чем вы сами. Я, видишь ли, никогда не бывал в Лабиринте Мёнина. Ничего удивительного: до сегодняшнего дня его вообще считали одной из самых

завиральных страшилок минувшей эпохи.

— Ничего, зато вы будете первым, кому мы расскажем все, не утаив ни единой подробности, — утешил шефа сердобольный Мелифаро. И, повернувшись ко мне, бодро осведомился: — Ну что, пошли, чудовище?

— Сейчас, — деревянным голосом сказал я, поскольку уже несколько секунд пребывал в глубоком шоке. — Поглядите-ка сюда!

Я только что заметил глубокие, старательно прорезанные царапины в самом центре таинственной дверцы, ведущей в неизвестность. Там было вырезано не что-нибудь, а одиозное слово из трех букв, которое так любят писать на стенах общественных сортиров моей далекой родины (впрочем, заборы, стены, лифты, подъезды и гаражи обычно тоже редко бывают обделены вниманием анонимных каллиграфов).

Мои коллеги отнеслись к наскальной надписи без особого энтузиазма, поскольку ничего не поняли. В лексиконе жителей этого прекрасного Мира нет нецензурных ругательств. Как они выкручиваются — вообразить не могу. Я, конечно, периодически провожу среди них просветительскую работу, но, увы, нерегулярно, так что сейчас, когда дело дошло до «полевой практики», ребята не смогли опознать самое короткое из известных мне неприличных слов.

Даже всеведущий сэр Джуффин Халли довольно растерянно взирал то на меня, то на скандальную надпись, очевидно, пытаясь вспомнить, где и при каких обстоятельствах он мог слышать это загадочное слово. А мой единственный прилежный ученик, сэр Шурф Лонли-Локли, не поленившийся записать и выучить наизусть все, что я сумел припомнить, был далеко.

— Это что? Руны Короля Мёнина? — озабоченно поинтересовался Мелифаро. И сам себя перебил: — Нет, на руны не очень похоже. Тогда что? Заклинание?

— Считай, и то и другое сразу! — фыркнул я.

Меня душил смех, но дать ему волю я не решался: мне не раз доводилось испытывать на собственной шкуре переменчивый тяжелый нрав легендарного властителя древности по имени Мёнин, и я не был уверен, что ему понравится мое ржание на самом пороге его знаменитого Лабиринта.

И потом, вдруг в этом Мире слово из трех букв действительно является не бранью, а заклинанием? Возможно, самым крутым заклинанием всех времен и народов, так что даже наш могущественный шеф еще не успел его вызубрить.

— Наступил ответственный момент, — объявил Джуффин. — А ну-ка, Макс, попробуй открыть эту дверь. Я почти уверен, что у тебя она откроется как миленькая. Но если все-таки не откроется...

— Придется вызывать дворцового слесаря! — хмыкнул я. — Среди ночи он вряд ли быстро заявится, так что постараемся обойтись без его помощи.

Я взялся за дверную ручку и сразу понял, что дверь откроется, никуда она от меня не денется. Так порой бывает, когда берешь за руку малознакомую девушку и уже знаешь, что она разрешит тебе все — ну, по крайней мере, не станет откладывать первый поцелуй на туманное послезавтра.

Страх чуть не свалил меня с ног — всего один, но мощный удар в сердце, маленькую, глупую, чуткую и непомерно нервную мышцу, доставшуюся мне от рождения. Впрочем, вполне равнодушный к моей судьбе загадочный комок призрачной плоти, мое второе сердце, тоже вздрогнуло, как разнежившийся на августовском солнце пляжник от первого порыва вечернего бриза.

Мне чертовски хотелось отказаться от нашей безнадежной затеи с поисками пропавшего Короля и рвануть домой. Гуригом больше, Гуригом меньше, «вода дала, вода взяла», как говорят чукотские мудрецы, — какая, к Темным Магистрам, разница?! Было бы из-за чего соваться в пекло...

Но я сунулся, разумеется.

За дверью было так темно, что даже мои глаза, давно обретшие счастливую способность видеть в темноте, поначалу отказались отправлять какую бы то ни было информацию своему начальству, приютившемуся в черепной коробке. Здесь пахло сыростью, где-то вдалеке журчала вода, и вообще, у меня создалось впечатление, что я, скорее, вовсе покинул помещение, чем просто перешел из одной комнаты в другую.

За моей спиной раздалось бодрое сопение Мелифаро и почти беззвучный хлопок закрывшейся двери — это было больше похоже на аккуратный удар в солнечное сплетение, чем на настоящий звук. Я обернулся и сразу понял, что дверь исчезла. Если бы мы захотели сразу вернуться назад, у нас ничего бы не вышло: возвращаться уже было некуда.

— Нет больше никакой двери, — деревянным голосом сказал Мелифаро. Он тоже оглянулся и сразу все понял. — Всегда подозревал, что прогулка в твоей компании добром не кончится! Говорила мне мама: не ходи, сынок, на службу в Тайный Сыск, становись лучше пиратом, как твой старший брат, — и весело, и прибыльно, и почти безопасно! А я, дурак, ее

не послушал.

— Она действительно так говорила? — недоверчиво поинтересовался я.

— Ну да, — невозмутимо ответил Мелифаро. — Любая мать хочет, чтобы ее дети хорошо устроились в жизни!

Я завистливо вздохнул: все-таки засранцу чертовски повезло с родителями!

— Ну, пошли, что ли? — бодро спросил этот счастливчик.

— Угу, — сумрачно согласился я. — Если бы еще нашелся добрый человек и сообщил, куда именно следует идти...

— Идти следует вперед, это и менкалу понятно! — фыркнул Мелифаро. — Если мы должны найти Гурига, следует учитывать, что подавляющее большинство людей в аналогичных ситуациях идет именно вперед. К счастью, я прогуливал не все лекции, когда учился в Королевской Высокой Школе, так что несколько простых истин о закономерностях человеческого поведения в обычных и необычных обстоятельствах художественно усвоил.

— А там вас и этому учили? — изумился я. — Ладно, тогда пошли вперед. Тем более что найти Гурига нам все равно поможет только чудо, а не знание законов человеческого поведения. Ну и ладно, будем надеяться на чудо!

* * *

«Чудо» не заставило себя долго ждать.

Не успели мы пройти и сотни метров, как оказались на берегу огромного пруда. Темная поверхность воды казалась густой и маслянистой. На буро-зеленом небе сияла почти круглая, всего пару дней назад повернувшая на ущерб луна. Над водой стелился дым, словно где-то рядом на берегу угасал костер, но самого костра не было видно.

Мы озадаченно переглянулись: теперь предстояло решить, куда сворачивать. Вот уж воистину вечный вопрос, Гамлет с его знаменитой дилеммой отдыхает!

Повинуясь внезапному порыву, я присел на корточки и опустил руки в темную воду. Ни холода, ни влаги я так и не ощутил — больше всего это напоминало погружение в чуть теплую кашу, густую, но податливую.

— Макс, не надо этого делать! — почти испуганно попросил Мелифаро.

— Почему? — равнодушно спросил я.

К этому моменту соприкосновение с темной гущей озерной воды начало доставлять мне странное физическое удовольствие, не слишком интенсивное, но, можно сказать, изысканное. Во всяком случае, извлекать руки из воды мне уже не хотелось.

— Ты как маленький, честное слово! Почему, почему... Просто я совершенно точно знаю, что этого делать не надо. И ты знаешь. Но почему-то делаешь.

— Твоя правда, — неохотно согласился я. Его тон немного меня отрезвил. Я подумал, что парень прав: пока мы не знаем, во что именно влипли, лучше вести себя осторожно. Так осторожно, словно нас тут вообще нет.

Я заставил себя вынуть руки из воды, поднялся на ноги и растерянно посмотрел на Мелифаро:

— Сам не знаю, с чего меня угораздило устраивать ритуальное омовение своих дланей?!

Я старался говорить подчеркнуто иронично, но голос звучал как чужой: интонационные нюансы ему почему-то не давались.

Вода в озере тем временем заволновалась, забурлила и внезапно явила нашим изумленным взорам неподражаемо уродливую тварь, которую вряд ли пустили бы даже в самый страшный сон конченного шизофреника. То ли покрытая чешуей жаба, то ли неимоверно обрюзгший бородавчатый дракон — как бы там ни было, но дивное творение веселой природы было размером со слона и перло на нас с энтузиазмом любящей бабушки, встречающей малолетних внуков на переполненном перроне.

Мы оказались безнадёжными идиотами: растерялись. Если бы здесь был сэр Джуффин Халли, он бы наверняка похлопотал о нашем немедленном переводе из Тайного Сыска в ряды доблестных метельщиков — там нам и место!

В течение длинной, драгоценной, как черная жемчужина, секунды мы молча смотрели на кошмарного представителя местной фауны. Потом моя левая рука наконец вспомнила, что следует делать в таких ситуациях, и пальцы судорожно защелкали, выпуская Смертные Шары.

Но привычная, как утреннее умывание, ворожба мне не удалась. Чудище, похоже, даже не поняло, что я предпринимаю какие-то враждебные действия. Боковым зрением я заметил, что Мелифаро тоже пытается атаковать гиганта, но к этому моменту защищаться было уже поздно. Нас разделяло всего несколько шагов, и я вдруг с ужасающей отчетливостью понял, что сейчас эта тварь нас попросту раздавит. Почти не

соображая, что делаю, я плюнул в жабу, моля небо, чтобы моя ядовитая слюна оказалась для нее хорошим «лекарством от жизни».

Жаба действительно остановилась как вкопанная, а потом с душераздирающим, неожиданно писклявым стоном обрушилась на нас. Отскочить в сторону мы не успели.

«Господи, неужели это — все? — изумленно подумал я. — Неужели так просто?!»

Ну да, так обычно и умирают дураки — не в силах поверить, что «это» происходит именно с ними, а не с кем-нибудь чужим и далеким. Я, как выяснилось, из их числа.

Возвращение к жизни оказалось долгим и чертовски приятным, как пробуждение в начале свободного дня, когда не нужно никуда торопиться, можно лежать, сладко жмуриться, вспоминать только что прервавшийся сон или рассказывать себе какую-нибудь уютную дремотную сказку; снова погружаться в дрему, на краткое мгновение опускать лицо в ее сладкие воды, улыбаться зеленоватым теням, мелькающим на дне, и с удовольствием думать о том, что скоро придет время поднимать веки, уже исцелованные нетерпеливыми солнечными зайчиками...

— Макс, ты понимаешь, где мы? — голос Мелифаро ворвался в мое сознание, как звонок будильника.

Сначала я ужасно удивился. Даже возмутился: что этот гнусный тип делает возле моего, с позволения сказать, ложа?! Небось, приперся, чтобы за шиворот вытащить меня на службу в неурочное время...

Потом до меня дошло, что я лежу не в постели, а на весьма жестком полу. Еще миг спустя я вспомнил недавние события, и меня передернуло от запоздалого похмельного коктейля, смешанного из равных частей страха и отвращения.

— Макс, почему мы живые? — требовательно спросил Мелифаро. — Нас ведь жаба раздавила...

— Если уж жаба, то не раздавила, а задавила, — машинально поправил его я. — Вот уж не думал, что это может быть смертельно!

— Макс, ты в порядке? — озабоченно спросил Мелифаро. — Метешь невесть что... Слушай, я совершенно уверен, что эта дрянь нас расплющила! Она же упала прямо на нас, а весу в ней...

Он умолк, очевидно, прикидывая, сколько именно могло весить чудовище.

— Весу в ней до хрена, — согласился я. — Но у меня, хвала Магистрам, ничего не болит. Руки и ноги действуют, все пальцы шевелятся,

голова крутится, я уже проверял. Думаю, я даже встать могу. Но пока не очень хочу, если честно. Чувствую себя так, словно только что проснулся.

— Я тоже, — согласился он. — Но я уже заметил, что мы находимся не на берегу того грешного водоема. Мы в каком-то закрытом помещении, только я никак не могу понять, что оно собой представляет. Вроде просто комната, но без мебели.

— Сейчас разберемся, — неохотно пообещал я. С трудом поборол несвоевременный приступ лени, сел и огляделся по сторонам.

Мы действительно оказались в закрытом помещении, объективно говоря, довольно просторном. Хотя, конечно, по сравнению с моей гостиной в Мохнatom Доме оно казалось почти убогой клетушкой. На стенах висели какие-то картины, но я никак не мог сфокусировать зрение, чтобы как следует разглядеть начинку окружающей нас темноты.

— Макс, мне это все не нравится, — гнул свое Мелифаро.

— Мне тоже, — согласился я. — Причем с самого начала. С другой стороны, было бы гораздо хуже, если бы мы оказались не живыми, а мертвыми, правда?

— Ох, Макс, что-то здесь не так, — упрямо вздохнул он. — Ладно, давай отсюда выбираться! А если выбираться некуда, хоть осмотримся и попробуем понять, куда попали.

Я встал, подошел к стене и щелкнул выключателем. Помещение залил ровный рассеянный свет. Мелифаро растерянно заморгал, озираясь по сторонам. А я подошел к дальней стене и уставился на висящую там картину — совсем небольшую, в скромной раме.

На первый взгляд она напоминала детский рисунок, но уж мой-то взгляд нельзя было назвать «первым». Моя юность прошла в комнате, стены которой были обклеены репродукциями Алексея фон Явленского. Один из любимых художников; я, помнится, все мечтал когда-нибудь поглядеть на оригиналы. И вот, пожалуйста...

— Знаменитая «Принцесса с белым цветком», — вздохнул я. — Вот уж не гадал... Наверное, мы все-таки умерли и попали в рай. Вот только я не понимаю: почему ты попал в мой рай, а не в свой собственный? Что скажешь в свое оправдание, дружище?

— Макс, прекрати ломать комедию! — потребовал Мелифаро. — Если ты хоть что-то понимаешь — объясни, если нет — так и скажи. Мы что, попали в тот Мир, где ты родился?

— Похоже на то, — я пожал плечами. — В тот Мир или в его искусную имитацию... Во всяком случае, фон Явленский — мой, с позволения сказать, земляк, а на этой стене висит его картина, и пусть

разразит меня гром, если это не подлинник!

Гром меня не разразил, из чего можно было сделать вывод, что я имею полное право претендовать на гордое звание магистра искусствоведения.

— Ну-ну! — обреченно вздохнул Мелифаро. Поднялся и подошел ко мне. — Ну да, ничего картинка, — вежливо сказал он, не слишком обременяя себя созерцанием «Принцессы». — Ну, если этот Мир, как минимум, очень похож на твою родину, может быть, ты скажешь, где мы сейчас находимся?

— Скорее всего, в музее, — ответил я. — И я, кажется, даже знаю, в каком именно. Я, видишь ли, в свое время интересовался, где хранится фон Явленский, чтобы посмотреть при случае... Но не думаю, что это имеет большое значение: та кошмарная жаба явно была из какого-то совсем иного Мира. Да и Джуффин говорил, что Лабиринт Мёнина соткан из обрывков разных Миров, так что вряд ли мы здесь задержимся, хотя... Заранее, конечно, никогда не скажешь.

— Вот именно, — веско поддакнул Мелифаро. И сочувственно заметил: — Знаешь, Макс, кажется, смерть не пошла тебе на пользу. Ты скверно выглядишь. Ты уверен, что с тобой все в порядке? Имей в виду, я в свое время немного учился знахарству, к тому же ни за что не упущу возможность вдоволь поизмываться над твоими телесами.

— Спасибо, дружище, — улыбнулся я. — Но я в порядке, а рожа у меня всегда со сна припухшая, как с похмелья. Ничего удивительного, что после смерти она тоже выглядит не лучшим образом!

— Нет, не припухшая, — серьезно возразил мой друг. — Но что-то с ней явно не так, только я не могу понять, что именно.

— Зато тебе следует умирать почаще, особенно перед свиданиями с красивыми девушками, — усмехнулся я, разглядывая его озабоченную, но излучающую полное физическое благополучие физиономию. — Ты даже помолодел вроде... Или это освещение здесь такое удачное?

— Вот! — торжествуя и в то же время почти испуганно выпалил он. — Я понял, что именно с тобой не так. Ты выглядишь старше, чем обычно, только и всего.

— Ничего хорошего, конечно, — равнодушно заметил я. — Но если учесть, что я не собираюсь на тебе жениться, все в порядке!

— Ох, Макс, в порядке ли? — недоверчиво протянул Мелифаро.

Куда только подевалось его обычное счастливое настроение, ради которого я с таким удовольствием терпел этого, в сущности, невыносимого парня?! Но тогда я не обратил на его замешательство никакого внимания: все происходящее было настолько необычно, что насупленные брови моего

спутника казались мне слишком незначительным происшествием.

— Ладно, — вздохнул я. — Фон Явленский тебе не по вкусу, по лицу вижу. Но от культурологического диспута, переходящего в дружеский мордобой, пожалуй, воздержимся. Идем, не век же тут топтаться...

— Вот эта картинка вроде ничего — забавная, — нерешительно заметил Мелифаро, указывая на знаменитый автопортрет Отто Дикса с грудастой музой. — Только женщина какая-то... Слишком уж страшенькая, хотя сиськи у нее очень даже ничего! — откровенно добавил он. — Это ее для смеху так нарисовали?

— Считай, что для смеху, горе мое! — вздохнул я. — Пошли уж!

По правде сказать, меня одолевали прескверные предчувствия, но я старался казаться бодрым и жизнерадостным. Интересно, насколько достоверно у меня это получалось?

Только распахнув дверь, которая, по идее, должна была вести в следующий зал, я начал постепенно понимать законы этого причудливого пространства. Кажется, оно действительно представляло собой своего рода лоскутное одеяло, сшитое из кусочков разных Миров, и кусочки эти были слишком малы, чтобы позволить путешественнику подолгу оставаться в одном мире.

С моим персональным опытом путешествий между Мирами было нетрудно догадаться, что для перемещения из одного «тупика» Лабиринта в другой следовало открыть дверь — знакомая технология.

Там, за дверью, нас ждал полумрак влажной ночи, разбавленный добрым десятком маленьких тусклых лун, бледных, как непропеченные оладьи. Земля была укрыта неким подобием снега: белая масса под нашими ногами казалась хрусткой и податливой, но температура воздуха явно превышала нулевую отметку. Да и сам «снег» был теплым — я узнал это, когда любопытство заставило меня присесть на корточки и погрузить в него пальцы.

— Опять ты все вокруг щупаешь, чудище! — буркнул Мелифаро. — А если бы оно обожгло тебе руки?.. Или это тоже кусочек того Мира, где ты родился?

— Вряд ли, — вздохнул я. — В моем Мире всего одна луна, да и снег у нас холодный, а тут... Какая-то манная каша, честное слово!

— Что за каша такая? — без особого любопытства поинтересовался Мелифаро.

— Лучше тебе этого не знать! — усмехнулся я. Посмотрел на его сердитую рожу и великодушно расстался с очередной маленькой тайной: —

Просто еда. Это довольно сытно, но не слишком вкусно. Идеальное орудие ежедневной пытки для детей.

— А-а... — разочарованно протянул он. — Ну что, пойдем понемногу? Только я тебя умоляю: веди себя осторожнее, ладно? Все-таки я не Джуффин и даже не Лонки-Ломки с его всемогущими ручками — если случится какая-нибудь пакость, вся надежда на тебя!

Я не стал говорить ему, что надежда — глупое чувство. Особенно та, которая вся на меня...

* * *

Признаться, я полагал, что уж теперь-то научен горьким опытом и готов к любым неожиданностям. К чему я не был готов, так это к полному отсутствию событий.

Мы с Мелифаро брели по пустынной местности, оставляя глубокие следы на мягкой поверхности теплого снега. Впереди, до самого горизонта, не было ничего, кроме пространства, заполненного все той же «манной кашей».

Понемногу мы привыкли к мысли, что никто не собирается нападать на нас из-за угла (благо никаких углов здесь не было), и расслабились. Первые полчаса вспоминали свежие анекдоты и веселились от души. Еще час старательно делали вид, будто продолжаем веселиться. Потом — натужно пытались делать вид. Потом махнули на все рукой и честно признались друг другу, что смертельно устали мерить шагами эту бессмысленную бесконечность. Больше всего на свете мы оба хотели прилечь или хотя бы с комфортом посидеть, вытянув ноги, расслабив спины. Перекусить, в конце концов.

— Попробуем разгрести это белое дерьмо? — нерешительно предложил Мелифаро. — Не садиться же прямо в него...

За четверть часа нам удалось расчистить довольно большой участок — вполне достаточно, чтобы растянуться во весь рост. Земля под «манной кашей» оказалась скользкой и прохладной, как глина.

— Хорошо дружить с великими колдунами вроде тебя, чудовище! — бодро заявил Мелифаро. — Сейчас ты сунешь свою загребущую лапу в Щель между Мирами и извлечешь оттуда гору теплых одеял и вкусной еды. И, возможно, после этого жизнь перестанет казаться мне неудавшейся шуткой необразованного идиота!

— Сначала обратись к своему сердцу и спроси его: достоин ли ты

получать блага из рук человека, которого то и дело обзываешь чудовищем? — добродушно проворчал я.

— Оно говорит, что достоин! — сообщил Мелифаро после секундной паузы.

— Экое бессовестное у тебя сердце! — усмехнулся я. Спрятал руку под полый Мантии Смерти и приступил к обычной процедуре проникновения в Щель между Мирами, которая уже давно стала для меня самым надежным источником всяческих жизненных благ.

Грешные Магистры! У меня ничего не получилось. Ни-че-го-шень-ки! Можно было подумать, что всемогущий сэр Маба Калох никогда не обучал меня этому в высшей степени полезному фокусу. А значит, тысячи сигарет, сотни чашек с кофе, десятки теплых одеял и несколько тонн провизии, извлеченные мною из небытия за последние годы, были чистой воды наваждением.

Холодок паники медленно поднимался по позвоночнику. Я спрятал руку понадежнее, пытаюсь уговорить себя, что ничего страшного не случилось, просто я обнаглел, обленился и стал проделывать эту процедуру слишком уж небрежно, так что теперь надо собраться, сосредоточиться, и все пойдет как по маслу. Разумеется, в глубине души я уже знал, что ничего не выйдет, но предпринял не меньше дюжины героических попыток, прежде чем окончательно сдался на милость этого прискорбного знания.

Мелифаро с тревогой наблюдал за моими мучениями.

— Ничего не получается? — наконец деловито осведомился он. — Плохи наши дела. Вообще-то, следовало предвидеть, что именно так все и будет. А мы, болваны, отправились в Лабиринт Мёнина, как на загородную прогулку, даже водой не запаслись! И Джуффин хорош. Уж он-то мог бы догадаться!

— Ну, не знаю, — я сердито пожал плечами. — Вообще-то, нелегко было предусмотреть такую пакость. До сих пор мне было по фигу, где воровать, — хоть в Доме у Моста, хоть в заколоченной уборной на окраине иного Мира.

— Боюсь, в этом проклятом местечке имеет значение только одно: капризы Его Величества Мёнина! — зло сказал Мелифаро. — Теперь я понимаю, что наш легендарный Король был склонен к пакостным шуткам. Интересно, а хвосты кошкам он тоже любил отрывать?

— Какая разница? — вздохнул я. — Чего-чего, а хвостов у нас с тобой, хвала Магистрам, нет. Хуже другое: еды, одеял и прочих благ цивилизации у нас тоже нет. Только эта грешная белая каша, будь она неладна! Вряд ли она съедобная... Зато ее много — до самого горизонта. Что делать будем?

— Терпеть, — с нехарактерным для него спокойствием прирожденного философа отвечал мой замечательный друг. — И надеяться, что этот неуютный лоскут Вселенной скоро уступит место иному, где будет можно хоть черствую булку украсть, в случае чего. Поэтому расслаживаться, пожалуй, не стоит. Надо идти дальше.

— Как скажешь, — вздохнул я. — Все равно какой, к черту, отдых без хорошего одеяла?!

— И без жареной индюшачьей ножки! — мечтательно добавил Мелифаро. — Подумать только, я не стал ее есть, потому что этот неугомонный тип, наш шеф, требовал, чтобы я сломя голову мчался в Дом у Моста. Ну я и подорвался как укушенный — будто первый год его знаю...

— Голову-то хоть не сломил? — сочувственно спросил я.

— Не дожدهшься!

Мы пошли дальше. Теперь путешествие протекало в полном молчании: особых поводов для оптимизма у нас пока не было, а натужно скалиться и делать вид, что все в полном порядке, не хотелось.

Еще часа через два мы оба окончательно осознали кошмарную нелепость ситуации: белая пустыня не собиралась баловать наши взоры переменчивостью ландшафта, а ничего, напоминающего дверь в иной мир, в окрестностях не обнаруживалось.

Мы здорово смахивали на идиотов, отправившихся штурмовать Северный Полюс без снаряжения и провизии. Хорошо хоть, холодно здесь не было, скорее уж наоборот — жарковато. В конце концов я даже изрядно вспотел.

— Что-то жарко становится, — Мелифаро замедлил шаг и внимательно посмотрел на меня. — Ты заметил, Макс?

— Да, — вздохнул я. — И хуже всего, что теперь хочется не есть, а пить. Голод можно терпеть сколько угодно, у меня в этой области богатейший опыт, но вот жажда...

— Хуже другое, — перебил он. — Близится рассвет.

— Правда? — только сейчас я увидел, что полоса неба над самым горизонтом стала немного светлее. — И что? Какая разница?

— Хорошо все-таки быть полным кретином! — завистливо сказал Мелифаро. — Ты еще не понял? Становится жарко потому, что близится рассвет. А теперь представь себе, какой ад здесь будет, когда наступит утро!

— Думаешь? — недоверчиво переспросил я.

— Уверен, — печально подтвердил Мелифаро. — Не забывай: все-таки я сын знаменитого путешественника, и отец не поленился заблаговременно набить мою голову всякими полезными знаниями о законах природы!

— Ну, это ничего не значит: между Мирами-то сэр Манга не путешествовал, — неуверенно возразил я.

— Не будем спорить, — пожал плечами Мелифаро. — Мне бы очень хотелось, чтобы твой дурацкий оптимизм оказался высшей мудростью, а я — последним идиотом. Но... Ладно, чего гадать. Увидим.

Убедиться в его правоте нам пришлось еще до рассвета. Когда полоса над горизонтом окончательно побелела, мы обливались потом и волокли за собой лоохи только потому, что вовремя поняли: нет никаких гарантий, что следующий мир, куда мы попадем, не окажется царством вечного холода.

Первые лучи голубовато-белого солнца обожгли наши лица, как пчелиные укусы.

— Грешные Магистры! — с отчаянием простонал Мелифаро. — Ну и влипли мы с тобой, дружище!

— Это правда, — ответил я и удивился собственному равнодушию. Мне почему-то не было страшно, не было даже жаль себя. Наверное, я просто не мог поверить, что все это происходит на самом деле. Даже человек, увлекшийся компьютерной игрой, на моем месте сейчас нервно ерзал бы на стуле, а я оставался спокойным, как труп на пороге крематория.

— Мы изжаримся заживо, Макс! — Мелифаро схватил меня за плечи и встряхнул. Моя голова дернулась, словно принадлежала не мне, а тряпичной кукле.

— Ну изжаримся, наверное, — вяло подтвердил я. — И что?

Ответом на этот сакраментальный вопрос оказалась хорошая плюха. Сбылась многолетняя мечта сэра Мелифаро дать мне по морде — достойный предлог наконец-то нашелся!

Я не рассердился и не обиделся. Сразу понял: парень решил, будто я нахожусь в глубоком шоке, и решил привести меня в чувство. Теперь он смотрел на меня с надеждой. Уверен: если бы я закатил истерику, мой друг был бы счастлив. Но я не мог доставить ему такое удовольствие, по крайней мере пока.

— Не надо драться, дружище, — мягко сказал я, внутренне (где-то далеко за кулисами сознания) ужасаясь собственному противоестественному спокойствию. — Это ничего не изменит. А если ты считаешь своим долгом привести меня в порядок, имей в виду, я и так в порядке.

Вообще-то, если кто-то из нас двоих и нуждался в спасительной оплеухе, так это сам Мелифаро. Он был бледен как смерть, несмотря на жару. Даже багровые пятна первых солнечных ожогов не могли скрыть

алебастровую белизну его напряженных скул.

— Сядь, — тихо, но жестко потребовал я.

Удивительное дело, парень послушно последовал моему указанию и опустился прямо в горячую белую гущу, покрывавшую эту неуютную землю. Я присел рядом, удивляясь неспешной пластике собственных движений. Да полноте, я ли это?!

Хороший вопрос.

Кажется, ни одна из многочисленных ипостасей более-менее знакомого мне Макса не принимала участия в происходящем. Я, можно сказать, действовал и говорил на автопилоте, причем даже автопилот был новый, какой-то незнакомой мне системы.

— Не нужно бояться, — все так же спокойно и отстраненно сказал я, осторожно накрывая ладонью руку Мелифаро. — Возможно, мы действительно изжаримся в течение ближайшего получаса. К тому идет. Но здесь, в Лабиринте Мёнина, смерть не имеет такого большого значения, как в обычной жизни. Думаешь, мы остались живы после того, как на нас рухнула та кошмарная жаба?

— Вряд ли, — едва слышно ответил он, судорожно облизывая губы пересохшим языком.

Я и сам страдал от переполнившей рот ядовитой соленой горечи, но отрешенно думал: «И это пройдет», словно без конца перечитывал надпись на знаменитом перстне царя Соломона. Нет, даже не так: словно я сам был этой надписью.

— Вспомни, мы умерли в одном мире, а очнулись в другом. А потом открыли дверь и снова оказались в каком-то ином месте. Смерть здесь — просто еще одна дверь. Переход из одного коридора в другой, только и всего.

— Смотри, второе солнце восходит, — хрипло сказал Мелифаро, указывая на ослепительное зарево над горизонтом. — Если их тут столько же, сколько лун... Впрочем, какая разница? Вряд ли мы доживем хотя бы до третьего! И не надо, слишком уж больно... Слушай, Макс, если все обстоит так, как ты говоришь — зачем мучиться? Просто убей меня. Ну, я имею в виду, плюнь в меня своим знаменитым ядом. И себя как-нибудь убей — все лучше, чем жариться заживо! Будем надеяться, что мы оживем в более приятном месте.

Я покачал головой:

— Этого нельзя делать, дружище.

— Почему? — теперь в его до неузнаваемости изменившемся голосе отчетливо звучали истерические нотки. — Почему мы должны терпеть этот

ужас, если единственное, что нам нужно сделать — умереть, причем как можно скорее?!

— Сам подумай: я-то настоящий. И ты тоже. А Лабиринт, как бы кошмарны ни были его проявления, соткан из паутины иллюзий. Поэтому все, что здесь происходит, — не в счет. Смерть не взаправду — ты в детстве никогда не играл в войну? Нет? Ну ладно, все равно ты понимаешь, о чем я говорю, правда?

Он неуверенно кивнул, и я продолжил:

— Но если я убью тебя или ты меня... Боюсь, тогда смерть будет настоящей.

— А, мне уже все равно, — едва слышно прошептал Мелифаро. По его обожженным щекам катились слезы. — Настоящая, не настоящая, лишь бы все кончилось! Этот жар, Макс... Я всегда больше всего на свете боялся ожогов, а теперь все мое тело — один сплошной ожог. И воздух такой горячий, им уже почти невозможно дышать.

— Это как раз обнадеживает, — спокойно сказал я. — Будем молить небо, чтобы воздух этого проклятого места как можно скорее оказался непригоден для дыхания: такая разновидность смерти куда менее мучительна.

Мелифаро уже ничего не говорил, только стонал, тихо и обреченно, как умирающий ребенок. Я и сам не знал, как мне-то удастся нормально функционировать, почти не обращать внимания на жгучую боль — я ощущал ее и в то же время стоял как бы немного в стороне от собственного страдающего тела, наблюдал за его мучениями с хладнокровным сочувствием дальнего родственника. Мучения Мелифаро тревожили меня куда больше.

Я как следует встряхнул своего друга. Смесь стона и рева, сорвавшаяся с его обожженных губ, не произвела на меня решительно никакого впечатления.

— Ты же Страж, парень! — проорал я в его ухо, уже изуродованное волдырями ожогов. — Тебе самой природой даровано находиться между тем и этим. Отойди в сторону! Это не твоя боль! Это вообще не боль — ее нет! Есть только дурацкая игра старого козла Мёнина. Все понарошку, понимаешь?

— Все, Макс, я понял, не ори, — неожиданно ровным и спокойным голосом ответил он. — Уже все в порядке. Спасибо, что напомнил. А теперь перестань меня трясти, а то я вернусь обратно, к тому бедняге Мелифаро, которому все еще больно.

— У тебя получилось! — восхищенно сказал я, отползая немного

назад. — У тебя все получилось, дружище, ты отошел в сторону от своей боли!

— Да, получилось, — все так же отрешенно согласился он. — И не надо так радоваться. Не повторяй мою ошибку, не поддавайся эмоциям: они уведут тебя обратно, к реальности. А к ней лучше не возвращаться, по крайней мере пока.

Я хотел сказать Мелифаро, что он молодец и теперь все будет в порядке, но вдруг понял, что больше не могу говорить, только хрипеть что-то невнятное. Мои губы обуглились, язык распух, а обезвоженная гортань утратила способность издавать звуки. К счастью, это больше не имело значения: страдать вместе с моим медленно сгорающим телом было некому.

Мы еще долго сидели, а после и лежали рядом, в мелком океане пузырящейся белой жижи. И наши ослепшие от жара глаза видели восход третьего солнца, больше похожего на гигантскую Рождественскую звезду, смертоносные лучи которой переливались всеми оттенками синего цвета.

К тому времени мы уже были мертвы, но все же каким-то образом созерцали этот ужасающий, великолепный рассвет. Порой я понимаю, что он все еще продолжается. Не где-то в далеком пылающем мире, а в темноте под моими закрытыми веками ультрамариновая звезда медленно, как упрямая черепаха, ползет и ползет к зениту, пока я ворочаюсь с боку на бок, стараясь заснуть...

— Макс, ты уже оклемался? — Мелифаро, веселый и жизнерадостный, даже удивительным образом помолодевший, тряс меня за плечи. Следов от ожогов на его счастливой роже не было и в помине. Я еще не успел определить, как себя чувствую, а он уже сунул мне под нос кувшин с каким-то прохладным кисловатым напитком.

Сделав несколько глотков, я понял, что жизнь продолжается, а отпив еще немного, окончательно решил, что это мне скорее нравится, чем нет.

— Выглядишь ты премерзко, чудовище, — сочувственно сообщил Мелифаро. — Но улыбаешься душевно, а это самое главное.

— Так-таки премерзко! — недоверчиво откликнулся я. И тут же испуганно спросил: — А что, моя физиономия хранит следы адского пламени? Ты-то все еще вполне красавчик.

— Как всегда! — гордо отвечивал он. И успокаивающе добавил: — Не переживай, Макс, никаких следов пламени и прочей дряни. Просто вид у тебя весьма потасканный, словно ты полгода из Квартала Свиданий не вылезал, а так все в порядке.

— Ну, это еще куда ни шло, — успокоился я. — Потасканность — явление преходящее, в отличие от боевых шрамов.

— Ну, это у кого как! — фыркнул мой друг.

— А кстати, куда мы на сей раз попали? — спросил я. — Ты уже разобрался?

— Ну как тебе сказать, — он пожал плечами. — Помещение какое-то. Вроде кухни. А может, и не кухня. Но здесь есть еда и питье, это точно. Как тебе, кстати, это пойло? По-моему, грандиозно!

— Особенно по сравнению с полным отсутствием какой бы то ни было жидкости, — снисходительно согласился я. — А одежды здесь, часом, нет? Потому что нас сейчас даже Коба в свою команду портовых нищих не принял бы, чтобы не позорили его братство в глазах приличных людей.

С одеждой у нас действительно было худо. Наши тела вышли из недавней передряги без малейшего ущерба, но вот лоохи были заляпаны проклятой белой кашей. В подсохшем состоянии она напоминала низкокачественный каучук и превращала одежду в неопрятные лохмотья, непригодные даже для мытья пола.

— Одежды здесь нет, — вздохнул Мелифаро. — Это было первое, о чем я подумал, когда увидел, во что мы превратились. Зато на окнах есть занавески. Из них можно соорудить что-то вроде лоохи, я уже нашел неплохой нож и прикинул, где надо сделать прорези...

Я критически оглядел занавески. В их пользу говорил тот факт, что ткань была плотная и в то же время мягкая. Я сразу понял, что, завернувшись в такую материю, можно чувствовать себя вполне комфортно. Существенным минусом являлась расцветка, которая, надо понимать, сразу пленила сэра Мелифаро: белая ткань была испещрена яркими красными, желтыми и оранжевыми цветами, на мой вкус, чересчур жизнеутверждающими. Но выбора не было, и я обреченно кивнул:

— Действуй, дружище! Уверен, что мы оба будем похожи на идиотов, но лучше быть одетыми идиотами, чем голыми. Не завидую я хозяевам этого дома, однако! Я бы взбесился, если бы обнаружил на своей кухне двух подозрительных типов, превращающих мои занавески в парадные костюмы.

— Тьфу ты, Макс! Не накличь беду! — в сердцах сказал Мелифаро. — Только объяснений с хозяевами этой кухни нам не хватало! А вдруг они шестирукие клыкастые великаны?

— Великаны — вряд ли, судя по размерам кувшина, — рассудительно возразил я, оглаживаясь по сторонам.

Помещение было заставлено странными предметами, по большей

части совершенно, на мой взгляд, нефункциональными. Человек вроде меня, немного знакомый с авангардными течениями в дизайне интерьеров, вполне мог допустить, что это и есть мебель. Но даже мне пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы счесть неправильной формы тетраэдры с усеченными вершинами стульями, а большой вогнутый овал в дальнем углу помещения — столом. Кстати, посуда на этом сооружении стояла вопреки всем известным мне физическим законам: ровно, как на прямой поверхности.

— Да, не великаны, — согласился Мелифаро. — Но шестирукие и клыкастые — вполне возможно.

— Ты просто мысли мои читаешь! — признал я.

— Ну их к Темным Магистрам, — Мелифаро решительно отмахнулся от потенциальной проблемы. — Будем надеяться, что никто не придет. А придут — что ж, все-таки мы с тобой не беспомощные воришки, как-нибудь да отобьемся! Кстати, о воровстве: ты жрать-то хочешь, чудовище? Пока ты валялся без сознания, я нашел здесь продукты питания. С виду странные, но вполне съедобные. Во всяком случае я пока жив.

— И где они, твои хваленые продукты питания? — с энтузиазмом спросил я.

— В мисках, установленных на неровной поверхности, каковая, очевидно, является столом, — объяснил он. — Я ел то, что находится в желтой, и еще попробовал какую-то траву из голубой. Полагаю, хозяева этого дома считают ее салатом. Но как раз трава мне не очень понравилась.

— Ясно, — кивнул я. — Сейчас выявим мои предпочтения.

Содержимое желтой миски на вид и на ощупь напоминало рахат-лукум, по вкусу же походило на тушеное мясо. Гастрономические особенности раскритикованного салата тоже не вызвали особых нареканий — во всяком случае мой недавно вернувшийся к жизни организм остался им доволен.

— Какая прелесть! — умилился Мелифаро, вручая мне изуродованную занавеску, которой, увы, так и не удалось превратиться в нормальное человеческое лоохи. Разве что в довольно злую пародию на эту разновидность одежды.

— Старый добрый сэр Макс, сытый и довольный, как самый толстый кот с богатой фермы! — тараторил он. — Впрочем, прежде чем бежать на свидание, тебе все же придется как следует отоспаться: вид у тебя что-то...

— Дался тебе мой вид! — возмутился я. — А как еще должен выглядеть нормальный живой человек после таких приключений?!

— Тоже верно, — сочувственно вздохнул он.

Впрочем, сам Мелифаро выглядел просто великолепно: таким красавчиком он на моей памяти не был даже после продолжительного отпуска.

Мы нарядились в цветастые «тоги», а потом ржали, как ненормальные, невежливо тыча друг в друга перстами. Вид у нас теперь был такой нелепый — дальше некуда. К тому же нам позарез требовалась разрядка, и мы ее себе устроили, по полной программе!

К счастью, хозяева сюрреалистической кухни так и не появились — то ли их просто случайно не было дома, то ли создатель Лабиринта, Король Мёнин, предпочитал играть со своими гостями, как сытый кот с мышью, и нам полагалась законная передышка после каждой передрыги.

Так или иначе, но, оторжавшись вволю, мы с Мелифаро устроили небольшой военный совет, в ходе которого было принято не слишком оригинальное решение: запастись провизией и упрямо переть дальше, не разбирая дороги. С другой стороны — а что нам еще оставалось?!

— Грешные Магистры, лишь бы жарко больше не было! — прочувствованно сказал Мелифаро, когда я взялся за дверную ручку.

Жарко там не было. И вообще, неприятностями вроде бы не пахло.

Мы оказались в просторном светлом вестибюле, одна из стен которого была стеклянной, а другая — зеркальной. Из огромного окна открывался замечательный вид на улицу. Вполне обычная, симпатичная улица: густые деревья, щедро забрызганные солнечным светом, тротуар, выложенный аккуратной розовой плиткой. Толстая важная птица, похожая на удачный гибрид голубя и вороны, неторопливо шествовала по каким-то своим птичьим делам. А в зеркале настороженно хмурились мы с Мелифаро, завернутые в нелепые цветастые занавески. Хороши герои, нечего сказать!

Я внимательно разглядывал наши отражения: что-то с ними было не так. Надо сказать, незнакомый пейзаж за окном взволновал меня куда меньше... И тут до меня наконец-то начало доходить.

— Ты тоже заметил? — несчастным голосом сказал Мелифаро.

Он уже давно пялился в зеркало. Я поначалу даже грешным делом подумал, что парень в восторге от нового наряда и собрался было должным образом откомментировать сей прискорбный факт.

— До сих пор мы с тобой всегда выглядели ровесниками, правда? — требовательно спросил он. — Меня даже иногда принимали за старшего, а теперь...

— А теперь я вполне могу сойти за твоего папашу, — мрачно кивнул я. — За моложавого и бодрого, но вполне папашу... Я здорово постарел,

да?

— Да, — эхом откликнулся он. — Но не только это. Ты стал старше, а я... Я сейчас выгляжу, как в те дни, когда только-только поступил в Королевскую Высокую Школу. И не могу сказать, что меня это радует. Пока-то ничего страшного, но если так будет продолжаться и дальше... Слушай, Макс, по-моему, дело дрянь!

Я угрюмо пожал плечами: что уж тут возразишь! Мелифаро тем временем почти испуганно толкнул меня в бок:

— Макс, посмотри-ка туда. Со своими рожами потом разберемся! Там та-а-акое!

Я послушно обернулся в указанном направлении и подавился собственным удивлением. Дверь, соединявшая вестибюль, в котором мы крутились перед зеркалом, с соседним помещением, приоткрылась от сквозняка, и теперь перед нашими взорами предстало нечто, весьма похожее на парикмахерский салон: зеркальные стены, многочисленные полки с гребнями, щипцами, бигуди и стеклянными флаконами. Вот только вместо кресел там стояли топчаны, а фены для сушки волос больше напоминали душевые кабинки.

На одном из топчанов лежала женщина, руки, плечи и грудь которой густо поросли темной, волнистой, как у овцы, шерстью. Животик, впрочем, был очень даже ничего: плоский и соблазнительно гладкий, а все, что находилось ниже, скрывала длинная цветастая юбка, из-под которой виднелись только острые носки туфель. Возле топчана хлопотал цирюльник: обнаженный до пояса мохнатый мужчина — просто снежный человек какой-то! На нем тоже была юбка, белая, с крупными голубыми горошинами, но она едва доходила до колен, открывая нашим взорам крепкие ноги в «гетрах» естественного происхождения и изящных кожаных сандалиях на толстой подошве. Дядя сосредоточенно накручивал на бигуди длинную шерсть, растущую на плечах клиентки. Ее руки уже были покрыты мелкими папиллотками, а локоны на груди, щедро смочены каким-то красящим составом.

— Пошли отсюда, а? — едва слышным шепотом попросил Мелифаро.

Я молча кивнул, и мы устремились к двери, ведущей на улицу. Сейчас у меня было только одно желание: чтобы в том месте, куда мы сейчас попадем, не было никаких обитателей. Все остальное — на усмотрение безумного сценариста, будь он не ладен!

Разумеется, это оказалась совсем не та улица, вид на которую открывался нам из окна. И вообще не улица — пустынное пространство,

немного похожее на свалку, которой уже несколько столетий никто не пользуется. Добро пожаловать в новый «тупик» Лабиринта Мёнина, дорогие господа туристы!

— Грешные Магистры! — в сердцах сказал Мелифаро. — И как тебе понравились эти красавчики?

— По большому-то счету, ничего особенного — я пожал плечами. — Мало ли у кого где волосы растут... Когда попадаешь в другой мир, следует сказать спасибо, если его обитатели хоть немного человекообразны — все не так жутко!

— И как они живут, бедняги? — хмыкнул Мелифаро. — Нечего сказать, красавчики! А дамочка эта — просто умора! Мало того что шерсть на груди растет, так ей еще понадобилось, чтобы по всему телу кудряшки были!

— Ну, наверное, у них такая мода, — равнодушно предположил я. — Сам подумай: если бы к нам в Ехо пожаловали чужаки из Мира, где живут только лысые люди, — какими уродами мы бы им показались! И все эти наши жалкие попытки причесаться, подстричься поприличнее...

— Да уж, — хмыкнул он. Немного помолчал и спросил: — Макс, как ты думаешь, куда мы с тобой на этот раз попали? Похоже, заброшенное место. И не очень приветливое...

— Приветливых мест здесь, по-моему, просто не бывает! — сердито фыркнул я. — Насколько я могу судить, Его Величество Мёнин специализируется исключительно на издевательствах над живыми людьми. Представляю, как были счастливы его подданные, когда он исчез!

— Ты бы все-таки не ругал его вслух, — серьезно посоветовал Мелифаро. — А то короли — обидчивый народ, знаешь ли, особенно древние...

— Это его проблемы! — буркнул я. — Я — тоже обидчивый народ.

В глубине души я понимал, что Мелифаро прав, но ничего не мог с собой поделать: я злился. Поскольку у меня не было решительно никакой возможности немедленно свести счеты ни с настоящим виновником наших бед Мёнином, ни с Его Величеством Гуригом, которого ни с того ни с сего понесло на поиски приключений, мой гнев постепенно трансформировался в черную меланхолию, тягостную, как затяжная простуда.

— Макс, — нерешительно сказал Мелифаро, — а как ты думаешь, мы... ну, то есть наш возраст... — он будто подавился этим словом и угрюмо умолк, уставившись куда-то вдаль.

— Что — наш возраст? — резко спросил я. — Ты имеешь в виду, есть ли от этого лекарство? Стану ли я моложе, а ты — старше, когда мы

выберемся отсюда? Не знаю. Сомневаюсь, откровенно говоря.

— Вот и я... сомневаюсь, — уныло согласился мой спутник и с неожиданной злостью пнул ногой некий археологический экспонат, очертания которого давным-давно утратили определенность, обычно свойственную предметам любой, пусть даже совершенно чужой материальной культуры. — И вообще, — неохотно добавил он, — ты еще веришь, что мы сможем вернуться? Я что-то не очень. Лабиринт — он и есть лабиринт. А мы — два идиота. Короля еще искать собирались...

— До сих пор я всегда как-то выкручивался, — вздохнул я. — В последнее мгновение великодушная судьба непременно вытаскивала меня из любой передрыги, словно моя жизнь — и не жизнь вовсе, а просто увлекательная сказка с обязательным счастливым финалом в конце каждой главы... Ладно, поживем — увидим. Что еще я могу тебе сказать, дружище? И вообще, уж ты-то точно зря паникуешь. Повзрослеть — дело наживное, это у всех получается, причем без особых усилий. И у тебя со временем снова получится. А вот я, кажется, серьезно влип. Мало радости — вот так сразу, с бухты-барахты, стать стариком.

— Понимаешь, — тихо сказал Мелифаро, — у меня такое ощущение, что не только наши лица меняются, вот что паршиво. Не знаю, что с тобой происходит, тебе виднее. Но я чувствую, что становлюсь... как бы это сказать? — глупее, что ли. Я только что понял, что забыл многое, чему успел научиться за годы службы в Тайном Сыске. Совсем забыл, как отрезало. Осталось только смутное воспоминание, что раньше я знал кучу полезных вещей... И еще меня покидает уверенность в себе. И еще... Знаешь, чего мне сейчас хочется больше всего на свете?

Я вопросительно поднял брови, и он смущенно буркнул:

— Мне хочется напиться и расколотить все окна в каком-нибудь переулке. И уснуть счастливым. Вот так, Макс. Пока я еще могу держать себя в руках, хотя это очень трудно и неприятно.

— Напиться и расколотить пару окон и я не прочь, — подмигнул ему я. — Проблема в том, что я понимаю: это непрактично. Стариковская мудрость, да?

— Будем надеяться, что не старческий маразм! — неожиданно хихикнул Мелифаро и тут же виновато на меня покосился: — Только не обижайся, Макс. Что-то меня заносит!

— Обижаться буду, когда маразм начнется, — спокойно сказал я. — Обижаться — занятие еще более непрактичное, чем битье окон.

— Мне почему-то не по себе, когда ты произносишь это слово: «непрактично», — вздохнул Мелифаро. — Нервы шалят...

— Еще бы они не шалили, — сочувственно согласился я. — В последнее время мы с тобой слишком часто умираем — какие уж тут, к Темным Магистрам, нервы!

— Вот оно! — изумленно сказал Мелифаро. Даже по лбу себя, кажется, стукнул от избытка эмоций. — Вот в чем дело!

— И в чем же дело? — снисходительно осведомился я. — Одари сокровищами своей лучезарной мудрости усталого старика.

Я хотел его насмешить, но парень аж взвился:

— Думаешь, мне в голову уже не может прийти ничего путного?! Ну и ладно! И думай себе что хочешь. Не буду ничего говорить!

— Глупости какие, — устало вздохнул я. — Мел, если ты сделал какое-нибудь великое открытие, будь добр, изложи его по-человечески. Не становись в позу непризнанного гения, ладно? И так проблем хватает.

— Извини, — смущенно сказал он. — Сам не знаю, что на меня нашло. Говорю же тебе, я глупею на глазах. Просто у тебя был такой снисходительный, царственный вид — точь-в-точь мой профессор математики, даже физиономия похожа... А теперь слушай: я почти уверен, что ты становишься старше не постепенно, а рывками. Всякий раз после того, как мы умираем, а потом оживаем. Помнишь, когда мы приходили в себя — сначала в музей, а потом в этом странном месте, которое, к счастью, оказалось кухней, — я все время нудил, что ты отвратительно выглядишь. А ты в ответ отвечивал мне саркастические комплименты. Вернее, я думал, что это комплименты, а на самом деле ты говорил чистую правду — в каком-то смысле. Только я выглядел не лучше, а моложе, вот и все.

— Наверное, ты прав, — согласился я. — По этой жуткой манной каше мы часов двадцать брели, и моложе ты не стал, это точно! Да и сейчас вроде как не меняешься.

— И ты ни капельки не меняешься, это точно! — заверил меня он. И с комичным энтузиазмом юного скаута добавил: — Я, между прочим, очень наблюдательный!

— Кто же спорит? — усмехнулся я. — Ох, как бы там ни было, но отсюда надо выбираться. Унылое местечко. Убивать нас, хвала Магистрам, вроде бы никто не собирается, но обстановка не радует глаз.

— Вообще-то, от добра добра не ищут, — буркнул Мелифаро. — Еще попадем снова на какую-нибудь сковородку... Бр-р-р!

— Готов спорить, что Лабиринт разнообразен, — вздохнул я. — И мы будем наслаждаться его разнообразием до последней капли крови! От добра добра не ищут, согласен, но здесь, по-моему, нет никого намека на это самое «добро».

— Ну-у-у... — нерешительно протянул он, потом отчаянно махнул рукой: — Ладно. Только на этом пустыре нет ничего похожего на дверь. Что будем делать? Ритуальные самоубийства, насколько я понимаю, не наш стиль?

— Еще чего не хватало! Ладно, слушай, есть у меня одна идея. Дурацкая, правда...

— А у тебя других и не бывает! — оживился Мелифаро.

Я скорчил зверскую рожу, выдержал эффектную паузу и наконец ехидно спросил:

— Можно продолжать?

— Валяй, — великодушно согласился мой друг. — Дурацкая идея — это гораздо лучше, чем совсем никакой.

— То-то же! — снисходительно сказал я. — Так вот: поскольку дверей здесь нет и не предвидится, мы должны сделать их сами.

— Как это? — опешил Мелифаро.

— Как, как... Ручками, — я демонстративно сунул ему под нос собственные верхние конечности. Они, мягко говоря, не слишком походили на мозолистые руки опытного мастера, но это меня не смущало. — Лапками передними, неумелыми. Тяп, тяп — что-нибудь да натяпаем... Ну, с маникюром у нас, конечно, потом долго будут проблемы, но не станем мелочиться. Однова живем!

— Ты с какой радости так развеселился? — опешил Мелифаро.

— Ни с какой, — честно ответил я. — Просто понял, что если немедленно не развеселюсь как следует, сойду с ума. И, чего доброго, повешусь на первом попавшемся суку. А это, сам понимаешь, ни в какие ворота. Вот я и стараюсь. И тебе советую. Все уже так хреново, что хуже быть не может. Следовательно, может быть только лучше. Логично?

— Логично, — растерянно подтвердил он. И осторожно уточнил: — А из чего мы будем мастерить эту самую дверь? Как ты себе это представляешь?

— Из подручных материалов, — легкомысленно отмахнулся я. — Из хлама, который валяется у нас под ногами. Надо полагать, качественной работы от нас никто не ждет. Достаточно построить некое подобие дверного проема. Стена, по-моему, не требуется... по крайней мере, я здорово на это надеюсь. Но если в итоге выяснится, что я дурак и стена все-таки нужна, — что ж, будем строить стену. Все лучше, чем бродить по этой помойке и ждать, когда какая-нибудь местная пакость нас убьет.

— Резонно, — неохотно согласился Мелифаро.

«Дверь» мы кое-как построили. Вернее, не дверь, а некое подобие кособокой арки. Работа отняла у нас чуть ли не полдюжины часов и жалкие остатки сил, но в финале, жадно поглощая плоды своего давешнего мародерства на чужой кухне, мы чувствовали себя почти счастливыми: физическая усталость — отличный способ забыть о прочих проблемах.

Я ядовито обозвал наше грандиозное сооружение «Золотыми воротами»: более омерзительной постройки в жизни не видел! Но и более комичной, пожалуй, тоже. На моей далекой родине «Золотые ворота» могли бы обеспечить нам с Мелифаро устойчивую репутацию очень крутых скульпторов-авангардистов.

На вершине постройки вконец распоясавшийся под влиянием благотворного воздействия физического труда Мелифаро водрузил здоровенную фиговину из желтого металла — не потому, что она была необходимым элементом конструкции, а «для красоты». Сие произведение рук нечеловеческих было преисполнено совершенно неземного смысла: оно смутно походило на эскиз унитаза кисти какого-нибудь радикального кубиста и ни на что больше.

Младших братьев фиговины (всевозможный желтый металлический лом, каковой, скорее всего, действительно был золотом) мы с энтузиазмом распределили по всей поверхности конструкции, так что наши «врата в бесконечность» при случае свели бы с ума целую гвардию Смоков и Малышей.

Если честно, я не слишком доверяю собственным идеям: сколь бы хороши они ни были, в глубине души я всегда опасаюсь, что ничего не получится. А уж что касается нашей постройки — ха! Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы окончательно разувериться в успехе мероприятия.

Мы вошли в проем, трогательно держась за руки: больше всего на свете мы с Мелифаро боялись потеряться. Мысль о том, что хитроумный лабиринт может раскидать нас по разным мирам, сводила с ума, поэтому пальцы Мелифаро оставили на моей руке настоящие синяки; подозреваю, что и я держался за его лапу несколько крепче, чем необходимо.

Самое удивительное, что у нас все получилось. Стоило вступить под сень кособокой арки, и пустынная помойка навсегда стала страницей истории наших скитаний. Не самой худшей страницей, кстати. По крайней мере, именно на этом участке Лабиринта мы твердо усвоили нехитрое, но очень полезное в данных обстоятельствах правило: если поблизости нет выхода, следует создать его самостоятельно, из подручных материалов.

Там, куда мы попали, нас ждал уютный домашний полумрак, пахучая благодать свежeweымытого деревянного пола и пестрый переполох оконных занавесок. В уютном кресле-качалке сидела необычайно колоритная старушенция: ее всклокоченные седые кудри, ястребиный нос и ярко-алая пародия на кимоно произвели на меня глубочайшее впечатление. «Баба-яга какая-то! — ошалело подумал я. — Ну все, гаиньки. Щас она нас жарить будет!»

Но ее светлые глаза лучились спокойствием, тонкие губы раздвинулись в снисходительной улыбке, а худые смуглые руки неспешно сложились в приветственном жесте.

— Некоторые гости бывают подобны ветру: они врываются в дом внезапно и внезапно исчезают, не потрудившись полюбопытствовать, куда их занесло, и не обременяя себя необходимостью запечатлеться в моей памяти. Вы из таких, верно?

Ее голос оказался на удивление звонким и чистым, такие голоса иногда бывают у старых актрис: с возрастом они становятся все лучше, приобретая силу и глубину.

— А иные гости бывают подобны сору, который приносит ветер, — продолжала старуха. — Они остаются надолго, путаются под ногами, но, подобно прирученным пеу, позволяют себя кормить, а иногда и гладить... О, такой гость может долго проваляться в каком-нибудь дальнем углу вашей судьбы, избавиться от него так же тяжело, как навести порядок в прабабкиной кладовой! — хозяйка дома неожиданно звонко расхохоталась и указала на неумело, но старательно нарисованный портрет хмурого рыжего мужчины, висящий в проеме между окнами. — Однажды южный ветер даже принес мне мужа, — доверительно сообщила она и тут же озабоченно нахмурилась: — Или то был западный ветер?

— Вам виднее, — вежливо сказал я. — Это ведь ваш муж...

— Был мой, стал чужой. Был чужой, стал ничей, — нараспев протянула она. И строго добавила: — Когда старой Герде говорят «вы», она начинает думать, что кроме нее в доме есть еще одна Герда, и отправляется на поиски. Больше не делай такой ошибки, гость. Я держу старую Герду на привязи. Но если она сорвется с цепи, некому будет приготовить вам ужин. Старая Герда не дура хлебнуть полынной настойки, но разлить ее по стаканам — это все, на что она способна.

Мы с Мелифаро озадаченно переглянулись. Поскольку в помещении не было никого, кроме нашей собеседницы, следовало полагать, что «старая Герда» — это она и есть. «Раздвоение личности, — подумал я. — Доктор Джекил и мистер Хайд местного посола, только и всего. Что ж,

ничего страшного... По крайней мере, если эта эксцентричная пожилая леди будет держать себя в руках. Тем более что жениться на ней мы вроде как не собираемся, и вообще нам, кажется, пора топать дальше».

— Что, переполошились, светлячки заблудшие? И теперь хотите уйти без ужина? — рассмеялась старуха. — Не советую: готовлю я хорошо, старая Герда пока на цепи, а самый дорогой гость — тот, который зашел ненадолго, скоро уйдет и никогда не вернется. Значит, сегодня вы мои самые дорогие гости. Оставайтесь, мальчики. У меня найдется для вас не только еда, но и сок пыльной полыни, от которого кружится голова и молодеет сердце, и тайная кровь юных роз, после которой почесать спину бывает приятнее, чем провести ночь с красавицей, и даже, — тут она перешла на доверительный шепот, словно нас кто-то мог подслушать, — веселящее тело семя дракона, который снился моему бывшему мужу каждую ночь. Ха! Ради этого я и спала с ним в одной кровати сорок лет кряду: если спишь с кем-то так долго, сны становятся общими, а уж я-то знаю, как следует поступать с драконами, привидевшимися во сне!

Я не стал выяснять пикантные подробности. У меня и так голова кругом шла, даже «сок пыльной полыни» не требовался. Мелифаро вопросительно посмотрел на меня:

— Может, и правда, задержимся ненадолго? Я бы не прочь развеселить свое тело. Что-то оно у меня в последнее время такое печальное!

— Хочешь — значит задержимся. Кто бы сомневался, что ты не упустишь возможность хлебнуть этой самой «тайной крови юных роз», а потом хорошенько почесать спину, — фыркнул я. И галантно поклонился старой ведьме:

— Мы будем счастливы воспользоваться твоим гостеприимством. Спасибо. Каким именем тебя называть?

— Не надо никакого имени, — улыбнулась она. — Говори просто: «Эй, ты!» — я не обижусь. И мне ваших имен лучше не слышать: люди, чьи имена я знаю, приобретают надо мной странную власть.

— Все шиворот навыворот! — растерянно сказал я. — Там, где я родился, считается, будто знать чье-то имя — значит получить преимущество. А послушать тебя — выходит все наоборот... Впрочем, как скажешь, так и будет.

— Ну, раз ты такой покладистый, помоги мне приготовить ужин, — добродушно рассмеялась наша хозяйка.

Я виновато помотал головой:

— Если для этого требуется идти на кухню, ничего не выйдет. Любая дверь для нас...

— Да знаю я, знаю, — нетерпеливо перебила она. — Стоит вам открыть дверь — только я вас и видела! Сколько уж у меня таких, как вы, перебивало, шестирукий боббур на пальцах не пересчитает... Да только никуда идти не надо. Мы уже на кухне, разве не заметно?

Величественным жестом художника, решившего познакомить гостей со своим новым произведением, она указала куда-то вправо; послушно последовав взглядом за ее рукой, я обнаружил, что в углу помещения стоит самая настоящая плита, кажется даже, не какая-нибудь, а газовая. В других обстоятельствах я бы удивился, но сейчас не придавал наличию газовой плиты в доме старой колдуньи никакого значения — подумаешь!

Стыдно признаться, но я не воспрянул духом, узнав, что дежурство по кухне не лежит за гранью возможного. Мне явно недоставало трудового энтузиазма. После наших давешних строительных подвигов хотелось одного: лежать и не двигаться.

— Я помогу, — решительно заявил Мелифаро, с упреком взирая на мою кислую физиономию. — Этого парня на кухню вообще пускать нельзя, но раз уж он здесь, пусть сидит смирно и не шевелится. А не то он тебе живо всю посуду перебьет, леди.

— Ничего, — отмахнулась она, — посуды у меня в доме немало, для дорогого гостя ничего не жалко! А работа для всех найдется.

В итоге беднягу Мелифаро припахали чистить какие-то диковинные овощи, похожие на гибрид ежа и картошки. Моя судьба оказалась милосерднее: меня усадили резать всякую экзотическую растительность для салата — весьма, я вам доложу, медитативное занятие! Я так втянулся, что искренне огорчился, когда обнаружил, что уже измельчил все необходимое.

Мелифаро тем временем все еще боролся с «картофельными ежами»; впрочем, его победа тоже была не за горами. Через несколько минут он торжествующе взмахнул здоровенным кухонным ножом и с пафосом водрузил свою последнюю жертву на вершину пирамиды, сложенной из круглых серых сердцевинок этого диковинного овоща.

— Молодцы, — в улыбке нашей хозяйки было такое неподдельное восхищение, словно мы только что совершили пару-тройку бессмертных подвигов, как и положено сказочным богатырям. — Редко ко мне заглядывают такие трудолюбивые гости. Я бы и сама справилась, — доверительно призналась она, — но хороший ужин должен быть приготовлен сообща, это единственное правило кулинарной науки, которому я следую слепо, как закону, не полагаясь на вдохновение... А теперь можете отдохнуть, остальное я и сама сделаю. Вот вам пока

угощение, чтобы не заскучали без дела.

Она проворно вскарабкалась на деревянный табурет, алое одеяние взметнулось, обнажив худые, но мускулистые, как у бывшей балерины, ноги (все еще весьма привлекательные, если называть вещи своими именами). Привстав на цыпочки, старая леди извлекла из многообещающей темноты какого-то кухонного тайника серую керамическую бутылку. Легко спрыгнула на пол, порылась на полках древнего буфета, достала оттуда два маленьких стаканчика из розового стекла, немного помедлила, махнула рукой и присовокупила к ним третий.

— Это и есть та самая «кровь молодых роз»? — с нетерпеливым любопытством подростка, впервые в жизни оказавшегося в борделе, спросил Мелифаро.

— Э, нет! Не все сразу, гость! — звонко рассмеялась наша хозяйка. — Это всего лишь полынная настойка. Она слегка опьяняет, не более того. Никто еще не мог упрекнуть меня в том, что я перед ужином предлагаю своим гостям зелье, после которого им станет не до еды!

— Вообще-то, для того чтобы забыть о еде, достаточно просто посмотреть на тебя, — заявил мой галантный друг.

Старуха кокетливо погрозила ему когтистым пальцем, наполнила стаканчики зеленоватой жидкостью, одним глотком разделалась со своей порцией и вернулась к плите.

Я с упреком посмотрел на Мелифаро: уж больно его комплимент походил на неприкрытое издевательство. Но тот, судя по всему, и не думал издеваться. Он рассеянно крутил в руках свой стаканчик и с блаженной улыбкой пялился на нашу хозяйку, все еще восхищенно покачивая головой.

«Ничего себе! — ошалело подумал я. — Кажется, она ему действительно приглянулась. Вот уж не думал, что парень без ума от старушек! Ну, дела...»

«Макс, ты не будешь возражать, если я приударю за нашей хозяйкой? — Мелифаро словно прочитал мои мысли и воспользовался Безмолвной речью, чтобы обсудить сию животрепещущую тему. — Или ты сам собираешься? Не то чтобы я готов уступить, но хотелось бы обойтись без дуэлей...»

«Да на здоровье! — растерянно отозвался я. — Только... тебя не смущает, что она тебе в прабабки годится? Или это не имеет значения? Еще один обычай Соединенного Королевства, из тех, что я не успел изучить?»

«Макс, не говори ерунду, — миролюбиво огрызнулся мой друг. — Какая разница, сколько даме лет? Особенно если она так замечательно выглядит... Почти девчонка! Впрочем, я рад, что ты не положил на нее

глаз. Вопрос закрыт».

Он наконец пригубил содержимое своей рюмки. На его лице отразилась целая гамма переживаний: опаска, любопытство и, наконец, одобрителное удивление, плавно переходящее в удовольствие. Я же пытался взять себя в руки: после заявления Мелифаро о внешности нашей хозяйки земля ушла из-под моих ног без всяких настоек.

Мы с ним видели ее по-разному, теперь я в этом не сомневался. Не знаю, почему меня это так испугало: собственно говоря, я с самого начала знал, что в Лабиринте Мёнина нас не ждет ничего, кроме наваждений. Но до сих пор нам с Мелифаро доставались одни и те же наваждения, а тут...

— Лучше выпей, гость. Тебе надо отдохнуть, — я не заметил, когда старуха успела отойти от плиты и приблизиться ко мне. Ее голос звучал ласково, но глаза были яростными и насмешливыми — точь-в-точь, как у моего незабвенного шефа, сэра Джуффина Халли, в критические моменты нашей с ним общей трудовой биографии. — На все вопросы существуют ответы, но кто сказал, будто все ответы должны быть известны тебе? — мягко добавила она и вернулась к своим кастрюлькам.

Странное дело, но я тут же успокоился — с чего бы?! Послушно пригубил зеленоватую жидкость. Вообще-то, в мире, где я родился, полынная настойка называется абсентом и славится горьким вкусом и разрушительным воздействием, но я решил: была не была! Умирать — так с музыкой, где наша не пропадала, после нас хоть потоп, и все в таком духе. Целую книжку пословиц и поговорок, энциклопедию разгильдяйской народной мудрости можно было составить из обрывков моих тогдашних сумбурных размышлений.

Напиток, который наша загадочная хозяйка называла «соком пыльной полыни», оказался не горьким, а сладковатым и терпким, как неспелая хурма. Впрочем, крепость тоже имела место и, судя по обжигающему хвосту, влачившемуся за кометой глотка, крепость немалая.

— Здорово, да? — заговорщически подмигнул мне Мелифаро. — Грешные Магистры, если бы пару часов назад кто-то сказал мне, что жизнь прекрасна, я бы убил эту сволочь на месте. А сейчас... Ты только, пожалуйста, не кидай в меня тяжелыми предметами, но я склонен полагать, что она действительно прекрасна!

— Ага, и удивительна, — ухмыльнулся я. — Впрочем, никаких возражений, дружище. Присоединяюсь к твоему дурацкому мнению.

— А вот и ужин, — сообщила наша хозяйка, водружая на стол блюдо с совершенно сюрреалистическим, но аппетитно пахнущим содержимым.

Еда доверчиво взирала на нас доброй дюжиной широко распахнутых

карих глаз (после осторожных расспросов я выяснил, что «глаза» — это просто овощи с ее огорода, а после некоторого насилия над своим консервативным организмом обнаружил, что по вкусу они похожи на тушеные баклажаны).

— Мы все славно потрудились, пора и отдохнуть, — объявила старуха. — Будьте как дома, мальчики. Единственное, что от вас сейчас требуется, это доказать мне, что я еще не разучилась готовить и старая Герда не слишком часто дергала меня за руку.

И она отправилась за следующей миской. В ней был салат, который я столь самозабвенно резал. Но самым потрясающим блюдом оказались «ежи», с которыми пришлось помучиться Мелифаро: если есть их с закрытыми глазами, можно было подумать, что это мясо лобстера, слегка сбрызнутое лимонным соком. Не знаю, кому как, а по мне, это одна из самых грандиозных вкуснятин всех миров!

Я откровенно наслаждался пиршеством, внимательно отслеживая все тревожные мысли, которые пытались испортить мне настроение. Они подлежали немедленному уничтожению, и я их благополучно придушил — все до единой! «Сок пыльной полыни» немало способствовал этому мероприятию: после пятой, кажется, порции, тревожные мысли капитулировали окончательно.

Мелифаро тем временем вовсю ухлестывал за нашей хозяйкой, а я созерцал это дикое зрелище с флегматичной улыбкой любителя комедийных сериалов.

— Ты была абсолютно права, хозяйюшка. От этого зелья действительно кружится голова и молодеет сердце, — торжественно заявил я, в очередной раз отставляя в сторону опустевшую рюмку. — А как насчет крови юных роз и семени дракона? Если хочешь, чтобы я их оценил по достоинству, — сейчас самое время. Еще пара рюмок, и я окончательно утрачу интерес к эксперименту.

— Рада, что тебе понравилось, гость, но послушай моего совета: никогда не называй полынный сок «зельем»!

Лучшая баба-яга всех миров строго покачала кудлатой седой головой. Встала, неторопливо прошла по кухне, плавно покачивая бедрами, отворила маленькую белую дверцу и скрылась в благоуханной темноте кладовой.

Мелифаро решил воспользоваться ее отсутствием и тут же послал мне зов. На его физиономии было написано неподдельное смущение.

«Макс, если уж ты не претендуешь на сердце нашей хозяйки, будь добр, спроси у нее, каким образом мы могли бы справиться нужду, не

покидая кухню? А то я сейчас опозорюсь, а выходить за дверь пока не хочется. Не раньше, чем я попробую ее хваленое «семя дракона»!»

«Ну да, и «кровь юных роз», — ехидно напомнил я. — Спорю на что угодно: твои представления о том, какими способами следует «веселить тело» не ограничиваются дегустацией всевозможных настоек...»

«Признайся уж честно, что завидно! — гордо отвечивал этот новоиспеченный геронтофил. — Так ты спросишь?»

«Спрошу, спрошу, — пообещал я. — Между прочим, это и в моих интересах, коллега!»

«Могу себе представить! — развеселился он. — Ты же больше меня выпил. Не ожидал от тебя такой прыти! Думал, ты у нас единственный трезвенник в Соединенном Королевстве. Удивляешь ты меня, парень!»

«Я тебя еще и не так удивлю», — грозно пообещал я.

Наша гостеприимная хозяйка наконец вернулась к столу, на сей раз с двумя бутылочками — совсем крошечной, из непрозрачного синего стекла, и другой, чуть побольше, разрисованной причудливыми красно-зелеными узорами. Я изложил ей суть нашей смешной, но неразрешимой проблемы. Та равнодушно пожала плечами:

— Ну так отвори окно. Подоконники у меня, хвала боббурам, низкие. Земля все примет, спасибо скажет и душистой травой прорастет. А я отвернусь, чтобы тебя не стеснять.

Делать было нечего: я воспользовался ее советом, благодаря небо за то, что мои проблемы ограничивались малой нуждой. В противном случае... даже и не знаю, как бы я выкрутился!

Мелифаро насупился и даже покраснел, но все-таки последовал моему примеру. Старуха тихо посмеивалась, прикрыв рот ладонью: думаю, наше смущение доставило ей ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Как дети малые, — с ласковой укоризной сказала она, обращаясь скорее к невидимому собеседнику, чем к кому-то из нас.

Убедившись, что с проблемами на какое-то время покончено, наша хозяйка занялась откупориванием синей бутылочки. Пестрая отправилась то ли в карман ее просторного одеяния, то ли за пазуху, одним словом, с глаз долой.

Вытащив наконец плотно пригнанную пробку, она взяла мой стакан, нацедила туда на полпальца густой киноварной жидкости, разбавила молоком из кувшина. Эффект получился потрясающий: цвета не смешались, как это обычно бывает, горячая темно-красная глубина многообещающе просвечивала сквозь тусклую белую толщу молока.

— Это и есть «тайная кровь роз»? — зачарованно спросил я, любуясь

игрой жидкого пламени в собственном стакане.

— Нет, что ты! — укоризненно сказала старуха. — Кровь роз нельзя разбавлять молоком. Смотри, не вздумай, если тебе когда-нибудь случится с нею встретиться! Это семя дракона.

— «Веселящее тело»? — машинально уточнил я.

— Вот именно. Не болтай, а пей. Не бойся, плохо от моих настоек еще никому не было!

Я почему-то не сомневался. Странно: обычно я с известным недоверием отношусь даже к незнакомым блюдам, а уж ко всяким колдовским снадобьям, если они приготовлены не моими руками, и подавно! Я взял стакан, адресовал хозяйке благодарный взгляд (надеюсь, он был красноречивее любых слов) и сделал глоток. Вкус напитка показался мне чрезвычайно уютным, будто я пригубил молочный коктейль домашнего приготовления.

Потом мне стало тепло и спокойно. Так спокойно, что если бы в тот миг за мной явился ангел смерти, я бы дружелюбно предложил ему присоединиться к нашему застолью: торопиться, дескать, некуда...

Оказалось, впрочем, что мое тело хотело не столько «веселиться», сколько отдыхать. Во всяком случае, глаза стали закрываться. Поначалу я сопротивлялся сну: мне было жаль расставаться с миром бодрствующих людей в тот самый момент, когда там наконец-то стало приятно находиться.

— Не гони сон: он добрый друг, — дружелюбно подмигнула мне хозяйка. — Прими его как дар, если уж он пришел за тобой, все равно ведь не отвяжется! И запомни: если сон навязчив, как уличный пес, он будет ласков — при условии, что ты его не прогонишь.

Я послушно расслабился и вскоре заснул там, где сидел, даже не помыслив устроиться поудобнее. Мне и без того было так удобно — лучше не бывает. Словно мое тело всю жизнь искало позу, в которой ему было бы хорошо и комфортно, и вот нашло наконец-то.

Снилась мне, следует отметить, сплошная порнография — впрочем, весьма умиротворяющего свойства. Сам от себя, честно говоря, не ожидал.

А пробудившись от своих «дионисийских» снов, я с удивлением обнаружил, что физическое и душевное благополучие не только не покинули меня, но напротив, окутали, как некий восхитительный кокон, плотный и почти осязаемый. Казалось, что это и есть мое нормальное состояние и теперь так будет всегда. А тревожиться, болеть и тосковать я больше не умею. Удивительное ощущение!

Напротив восседал Мелифаро, сонный и изрядно потрепанный.

Впрочем, его физиономия лучилась столь недвусмысленным благодушием, что мне и в голову не пришло, будто парень нуждается в сочувствии. Скорее уж ему можно было позавидовать.

Некоторое время мы молча разглядывали друг друга, словно встретились после долгой разлуки.

— Надо идти дальше, — наконец сказал Мелифаро.

— Ну и ну! — я удивленно покачал головой. — Я-то думал, ты сейчас начнешь ныть, что нам следовало бы задержаться здесь подольше.

— Да я бы и начал, — честно признался Мелифаро. — Но наша хозяйка сказала, что мы должны уходить, когда ты проснешься. Я пытался возражать, но она была неумолима, как наш шеф накануне Последнего Дня года. Сказала, что ее долг подчиняться какому-то Великому Правилу, причем сформулировать его, хотя бы в общих чертах, наотрез отказалась. Зато она собрала нас в дорогу, — он одобрительно похлопал по туго набитой кожаной сумке. — Грешные Магистры, как я люблю женщин! Они не склонны считать существенное второстепенным. Куча еды, ягодная настойка для поднятия боевого духа и даже специальное тряпье для прогулок по помойкам. Можешь переодеться. У тебя было такое скорбное лицо, когда ты кутался в занавеску, что я решил: новый костюм — именно то, что тебе требуется.

— Ну, смотря какой костюм, — осторожно сказал я. — Для прогулок по помойкам, говоришь?

Парень, разумеется, изрядно преувеличивал. Одежда, оставленная для нас старухой, почти в точности соответствовала моде моей исторической родины. Штаны из плотной ткани, просторная куртка, доходящая до колен, башмаки, чья молодость наверняка миновала пару дюжин лет назад, зато разношенные и удобные — именно то, что требуется путешественнику.

Мелифаро брезгливо морщился, разглядывая свой комплект, но здравый смысл победил: парень расстался с импровизированным цветастым лоохи и быстро переделся.

Я глазам своим не поверил: как, оказывается, одежда меняет внешность! Куда только подевался мой старинный друг, сэр Мелифаро, единственный в своем роде, надежда Тайного Сыска, предмет обожания всех окрестных трактирщиц?! Вместо него рядом со мной топтался довольно сердитый юноша — смутно знакомый, но и только. Меня не покидало дурацкое ощущение, что мы вместе учились; оставалось вспомнить, где и когда, а потом возвращаться домой и смело отправляться в ближайший Приют Безумных, благо наши столичные знахари — большие доки по части ложных воспоминаний.

— Я чувствую себя каким-то бродягой иррашйцем! — проворчал этот полунезнакомец и сразу превратился в старого доброго сэра Мелифаро.

— Хорошо хоть, не изамонцем! — фыркнул я.

— Да уж, хвала Магистрам! — добродушно проворчал Мелифаро. Легко подхватил сумку и перекинул ее через плечо. — Продукты я тебе не доверю, чудовище! — объявил он. — Свою жизнь — возможно, но запас продовольствия на полдюжины дней?! Никогда!

— Правильно, — невозмутимо кивнул я. — Таскать за мной поклажу — твоя непосредственная обязанность. Как ты думаешь, зачем я тебя вообще с собой брал?

Он легонько толкнул меня локтем в бок — дескать, не зарывайся! — я ответил столь же дружественным символическим тычком коленкой под зад, тут же получил второй пинок, на сей раз более чувствительный. Вот так, пихаясь локтями и коленями, будто школьники, мы и ввалились в таинственный новый Мир, поджидавший нас за дверью. В столь радужном настроении мы по Лабиринту Мёнина, надо сказать, еще не бродили.

Поэтому когда нам в глаза ударил ослепительный свет разноцветных огней, а уши мгновенно заложило от сумбурной симфонии человеческих голосов, громкого смеха и нескольких танцевальных мелодий, вразнобой доносившихся отовсюду, мы ни на мгновение не удивились, словно заранее знали, что в таком настроении можно попасть только на праздник.

— Макс, — весело спросил Мелифаро, — может быть, задержимся здесь немного, если уж так повезло? Это здорово похоже на ярмарку в Нумбане — отец пару раз возил меня туда, когда я был маленьким... Только здесь, по-моему, не торгуют всякой скучной сельскохозяйственной дрянью. Просто веселятся. И правильно делают.

— И еще это похоже на луна-парк, — улыбнулся я. Поймал его вопросительный взгляд и объяснил: — Тоже что-то вроде ярмарки. Качели, карусели, музыка, вредные для желудка вкусности на каждом углу — словом, все, что нужно для счастья, если тебе девять лет... Ну, я имею в виду — около сорока, по вашим меркам.

— Мне и сейчас нравится, — объявил он. — Давай немного здесь погуляем.

— Давай, — великодушно согласился я. — Единственное, что меня удручает...

— А тебя все еще что-то удручает?

— Угу. У нас нет денег. А бесплатно нам вряд ли кто-то даст покататься.

— Деньги — это пустяки, — жизнерадостно возразил Мелифаро. — Сейчас быстренько вытянем кошелек из ближайшего кармана...

— Тебе не стыдно, сэр Тайный Сыщик? — я укоризненно покачал головой.

— С какой стати?! — возмущенно фыркнул Мелифаро. — Ты сам все время твердишь, что Лабиринт Мёнина — сплошное наваждение. Мое наваждение — что хочу, то и делаю! А в настоящий момент у меня есть только одно желание: покататься на карусели. Если мое желание не осуществится, я умру, и делай что хочешь!

— Ты был прав, когда говорил, что впадаешь в детство, — ехидно сказал я. — Счастье, что твой спутник я, а не сэр Лонли-Локли, а то стоять бы тебе в углу до завтрашнего утра! Ладно уж, считай, что все кошельки этого мира — твои. По крайней мере те, которые ты сумеешь незаметно извлечь из чужих карманов.

— Обижаешь! — хмыкнул Мелифаро. — Меня сам сэр Кофа учил: ремесло карманника — азы нашей работы. Это только ты у нас такой гений, что Миры создавать научился прежде, чем стрелять из бабума, а рыться в Щели между Мирами тебе проще, чем в чужих карманах.

— Да, я у нас гений, — скромно подтвердил я. — Ладно, валяй. Кидай к моим ногам чужие кошельки, я не рассержусь.

Но согрешить нам так и не привелось. Судьба решила во что бы то ни стало оберегать нашу нравственность, и без того сомнительную, от разлагающего влияния насущной необходимости. Мое внимание привлекла яркая надпись над кассой ближайшего аттракциона (тот факт, что и язык, и алфавит оказались знакомыми, меня обрадовал, но совершенно не удивил): «Купите себе пять минут удовольствия. Для женщин — 8 фриков, для детей — 3 фрика, мужчины сегодня и всегда — БЕСПЛАТНО».

— Смотри-ка! — восхищенно сказал я Мелифаро. — Кажется, мы с тобой попали в славное местечко. Нас здесь любят.

— Ну хоть где-то нас любят, — рассеянно отозвался он (очевидно, уже сосредоточился на выборе жертвы), потом прочитал объявление, и рот его приоткрылся, как у деревенского дурачка на экскурсии по химической лаборатории. — Во дела! — восхищенно сказал он. — Что же это за мир такой замечательный?!

— Иди, покатайся на карусельке, радость моя, — весело посоветовал я. — Разбираться потом будешь.

— Или не буду вовсе, — согласился он. — А ты? Составишь мне компанию?

— Не сейчас, — улыбнулся я. — Очень хочу полюбоваться на это

зрелище со стороны: когда еще доведется увидеть грозного сэра Мелифаро верхом на зеленой лошадке!

— Никаких лошадок! — горделиво возразил он. — Сколько себя помню, всегда катался на драконах. А здесь они тоже есть.

Дождавшись, пока карусель остановится, Мелифаро беспрепятственно поднялся на помост (объявление над кассой не было шуткой, чего я в глубине души слегка опасался), оседлал дракона, розовые бока которого были украшены аляповатыми разноцветными ромашками, и с блаженным лицом кружился под незатейливую, но очаровательную мелодию — так мог бы играть деревенский музыкант, которому в детстве довелось послушать Вивальди.

Я не столько любовался этим незабываемым зрелищем, сколько осматривался. Мне было чертовски интересно: куда нас на сей раз занесло? Некоторые догадки уже зародились в моей голове (иногда оный предмет не столь бесполезен, как может показаться), дальнейшие наблюдения подтвердили мою правоту.

Хозяева аттракционов, обещавшие мужчинам бесплатное катание, не рисковали разориться: мужчин здесь было мало, гораздо меньше, чем женщин и детей. Что касается детей, мальчики среди них тоже встречались не так часто, как девочки. Впрочем, с детьми бывает непросто разобраться, особенно если почти все они коротко острижены и одеты в разноцветные шорты и футболки. Зато мужчину от женщины можно было отличить с первого взгляда, на любом расстоянии: наш брат мужик в этом жизнерадостном Мире отличался пристрастием к пышным прическам, нарядным рубашкам, пижонским узким брюкам, немилосердно подчеркивающим их, с позволения сказать, первичные половые признаки, и, что потрясло меня больше всего, — декоративной косметике.

Справедливости ради следует отметить, что тем представителям мужского пола, которых я успел разглядеть, это было вполне к лицу. Ребята вовсе не напоминали расфуфыренных трансвеститов, скорее уж — хорошо загримированных актеров, подобранных на главные роли в каком-нибудь телесериале о большой и страстной любви. Мне, конечно, довольно трудно судить о мужской красоте, но я был готов спорить на что угодно: именно такие физиономии и сводят с ума истосковавшихся по пылким отношениям домохозяек! На их фоне мы с Мелифаро в своих походных костюмах и растоптанных ботинках явно были не на высоте.

Зато местные женщины выглядели более чем скромно: с короткими мальчишескими стрижками, в просторных брюках и не менее просторных рубашках, отчего их фигуры казались бесформенными, в туфлях на низком

каблуке, на лицах — ни капли макияжа. И все же было в них нечто необъяснимо привлекательное, почти завораживающее. Уже позже, задним числом, я понял: в них ощущалась неопишуемая сила и уверенность в себе — амазонки какие-то, честное слово!

«Наверняка тут у них матриархат, — решил я. — Что ж, будем надеяться, что нас не примут за... мальчиков легкого поведения!»

Когда Мелифаро покинул декоративное седло на спине розового дракона, я уже приблизительно сформировал стратегию нашего поведения: тихонько наслаждаться жизнью, благо денег с нас за это вроде как не собираются требовать, и не выпендриваться. Авось сойдет.

— Пошли еще где-нибудь покатаемся! — потребовал он. Я кивнул, поскольку понял, что здорово соскучился по простым радостям бытия, испытать которые может только беззаботный посетитель луна-парка или ярмарки — как бы ни называлось это воистину волшебное место!

Неприятностей нам вроде как не светило, скорее уж наоборот. Женщины, проверяющие билеты у аттракционов, смотрели на нас с дружелюбной симпатией; женщины, с которыми мы оказывались соседями во время катания, проявляли к нам не слишком ярко выраженный, но все же ощутимый интерес; женщины, с которыми мы сталкивались в толпе, окидывали нас оценивающими взглядами, но никаких грубых замечаний, хвала Магистрам, не отпускали.

Что касается мужчин, они вовсе не обращали на нас внимания. Ребята с полной самоотдачей стреляли глазками, призывно улыбались прекрасным дамам, что-то шептали, уткнувшись губами в нежную мочку уха собеседницы, а порой демонстрировали совершенно непристойные жесты — впрочем, не без известного изящества. Дамам все это, надо думать, нравилось, но бросаться в объятия искуссителей они, кажется, не слишком торопились.

Впрочем, все эти наблюдения я сделал, пользуясь исключительно боковым зрением: не до того было. Мы с Мелифаро кружились, кружились и кружились, всеми возможными и невозможными способами, словно бы подрядились испытать все аттракционы в этом царстве развлечений. Оттянулись на полную катушку!

Наконец мы ощутили приближение первого приступа морской болезни и сочли за благо взять тайм-аут. Не сговариваясь, начали оглядываться в поисках какого-нибудь уличного кафе, такого, чтобы попасть туда можно было, не пересекая роковую черту дверного проема. Очень уж нам не хотелось покидать это замечательное местечко. В глубине души я опасался,

что на весь бесконечный Лабиринт Мёнина другое такое не отыщется: мало того что нас здесь никто не хотел убить, так еще и на каруселях бесплатно катали!

Летних кафе здесь оказалось полным-полно. Они располагались на некотором расстоянии от аттракционов, как бы очерчивая периметр этой страны незамысловатых чудес. В каждом нас встречало традиционное объявление: «Для мужчин — бесплатно», везде звучала простая, но мелодичная музыка. Какое-то время мы бродили между разноцветными столиками, выбирая музыкальный фон, который удовлетворил бы наши, не столь уж схожие, вкусы.

Наконец мы опустились в удобные мини-шезлонги заведения, каковое гордо именовалось «Королевский Приют», поскольку великодушно решили: что подходит королям, то и нас худо-бедно устроит.

К нам тут же подошла хозяйка, на удивление привлекательная дама средних лет. Ее очарование совершенно не портила бесформенная одежда; даже легкий пепел седины, припорошивший темные волосы, был ей к лицу.

— Нечасто к нам заходят женатые мужчины! — одобрительно заметила она. — Ваши жены сущие ангелы, мальчики, если позволили вам развлекаться без них! Уж не удрали ли вы из дома, проказники?

Мелифаро открыл было рот, чтобы высказать все, что он думает по этому поводу (одна только мысль о том, что кто-то может позволить или не позволить ему делать все, что заблагорассудится, способна довести парня до бешенства), но я предусмотрительно наступил ему на ногу под столом: дескать, молчи, я сам разберусь. К счастью, он чертовски понятлив — иногда.

— Мы хорошо себя вели, — скромно сказал я этой приветливой леди.

Она, к моему величайшему восторгу, понимающе кивнула. Воодушевленный столь теплым приемом, я осторожно спросил:

— А как вы догадались, что мы женаты?

— Вот глупенький! — рассмеялась она. — Были бы вы такими скромниками, если бы жены за вами не присматривали, как же! Знаю я вашего брата: мой муженек до сих пор норовит глаза подкрасить, а ведь как я за ним слежу... Да и одежда на вас домашняя. Сразу видно хорошо устроившихся в жизни мальчиков!

— Да, я как-то не подумал, что у нас все на лице написано, — опустив очи долу, пролепетал я. — Какой же я недогадливый, право!

На самом деле меня распирало от смеха, но я дал себе слово сдерживаться: очень уж не хотелось подниматься из-за стола и искать себе место для отдыха на противоположном конце парка аттракционов.

Мелифаро, кажется, пребывал в глубочайшем шоке. Я-то, признаться, полагал, что его способность наблюдать и анализировать все еще при нем и парень сделал примерно те же выводы о здешнем общественном устройстве, что и я. Но, кажется, я недооценил его способность самозабвенно отдаваться развлечениям. Мой друг не заметил ничего, кроме огней, музыки и прочих атрибутов праздника, гостями которого мы столь неожиданно оказались.

— Что вам принести, милые? — радушно спросила хозяйка. — Подумать только, женатые мужчины у меня в гостях! Вот уж мои конкурентки обзавидуются!.. Заказывайте, не стесняйтесь, для вас мне ничего не жалко.

— Если ничего не жалко, принесите нам что-нибудь на ваш вкус, — решительно сказал я. Меньше всего на свете меня сейчас прельщал интеллектуальный труд над местным меню. — Немножко выпивки, немножко закуски — все, что требуется, чтобы скоротать время за приятной беседой.

— Ах ты мой золотой, как же ты доверяешь моему вкусу! — восхитилась она. Подмигнула Мелифаро и нежно спросила: — А ты согласен со своим приятелем, господин молчун?

Надо отдать должное парню: он не взорвался, хотя, судя по его покрасневшей физиономии, дело к тому шло. Но он молча кивнул, изо всех сил изображая смущение.

— Такой молоденький, и уже женат, — ласково бормотала женщина, отправляясь на кухню. — Каких только шуток любовь с людьми не шутит!

Мы остались одни, и Мелифаро уставился на меня дикими глазами. Все его существо сейчас истекало одним немым вопросом: «Что здесь происходит?!»

— Где же твоя хваленая наблюдательность? — укоризненно спросил я. — Неужели ты еще не понял: здесь матриархат, причем очень ярко выраженный. А ты думал, почему нас бесплатно кормят и развлекают? На моей родине, например, существуют ночные клубы, где мужчины платят за вход, а женщины — нет. Думаю, здесь тоже начиналось с чего-то в таком роде.

— Как ты сказал? Матохерат? А что это такое? — ошеломленно спросил мой друг.

Я принялся объяснять. Он удивленно качал головой и вообще производил впечатление человека, изрядно сбитого с толку.

До меня с некоторым запозданием дошло: чтобы понять, что такое матриархат, следует быть знакомым хотя бы с патриархальным устройством

общества. А в Соединенном Королевстве уклад какой-то другой. Какой именно — не берусь сформулировать. Что касается политики, мужчины у нас — фигуры более заметные, а женщины, как я постепенно выяснил, — более влиятельные. В семейной жизни существует своего рода равноправие, основанное на прочном фундаменте непонимания: а с какой стати кто-то должен быть «главным»? Фамилии берут и материнские, и отцовские, руководствуясь, скорее, их благозвучностью, чем каким-то принципом.

В других государствах Мира все еще более запутанно. Например, в Куманском Халифате существуют гаремы, но в то же время большинство государственных служащих, в том числе полицейских, — женщины. В Шиншийском Халифате, как мне рассказывали, у мужчины вообще очень мало шансов поступить на службу в армию. Там считается, что наш брат мало пригоден для войны. В Изамоне, где высокие государственные должности распределяются исключительно между мужчинами, все мужья поголовно боятся своих жен — больно уж много юридической власти отдает в распоряжение их суровых подруг местное законодательство. В частности, любая женщина может выгнать мужа из дома, не объясняя причину столь жестокого поступка, и, что еще хуже, она не обязана отдавать ему ни гроша из им же заработанного «общего» имущества. Ну и так далее — это я все к тому, что ни патриархальными, ни матриархальными, в традиционном понимании этих терминов, обществами в нашем Мире, кажется, и не пахнет.

Поэтому мои попытки объяснить Мелифаро, что такое матриархат, отняли несколько больше времени, чем я рассчитывал. Кроме всего, он еще то и дело отвлекался от беседы: с новым, обострившимся интересом разглядывал окружающих, очевидно, искал в их поведении то ли доказательства, то ли опровержения моих слов.

— Кажется, я понял, — наконец вздохнул он. — А я-то еще с самого начала удивился: какая у них мода странная! Мужики нарядные, причесанные, а леди одеты, словно собрались поработать на ферме, а не развлечься. Теперь понятно: если женщины здесь главные, надо стараться им понравиться. Вот ребята и стараются как могут. И вся эта бесплатная кормежка... Они нас кормят, как птиц: потому что это забавно и доставляет удовольствие. И, наверное, еще потому, что мужчина в этом странном месте вряд ли может хоть что-то заработать: его просто никто не возьмет на работу. У них это, наверное, не принято.

— Думаю, заработать все-таки можно, — усмехнулся я. — Но исключительно своим прекрасным телом. Гляди! — я указал ему на

нескольких нарядных, искусно причесанных мальчиков, вертевшихся вокруг двух пожилых леди.

Молодые люди вели себя с недвусмысленной развязностью — точь-в-точь недорогие проститутки моей родины. Дамы оценивающе оглядывали их с ног до головы, небрежно похлопывали по поджарым ягодицам, понимающе перешучивались между собой — жаль, что вполголоса: я был почти уверен, что с их уст срываются умопомрачительные непристойности.

Наконец женщины выбрали двух молодых людей, покровительственно обняли их за плечи — каждая своего — и неторопливо удалились. Отвергнутые «плейбои» немного потоптались на месте, пошептались и наконец отчалили — на поиски новых интересных знакомств, надо полагать. Мелифаро зачарованно смотрел вслед удаляющимся парочкам. Кажется, его проняло.

Хозяйка кафе вернулась с огромным, тяжело груженным подносом. Ее представления о том, что такое «немного», явно не совпадали с моими, но я скорее обрадовался такому недоразумению, чем огорчился.

Некоторое время она ласково ворковала с Мелифаро, пытаясь его растормошить, но у нее ничего не вышло: мой любвеобильный друг был явно не в духе. Впрочем, в глазах нашей новой знакомой его замкнутость наверняка выглядела как очаровательная застенчивость, подобающая женатому мужчине. Я же всю наслаждался нелепостью ситуации — когда еще доведется!

— Если тебе здесь больше не нравится, можем уйти в любую минуту, — напомнил я Мелифаро. — Впрочем, я бы предпочел сначала поужинать. И немного выпить. И покурить — даже если это здесь не принято. И самое главное, обсудить с тобой кое-что... если ты, конечно, не против.

— Мне здесь действительно не слишком нравится, — проворчал Мелифаро. — Но выпить я тоже не прочь, да и закуска не помешает... Знаешь, чудовище, я уже довольно долго живу на свете и за это время как-то успел привыкнуть к тому, что... А, ладно, плевать! В конце концов, это не наши проблемы. По сравнению с той раскаленной пустыней, здесь все равно райское местечко. Да и шерстью до пояса они не поросли — чего ж мне еще?!

— Вот именно, — кивнул я. — Когда еще выпадет возможность спокойно поговорить?

— А о чем, кстати, ты собираешься трепаться? — с набитым ртом поинтересовался он. — Придумал что-нибудь?

— Нет пока. Поэтому трепаться будем о твоей насыщенной личной

жизни, за неимением другой темы, — усмехнулся я. — Только не обижайся, Мел. Я бы не стал совать нос в твои дела, но мне необходимо кое-что выяснить.

— Например, спал ли я с нашей гостеприимной хозяйкой, пока ты дрых, сидя на стуле? — насмешливо перебил меня он. — Ну, предположим. И что с того? Тебе интересны подробности? Могу и подробности выложить, если ты убедишь меня, что они имеют фатальное значение для судеб Вселенной.

— Да иди ты со своими подробностями! — нетерпеливо отмахнулся я. — У меня, хвала Магистрам, богатое воображение... Я хочу, чтобы ты просто описал мне, как она выглядела?

— Кто?! — изумленно переспросил Мелифаро.

— Кто-кто... Твоя вчерашняя подружка, эта колдунья, опоившая нас благословенным «соком пыльной полыни», наш добрый ангел, одним словом.

— Макс, не дури, — строго сказал мой друг. — Ты же видел ее не хуже, чем я. Или у тебя возникли проблемы с памятью? Начинаешь забывать наше путешествие? Вот напасть! Хвала Магистрам, я пока вроде бы все помню...

— Нет, с памятью у меня все в порядке. Не в этом дело. Просто опиши мне, как выглядела наша хозяйка — так, словно я слепой и не мог ее увидеть. Я тебе потом все объясню. Это не розыгрыш, дружище. Если тебя гложут сомнения, могу принести какую-нибудь страшную клятву.

— Ну... ладно, — растерянно согласился он. — Если ты так хочешь... Она невысокая, худенькая, кожа смуглая... или загорелая, она ведь на огороде, наверное, возится целыми днями! Волосы темно-каштановые, причесаны, мягко говоря, небрежно, — он нежно улыбнулся недавнему воспоминанию и уточнил: — То есть такое впечатление, что гребней в ее доме не водится, но ей эта лохматость даже идет. Глаза — вот же, драный Магистр, а ведь не помню точно! Кажется, все-таки зеленые, но тут я могу ошибаться.

— Ясно, — кивнул я. — Вполне достаточно. Спасибо. А теперь скажи мне, сколько ей лет. Я имею в виду, на сколько лет она выглядит?

— Ну... — неуверенно протянул Мелифаро, — с виду она — наша с тобой ровесница, а то и помладше. Вообще-то, я бы еще меньше лет ей дал, если бы не эти многозначительные рассказы о бывшем муже и намеки на невидимое присутствие какой-то «старой Герды»... Ну да, ты еще ночью мне говорил, что она, наверное, старая ведьма. Но какая, к Темным Магистрам, разница!

— Я не произносил слова «наверное», — поправил его я. — Просто сказал тебе, что она старая. Не предположил, а констатировал факт. Факт при этом визжал и вырывался, но я его все-таки констатировал. Не догадываешься почему?

— Наверное, ты внимательнее прислушивался к ее болтовне, чем я, — он пожал плечами и, как мне показалось, довольно смущенно признался: — Я-то все больше ее ножки рассматривал, уж больно соблазнительно они выглядывали из-под накидки!

— А кстати, какого цвета была накидка? — подскочил я.

— Красная. Вернее, ярко-алая... А к чему ты, собственно, клонишь, Макс? Какая разница, сколько лет моей случайной подружке? Она была красива, ласкова и заботлива, она помогла мне отвлечься от воспоминаний об этом грешном пекле, так что нынешней ночью я наверняка буду спать спокойно и без кошмаров — если, конечно, мы найдем подходящее для сна место. По-моему, вполне достаточно, чтобы всю жизнь вспоминать ее с благодарностью.

— Да вспоминай на здоровье, — вздохнул я. — Просто... Не хочу подмешивать к твоим сладким воспоминаниям свои, чуть менее сладкие, но мне кажется, ты должен это знать, поскольку всю информацию о наваждениях Лабиринта лучше держать не в одной голове, а в обеих. Понимаешь, какое дело, дружище, ты всю ночь видел перед собой молодую девушку, а я — глубокую старуху. Все остальное вроде бы совпадает: цвет ее одежды, слова, которые она говорила... И теперь я пытаюсь разобраться, почему так вышло?

— Ну... — к моему глубокому облегчению, Мелифаро совершенно спокойно отнесся к моим словам, — может быть, все объясняется просто: она сразу положила глаз на меня и напустила на тебя наваждение, чтобы ты не приставал к ней со своими глупостями. Или наоборот, ты видел все как есть, а меня эта плутовка околдовала, о чем я, кстати, совершенно не жалею. Подумаешь — мало ли, как это выглядело со стороны!

— Может быть, и так, — неохотно согласился я. Его объяснение казалось очевидным и правдоподобным, но что-то в нем меня не устраивало. Мне почему-то казалось, что игра в Лабиринте Мёнина ведется по более изящным правилам, и в последнее время меня не оставляла смутная надежда, нашептывающая мне, что эти правила вполне поддаются формулировке. И что тот, кто сумеет постичь их странную логику, может рассчитывать на благоприятный исход путешествия. Скажу больше: в глубине души я был уверен, что ответ лежит где-то на поверхности и надо лишь хорошенько пошарить в его поисках.

— Не бери в голову, Макс, всякое бывает! — подытожил Мелифаро, поднимая стакан с темно-оранжевой жидкостью, которая вполне могла оказаться наливкой из какого-нибудь местного аналога абрикосов, с некоторыми незначительными аранжировками в области вкуса и аромата. — Эта колдунья положила глаз на меня, а вот нашу леди Меламори я у тебя так и не смог отбить, как ни старался, даже пять лет назад, после того, как между вами бешеный индюк пробежал... Никогда заранее не знаешь, кто тебя приголубит, а кто пошлет подальше!

— Что? — изумленно переспросил я. Его разглагольствования отвлекли меня от размышлений, так что я не сразу понял, о чем речь. А когда понял, тихо рассмеялся: — Парень, если бы все наши проблемы сводились к тому, кто кого приголубил... Тебе не кажется, что мы были бы самыми беззаботными существами во Вселенной?

— Ну не скажи! — серьезно возразил Мелифаро. — Я знаю кучу ребят, у которых других проблем отродясь не было. И что же? Счастливыми я бы их не назвал.

Мои попытки вернуться к серьезным размышлениям так и не увенчались успехом: парень вдруг решил, что его священный долг — немедленно ознакомить меня с невразумительными, но душещипательными сердечными проблемами его бесчисленных родственников, друзей и бывших однокашников. Возможно, он действительно намеревался меня растрогать, но смог только насмешить. Впрочем, ничего иного мне и не требовалось, если честно. Я здорово расслабился — словно мы сидели где-нибудь в одном из летних ресторанчиков Нового Города, а не в одном из тупиков Лабиринта Мёнина, из которого надо было как-то выбираться — но вот как?

Наконец мы решили, что пора бы и честь знать. Разноцветные огни аттракционов гасли один за другим, столики кафе опустели. Наверное, по местным меркам наступила ночь, и всем добропорядочным женатым мужчинам следовало отправляться по домам, чтобы не нарваться на какие-нибудь неведомые неприятности.

Приветливая хозяйка не отказала себя в удовольствии немного нас проводить. Чтобы поддержать разговор, я спросил, почему ее заведение именуется «Королевский Приют»: на фоне многочисленных «Лакомок», «Сладкоежек», «Сластен» и «Сытых Добряков» название действительно выглядело несколько вызывающе.

— О, да я его только вчера и переименовала! — хозяйка явно обрадовалась возможности поговорить на эту тему. — Сестры Тайсон

полдня вывеску делали, — пожаловалась она, — и еще за срочность двойную цену взяли. А ведь это такая забавная история со мной вышла! Второго дня под вечер появился ко мне прехорошенький мальчик — а уж какой нарядный, слов нет! Будто на карнавал собрался. И любезный, и приветливый. Я сперва было подумала, он из тех, кто готов предложить свою любовь всякой, лишь бы заплатила побольше, но потом поняла, он не из таких, просто манеры у него на удивление вольные.

И она надолго умолкла, явно пытаясь воспроизвести перед своим внутренним взором портрет «прехорошенького» гостя.

— И что? — дрогнувшим голосом спросил я, уже предчувствуя ответ.

— Этот мальчик все время говорил, что он король, представляешь, лапушка?! — охотно сообщила она. — Я сначала думала, что он шутит, а потом поняла: бедный мальчик сам верит всему, что говорит. Возможно, он просто помешался от несчастной любви, так бывает. Хотя не понимаю, как можно такого не любить?!

— Я тоже, — деревянным голосом сообщил я. — Думаю, вы рассказываете о моем помешанном соседе. Живет один такой рядом с нами, тоже твердит, что он король. Как вашего гостя звали? Он называл свое имя?

— Называл, только я запомнила. Странное какое-то имя: не тот Георг, не то Грег, не то еще как-то...

— Гуриг, — подсказал я, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди — так гулко оно бухало по ребрам. — Точно мой сосед... А куда он потом пошел, вы не знаете?

— Он ушел с такой красивой дамой, — с явным сожалением вздохнула хозяйка. — А мне уже потом, когда он ушел, пришло в голову переименовать мою «Сладенькую Булочку» в «Королевский Приют». На память об этом прелестном мальчике — коль уж он называл себя королем. Посетителям вроде бы нравится. Все хотят отдохнуть в «Королевском Приюте»!

— Конечно, — заверил ее я. — Отличное название. Просто великолепное.

Наконец наша опекунша с явным сожалением отправилась обратно. Мы с Мелифаро понимающе переглянулись.

— Итак, здесь отметились наше заблудшее величество, — ехидно констатировал он. — Чтоб ему пусто было, любителю приключений!

— Боюсь, Гуригу сейчас и без наших пожеланий вполне пусто, — в тон ему усмехнулся я.

— Задержимся здесь и попробуем его разыскать? — неуверенно предложил Мелифаро.

— Думаю, это совершенно бессмысленно, — вздохнул я.

— Ну уж, так сразу и бессмысленно! — довольно вяло огрызнулся он. Думаю, за годы нашей дружбы у парня выработалась устойчивая привычка возражать мне по любому поводу.

— Скажи: ты видел здесь парочки, занимающиеся любовью на открытом воздухе? — невозмутимо поинтересовался я.

Прежде чем ответить, Мелифаро еще раз добросовестно огляделся по сторонам.

— Ну, предположим, нет... пока, по крайней мере, — признал он. В его голосе звучало не то разочарование, не то готовность исправить столь досадное положение вещей. — А с чего это ты спрашиваешь?

— С того, что если Его Величество действительно ушло с какой-то дамой, она безусловно повела его к себе домой... или еще куда-нибудь, не важно. Главное, что ему наверняка понадобилось войти в какую-нибудь дверь... Ладно, даже если дама была одержима невинным желанием покатасть нашего монарха на карусели, и ничего больше — неужели ты думаешь, что за это время ему ни разу не захотелось в уборную? А туалеты в любом цивилизованном обществе находятся за закрытыми дверями, поверь уж крупному специалисту в этом вопросе!

— А если наше Величество выше этих человеческих слабостей? — фыркнул Мелифаро. — Но ты прав, Макс: в любом случае Король вряд ли стал бы спать на улице, а это значит...

— Именно это я и хотел сказать. Он был здесь позавчера. За два дня ни разу не воспользоваться дверью... Практически невозможно! Единственный наш шанс найти Гурига — это столкнуться с ним нос к носу в каком-нибудь очередном «тупике».

— А если двери на него не действуют, что тогда? Вдруг здесь для каждого свой способ переходить из одного мира в другой?

Признаться, эта мысль уже посетила и мою голову, но я настойчиво гнал ее прочь.

— Ты понимаешь, какое дело, — честно сказал я, — не очень-то хочется сходить с ума. Во всяком случае, я собираюсь тянуть с этим делом до последнего. Поэтому предпочитаю думать, что законы Лабиринта одни и те же для всех. Это дает мне хоть какой-то шанс разобраться в происходящем. Или хотя бы верить, будто я когда-нибудь разберусь.

— Ладно, — неожиданно легко согласился Мелифаро. — Буду надеяться, что ты прав. В конце концов, ты — мой единственный шанс когда-нибудь отсюда выбраться, так что ты уж разберись, пожалуйста.

— Мне сейчас надо бы спокойно подумать, — вздохнул я. — А потом

— поспать. Желательно долго. И не на стуле. Королевская кровать с балдахинном мне без надобности, но вот от возможности вытянуться во весь рост в каком-нибудь теплом, сухом и закрытом от посторонних помещении я бы не отказался.

— И не говори! — с чувством подтвердил мой друг. — Спать! Грешные Магистры, я ведь минувшей ночью считай глаз не сомкнул... И вообще мы с тобой ни разу толком не спали с тех пор, как сюда попали. Только умирали время от времени, но это, наверное, не считается.

— Да, смерть трудно назвать полноценным здоровым отдыхом, — хмыкнул я. — Ну что, пойдем поищем какую-нибудь дверь? А там поглядим.

— А что ее искать, вот она, перед носом! — зевнул Мелифаро, указывая на ворота в ограде, отделяющей парк аттракционов от будничного пространства нормальной человеческой жизни. Прежде я эту ограду как-то не замечал.

— Ты бы хоть раз в жизни возжелал как следует чего-нибудь хорошего, сэр Вершитель, — лукаво сказал Мелифаро, когда мы уже приготовились ступить под арку ворот. — Например, попасть в уютную спальню. Сегодня можно без девочек, чтобы не отвлекали от сновидений. Ну, дяденька, ну пожалуйста, что тебе стоит!

Я изумленно посмотрел на него: парень явно издевался, но его насмешки пришлись как нельзя более кстати. Удивительное дело: с тех пор как за нами захлопнулась дверь, ведущая в Лабиринт Мёнина, я почему-то ни разу не вспомнил о своем могуществе. Как отрезало, честное слово!

Так что когда мы пересекали границу, отделяющую один коридор лабиринта от другого, все мои помыслы были сконцентрированы на одном-единственном желании: получить в свое распоряжение отдельную спальню.

Когда я обнаружил, что мы оказались в купе движущегося поезда, освещенном тусклым голубоватым светом ночника, я обессилено опустился на одну из полок, закрыл лицо руками и начал смеяться.

Мое желание было исполнено, но в минимальном объеме. Это походило на тщательно продуманное издевательство: дескать, особо не раскатывай губу, сэр Вершитель. Захотел спать — что ж, ладно, так и быть, получи место в купейном вагоне... и благодари небо, что не в общем!

Мелифаро встревоженно прикоснулся к моему плечу: мало того что я истерику устроил, его еще и обстановка, надо понимать, обескураживала. В Соединенном Королевстве нет транспортных средств, хоть немного похожих на поезда, так что парень совершенно не понимал, куда мы

попали.

Я почувствовал себя ответственным за его душевный покой — если уж мы оказались на территории, которую я с горем пополам мог считать знакомой.

— Я смеюсь не потому, что... а просто потому, что мне смешно! — Мое выступление нельзя было считать вершиной ораторского искусства, зато мне удалось худо-бедно справиться с приступом веселья.

— Мы находимся в очень забавном месте, я правильно понял? — сухо уточнил Мелифаро.

— Можно сказать и так. Это поезд. Нам еще повезло: кажется, мы на халяву попали в вагон первого класса.

— Спасибо за исчерпывающее объяснение, — ядовито огрызнулся мой спутник.

— Там, где я родился, поезд — это традиционное средство передвижения на большие расстояния. Представь себе много маленьких длинных одноэтажных домиков, разделенных на крошечные комнаты. И все эти домики едут в заранее выбранном направлении... Понятно?

— Звучит как бред собачий, но, в общем, понятно, — не столько ехидно, сколько растерянно согласился он.

— Ну, хвала Магистрам, хоть что-то тебе понятно, — вздохнул я. — Мое желание, можно сказать, исполнилось. Мы с тобой хотели получить в свое распоряжение спальню? Вот и получили. Собственно говоря, я не знаю, чем еще здесь можно заниматься, кроме как спать. Разве что пьянствовать или читать, но ни выпивки, ни книг у нас с собой все равно нет.

— В таком тесном помещении я не оказывался с тех пор, как старшие братья заперли меня в платяном шкафу, — пожаловался Мелифаро. — Хотя в шкафу все же было немного просторнее. Мне здесь неудобно!

Я сочувственно покивал. У человека, чья жизнь прошла в Ехо, где самая скромная холостяцкая спальня напоминает скорее спортзал, чем обычное жилое помещение, в купе пассажирского поезда вполне мог начаться тяжелый приступ клаустрофобии. Оставалось уповать на железные нервы сэра Мелифаро... и еще на его зверскую усталость.

— А ты просто ложись, закрывай глаза и спи, — посоветовал я. — С закрытыми глазами все равно где находиться: в маленькой комнате или в большой.

— Ну не скажи! — серьезно возразил он. — Я могу зажмуриться хоть дюжину раз кряду, но все равно буду чувствовать, как давит на меня этот грешный низкий потолок. И чем ты собираешься здесь дышать?

— Можно открыть окно, — я пожал плечами. — Не знаю, какая погода там снаружи, но с закрытым окном ты, пожалуй, действительно не уснешь. Я-то человек привычный...

Мелифаро слегка оживился, деловито осмотрел окно, немного повозился с защелкой, и я стал свидетелем одной из величайших побед человеческого разума: толстое стекло послушно уползло вниз, а мой друг чуть ли не по пояс высунулся наружу.

— Там ветер! — восхищенно сообщил он. — Слушай, Макс, мы так быстро едем! Хотел бы я знать куда...

— Вот уж это точно не имеет никакого значения, — усмехнулся я. — Стоит нам открыть дверь...

— Кстати, меня это радует, — проворчал он. — Впрочем, сначала попробуем поспать, благо есть куда прилечь и никто не мешает. Правда, я наверняка свалюсь с этого узкого ложа, но в нашем положении следует благодарить даже за такую малость, да?

— Боюсь, что так, — согласился я.

В ту же секунду в нашу дверь довольно бесцеремонно постучали. Мелифаро сжался в комок, как тигр перед прыжком, мои пальцы сами собой сложились в угрожающую щепоть, но хриплый женский голос, донесшийся из коридора, заставил меня снова прыснуть нервным смешком.

— Мальчики, вы будете брать постель?

— Спасибо, не нужно, — давясь смехом ответил я.

Проводница (а это наверняка была она) мутно выругалась, но, хвала Магистрам, ушла: я слышал, как удаляются ее тяжелые шаги.

— Что это было? — тревожно спросил Мелифаро.

— Не обращай внимания, — отмахнулся я. — Это был сервис. Не бери в голову: мы с тобой находимся в совершенно безопасном месте — если, конечно, этот пирожок без сюрприза...

— Ну, если ты так говоришь...

Он огляделся, безнадежно махнул рукой, еще раз высунулся в окно («перед смертью не надышишься», — ехидно подумал я, но озвучивать не стал) и наконец кое-как устроился на полке. Выражение лица у него при этом было неопишное. Если бы парень был моим заклятым врагом, в этот момент я бы счел себя отмщенным. А так — пришлось преисполниться сочувствия.

Впрочем, через минуту он уже спал — в отличие от меня. Я-то, дурак, дал себе задание хорошенько поразмыслить над метаморфозами «старой Герды»... и вообще как следует обдумать наше положение.

Нет ничего хуже, чем поставить перед собой подобную цель: она

парализует разум, как невинная просьба «расскажи что-нибудь интересное» способна оборвать почти всякий монолог.

Через несколько минут я понял, что ничего путного в мою голову сегодня уже не придет, благоразумно махнул на все рукой и принялся устраиваться на ночлег. В отличие от Мелифаро, я — крупный специалист по спанью в поездах. Скажу больше: в поезде я обычно спал даже лучше, чем в собственной кровати.

Отсутствие постельного белья меня ни капельки не смущало. Когда-то я был настоящим аскетом: подушки, по моему глубокому убеждению, нужны для того, чтобы класть их под ноги, а шерстяное одеяло само по себе — отличная штука, и надо быть на редкость избалованным существом, чтобы всерьез сетовать на отсутствие пододеяльника!

Под моими опустившимися веками тут же началась настоящая метель, только вместо снежных хлопьев передо мною кружили женские лица.

Как ни странно, это были исключительно пожилые лица. Моя бабушка, единственное существо в мире, на чей счет я в первые годы своей жизни был совершенно уверен: она будет любить меня, что бы я ни натворил. Ее подружки, такие же седые, хрупкие и трогательные, как она сама, — к любой из них я мог прийти со своими смешными детскими проблемами (разбитой коленкой, поломанной игрушкой, оторвавшейся пуговицей) и получить сочувственную улыбку и практическую помощь вместо равнодушного выговора, который светил мне дома. Кругленькая, маленькая, на удивление порывистая библиотечка, которая всегда придерживала для меня самые интересные книжки. Моя школьная учительница математики — она почему-то вбила себе в голову, что я очень способный, но ленивый, и возилась со мной после уроков, пытаясь заинтриговать таблицей простых чисел. А однажды мы с ней вместе соорудили ленту Мёбиуса, которая чуть не свела меня с ума, когда я понял, ЧТО это такое. Мне пришлось старательно делать домашние задания в течение двух лет, пока она не ушла на пенсию: на отметки мне было плевать, но я боялся разбить ее сердце. Моя первая квартирная хозяйка, сутулая, коротко стриженная, с вечной папиросой в зубах и манерами героини гражданской войны. При первой встрече она меня почти напугала, а неделю спустя вдруг, ни с того ни с сего, привезла мне старенький радиоприемник. Я только-только поселился один и с удивлением выяснил, что темнота и особенно тишина одиноких ночей взвинчивают нервы до предела, но, разумеется, не рассказывал ей о своих мучениях — с какой бы это стати? И тут такой подарок. Под джазовые мелодии и неразборчивые

голоса дикторов я засыпал как младенец. И другая квартирная хозяйка, обладавшая колоритной внешностью бабы-яги и добрым сердцем сказочной феи. Раз в неделю, а то и чаще она привозила мне баночку, тускло светившуюся изнутри сладким, темно-красным янтарем вишневого варенья, — именно то, что требуется молодому человеку, чей месячный заработок почти целиком уходит на оплату жилья, а остатки прокучиваются с пугающей здравомыслящих людей скоростью. Великолепная леди Сотофа Ханемер, могущественная ведьма с манерами любящей бабушки. Неунывающая и практичная кеттарийская старушка, охотно приютившая нас с сэром Шурфом за не слишком скромную плату. И, наконец, наша гостеприимная хозяйка, которая, по утверждению Мелифаро, была очаровательной юной леди, а мне показалась идеальной кандидатурой на роль симпатичной бабы-яги...

Внезапно, как это часто бывает во сне, все кусочки мозаики сложились в цельную картину; открытие подействовало на меня как удар электрического тока, так что я не просто проснулся, но подскочил на своем жестком ложе как укушенный, умудрившись стукнуться лбом, обоими локтями и коленом в придачу — впрочем, в поезде это не так уж и сложно. Хорошо хоть «эврика» не заорал, а то перепугал бы насмерть беднягу Мелифаро — он и так жалобно постанывал во сне, не знаю уж, что за видения его там преследовали.

Я почти сразу успокоился, с головой укрылся уютным колючим одеялом и беззвучно рассмеялся от облегчения. Как же все просто, оказывается! В глубине души я всегда доверял пожилым женщинам больше, чем молодым. И, конечно, больше, чем мужчинам. Так уж складывалась моя жизнь — какие бы проблемы ни возникали у меня с окружающими, всегда непременно находились добрые бабушки, которые совершенно бескорыстно брались меня опекать.

Ну а счастливчик Мелифаро, очевидно, был стабильно удачлив в любви, так что по-настоящему расслабиться мог только в обществе юной красавицы. Он из них всегда веревки вил, я полагаю... Существо, которое показалось мне глубокой старухой, а Мелифаро — юной красоткой, было очередным наваждением и, как всякое наваждение, вряд ли стесняло себя наличием одной-единственной и по-своему неповторимой внешности. Оно выглядело в полном соответствии с нашими тайными, неосознанными ожиданиями.

Очевидно, согласно какому-то неведомому расписанию, нам в тот момент полагалась приятная остановка в безопасном месте — вот каждый из нас и получил то, что соответствовало его глубинным представлениям о

безопасности. Я оказался на «бабушкиной кухне», а Мелифаро — в гостях у миловидной барышни, которая с первого взгляда оценила его привлекательность и не стала пренебрегать возможностью более близкого знакомства.

«Ну вот, — мрачно сказал я себе, — теперь все более-менее понятно, правда? Эта реальность пластична. Но ведь то же самое можно сказать о любой другой реальности. Здесь, в Лабиринте, пластичность очевиднее, она сразу бросается в глаза — только и всего. Мир будет таким, каким ты намерен его увидеть. И кому от этого легче, дружок? Это великое открытие поможет тебе найти Гурига? Или — подумать страшно! — вернуться домой? Сомневаюсь что-то... Твои дурацкие желания хоть когда-нибудь подчинялись твоей воле? Вот то-то и оно».

Крыть было нечем. Слишком уж хорошо я себя знаю, а близкое знакомство с собой, любимым, мало кого может оставить оптимистом. И все же этой ночью, в темном купе поезда, несущегося неизвестно откуда неизвестно куда, «из пункта А в пункт В», как в школьном задачнике, ко мне вернулась счастливая способность доверять добрым предчувствиям. Я уже почти знал, что выход из Лабиринта Мёнина существует, и даже у молодых и неопытных болванов вроде нас с Мелифаро есть шанс его обнаружить.

Остаток ночи я честно проспал, уткнувшись носом в холодный пластик стены. Проснулся я не по вине оранжевых сполохов солнечного света под веками, а от прикосновений Мелифаро — увы, не слишком ласковых. Если называть вещи своими именами, он попросту бесцеремонно тряс меня за плечи, сопровождая это грубое насилие нечленораздельным лопотанием и судорожными жестами, указующими в направлении окна.

— Радость моя, я тебя ненавижу! — добродушно проворчал я, пытаюсь натянуть на голову одеяло и разом избавиться от всех насущных и грядущих проблем. — Какого черта?! Я еще не выспался, а мне нужно быть в хорошем настроении, чтобы... Ох, ну ни фиги себе!

Моя последняя реплика была адресована не столько злодею Мелифаро, сколько удивительному зрелищу за окном: это чудовище все-таки заставило меня обратить мутный взор в заданном направлении.

Ночью я был уверен, что поезд, как и давешний музейный зал с полотнами фон Явленского, — лоскуток мира, где я родился. Сходство деталей интерьера и в особенности манеры проводницы не оставляли сомнений. Но теперь я не поставил бы на эту гипотезу и жалкой дюжины горстей.

Там, за окном, не было ни диковинных растений (редкие деревья за окном смахивали на гигантские чертополохи — невелика экзотика!), ни какой-нибудь неевклидовой архитектуры, ни летающих чудищ. Даже цвет неба можно было считать вполне традиционным: бледненькая такая невнятная высь. Зато равнина, по которой мы ехали, была заполнена людьми. Полуголые человеческие существа со светлой кожей и, кажется, вполне заурядными физиономиями. Никогда прежде я не видел столько живых людей сразу, и мне в голову не приходило, что подобное зрелище может произвести столь сокрушительное впечатление.

Я прильнул к окну и замер, только мои глазные яблоки панически метались в разные стороны, наобум выхватывая то одну деталь, то другую. Некоторые человеческие существа, равнодушно потупившись, топтались на месте, другие сидели на земле, безучастно пялясь куда-то вдаль, третьи лежали на спине, уставившись в небо. Иные что-то жевали, торопливо помогая себе неловкими жестами тощих рук. А некоторые флегматично спаривались, не обращая внимания ни на окружающих, ни, кажется, даже на своих партнеров по этому невеселому действу. Судя по выражению их лиц, они даже не получали особого удовольствия от процесса.

Поезд тем временем ехал дальше, но пейзаж не менялся. Вяло колышущийся океан тел был повсюду — по крайней мере, обозримое пространство не предлагало взгляду успокоиться каким-нибудь иным зрелищем. Мелифаро нервничал. Умоляюще косился на меня, словно ждал, что я сейчас выдам пару-тройку подходящих объяснений, после которых все как-то само собой уладится.

— Что бы это могло означать, Макс? — наконец спросил он. — Ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Конечно нет, — я пожал плечами и снова поглядел в окно.

Мне наконец удалось сформулировать, что именно нас так напугало: в этом скоплении человеческих тел было нечто противоестественное. В таком количестве они уже не были людьми. По крайней мере, именно об этом панически вопило мое растревоженное подсознание. Сознание едва сдерживало страстное желание заорать дуэтом.

— Я не раз говорил, что единственный существенный недостаток людей — это их количество, — проворчал я. — Но, признаться, никогда не рассчитывал получить столь неаппетитное подтверждение своей правоты. Мне не по себе от этого зрелища, если честно.

— Мне тоже, — горячо закивал Мелифаро. — Ты извини, что я тебя разбудил. Просто нервы не выдержали.

— У меня бы тоже, пожалуй, не выдержали, — честно признался я. —

На самом деле ничего страшного. Они же не пытаются перевернуть поезд. Сидят себе и сидят... Наверное, мы попали в очень перенаселенный мир, только и всего.

— Наверное, — вздохнул Мелифаро. — Ну что, будем отсюда сматываться?

— Пожалуй, — кивнул я. — Но сначала надо бы немного исправить настроение.

— Я, собственно, именно с этой целью и предлагаю тебе делать ноги. Глядишь, повезет, попадем в какое-нибудь забавное местечко вроде вчерашней ярмарки, настроение само собой исправится.

— Нет. Надо, чтобы сначала оно исправилось, а уже потом можно совать нос в очередное пекло, — вздохнул я.

— Не понимаю я тебя, — раздраженно буркнул Мелифаро. — Это что, очередной заскок?

— Внеочередной, — ухмыльнулся я. — У меня есть теория...

— Плохо дело, — саркастически заметил мой друг. — Только твоих теорий мне сейчас не хватало. И без них тошно.

— Не ной, — строго сказал я. — Тошно ему, понимаете ли... Всем тошно.

— Особенно этим ребятам там, за окном, — подхватил Мелифаро. — Слушай, Макс, если уж ты решил отяготить свой беспомощный разум напряженным мыслительным процессом, скажи мне, будь так добр: у тебя, случайно, нет теории касательно того, как заказывать музыку в этом поганом местечке? Если уж мы обречены на вечные скитания по Лабиринту Мёнина, я бы предпочел почаще попадать к красивым покладистым девушкам. Надеюсь, ты не против?

— С какой стати я должен быть против? Я же не эльф! — фыркнул я. — Кстати, ты будешь смеяться, но моя теория касается именно...

— Погоди-ка, — перебил меня Мелифаро. — Кажется, мы подъезжаем.

— Куда? — встревожился я.

— Куда надо, туда и подъезжаем, — отрезал он. — Так что давай делать ноги. Потом изложишь свою теорию, ладно?

— Сделать ноги всегда успеем, дай посмотреть, что это за место такое, — попросил я. — Обидно, если в памяти не останется ничего кроме этих... существ.

Пейзаж за окном наконец-то переменился. Безумная голая толпа осталась где-то далеко, я едва мог различить ее смутные очертания. Впрочем, вскоре они окончательно скрылись за очередным поворотом.

Поезд подъезжал к большому городу. Высотные здания пригорода напоминали пирамиды, возведенные нерешительным зодчим: основания чуть уже, чем требует классический образец, вершины слегка усечены — на радость любителям пентхаусов. Ближе к центру дома становились все ниже; мне понравились причудливые сады на крышах и мелкие белые цветы, нежным снегом припорошившие тротуары.

Поезд замедлил ход, нырнул в темноту тоннеля. Не успели мы опомниться, а за окном уже медленно плыл пустой перрон. Еще через минуту поезд остановился, жалобно скрежеща. В дверь нашего купе отчаянно загрохотали кулаками, а из вагонов тем временем начали выходить люди с чемоданами, все как один белокурые и краснокожие — это был сочный кадмиево-алый оттенок.

— С этим миром все ясно, — угрюмо резюмировал я. — Небось красненькие — господствующая раса. Живут в этом красивом городе и наслаждаются всеми благами своей уютной цивилизации. А те ребята в степи — какие-нибудь местные «недочеловеки». Не удивлюсь, если их тут едят — неужто столько биомассы да коту под хвост? Не верю... Господи, как же это все скучно!

— Да, невесело, — мрачно согласился Мелифаро. — И мне кажется, что ты бредишь... Но это не имеет значения, правда?

— Ни малейшего, — подтвердил я.

— Вставайте, выходите, приехали! — проводница вопила так, что архангел Гавриил вполне мог бы уступить ей привилегию поднимать мертвых из могил накануне Страшного Суда и не морочиться со своей легендарной трубой.

— Пошли, Макс, — к воплям встревоженной тетki присоединился зануда Мелифаро. — Не такое уж великое удовольствие сидеть в этой конуре, чтобы держать оборону против разгневанной женщины!

Мы взялись за руки, он решительно распахнул дверь купе, мелькнули испуганные глаза и брезгливо скривившийся рот краснокожей щекастой блондинки, но мы не стали задерживаться на пороге, чтобы выяснить причины ее недовольства, а шагнули вперед и... чуть не захлебнулись ледяной влагой.

Однажды давным-давно, много-много жизней назад, мы с друзьями почти целый месяц прожили в палатке на берегу моря. Одной из наших любимых идиотских шуток было аккуратно отнести спящего к морю (алкоголь и свежий воздух способствовали мертвецкому сну) и зашвырнуть беднягу в воду, как можно дальше от берега. Мне тоже несколько раз

доставалось, так что могу свидетельствовать: эффект неописуем, особенно на рассвете, когда сон крепок, а вода холодна.

Сейчас с нами произошло нечто в таком роде: полусонные, размякшие после отдыха в тесном, жарко натопленном купе, изрядно вспотевшие, мы угодили в воду, температура которой вряд ли превышала пятнадцать градусов по Цельсию. Для короткого купания в очень жаркий день это еще худо-бедно могло бы сойти, но для затяжной утренней ванны — совершенно неприемлемо.

Хуже всего было, что вода окружала нас со всех сторон, и никакого намека на твердое дно под ногами не предвиделось.

— Грешные Магистры, опять мы влипли, — тоскливо сказал Мелифаро после того, как нам удалось восстановить дыхание и немного привыкнуть к температуре воды — насколько к ней вообще можно было привыкнуть.

— Скорее уж «вмокли», — буркнул я. — А признайся, дружище, ты ведь хотел умыться? Плеснуть в лицо прохладной водой, чтобы прогнать сонную одурь...

— Издеваешься, да? — мрачно спросил он. — Скотина ты все-таки, Макс. Редкостная.

— Не издеваюсь, а ищу подтверждение своей теории, — терпеливо объяснил я. — Я, кстати, тоже хотел умыться. Не могу сказать, что все утро упорно мечтал об умывании, но где-то на заднем плане все время крутилась такая потребность. Чего хотели, то и получили.

— Думаешь, в этом грешном Лабиринте исполняются наши желания? — презрительно фыркнул Мелифаро. — Что-то я не заметил! Если бы они исполнялись, я бы давно был дома. Ты тоже, полагаю.

— В том-то и пакость, что не все. Только неосознанные, — объяснил я, пытаюсь устроить свое тело в воде таким образом, чтобы затрачивать как можно меньше усилий на жалкое барахтанье. — Ты умеешь плавать, лежа на спине? — сочувственно спросил я Мелифаро. — Рекомендую попробовать.

— А толку-то? — сварливо спросил он. — Все равно пойдем ко дну. Не сейчас, так через полчаса.

— Не все равно, — я поймал себя на том, что пытаюсь говорить с ним, как взрослый с упрямым ребенком. Благоприобретенная разница в возрасте, поначалу казавшаяся только внешней, постепенно давала себя знать. — Человек не может долго находиться в такой холодной воде. Сердце, знаешь ли, останавливается.

— Как я его понимаю! — язвительно фыркнул мой друг.

— Но это происходит не сразу, — терпеливо продолжил я. — Поскольку мы с тобой уже убедились на собственном опыте, что смерть здесь — всего лишь способ открыть очередную дверь, значит, нам следует заботиться только об одном: умереть как можно комфортнее. А замерзать гораздо приятнее, чем тонуть. Скоро тебе покажется, что стало тепло.

— Правда? — ехидно переспросил Мелифаро. — Скорее бы уж!

— Вода холодная, так что все произойдет довольно быстро, — горько усмехнулся я. — Гарантирую.

— Дай руку! — Он распластался на воде рядом со мной и тяжело вздохнул: — Хочешь, я расскажу тебе о своем самом большом страхе последних дней? Я боюсь, что однажды мы с тобой умрем не одновременно, а поочередно, и потом оживем в разных местах. Я сойду с ума, если рядом не будет твоей паскудной морды, дружище!

— Да, — согласился я. — Это было бы скверно.

— Иногда мне кажется, что я не смогу расстаться с тобой, даже если мы когда-нибудь выберемся отсюда, — он засмеялся отрывистым лающим смехом, тут же захлебнулся и немного успокоился. — Нам придется поселиться вместе, причем не просто в одном доме, а в одной комнате. Плакала моя личная жизнь!

— Ничего, — утешил его я, — буду отворачиваться в случае нужды. Или научусь превращаться в ночной столик. Уверен, невелика наука.

— Ты был прав, я уже чувствую, что согрелся, — удивленно признался Мелифаро.

— Хороший признак, — кивнул я. — Значит, смерть уже рядом. Давай-ка действительно возьму тебя за руку, а то и правда потеряемся.

— Расскажи мне свою теорию, — попросил Мелифаро. — Что ты там говорил об исполнении желаний? И почему ты уверен, что мы угодили в этот океан лишь потому, что хотели умыться? Почему в таком случае не в чью-нибудь ванную комнату?

— Потому что у нас было скверное настроение, — объяснил я. — Насмотрелись на всякие страсти из окна, да еще и тетка эта орала как чумная... Мне кажется, реальность Лабиринта очень чутко реагирует именно на настроение. Помнишь, в каком славном расположении духа мы попали на ярмарку, где хозяйничали все эти милые тетки? Мы хорошо отдохнули у Старой Герды, нас накормили, переодели... тебя еще и приласкали. Мы перестали бояться и ждать подвоха. И все было хорошо, мы оказались на этой безумной ярмарке: весело, безопасно, кормят на халяву, да еще и след нашего беглого Короля там обнаружился. Потом мы захотели спать, да так сильно, что нас больше ничего не интересовало. И

тут же попали не куда-нибудь, а в спальный вагон поезда. Правда, он был частью довольно неприглядного мира, ну да это уже дело десятое. Помнишь, я говорил тебе, что надо сначала исправить настроение, а уже потом соваться в дверь? Ну вот...

Я так увлекся изложением своей свеженькой теории, что на время забыл о нашем бедственном, откровенно говоря, положении.

— А когда мы умираем? — вяло спросил Мелифаро. — Куда мы попадаем в этом грешном Лабиринте после смерти?

— Еще не знаю, — честно признался я. — Но, по-моему, это как раз абсолютно вне нашего контроля. Что-то вроде лотереи. Как повезет.

— Знаешь, я только что понял, что забыл в этом проклятом сарае на колесах сумку с гостинцами нашей подружки, — печально признался мой друг. — Впрочем, запасы нам бы все равно здесь негодились. Кстати, что бы ты там ни говорил, а она была очень хороша. Мне даже жаль, что ты видел ее только в образе старухи... Слушай, я очень не хочу еще раз умирать. Не хочу становиться еще младше и глупее — куда уж дальше! И не хочу, чтобы ты старел. Вдруг потом окажется, что это нельзя исправить?

— Я тоже не хочу, — вздохнул я. — А толку-то? Есть конструктивные предложения?

— Нет, — печально признался он. — Но когда мы снова оживем... Макс, я постараюсь все время быть в хорошем настроении. И ты тоже постарайся, ладно? Вдруг ты прав со своей дурацкой теорией, и это поможет... Я больше не хочу так влипать! Ни за что. Где там твоя рука? Слушай, я почему-то боюсь. Это ненормально — вот так спокойно лежать на воде и ждать смерти. Это сводит меня с ума.

— Погоди-ка, — изумленно сказал я. — Есть идея. Сейчас будем развлекаться. Ты раздеться сможешь?

— Без проблем, — вяло согласился Мелифаро. Потом его природное ехидство взяло верх над меланхолией, и он спросил: — Ты что, хочешь посмотреть на меня голенького напоследок?

— Да, вот уж воистину предсмертное утешение! — фыркнул я. — Давай-давай, снимай свою куртку, да смотри, чтобы она не ушла камнем на дно. Штаны можешь оставить, а то еще утонешь, запутавшись в штанинах. К тому же без них тебе будет неловко, если мы, не приведи господи, окажемся в каком-нибудь населенном месте.

— Макс, что ты затеял? — возбужденно спросил Мелифаро, вытаскивая руку из узкого рукава мокрой тяжелой куртки.

— Я пытаюсь нас спасти, — честно сказал я. — Терять все равно нечего, так почему бы не попробовать побарахтаться? Помнишь, из какой

фигни мы построили арку, перед тем как попали к твоей зазнобе, Старой Герде? И ведь сработало... Я хочу попробовать соорудить из наших шмоток что-то вроде заколдованного круга на воде — чем не вход? Лишь бы мое сооружение продержалось на поверхности хоть несколько секунд, пока мы туда занырнем.

— Макс, — прочувствованно сказал Мелифаро, — в глубине души я всегда полагал, что ты кретин, а я — гений. Жизнь рассудила иначе, но мне ни капельки не обидно. У меня уже пальцы не слушаются, но это ерунда, я с ними разберусь. Что надо делать?

— Рвать рубашку. На полосы. И связывать их между собой, чем скорее, тем лучше. У меня тоже левая рука почти отнялась. Надо успеть, пока мы еще можем хоть как-то шевелиться.

Потом было несколько минут абсолютного кошмара. Раздеваться, бултыхаясь в воде, — само по себе то еще удовольствие. Рвать рубашки из прочной, вурдалаки бы ее съели, ткани, непослушными руками связывать куски тяжелой мокрой материи... Неописуемо! Но мы сделали это, потому что человек, которому нечего терять, способен на все. Наверное, это и есть та самая Истинная Магия, которая остается при нас даже там, где обыденная волшба Сердца Мира и хитроумные чудеса наших могущественных учителей перестают работать.

Мы свернули жгут материи в уродливое кривое кольцо, достаточно широкое, чтобы два полуголых человека могли одновременно нырнуть в него, как дрессированные дельфины в аквапарке. Мы завязали последний узел, посмотрели друг на друга безумными от внезапной дикой надежды глазами («мы молодцы, дружище», — хрипло сказал кто-то из нас; я слышал эти слова, но так и не понял, чьи губы произвели их на свет) и одновременно разжали руки. Матерчатый круг тут же начал тонуть, но мы успели проскользнуть в эти ненадежные ворота.

Когда я понял, что мое тело больше не погружено в воду, я, кажется, самым вульгарным образом потерял сознание. Последнее, что я ощутил, — железная хватка Мелифаро. Удивительно еще, что он не сломал мне запястье. Я отделался багровым браслетом, который оставался при мне еще много дней, то и дело причудливо изменяя оттенки, как это свойственно лишь закатам и синякам.

Я пришел в себя и долго не открывал глаза, наслаждаясь удивительными мелкими подробностями из жизни своего тела. Ему было тепло, сухо и вообще очень хорошо. Оно лежало на чем-то мягком и было укрыто чем-то не менее мягким. Почему-то я боялся, что весь этот

неземной кайф может закончиться, если я открою глаза и пойму, куда попал.

— Эй, Макс, не притворяйся. Я же вижу, что ты уже оклемался! — весело сказал Мелифаро. — Какой ты все-таки молодец! Мы попали в очень славное место, отсюда даже уходить будет жалко. Наверное, это награда за хорошее поведение. Приют для усталых героев, которые никогда не сдаются.

— А теперь еще раз и помедленнее, — проворчал я. — Я пока совершенно не соображаю, душа моя!

— Ну, положим, это твое нормальное состояние, — жизнерадостно заявил мой друг. — И вообще, соображать сейчас совершенно не обязательно. Лучше просто приходи в себя: мне без тебя скучно. Кстати, хочешь согреться? Здесь имеется полный кувшин грандиозного горячего пойла... вернее, уже полкувшина, потому что я его дегустировал. Будешь делать вид, что тебе еще дурно, — додегустирую до дна, так и знай!

— Давай сюда свое пойло, — великодушно согласился я. — Ты и мертвого уломаешь.

Я осторожно приоткрыл один глаз, а потом и другой.

Вопреки моим потаенным опасениям, сладостное наваждение не рассеялось. Я обнаружил, что лежу на широком мягком диване, под толстым клетчатым пледом. Диван стоял в углу большой комнаты, заставленной громоздкой, но душевной мебелью, очертания которой показались мне вполне привычными, а назначение — поддающимся осмыслению. Самым экстравагантным предметом обстановки был огромный, в полстены, камин. Там приветливо потрескивали поленья и деловито суеился живой огонь. В центре помещения царил круглый обеденный стол таких размеров, что на нем вполне можно было проводить конкурс бальных танцев. Вокруг стола скакал мой друг, бодрый, как борзая в начале охоты. Три окна выходили в заснеженный двор.

Я встал, закутался в плед (разлучить меня с колючим прямоугольником толстой клетчатой ткани сейчас можно было лишь силой, да и то, честно говоря, сомневаюсь). Подошел к окну, с удовольствием отметил, что ноги меня очень даже держат, уселся на широкий, отделанный деревом подоконник. Долго разглядывал темные лоскуты вечнозеленого кустарника, выбивающиеся из сугробов, как непослушные вихры из-под шапки школьника. Снежные хлопья медленно кружились в воздухе. Одни опускались на землю, другие, подхваченные ветром, взлетали вверх. Получалось, что снег идет одновременно и вверх, и вниз. Это умиротворяло.

Мелифаро наконец подошел ко мне с кружкой. Он был одет в яркий свитер и зеленые лыжные брюки, на ногах красовались толстые полосатые носки, расцветка которых имитировала радужный спектр. То еще зрелище, честно говоря!

— Снег, — неуверенно сказал он. — Это ведь настоящий снег, не теплая каша, по которой мы брели в том пекле?

— Снег, — согласился я, осторожно пробуя незнакомое питье, которое оказалось экзотической разновидностью очень слабого грога. — Всего лишь снег, зато настоящий. Влажная соль небес. Перхоть ангелов. Звездный пух.

— Ты чего? — изумленно спросил Мелифаро. — Так называют снег на твоей родине?

— Так называю снег только я, насколько мне известно, — залпом прикончив содержимое кружки, я стал сентиментален и словоохотлив. — Не обращай внимания. Когда-то я писал дрянные стихи, дружище. Порой это дает о себе знать, особенно после переохлаждения, как застарелый радикулит... Скажи лучше, как мы сюда попали? Я позорно отрубился в самый интересный момент.

— Да, я заметил, — ехидно согласился он. — Ну как... Обыкновенно попали, как всегда. Нырнули, и я почти сразу почувствовал, что воды больше нет, а под животом что-то теплое и колючее. Оказалось — ковер. Рядом валялся ты, бессмысленный и бесполезный. Но я не стал выбрасывать твою практически бездыханную тушку на задний двор, прозорливо рассудив, что ты мне еще пригодишься. Поэтому я заботливо возложил твой прах на ложе и даже укрыл его первой попавшейся тряпкой, чтобы глаза не мозолил... А уж потом — заметь, только потом! — занялся собой. Из всего вышесказанного ты должен сделать вывод: я — твой лучший друг, и без меня ты давным-давно пропал бы.

— Ясно, — улыбнулся я. — Ладно, могу сделать такой вывод, если хочешь.

Я соскользнул с подоконника, обошел комнату по периметру, рассеянно разглядывая мелкие детали интерьера, открыл тяжелую створку огромного шкафа. Его содержимое соответствовало моим самым дерзким ожиданиям: здесь было полным-полно теплой одежды вполне приемлемых фасонов и расцветок. Порывшись в этом добре, я нашел уютный толстый свитер из некрашеной белой шерсти и не менее уютные мягкие фланелевые брюки. Переоделся. Мелифаро наблюдал за моими действиями с сочувственным интересом.

— Похоже на ташерскую пижаму, — вздохнул он. — Как, впрочем, и

мой костюм. Но мой, по крайней мере, похож на нарядную ташерскую пижаму!

Я благородно воздержался от комментариев по поводу его экипировки, хотя тема, конечно, была благодатная.

Потом мы устроились в уютных глубоких креслах. Я нашел на каминной полке трубку и табак, что повергло меня в благоговейный восторг. Мелифаро терпеливо ждал, пока я завершу возню с этими священными предметами. Для человека его темперамента — вполне подвиг.

— Макс, — наконец начал он. — Объясни мне, пожалуйста, как мы с тобой будем жить дальше.

— Долго и счастливо, блин! — хмыкнул я. — Ты это хотел от меня услышать?

— Не валяй дурака, — сердито сказал мой друг. — Когда мы болтались в океане, ты излагал некую теорию: дескать, здесь все зависит от нашего настроения. Надеюсь, ты не очень обидишься, если я скажу, что в тот момент мне было довольно трудно сконцентрироваться? Поэтому я хочу послушать тебя еще раз.

— Самое главное ты запомнил, — я пожал плечами. — А все остальное — так, лирика. Да, я почти уверен, что здесь все зависит только от нашего настроения. Я сейчас думаю, что Джуффин совершил роковую ошибку, когда честно сказал нам с тобой, что Лабиринт Мёнина, скорее всего, страшное место. Если бы он придумал что-нибудь обнадеживающее: дескать, это такой волшебный цирк для заскучавших юных колдунов или огромный квартал Свиданий для заблудившихся между Мирами... Думаю, никакой жабы не было бы. Ни жабы, ни болота, ни этого пекла с манной кашей под ногами и сапфировым восходом для поэтически настроенных мертвецов. Даже волосатые люди и свалка до горизонта вряд ли попались бы нам на глаза. Мы бы перелетали, как беззаботные птички, с одной ярмарки на другую, не успевая запомнить имена своих случайных подружек... Кстати, я почти уверен, что именно таким образом проводит время наше блудное Величество.

— Потому что он, в отличие от нас, не привык ждать от жизни крупных неприятностей? — Мелифаро понимающе поднял брови. — Ну да, короли — существа избалованные. И, кроме того, Гуриг не имел удовольствия насладиться на дорожку устрашающей лекцией сэра Джуффина о Лабиринте. Возможно, он вообще так и не понял, куда попал, да?

— Ну наконец-то! Узнаю старого доброго сэра Мелифаро, —

рассмеялся я. —ловишь на лету, ощипываешь и потрошишь.

— Ага, потрошу помаленьку, — с комичной серьезностью подтвердил он.

Какое-то время мы молчали. Я курил трубку, мой спутник задумчиво крутил в руках опустевший кувшин. Потом он встал и устроил тщательный обыск помещения на предмет съестных припасов. Довольно долго казалось, что нам ничего не светит, так что поневоле придется покинуть этот рай земной в поисках куска хлеба. Но на десятой примерно минуте поисков нам повезло: в одном из шкафов Мелифаро нашел большой холщовый мешок с настоящими грецкими орехами, банку сардин, коробку шоколадных конфет и аккуратный деревянный бочонок, до отказа набитый сухофруктами. Напоследок он извлек оттуда бутылку коньяка неизвестной мне марки.

— А это что такое? — с надеждой спросил он. — Никак выпивка?

— Она самая, — благодушно согласился я.

— Значит, живем. Не знаю, как ты, а я твердо намерен отныне передвигаться по Лабиринту в легком подпитии. Вдруг поможет?

— Можно попробовать, — я пожал плечами. — Хуже не будет, это точно. Только я не хочу прямо сейчас отсюда уходить. Если и есть в Лабиринте Мёнина место, где можно восстановить душевное равновесие, то мы его уже нашли.

— Ну конечно не сейчас! — с энтузиазмом закивал Мелифаро. — Но по рюмке-другой этой штуки можно пропустить не откладывая.

— Можно, — благодушно кивнул я. — Даже нужно. Будем потягивать коньяк и трепаться о всякой чепухе. Например, о девушках. Учти, дружище, это твой единственный и неповторимый шанс рассказать мне все свои охотничьи истории сразу! Не упusti его.

— Но почему именно о девушках? — удивился он.

— Да нет, не обязательно. Но это самая благодатная тема для пустого трепы, — объяснил я. — Глядишь, потом и у меня язык развяжется... Знаешь, мне кажется, что нам надо как следует расслабиться, отвлечься и хоть немного поглупеть. Я хочу набить голову чепухой до отказа, чтобы мне даже ночью снились подружки твоей юности, а не гигантские жабы. Я хочу проснуться счастливым идиотом, тяпнуть еще рюмку и отправиться на поиски новых приключений и забав, а не обреченно соваться в очередную ловушку, плача по своей загубленной жизни.

— Слишком эмоционально, но по сути верно, дяденька, — снисходительно согласился Мелифаро. — Но учти: тебя подстерегает опасность, о которой ты пока не подозреваешь. После того как я закончу

доклад о своих похождениях, ты повесишься от зависти, бедолага.

— Ну да, если учесть, что твои холостяцкие похождения продолжались чуть ли не сотню лет, а мои — чуть больше десяти... — понимающе ухмыльнулся я. — Ничего, переживу как-нибудь.

Вечер прошел в полном соответствии с моим сценарием. Выцедив полбутылки коньяку на двоих, мы не опьянели, а размякли — что, собственно говоря, и требовалось. Я мог себя поздравить: одно дело постоянно совершать все новые чудеса, не очень-то понимая, почему они мне удаются, и совсем другое — взять власть над собственным переменчивым настроением. Стиснуть зубы и очертя голову рвануть навстречу неприятности могут многие: тут требуется не столько врожденное мужество, сколько благоприобретенная привычка действовать, не обращая внимание на страх. Но стать счастливым болваном в самом сердце наихудшей из неприятностей, в какие мне когда-либо доводилось влипать, — признаться, я и не надеялся, что такое возможно. Тем не менее первую попытку можно было считать успешной. Поначалу я фальшивил, но потом вошел во вкус.

Умиротворенные, мы расплзлись по диванам, благо чего-чего, а диванов в этом помещении было в избытке. И — вот уж воистину чудо! — мне удалось проснуться все в том же легкомысленном и немного рассеянном расположении духа. За окном деловито щебетала какая-то птичья мелочь. Снег больше не падал, на чистом бледненьком небе посиротски стеснительно улыбалось зимнее солнышко. Мелифаро сидел на спинке кресла, одетый, как человек, собравшийся в дальний путь (небось опять потрошил шкафы!), и с видом великомученика грыз орехи.

— Здоров ты все-таки спать, сэр Макс! — укоризненно сказал он. — Я тут уже часа два в полном одиночестве жизни радуюсь. Еще немного — и на стенку полез бы.

— Ну и слазал бы. Зачем отказывать себе в таких пустяках? Поупражняйся, пока я буду совершать утренний туалет, — благодушно огрызнулся я. Открыл окно, зачерпнул с подоконника пригоршню снега и с удовольствием умылся.

— Рекомендуешь? — заинтересованно спросил Мелифаро.

— Рекомендую, — кивнул я. — Ну что, ты готов продолжать путешествие?

— Ну... можно попробовать, — нерешительно согласился он. — Только я бы пропустил глоточек для храбрости.

— А зачем тебе храбрость? — рассмеялся я. Слепил снежок и запустил им в своего приятеля. Промазал, конечно. Но оно и к лучшему: сэр

Мелифаро принадлежит к той породе людей, на радость которым кинематографисты снимают комедии положений: драки тортами, бесконечные попытки сесть мимо стула, сцены борьбы с крутящейся дверью и падения с лестниц. Чужие промахи делают этих ребят счастливыми, так уж они устроены.

Поэтому, когда я решительно распахнул дверь, лучезарное настроение было уже у нас обоих.

Сразу стало темно. Немного поморгав, я убедился, что это не темнота, а полумрак, который лишь щадит зрение, а не оставляет его вовсе без дела. Меня оглушил внезапный грохот, который, как оказалось чуть позже, был всего лишь шумом аплодисментов, перемежающихся восторженным ревом, стуком кулаков и ног.

— Да, так на нашу вечеринку еще никто не приходил! Вот это фокус так фокус! Как и было обещано, угощение за счет заведения за лучший сюрприз выходного дня!

К нам подошел невысокий шустрый крепыш в оранжевой безрукавке и длинной юбке из плотной ткани, колоколом стоявшей вокруг его ног. Рыжие волосы заплетены в мелкие косички, на левой щеке фантастическая цветная татуировка, изображающая угрюмого вида восьмипалое чудище.

— Молодца, парни! — снисходительно сказал он, похлопав по плечу сперва Мелифаро, а потом и меня. — Ну вы дали жару. Только что не было — и вот, нате, уже есть! Уважаю. Что пить будете?

— Что-нибудь на твой выбор, лишь бы побольше, — царственно отвечивал Мелифаро. — Макс, не стой как столб. Видишь, там в углу есть пустой столик.

Усевшись и оглядевшись по сторонам, я понял, что мы находимся в очень большом баре — не слишком чистом и элегантном, но благодаря слабому леденечно-желтому свету маленьких свечек, расставленных расчетливой рукой скупца, эти недостатки не слишком отравляли существование. Кроме нас здесь было еще не меньше сотни посетителей. Как и рыжий хозяин, обещавший нам дармовую выпивку, они были одеты с умеренной экстравагантностью цивилизованных дикарей на отдыхе.

Рыжий, кстати сказать, сдержал слово. Принес два объемистых керамических стакана, источавших ароматы спирта, хвои и яблок.

— Фирменная настойка по рецепту моего деда! — гордо сказал он. — Самая дорогая выпивка в моем заведении. Но мне не жалко. Гостям, которые полагаются на мой вкус, я ни в чем не могу отказать.

Дядя наверняка рассчитывал на полноценное дружеское общение, но

его позвали другие клиенты. Он досадливо сплюнул, неразборчиво выругался, шутовски откланялся и торопливо засеменил к стойке. Это выглядело довольно комично: в такой длинной юбке не очень-то побегаешь!

— Макс, ты был абсолютно прав! — хихикнул Мелифаро, когда мы снова остались одни. Я вопросительно поднял бровь, и он пояснил: — Я только что убедился: все действительно зависит от нас. Когда мы уходили, я вспомнил, что у нас осталось всего полбутылки этого крепкого пойла. Даже меньше, если честно: я ночью еще пару раз приложился... И подумал, что на большое путешествие этого не хватит. И вот, пожалуйста: нас тут же пичкают бесплатной выпивкой. Кажется, ее даже больше, чем требуется... Ну да это дело поправимое.

— Алкоголик несчастный! — фыркнул я. — Вот начну давать волю своим низменным инстинктам — ты у меня еще попляшешь!

— А что, дай, это было бы интересно, — развеселился он. Лукаво покосился на меня из-за стакана и таинственным шепотом заявил: — Макс, по-моему, у нас получилось!

— По крайней мере, начинает получаться, — осторожно согласился я. — Стратегия выбрана верно. Плохо одно: все-таки мы с тобой не слишком избалованные мальчишки. Куда уж нам до Его Величества!

— Значит, надо избаловаться, — решительно сказал Мелифаро. — Срочно. Немедленно.

— Ага. Скорее, пока не началось! — фыркнул я. И демонстративно отхлебнул ароматной хвойно-яблочной водки. — Жаль, что моего приятеля Андэ Пу с нами нет: в его компании мы бы с самого начала были обречены скитаться по бесконечным дармовым пирушкам да банкетам.

— Выходит, этот толстяк мудрее, чем мы, — философски резюмировал мой друг. — Ничего не попишешь, придется зажигать без него.

Я уже порядком расслабился, но продолжал работать над собой в том же благодатном направлении. «Все идет хорошо, — повторял я про себя. — Все идет хорошо. Я хочу быть счастливым. Я хочу получать удовольствие. Меня ждут тысячи, сотни тысяч радостей, иначе и быть не может. Все идет хорошо, теперь будет только лучше и лучше».

Хвала аллаху, я легко становлюсь жертвой самовнушения. Накрутить себя — плевое дело, о чем бы ни шла речь. Теперь эта слабость работала на меня — кто бы мог подумать! Все для фронта, все для победы.

Удивительное дело, кажется, я искренне уверовал в наше светлое будущее. Даже на заднем дворе сознания, где обычно имеется уютная мусорная кучка для отброшенных сомнений, на сей раз было тщательно

прибрано.

— Ма-акс, — почти промурлыкал Мелифаро. — Надираться в самом начале вечеринки — дурной тон.

— А кто надирается-то? — я почти возмутился.

— Я, — доверительно шепнул он. — Еще пара глотков, и тебе станет со мной скучно... Или, напротив, слишком весело. Идем, пока не поздно, посмотрим, чем нас собираются угостить в иных Мирах. Как, по-твоему, в какой стороне здесь выход?

— А Магистры его знают. Но где-нибудь он непременно есть, иначе они бы так не удивлялись, когда мы появились из ниоткуда.

Мы немного потолкались между столиками в поисках двери. Боковым зрением я успел заметить, что на плече одного из посетителей сидел огромный, размером с котенка, таракан; двое или трое гуляк были многоруки, как изображения Шивы; один щеголял роскошной лисьей головой; компания за дальним столиком была сплошь крылата... Что, впрочем, совершенно не мешало ребятам быть всего лишь веселой компанией добропорядочных бургеров. Они и гуляли соответственно, с обильными возлияниями, плотными закусками, застольными шутками и регулярными попытками хорового пения: вразнобой, зато от души.

Дверь мы в конце концов нашли и не замедлили ею воспользоваться.

Шагнув за порог приютившего нас бара, мы оказались на необъятном лугу. Было тепло, но не жарко. Сочная изумрудно-зеленая трава доходила мне до пояса. Маленькая голубая бабочка бесстрашно опустилась на травинку в нескольких шагах от меня, немного покопошилась там, улаживая какие-то, несомненно, важные, но недоступные убогому человеческому разуму дела, и улетела. На смену бабочке тут же пришла переливчато-малиновая стрекоза, вестница близкой воды.

На краю луга мой наметанный глаз сразу же углядел густой кустарник. Я был готов спорить, что там еще и ягоды имеются, причем съедобные, а не какая-нибудь белена.

— Грешные Магистры! — прочувствованно сказал я. — Мы в раю, дружище!

— Я не слишком силен в теологических науках твоей далекой родины, — ехидно заметил Мелифаро. — Но если рай — это место, где можно справить нужду, выспаться и искупаться, не переступая для этого ни одного злокозненного порога, то ты абсолютно прав!

— Какие мы практичные! — фыркнул я.

— Можно подумать, у нас с тобой не общие проблемы, — добродушно

отмахнулся он. — Кстати, Макс, имей в виду: я тебя обожаю. Твоя теория работает. Еще немного, и я даже перестану проситься домой: чего я там не видел!

В высшей степени удачное соединение луга, густого кустарника, теплой погоды, глубокого оврага и полноводного ручья, помноженное на отсутствие людей и крупных животных, действительно позволяло разом решить кучу насущных проблем, способных отравить даже самое комфортное существование в Лабиринте.

После выполнения гигиенических процедур первой необходимости Мелифаро завалился спать в густую траву, восхищенно пробормотав напоследок, что в таком славном месте можно не бояться даже похмелья. Мне спать не хотелось, но я с удовольствием вытянулся неподалеку. Лежал, смотрел в небо, по которому медленно ползли красноватые облака. Кажется, я был абсолютно, неподдельно счастлив: человеческая природа все-таки причудливая штука! В конце концов я задремал, убаюканный не столько несколькими глотками давешней водки, сколько собственной безмятежностью.

* * *

Память, ошалевшая от пестроты захлестнувшего нас бытия, смешала в одну непрерывную карнавальную ночь все обрывки реальностей, которые разноцветными повязками поочередно опускались нам на глаза. Мы с Мелифаро кочевали по злачным закоулками Лабиринта Мёнина с безмятежным бесстрашием американских студентов, приехавших на каникулы в Европу. Лоскутный уют уличных кафе сменялся неоновым великолепием игровых комнат, палубы прогулочных яхт — дымными подземельями баров, мелодичный шум танцевальных залов — безмятежной тишиной лесов. Мы ели опьяняющие фрукты в заболоченном саду, где от дерева к дереву были протянуты шаткие мостики, сплетенные из прочной травы, пахнущей мятой; мы учились срезать с поясов чужие кошельки на жемчужном рынке при обманчивом свете пятнадцати крошечных лун; вполуха слушали птичий щебет рыжеволосых красоток, скорых на любовь и на ссору, — они встретились нам на медно-красном песке взбудораженного маскарадом пляжа; кормили из рук многокрылых лиловых птиц, добродушных и неуклюжих, как голуби, но не столь пугливых; отчаянно фальшивили, распевая какие-то вакхические гимны в компании веселых амазонок, чей смех разбудил нас однажды на рассвете в

густом белоствольном лесу; отчаянно зевали на цирковом представлении под чужим изумрудно-зеленым небом и отсыпались в роскошно обставленном номере отеля — без окон, но с прозрачным потолком, сквозь который можно было наблюдать за медленным движением незнакомых переменчивых созвездий. Как-то раз печальные худые люди в белых одеждах бросились нам в ноги и объявили освободителями — мы так и не смогли понять, от чего именно «освободили» этих бедняг, но в пирушке, посвященной счастливому событию, с удовольствием поучаствовали. А однажды нас приняли за бродячих актеров и заплатили за грядущее представление мелкими прозрачными монетками, которые почти сразу же — стоило лишь переступить очередной порог — стали бесполезными сувенирами. Жаль, конечно: вскоре после этого мы курили кальян в обитой голубым бархатом нише огромного полутемного зала и смутились, как школьники, когда явился хозяин курильни, дабы потребовать плату за несколько глотков сладкого дыма; впрочем, заплетающиеся ноги тут же унесли нас в другую реальность — туда, где мы еще не успели наделать долгов.

Каждый эпизод — как щепоть тмина в кружке с горячим вином: чуть изменяет вкус напитка, который, в сущности, остается прежним. Самое главное, нас больше никто не пытался убить. Несколько пустяковых недоразумений (вроде шумной ссоры с рыжими щебетуньями на морском берегу или неловкого инцидента в голубой курильне) лишь забавляли нас, придавали нашим гедонистическим странствиям терпкий привкус настоящей авантюры.

— Эй, парень, ты еще помнишь, откуда мы пришли? — изредка спрашивал один из нас. — Ты помнишь, кто мы?

Вопрос, на который не следовало отвечать честно, потому что честный ответ мог взорвать по-детски безмятежное настроение тех дней — единственное наше достояние, единственное оружие, которое стоит брать с собой, когда идешь в Лабиринт Мёнина.

Честный ответ звучал бы примерно так: «Почти не помню». Или, в лучшем случае: «Кажется, помню». Он не предполагал уверенной интонации. Не оставлял ни малейшего шанса на определенность. Нельзя сказать, будто мы больше не хотели вернуться домой, — просто мы то и дело забывали, что хотим вернуться.

Я до сих пор не знаю, почему нам так повезло. Нашей заслуги тут не было, к этому моменту мы с Мелифаро почти перестали вспоминать о том, какая причина привела нас в Лабиринт. Наверное, таинственный хозяин

Лабиринта, старый хитрый кот, вдоволь наигрался с пойманными мышатами и решил, что хватит, хорошего понемножку. Мы ему изрядно надоели, после того как усвоили правила игры, — так я иногда думаю.

Как бы там ни было, но когда я внезапно увидел знакомые очертания тонкого профиля на фоне белой стены (это был маленький город в горах, украшенный цветами и бумажными фонарями по поводу то ли предстоящего, то ли уже завершившегося праздника, и мы с Мелифаро слонялись по улицам, лениво соображая, следует ли нам оставаться здесь до вечера или сразу отправляться дальше), мой задремавший было разум взвыл, как пароходная сирена.

— Гуриг! — не своим голосом заорал я, дергая за рукав Мелифаро. — Вон он, там.

— Ты оторвал мне рукав, — изумленно констатировал мой спутник, с неподдельным интересом разглядывая пух цветных ниток на границе треснувшей материи, но я уже был на другой стороне улицы и мертвой хваткой вцепился в локоть обладателя профиля, знакомого каждому гражданину Соединенного Королевства, хоть раз державшему в руках деньги. Наверное, я перестарался. Расслабленный профиль прохожего тут же преобразовался в негодующий фас. Но гнев быстро сменился счастливым удивлением.

— Сэр Макс, вы тоже тут? Какая приятная неожиданность!

— Какая приятная неожиданность, — механически повторил я, чувствуя, как предательски расслабляются мышцы лица и тошнотворно мелкая дрожь сотрясает губы. На смену смутным представлениям о том, что где-то есть «дом» — место, откуда я когда-то ушел и уже вряд ли смогу вернуться, — пришло яркое воспоминание, больше похожее на внезапное озарение. Два противоречивых чувства раздирали меня на части: с одной стороны, я был готов взвыть от тоски по мозаичным мостовым Ехо, с другой — у меня голова кругом шла от восторженной надежды. «Теперь мы можем вернуться домой, — ошеломленно думал я. — Теперь мы вернемся».

— Сэр Макс, вы неважно выглядите, — сочувственно сказала наше блудное Величество, доброжелательно похлопывая меня по плечу. — Оказывается, приключения не всем идут на пользу. А кто этот юноша? Кажется, я его знаю?

«Юноша» торопливой, но неуверенной походкой приближался к нам. Судя по выражению лица, разум Мелифаро скрипел и гнулся под натиском той же бури смятенных чувств, что уже несколько секунд терзала меня самого.

— Безусловно знаете, Ваше Величество. Это мой коллега, сын сэра Манги Мелифаро, — объяснил я Королю.

Собственный голос казался мне чужим, как порой кажутся чужими голоса домочадцев, услышанные сквозь сон.

— Мы с ним ищем вас, сэр, — укоризненно добавил я. — Уже очень долго ищем. Я давно потерял счет дням.

— Это верно, здесь нет дней, которые можно было бы считать, — рассеянно согласился Гуриг. Потом осознал значение моих слов, нахмурился, посмотрел исподлобья: — Говорите, вы ищете меня? Но с какой стати?

Воцарилась напряженная пауза, которая совершенно не увязывалась с моими мечтами о нашей встрече с «заблудившимся» монархом. Я-то думал, он на шею нам, своим «спасителям», бросится.

— Впрочем, я, кажется, понимаю. — Красивое лицо Короля потускнело, словно кто-то задул свечу, освещавшую его изнутри. — Сейчас вы скажете мне, что Соединенное Королевство не может и дня прожить без «соединяющего» его Короля, и сэр Джуффин Халли отправил вас по моим следам. Как монарх я одобряю его действия; как частное лицо я прикидываю, как бы скрыться от вас в ближайшем дверном проеме... Не надо так сжимать мой локоть, сэр Макс, никуда я от вас не убегу, а руку вы мне, пожалуй, сломаете.

— Извините, — растерянно сказал я и немного ослабил хватку. — Вы совершенно правы, именно это я и собирался вам сообщить, слово в слово. Признаться, мне как-то не приходило в голову, что вы не захотите вернуться домой. Даже не знаю, как быть, если...

— Я не буду убегать от вас, — мягко перебил меня Гуриг. — Да что с вами, господа? На вас обоих лица нет. Что-то не так?

— Все в порядке, — вздохнул я (Мелифаро молчаливым призраком стоял рядом и не мигая смотрел на Короля: караулил добычу). — Просто мы уже давно перестали надеяться, что найдем вас и сможем вернуться домой...

— А вы очень хотите вернуться в Ехо? — с дружелюбным любопытством уточнил Король. — Что до меня, я бы с радостью остался в этом переменчивом мире. За минувшие дни я успел убедиться, что мой настоящий дом скорее здесь, чем в Замке Рулх. Но Джуффин, разумеется, прав, я должен вернуться. Если бы у меня был законный наследник, я мог бы позволить себе роскошь послать вас к Темным Магистрам и продолжить прогулку, а так... Нехорошо оставлять у себя за спиной смуту. Вы бы все-таки отпустили мою руку, сэр Макс. Это не хитрость, я вас не обманываю.

— Королевскому слову следует верить, — галантно согласился я. Но локоть блудного монарха выпустил крайне неохотно.

— Что ж, мой покойный отец говорил, что промедление — недостойная манера поведения, — вздохнул Гуриг. — Домой так домой.

Мелифаро вытаращил глаза и открыл было рот. Полагаю, он собирался спросить, каким образом Король собирается вернуться в Ехо, но я заставил его промолчать одним яростным взглядом. Я начинал понимать, что возвращение домой было проблемой только для нас; Его Величество Гуриг Восьмой ни на секунду не сомневался, что может оказаться дома, как только пожелает. Просто до сих пор он такого желания не испытывал.

Хвала Магистрам, что Мелифаро вовремя заткнулся! Возможно, его закономерный вопрос мог бы заронить зерно сомнения в пытливый разум Короля, и кто знает, не обрекло ли бы нас это печальное недоразумение на еще одну вечность бесцельных скитаний по Лабиринту?

— Предвижу, сэр Макс, что когда-нибудь вы поймете, сколь велика жертва, которую я приношу сегодня, — торжественно сказал Король. — Этот день будет великим днем в вашей жизни. Вы узнаете, что наилучшее путешествие — то, которое не имеет завершения. Мне бы не хотелось, чтобы в этот день вы испытали запоздалое чувство вины передо мной, ибо я на вас не в обиде: вы лишь напомнили мне о моем долге.

Его теплые пальцы решительно обхватили мое запястье.

— Давайте и вашу руку, сэр Мелифаро-младший, — потребовал Гуриг. — Я предполагаю, что именно физическое прикосновение помогает спутникам совместно передвигаться в этом зыбком пространстве, вместо того чтобы вопреки своей воле разойтись в разные стороны. Это согласуется с вашим опытом?

— Согласуется, — облизнув пересохшие губы, подтвердил я.

Я все никак не мог поверить, что наш диалог происходит наяву. Слишком часто в последнее время мне снилось возвращение домой, и каким бы ни был цвет неба, под которым я засыпал, мои сны были куда больше похожи на правду, чем эта незамысловатая уличная сценка, несколько утяжеленная романтическим пафосом Гуригова пророчества.

— Так мы возвращаемся? — почти шепотом спросил Мелифаро. Это были первые слова, произнесенные им в присутствии нашей драгоценной добычи.

— Считайте, что уже вернулись, — будничным тоном откликнулся Гуриг, увлекая нас за собой под низенькую, увитую мелкими алыми цветами арку.

Я послушно передвигал ватные ноги, глаза застилал гулкий оранжевый

туман, сердце наносило ребрам не менее пятисот нокаутирующих ударов в минуту (а второе, о котором я почти позабыл во время наших скитаний по Лабиринту, кажется, вовсе не собиралось биться). Где-то далеко гулко звучали знакомые голоса, но я откуда-то знал, что могу к ним не прислушиваться. От этих голосов не зависела моя жизнь. Она вообще больше ни от чего и ни от кого не зависела, даже от меня самого.

Я закрыл глаза, поскольку понял, что еще не готов увидеть очертания знакомого интерьера и лица, которые я уже начал забывать. Это было слишком хорошо, чтобы сохранить рассудок.

* * *

— Макс, прекрати притворяться мертвым, все равно не верю! Мертвые не сопят.

Я даже удивился поначалу: с чего бы это сэру Джуффину Халли говорить женским голосом? Я почему-то не сомневался, что говорит со мной именно Джуффин. Так было всегда: когда я возвращаюсь из очередной передряги в растрепанных чувствах и с крышей набекрень, первым, кого я встречаю, непременно оказывается шеф, который быстро и качественно производит мелкий ремонт моей пошатнувшейся психики, после чего меня можно выпускать на волю без поводка и намордника. Традиция, так сказать.

— Макс, просыпайся немедленно! — потребовал голос. — Мало того что шлялся невесть где чуть ли не дюжину дней, так теперь еще сопишь в подушку. Я знаю, что это единственное существо, которое ты любишь всем сердцем, поэтому я оставила вас наедине на целых три часа. Все, хватит!

Я рискнул. Приоткрыл один глаз — правый, близорукий, рассудив, что этим глазом я увижу не слишком много. Ровно столько, сколько уже готов увидеть.

Меня ослепило полуденное солнце, а потом из этой особой разновидности темноты, порожденной переизбытком света, медленно, как из тумана, проступили знакомые черты. Никакой это был не Джуффин. Рядом со мной сидела Меламори, и ее напряженная улыбка свидетельствовала о том, что я — свинья. Мне следовало оклематься еще несколько часов назад и сделать все для того, чтобы разгладились почти незаметные горькие складки в уголках ее улыбающихся губ.

— Я люблю тебя больше, чем подушку, — сказал я, — честное слово!

— Просто ты уже пресытился ее обществом, — рассудительно

заметила Меламори. — А моим — еще нет. Узнаю старого доброго Макса.

— Это хорошо, что узнаешь, — улыбнулся я. — Я стал очень старый, да?

— Не очень. В самый раз, — она пожала плечами. — Просто теперь ты не так похож на мальчишку, как прежде. Если тебе не нравится, наколдуй себе какую-нибудь другую внешность. Хотя, будь моя воля, я бы оставила все как есть.

— Как скажешь, — согласился я. — А ну-ка дай зеркало, посмотрю, что из меня получилось.

— Потрясающе! — фыркнула она. — Вообще-то, считается, что попросить зеркало, вернувшись с того света, может только женщина.

— Я о тебе забочусь. Моя рожка — это твое достояние. Тебе на нее еще долго смотреть придется. И на людях со мной появляться. И вообще...

— Я с удовольствием появлюсь с тобой на людях, даже если ты превратишься в пятиногое волосатое чудовище, — отмахнулась Меламори. — Возможно, в этом случае я буду появляться с тобой на людях даже с большим удовольствием, чем сейчас. Ты же меня знаешь!

— Да уж, — вздохнул я, вспомнив, как служащие Городской Полиции разбегались, когда на их половину Дома у Моста как бы случайно сворачивала леди Меламори Блимм с арварохским хубом на плече... Хороший, кстати, был хуб, хоть и смахивал на шерстяного паука. Ласковый, послушный и певучий — в отличие от меня.

— Ты не рассердишься, если я еще некоторое время не буду превращаться в чудовище? — на всякий случай спросил я. — Все бы ничего, но перед соседями как-то неудобно. Я же, в сущности, мирный обыватель... Кстати, если уж заговорили о чудовищах, дай мне все-таки посмотреть, на кого я теперь похож. Что-то я нервничаю.

— Ну и зря. Внешность — это всего лишь внешность, — спокойно возразила Меламори.

Она все-таки дала мне зеркало. Рожка моя действительно переменялась. Прежде я выглядел моложе своих лет, теперь — несколько старше. Не старик, конечно, но лет сорок на моей «исторической родине» мне бы вполне могли дать. А в Ехо, в связи с тем, что нормальный среднестатистический человек живет здесь лет триста, с возрастом творится такая путаница, что я не решаюсь оперировать какими-то цифрами.

— Паршиво выгляжу, — меланхолично заметил я, возвращая зеркало. — Но если тебе нравится, значит, все в порядке.

— Еще как нравится! — безапелляционно заявила она. — В жизни

такой красоты не видела. Ты доволен, горе мое?

Но развить эту многообещающую тему нам не дали. Дверь открылась, чтобы дать мне счастливую возможность воссоединиться с сэром Джуфффином Халли, полумертвым от любопытства.

— Ну, рассказывай! — коротко потребовал он. — С самого начала и подробно. Версии Мелифаро и Гурига я уже слышал. Но мне нужна твоя, сам понимаешь.

— Сначала вы рассказывайте. Как там Мелифаро? В порядке?

Насчет Его Величества я, честно говоря, был совершенно спокоен.

— А что ему сделается, твоему ненаглядному сэру Мелифаро! — фыркнул Джуфффин. — Это только ты у нас любишь терять жалкие остатки своего сознания по любому поводу. Парень, не поморщившись, хлопнул стакан джубатыкской пьяни за упокой твоей души, потом выяснил, что ты живехонек, и принял по этому поводу еще одну порцию. Спел тебе пару дифирамбов, рассказал что-то невнятное о вашей прогулке — представляешь, ЧТО он мог рассказать после двух-то стаканов на голодное брюхо?! Мне пришлось отправить его домой, а потом еще два часа объясняться с Королем. Гуриг, в отличие от вас, очень доволен приключением и дуется, что ему не дали нагуляться.

— Да, это было заметно, — усмехнулся я. — Так вы хотите услышать от меня длинную-длинную историю о наших похождениях? Ладно. Только пошлите зов в какой-нибудь трактир. И ты не уходи, — я обернулся к Меламори, которая собралась было тактично оставить нас с шефом наедине. — Ни в коем случае не уходи. Я только-только начал понимать, почему мне так хотелось вернуться домой... даже после того, как я забыл, что у меня есть какой-то дом.

— Вот как? — хмыкнул Джуфффин. — Все было настолько серьезно? Я-то, признаться, думал, что сэр Мелифаро слегка преувеличивает степень вашего с ним безумия.

Меламори ничего не сказала, но уселась, скрестив ноги, на краю моей постели. Вид у нее при этом был самый решительный. Пожалуй, даже всемогущий шеф Тайного Сыска не смог бы сейчас вытурить ее из помещения, если бы решил, что она помешает нашему с ним приватному шушуканью. Но Джуфффин не стал возражать против ее присутствия. Иногда этот пожилой злодей ведет себя как нормальный живой человек, надо отдать ему должное.

— Некоторые вещи просто невозможно преувеличить, — я пожал плечами. — Ладно, наберитесь терпения, я собираюсь сделать ужасную вещь — рассказать по порядку все, что я помню, а помню я довольно

много. И скажите мне, ради всех Темных Магистров, вы уже послали зов в трактир, или я должен вас шантажировать многозначительным молчанием?

— Послали, — хором откликнулись Джуффин и Меламори. Их дружный дуэт позволял надеяться, что теперь нам принесут не один, а целых два обеда. Честно говоря, моего энтузиазма хватило бы и на дюжину.

Потом я говорил. Умолкал на мгновение, чтобы сделать глоток терпкого вина из Богни или отломить уголок от поджаристого пирога, приготовленного по лохрийскому рецепту, и снова говорил. В этот день я по достоинству оценил терапевтический эффект исповеди: по мере того как очередной эпизод скитаний по Лабиринту Мёнина становился достоянием моих слушателей, умиротворяющая опустошенность приходила на смену нервной сумятице тягостных воспоминаний. Я чувствовал себя классной доской, которую исписали мелким убористым почерком, мучительно пытаюсь доказать некую безумную, невозможную теорему, сводящую с ума даже поверхность, на которой она записана. А теперь чья-то легкая рука медленно стирала строчку за строчкой — я почти видел, как взлетает в воздух и медленно оседает на пол мелкая меловая пыль...

Мои «исповедники» слушали молча, не перебивая. Бесстрастно. Почти безучастно. Я их вечный должник. Мне до сих пор кажется, что именно их сдержанность позволила мне освободиться от невыносимого груза впечатлений, оставить при себе лишь одно сокровище, очищенное от грязной шелухи эмоций, — опыт.

Когда я умолк и потянулся к кувшину, чтобы налить себе камры, за окном уже расплескались влажно-синие сумерки, а в комнате стало совсем темно, но заниматься светильниками никто не спешил. Джуффин задумчиво смотрел в окно, Меламори разглядывала свои узкие ладошки, меланхолично отбивая ногой какой-то рваный варварский ритм. Я устал откинулся на подушку и уставился в потолок. Молчание не тяготило меня, но через несколько минут я слегка встревожился: обычно шеф не тянет с комментариями после того, как ознакомится с сюжетом очередного приключения, свалившегося на мою голову.

— Вы ничего не хотите мне сказать, Джуффин? — наконец спросил я. — Например, назвать меня идиотом и доходчиво объяснить, что именно я сделал не так. Вы же знаете, я яростный приверженец традиций, отступление от них меня нервирует.

— А мне нечего тебе сказать, — усмехнулся он. — Кроме разве что какой-нибудь банальности вроде: «Ну и дела», или «Странно все это», или «Да, чего только не бывает...» Хочешь, я скажу: «Ну и дела, сэр Макс»? Это тебя успокоит?

— Пожалуй, нет, — честно признал я. — Нечего сказать, говорите? Не верится что-то. Если вы щадите мою нежную душу, имейте в виду: я уже в полном порядке. Устал только.

— Да я вижу, что ты в порядке, — согласился шеф. — Но мне действительно нечего тебе сказать. Я, видишь ли, никогда в жизни не попадал в ситуацию, хоть немного сходную с твоей. Я никогда не бывал ни в Лабиринте Мёнина, ни в местах, на него похожих. Я мог лишь выслушать тебя, как слушают деревенские жители своего земляка, объездившего полмира и вернувшегося в родные края на отдых. Прошли те времена, когда ты мог рассчитывать на мою помощь, мальчик. Возможно, слишком быстро, но так уж получилось.

— Какой из меня мальчик, к чертям собачьим, — флегматично огрызнулся я. — Взрослый дядька. Я там чертовски постарел, в этом грешном Лабиринте, вот что плохо.

— Ты не постарел, ты повзрослел, — строго сказал Джуффин. — Рано или поздно это случается, Макс. Все к лучшему, со своей рожей ты волен сотворить все что угодно, к твоим услугам магия Сердца Мира, белая и черная, разберешься небось. А взрослым ты останешься навсегда. Тебе еще предстоит оценить преимущества этого состояния души.

— Да, о магии я как-то не подумал, — согласился я. — Там, в Лабиринте, приходилось обходиться без нее. Вернее, без той разновидности магии, которая мне знакома. Даже Щель между Мирами выпотрошить не удалось ни разу, а ведь я так старался! Только и счастья, что в жабу ядом плюнул... правда, это не помешало ей нас раздавить. Скорее уж наоборот, поспособствовало, — я гадливо передернул плечами и решительно приказал сам себе: — Все, хватит ныть. Жизнь прекрасна, и она только начинается!

— Чувствуешь себя, словно родился заново? — понимающе спросил Джуффин. — Так всегда бывает, когда выговоришься как следует после серьезной передрыги, по себе знаю... Ладно, оставляю-ка я вас в покое, ребята. Мне есть о чем подумать, а вам, не сомневаюсь, тоже найдется чем заняться в мое отсутствие.

Он неожиданно легкомысленно подмигнул нам и направился к выходу. На пороге остановился, наградил меня своим фирменным тяжелым взглядом и тихо, но веско сказал:

— Макс, я тебя очень прошу, будь осторожен. Не расслабляйся, будь начеку. От того, что ты вернулся в Ехо, ничего не изменилось. Приключения вроде твоего никогда не заканчиваются. Вообще никогда. Ты меня понимаешь?

— Да... наверное, — неуверенно откликнулся я. — Но чего именно я должен остерегаться? Впрочем, вы, конечно, не скажете...

— Рад бы. Но я не знаю, Макс. Тебя втянули в игру, правила которой мне неизвестны. И втянул тебя в нее незаурядный игрок. По сравнению с ним я — такой же неопытный мальчишка, как наш Нумминорих. Поэтому я и прошу тебя быть начеку все время, даже во сне. Возможно, во сне — в первую очередь. Но и наяву не делай ни одного шага, не ощутив половицу. Прежде чем войти в собственную гостиную, убедись, что за дверью — именно твоя гостиная, а не пасть огнедышащего монстра. Проснувшись в собственной постели, постарайся понять, ты ли в ней проснулся... — Джуффин умолк. Потом неожиданно рассмеялся, махнул рукой, словно разгоняя в стороны только что сказанные слова: — Разумеется, я преувеличиваю. И все же... Будь осторожен, ладно?

— Вот так. Напугал и ушел, — проворчала Меламори, когда за шефом закрылась дверь. — Как это на него похоже... Пожалуй, я все-таки принесу светильник. А то нагнал жути господин Почтеннейший Начальник, да еще и после этих твоих историй...

— Со светильником можешь не спешить, — улыбнулся я. — Сначала я тебя поцелую.

— При свете поцелуешь, — упрямо сказала она. — Не так уж скверно я выгляжу, переживешь.

Вскочила, стремительно нырнула в нишу кладовой, вернулась, освещенная голубоватым сиянием, исходящим от прозрачного шара, который она бережно прижимала к груди. Оставила светильник в изголовье, шепнула:

— Я тоже должна быть начеку, Макс. Хочу быть уверена, что целую именно тебя. Мир перестал быть таким надежным, как раньше, правда?

В справедливости ее замечания я убедился час спустя, когда решил, что не могу больше терпеть разлуку с любимой ванной комнатой, и неохотно, с громкими охами — официальным цеховым гимном лентяев всех миров — покинул постель, которая, безусловно, является наилучшим местом для любого из дел, кроме купания.

Меламори решила не расставаться со мной ни на минуту, поэтому мы отправились вместе, держась за руки, как дети на прогулке. Моя прекрасная леди пребывала в дурашливом настроении, справедливо полагая, что веселье — единственное стоящее лекарство от страха.

— Надо посмотреть, не ждет ли нас за этой дверью «пасть огнедышащего монстра», — весело тараторила она. — Макс, я умоляю

тебя: посмотри. Пусть все будет как взаправду: остановись на пороге. Вот так, молодец! Теперь осторожненько высунь голову за дверь. Голову можно, она — не самое ценное из всего, что у тебя есть... Хотя нет, голову тоже жалко. Все-таки она умеет целоваться! Поэтому особо не высовывайся, а просто посмотри одним глазом, что там творится у нас в коридоре?

Я послушно подчинялся дурацким командам, чтобы развеселить ее еще больше. Остановился на пороге, скорчил героическую рожу, которая привела Меламори в восторг, и с преувеличенной осторожностью выглянул в коридор.

Сначала я решил, что мои глаза просто не привыкли к темноте, и поэтому я ничего не могу разглядеть. Потом вспомнил, что за несколько лет, проведенных в самом Сердце Мира, я стал видеть в темноте, как ночная птица. Тьма в коридоре могла означать только одно: там не было никакого коридора. Там не было вообще ничего такого, что можно увидеть глазами. Я поспешно отступил назад и рухнул на ковер, смутно ощущая, как по спине бежит тонкая струйка едкого ледяного пота.

— Макс, ты переигрываешь, — встревоженно сказала Меламори. — Это уже не смешно. Ты меня напугал... Да что с тобой?

Я поднял руку в знак того, что со мной все в порядке, потом решился посмотреть ей в лицо.

— Там нет никакого коридора. Там вообще ничего нет, только темнота. Будем надеяться, что я просто сошел с ума. Выгляни, пожалуйста, ладно? И скажи мне, что ты увидела.

Меламори выглянула. Потом обернулась ко мне, не скрывая облегчения.

— Коридор на месте, — с упреком сказала она. — И никаких монстров, кроме твоих кошек. Одно из двух, Макс: или ты меня разыграл, или ты действительно сошел с ума. Если это была шутка, имей в виду, она мне совсем не понравилась.

— Не шутка, к сожалению, — вздохнул я. — Будем надеяться, что в Ехо есть какой-нибудь мудрый старый знахарь, чудом переживший Смутные Времена, и сэр Джуффин даст мне его адрес. А теперь давай выгляднем вместе. Не выйдем, а именно выгляднем, ладно?

— Конечно, как скажешь, — поспешно согласилась Меламори.

Теперь она смотрела на меня с нескрываемой тревогой. Не знала, что и думать. Неудивительно, я и сам не знал.

Она обняла меня за талию, словно этим жестом собиралась оградить от всех уготованных мне кошмаров, и мы снова выглянули за дверь. Увы, я

опять ничего там не увидел, кроме проклятой темноты.

— Макс, — встревоженно сказала Меламори, — ты не сошел с ума. Или мы оба с него сошли...

— Ты тоже ничего не видишь?

— Хуже. То вижу, то не вижу. Коридор то появляется, то исчезает. Все как-то зыбко, словно коридор сам не может решить: есть он или нет. Грешные Магистры, Макс, мне страшно!

— А сейчас? — требовательно спросил я. — Сейчас все в порядке?

— Да, — удивленно подтвердила она. — Теперь все в порядке. Ты что-то наворожил?

— Просто закрыл глаза. Я больше не смотрю за дверь, понимаешь? Когда я не смотрю на то, что находится за дверью, с Миром все в порядке. Наверное, в Лабиринте я подцепил скверную привычку. Я же рассказывал, зачем там существуют двери...

— И теперь за всякой дверью тебя ждет какой-то другой Мир? — ахнула она.

— Ловишь на лету, — вздохнул я. — Умничка моя. Забавно выходит: прежде всякая дверь, которую я открывал в темноте, уводила меня в Хумгат. Иногда, если в помещении было недостаточно темно, я переступал порог с закрытыми глазами, и это работало. А теперь мне придется закрывать глаза, чтобы Мир не исчез. Вообще-то смешно. Вероятно, ангелу, ответственному за мою судьбу, просто не хватает воображения, в противном случае он не стал бы так судорожно цепляться за эти клятые двери. Банальный, в сущности, символ.

— Макс, что ты несешь? Какие-то ангелы, какие-то символы... Лучше давай решать, как мы теперь будем выкручиваться, — Меламори взяла нарочито бодрый деловой тон. — Тебе придется сидеть в этой комнате, пока мы что-нибудь не придумаем.

— Я уже придумал. Это рискованно, но лучше рискнуть, чем сидеть взаперти. Сейчас я закрою глаза, а ты выведешь меня в коридор, который, по твоему утверждению, находится за этой грешной дверью.

— Ладно, — тут же согласилась она. — Пошли.

— Но ты должна знать: рискуем мы оба, — честно сказал я. — У тебя есть шанс загреметь куда угодно — вместе с таким ненадежным спутником, как я.

— Вместе — это как раз ничего, — решительно сказала Меламори. — Лишь бы не по отдельности. Вот это было бы действительно страшно. В сущности, какая разница, где быть, если вместе с тобой?

Я изумленно уставился на нее. Это заявление, сделанное перед лицом

притаившейся за дверью полной неизвестности, весило куда больше, чем несколько сотен признаний в вечной любви, верности «до гробовой доски» и прочих традиционных безответственных заверений, которыми время от времени обмениваются мужчины и женщины, испытывающие друг к другу нежные чувства.

— Ну что ты на меня так смотришь? — смущенно буркнула она. — Я не сказала ничего нового. Ничего такого, что заслуживает дополнительного обсуждения... И вообще, не надейся, что я так легко откажусь от красивого мужчины с большим жалованьем. Закрывай свои прекрасные глаза, попробуем убедиться, что твой коридор все-таки существует.

Я закрыл глаза и сделал несколько шагов, доверившись своей спутнице.

— Все! — торжествующе заявила она. — Да здравствует твой коридор, Макс. Мы уже за порогом, можешь открывать глаза... только держись за меня покрепче. Исчезать будем вместе, в случае чего.

Я открыл глаза. Ничего не случилось. Мы не исчезли. К моим ногам тут же прижался пушистый Армстронг. Элла была слишком высокомерна для такого дружеского жеста, но и она подошла поближе. Села рядышком и уставилась на нас неподвижными лучистыми глазами.

— Соскучились, мерзавцы, — нежно сказал я.

На меня нахлынул неконтролируемый приступ безграничной любви ко всему миру, но тем, кто оказался рядом, достались самые большие порции обожания. Я поднес руку Меламори к губам и бережно прикоснулся к ее пальцам.

— Я тебе когда-нибудь говорил, что я тебя люблю?

— Не помню... Вряд ли, — усмехнулась она. — Но это необязательно: я и сама знаю. Не расслабляйся, милый: впереди еще полдюжины дверей, не меньше. Впрочем, теперь я уверена, что все будет в порядке. Если уж один раз сработало...

Честно говоря, в глубине души я надеялся, что наваждение с дверью, ведущей из спальни, было единичным случаем, неприятностью одноразового пользования. Поэтому у следующей двери мне довелось пережить разочарование — пожалуй, несколько более горькое, чем следовало. Пришлось снова закрывать глаза, чтобы попасть на собственную лестницу, а не в чужую Вселенную. Таким образом, мы с горем пополам добрались до ванной.

— Джуффин все-таки гений! — резюмировала Меламори, с удовольствием погружаясь в теплую ароматную воду. — Уверена, он понятия не имел, что именно тебе грозит. И все-таки умудрился предупредить нас об опасности. Если бы он не произнес эту дурацкую фразу про пасть огнедышащего монстра, мы бы...

— Не продолжай, — попросил я. — У меня живое воображение... по крайней мере в последнее время.

— У меня тоже... уже, — мрачно откликнулась она. — Но Джуффин все-таки гений.

— Гений-то он гений, — рассеянно согласился я. — А вот как мы с тобой теперь будем перемещаться в пространстве?

— Да так и будем, — легкомысленно отмахнулась Меламори. — До ванной комнаты мы добрались? Добрались. Значит, весь мир у наших ног.

— Будешь водить меня за ручку? — улыбнулся я. — Из спальни в уборную и обратно...

— Куда пожелаешь. С превеликим удовольствием. Мне понравилось. По-моему, я нашла свое призвание... — она неожиданно оставила легкомысленный тон и печально добавила: — Стоит мне представить, что ты мог исчезнуть навсегда за этой грешной дверью, и я начинаю думать, что водить тебя за ручку — это просто подарок судьбы.

— Если двери теперь ведут себя так же, как в Лабиринте, возможно, мне пригодится полученный там опыт, — задумчиво сказал я. — Я ведь говорил, что в последнее время нам с Мелифаро удавалось попадать только в хорошие места. Возможно...

— Что? — живо откликнулась Меламори.

— Не знаю еще. Надо будет попробовать... Плохо, что я такой рассеянный. Никогда не помню деталей. Не помню даже, какого цвета ковер в коридоре.

— В каком именно?

— Да в любом. Например, за этой дверью.

— За этой — зеленый. А что?

— Зеленый, — кивнул я, пытаюсь вспомнить, что еще, кроме ковра, может находиться в этом грешном коридоре. — А стены там какие? Белые?

— Белые. И зеленая дверь, ведущая на лестницу, а возле нее куманская напольная ваза, которую ты уже чуть ли не год грозишься выкинуть или подарить злейшему врагу.

— Ага. Точно. Мерзкий безвкусный предмет, — нежно сказал я. Сейчас уродливая напольная ваза казалась мне чуть ли не самым родным существом: я вспомнил ее неуклюжий абрис, красные треугольники на

желтом фоне и длинную царапину на боку.

— Макс, что ты придумал? — голос Меламори звучал почти сердито. — Не забывай: меня это тоже касается.

— Ничего из ряда вон выходящего, — вздохнул я. — Не уверен, что это сработает, и все же... Может быть, если я очень захочу попасть именно в этот коридор с белыми стенами, зеленым ковром и куманской вазой, если я как следует постараюсь воспроизвести его в своем воображении, то за дверью я увижу зеленый ковер и вазу, а не темноту? В Лабиринте многое зависело от моих желаний. Возможно, от них там зависело вообще все, просто я так толком и не научился этим пользоваться. А вот наш Король это умел: когда он решил вернуться домой, первая же дверь привела нас в его дворец, а не на очередной райский остров.

— Звучит убедительно, — согласилась Меламори. — Стоит попробовать. Только без меня никуда не суйся, договорились?

— Ни за что, — пообещал я. — Хватит с меня одной вечности без тебя. Нагулялся.

— Да уж, я думаю! — звонко рассмеялась она, поднимая бирюзовый фонтан ароматных брызг. — Попробовал бы ты заявить, что не нагулялся!

Мы, как могли, оттягивали эксперимент. Я делал вид, будто стал наконец-то изнеженным столичным снобом, которому без омовения в восемнадцати бассейнах жизнь не мила; Меламори мне сочувственно подыгрывала. Но ванная комната — не то помещение, где можно оставаться вечно.

Зеленый ковер, белые стены, зеленая дверь, ведущая на лестницу, желтая ваза с красным узором... Последние полчаса я только тем и занимался, что пытался воспроизвести этот нехитрый интерьер в темноте под опущенными веками. Когда сие удовольствие надоело мне до такой степени, что впору было улечься на дно бассейна и добровольно прекратить течение каких бы то ни было биологических процессов в утомленном организме, я решил, что пора приступать к полевым испытаниям.

Поначалу у меня ничего не выходило. Потом темнота начала понемногу уступать моему воображению, и мне пару раз удавалось разглядеть белый контур стены, зеленую лужу ковра. Но все это было зыбко и ненадежно, как недоброкачественный мираж, наскоро состряпанный усталыми демонами пустыни.

Однако полтора часа мучительных усилий не были напрасны. Я победил. Вернее, мы победили. Меламори была рядом со мной, и если бы

не ее молчаливая упрямая поддержка, я, скорее всего, сдался бы уже через несколько минут. А если бы не ее маленькая, но жесткая ладонь, решительно преграждавшая мне путь в ненадежный бело-зеленый туман, моя торопливость сослужила бы мне скверную службу.

Но в какой-то момент Меламори сказала: «А вот теперь можно идти: у тебя глаза открыты, а коридор не исчезает». Я ушам своим не поверил, но она ободряюще кивнула, и мы пошли.

Когда я переступил порог с широко открытыми глазами, съезжающими к переносице от переутомления, и помещение, все еще мнившееся мне миражом, оказалось настоящим коридором, расположенным не где-нибудь на окраине Миров, а в полуподвале моего собственного дома, я увидел перед собой следующую дверь, ведущую на лестницу, — как и следовало ожидать.

Конечно, можно было удовлетвориться первой победой, объявить обеденный перерыв, закрыть глаза и отправиться в спальню или на прогулку, благо Меламори вполне могла провести меня куда угодно. Но уж тут во мне разыграло упрямство мощностью в несколько сотен ослиных сил. Я решил, что должен передвигаться по собственному дому с открытыми глазами — чего бы мне это ни стоило.

Да, конечно, клинический безумец, кто же спорит?..

Наше черепашье путешествие по дому, впрочем, проходило с известным комфортом. Меламори убедилась, что я не стану делать глупости, если меня на минутку оставить в одиночестве, и сбегала на кухню за кувшином свежей камры. Заодно и мои карманы на предмет наличия табачных изделий проверила, принесла мне несколько сигарет. Я чуть от счастья не зарыдал, честное слово.

В результате до спальни мы добрались глубоко за полночь. Но ведь не на рассвете! Надо отдать мне должное: с каждой новой дверью дело шло все лучше и лучше, особенно после того как я понял, что концентрироваться следует не столько на мысленном воспроизведении мельчайших деталей интерьера (которые я все равно толком не мог вспомнить), сколько на своем желании попасть не куда-нибудь, а именно в то помещение, на пороге которого мы стояли.

— У тебя все получается, — торжествующе резюмировала Меламори, когда я в изнеможении рухнул на гору одеял.

— Получается, — сонно согласился я. — Впрочем, моя карьера Тайного Сыщика по-прежнему под угрозой. Хорош Тайный Сыщик, который полчаса пытается войти в комнату, где его ждет ополоумевший от тоски преступник! Что ты там говорила насчет красивого мужчины с

большим жалованьем? Боюсь, тебе придется довольствоваться просто красивым мужчиной.

— Переживу, — хмыкнула она. — Моя матушка всегда пророчила, что мне не удастся сделать выгодную партию, так что я, можно сказать, сроднилась с этой идеей... Впрочем, я думаю, что тебе просто нужно время. Первую дверь ты преодолевал больше часа, так?

— Гораздо больше, — подтвердил я.

— А для того чтобы зайти в спальню, тебе хватило двадцати минут, я засекала. Так что все дело в сноровке. Через несколько месяцев тебе будет достаточно просто помнить, куда именно ты хочешь попасть, вот увидишь! А может быть, и раньше, кто тебя знает.

— Будем надеяться, — улыбнулся я. — Все-таки жалованье Тайного Сыщика на дороге не валяется, а я привык жить на широченную ногу.

— Жадина! — строго сказала Меламори. — Не переживай, радость моя, у меня тоже большое жалованье. Возьму тебя на содержание, в случае чего.

— Содержание — это хорошо, — умиротворенно промурлыкал я, привлекая ее к себе. — С детства мечтал, чтобы меня взяли на содержание, честное слово! А вместо этого вечно какая-то фигня мистическая: Тайный Сыск, путешествия между Мирами, Мантия Смерти, царская корона, Черхавла, горы оживающих трупов, безумные колдуны со всех сторон, да еще этот ваш Король Мёнин, не к ночи будь помянут... Ерунда какая-то, а не жизнь!

Надо отдать должное сэру Джуффину Халли, его зов не разбудил меня на рассвете. Скажу больше, он даже в полдень меня не разбудил.

Тактичный шеф вспомнил обо мне только за три часа до заката — к этому времени я успел не только проснуться и на всю оставшуюся жизнь пресытиться абсолютно бездейтельным пребыванием в постели, но и преодолеть почти полдороги в направлении ванной комнаты. Меламори, разумеется, была рядом. На службу она не пошла, резонно рассудив, что прискорбное состояние моих дел дает ей право еще и не на такие вольности в распорядке дня.

«Мне хотелось бы с тобой встретиться, Макс. — Безмолвная речь Джуффина отвлекла меня от очередной попытки проникнуть в собственную гостиную. — Ты уже в состоянии перемещаться в пространстве?»

«Хороший вопрос, — ехидно откликнулся я. — Особенно мне нравится точность формулировки».

«Что-то не так, Макс?» — насторожился шеф.

«Ну как вам сказать... Если вы хотите, чтобы я приехал в Дом у Моста, имейте в виду, я буду добираться несколько часов».

«Ладно, тогда я приеду сам. Ты дома?»

«Дома. Где мне еще быть?»

Кажется, я изрядно напугал Джуффина своими мрачными намеками. Он появился в моей гостиной через четверть часа. Странно, если учесть, что за рычагом его амобилера сидел не я, а обычный возница.

К этому моменту мы с Меламори как раз могли праздновать очередную маленькую победу: я благополучно преодолел еще одну дверь, так что мы с шефом столкнулись нос к носу в центре гостиной.

— Что за шутки, Макс? — проворчал Джуффин. — Ты в полном порядке, это видно невооруженным глазом. Если тебе лень выходить из дома, так бы и сказал. Когда это я отказывался уважить причуду усталого героя?

— Мне не лень выходить из дома, — вздохнул я. — Я, собственно говоря, и собирался это сделать. Можно сказать, главная задача дня... Но я сказал вам правду: это затея не на один час. Хотя... От улицы меня отделяют всего три двери. Пардон, соврал, за час я вполне могу отсюда выйти.

— Макс, расскажи ему все по порядку, — посоветовала Меламори. — А я пока сделаю вид, будто обожаю вести хозяйство в этом доме. В конце концов, за гостем надо ухаживать.

Справедливости ради замечу, что «ведение хозяйства» в моем доме, как правило, состоит в том, чтобы отправить зов в ближайший трактир и поставить на стол жаровню для камры: на большее мы оба все равно не способны.

Пока Меламори с видом несчастной жертвы домашнего тирана разыскивала и водружала на стол пресловутую жаровню, я, нервно посмеиваясь, вводил Джуффина в курс дела.

— Кстати, мы сидим здесь только благодаря вам, сэр, — заметила Меламори, когда я умолк. — Если бы я не решила посмеяться над вашей фразой насчет огнедышащего монстра за дверью, Магистры знают, где бы мы с Максом сейчас были! Или только он один, что, впрочем, еще хуже.

— Да, — флегматично кивнул Джуффин. — Так часто бывает, и не только со мной. Брякнешь какую-нибудь глупость, потом полдня удивляешься, с какой стати тебя занесло на повороте, а какое-то время спустя узнаешь, зачем это было нужно. Я уже давно привык к такому ходу вещей. Больше всего в этой истории меня удивляет другое...

— То, что мне все-таки удастся проходить через эти грешные двери и попадать туда, куда мне требуется, а не к черту на кулички? — спросил я.

— Да, это довольно странный феномен, — согласился шеф. — Но все же удивляет меня другое: когда ты понял, что происходит, ты не стал звать меня на помощь, а решил справляться с проблемой своими силами. Тебе ведь даже в голову не пришло послать мне зов, правда?

— Правда, — растерянно согласился я. — Сам не знаю, почему я вас не позвал. Если скажу, будто временно забыл о вашем существовании, совру, мы вас весь вечер то и дело поминали... Хотя нет, знаю. Все просто: я слишком долго плутал в Лабиринте. А там со всеми проблемами приходилось справляться самостоятельно. Сэр Мелифаро, при всех его достоинствах, на роль всемогущего доброго волшебника пока не тянет.

— Вот и я о том же, — улыбнулся Джуффин. Улыбка его показалась мне печальной и какой-то далекой, отстраненной — так улыбаются люди, которые пытаются вежливо поддерживать беседу, в то время как мысли их блуждают где-то по ту сторону происходящего. — Ты стал самостоятельным, сэр Макс. Время ученичества для тебя закончилось.

— Не перегибайте палку, — встревоженно возразил я. — Возможно, все, что случилось со мной в Лабиринте Мёнина, и выходит за пределы вашего опыта, но мне еще есть чему у вас поучиться. По самым скромным прогнозам, программа обучения на ближайшие двести лет может быть составлена хоть сегодня.

— Я не о том, — отмахнулся он. — Я имею в виду ученичество как состояние души, а не процесс усвоения новых знаний. Раньше ты всегда вел себя как человек, чья спина прикрыта, — если мне будет позволено употребить столь прямолинейное сравнение. В любой ситуации ты знал, что где-то есть я — могущественный чародей, способный одним взмахом руки решить все твои проблемы. Что, в сущности, неправда: я могу многое, возможно, гораздо больше, чем ты способен предположить, но отнюдь не все. Заметь, ты полагался на мою опеку даже тогда, когда меня рядом не было. Первое, что ты делал в критической ситуации, — пытался послать мне зов. Удавалось тебе связаться со мной или нет — другой вопрос... А теперь ты ведешь себя как человек, который наконец-то понял, что он один в этом мире. С неприкрытой спиной, подставленной всем ветрам. А «добрый дяденька» — так, мираж, мечта: то снится, то не снится. Понимаешь, о чем я?

— Да, конечно, — задумчиво кивнул я. — Что ж, пожалуй, вы правы.

— Я всегда прав, — хмыкнул Джуффин. — Это — неотъемлемое свойство моего организма, если верить твоим же собственным

утверждениям.

Мы немного помолчали. Потом я решил, что от высоких материй следует перейти к более злободневным.

— Боюсь, что мне придется взять отпуск, — сказал я. — Сами понимаете: я теперь перед каждой дверью чуть ли не по полчаса топчусь. Можно, конечно, выделить мне поводыря. Но, боюсь, что после этого моя эффективность, и без того весьма сомнительная, вовсе сойдет на нет.

— Что? — удивился Джуффин. — А, ну да... Разумеется, бери отпуск. Вернешься на службу, когда разберешься со своими входами и выходами — если захочешь, конечно. Тоже мне великая проблема.

Он тихо рассмеялся, изумленно качая головой. Шефа можно было понять: мои нелепые попытки дисциплинированно приступить к исполнению служебных обязанностей выглядели, надо думать, весьма нелепо на фоне всей этой мистической белиберды, которая, собственно говоря, и была нашей с ним настоящей жизнью.

— Это вы сейчас смеетесь, — укоризненно сказал я. — Можно подумать, вы так легко отпускаете своих сотрудников на каникулы!

— Конечно легко, — пожал плечами Джуффин. — Когда это действительно необходимо. Собственно говоря, я бы всех с удовольствием распустил, если бы это требовалось. Но их время еще не пришло. Поэтому я делаю вид, будто не могу самостоятельно справиться с делами. Порой даже переигрываю, правда?

— А вы действительно можете? — опешил я. — Но на кой тогда нужны мы все?

— Это не вы мне нужны, а я вам нужен, — строго сказал Джуффин. Испытующе покосился на Меламори — дескать, можно ли положиться на ее молчание.

Она возмущенно подняла брови, на ее лице был четко написан вопрос: «Сэр, вы действительно полагаете, будто я отличаюсь чрезмерной болтливостью?»

— Ладно, ладно, не обижайся, леди, — примирительно улыбнулся шеф. — Привычка, знаешь ли...

— Я правильно вас понял, что Малое Тайное Сыскное войско можно разогнать хоть завтра? — спросил я. — И ничего не изменится, да?

— Изменится, — усмехнулся Джуффин. — В Ехо станет гораздо спокойнее. Если уж я сам возьмусь за дело, я тут же вспомню азы своего ремесла: проще предотвратить неприятности, чем их расхлебывать. А предотвращать неприятности я умею. Сплести защитную сеть на Темной Стороне — и Ехо на долгие века станет самым спокойным, безопасным и

скучным городом Мира. Уж на это моего могущества хватило бы, можешь мне поверить.

— Ничего не понимаю, — вздохнул я. — Ну и на кой тогда было затевать всю эту историю с Тайным Сыском, если он на фиг никому не нужен?

— В качестве организации, охраняющей покой жителей столицы Соединенного Королевства, Тайный Сыск действительно не слишком необходим, — равнодушно согласился шеф. — Но я создавал его не для этого.

— А для чего? Чтобы коротать зимние вечера в хорошей компании? — ехидно спросил я.

— Примерно так и есть. Сам посуди, Макс, а что еще мне оставалось делать в государстве, где запрещены все магические Ордена, кроме Ордена Семилистника, пути которого никогда не вызывали у меня особого энтузиазма?

— Но вы сами принимали в этом деятельное участие, насколько мне известно...

— Разумеется. Хотя бы потому, что другие Ордена были еще хуже, — пожал плечами Джуффин. — Кроме того, я заведомо знал, на чьей стороне будет победа. Разумнее было заранее присоединиться к победителям, чтобы потом под звуки торжественных маршей спокойно и неторопливо делать свое дело. Видишь ли, Макс, со мной произошло презабавное недоразумение: я осознал свое призвание в самом начале Смутных Времен... Кстати, если ты полагаешь, будто «осознать призвание» — это просто высокопарный оборот речи, имей в виду, все гораздо хуже. Это скорее похоже на настоятельную потребность гусеницы свить кокон: невозможно противостоять зову собственной природы. У меня был небольшой выбор: или в последний момент создать Орден в духе древних традиций и через несколько лет отправиться в изгнание с гордо поднятой головой, или создать этот Орден несколько позже, назвав его как-нибудь иначе. Например, Малое Тайное Сыское Войско. Скромно и со вкусом, правда? Поскольку меня никогда не интересовали такие глупости, как гордо поднятая голова, я выбрал более прагматичный вариант, только и всего. Собственно говоря, на моем месте так поступил бы любой здравомыслящий колдун. Проблема в том, что в начале Смутных Времен здравомыслящих уже почти не оставалось. В результате я сэкономил очень много сил и немало человеческих жизней. И получил карт-бланш.

— Просто и гениально, — вздохнул я. — Вы спрятали свое письмо на самом видном месте. Классика!^[2]

— Не понимаю, — нахмурился шеф.

— Не обращайтесь внимания, это просто цитата из книжки, которую я когда-то читал... Вы просто чудо, Джуффин! Так всех разыграть! А члены нашего Ордена знают, что они члены Ордена? Или все такие же идиоты, как я?

— Кто как. Всем время от времени приходят в голову некоторые догадки на сей счет, — улыбнулся Джуффин. — Впрочем, не имеет значения, что вы думаете о своей службе в Тайном Сыске. Важно, чему вы учитесь. Вернее, все мы — я ведь тоже узнал немало нового за эти годы. Кстати, я сделал любопытное открытие: когда человек не знает, что учиться, а просто решает текущие проблемы, обучение проходит быстрее и эффективнее. Поверь мне, если бы мы не бегали по Темной Стороне за преступниками, а ходили бы туда на экскурсии, все вы до сих пор застревали бы где-нибудь на перекрестке.

— Это правда, — с неожиданным энтузиазмом закивала Меламори. — Арварохские бурибухи говорили мне, что птенец, которого заранее предупреждают: «Завтра мы будем учиться летать», пугается, дрожит и огорчает своих воспитателей, то и дело падая с ветки. А птенец, которому приходится удирать от врага, летит, еще не зная, что он полетел. Не ручаюсь за точность формулировки, но смысл примерно таков.

— И ты, леди, как один из птенцов, кое-чему научившихся, наилучшее подтверждение их правоты, — добродушно согласился шеф.

— Странно слушать ваши признания, — задумчиво заметил я. — Сколько раз мы с вами шутили по этому поводу: дескать, не Тайный Сыск, а Орден какой-то, — я даже не решался предположить, как все это близко к правде. Ну да, версию, которая слишком часто произносится вслух, никто не станет принимать всерьез. Все тот же эффект спрятанного письма.

Джуффин воздел глаза к небу.

— Дырку в небе над твоим домом, Макс, что за письмо такое ты все время поминаешь?!

Я вкратце пересказал ему содержание знаменитого рассказа Эдгара По.

— Забавно, — рассмеялся шеф. — В точности так же я сам когда-то поступил с секретной картой городских подземелий, когда ко мне неожиданно явились так называемые друзья из Ордена Колючих Ягод. Когда они вошли, я как раз вытирал ей руки, как салфеткой, а потом скомкал и бросил в дальний угол.

Он рассказал еще несколько историй из своего боевого прошлого. Мы с Меламори окончательно растаяли и мечтательно пялились в окна,

упиваясь благозвучной музыкой древних имен и давно забытых географических названий. Байки о былом имеют одно замечательное свойство: слушателю начинает казаться, будто в настоящем никаких проблем не существует, да и в будущем их быть не может.

— Что ж, пожалуй, мне пора откланяться, — неожиданно заключил Джуффин. — Меня ждут дела — неизбежная плата за иллюзию собственной незаменимости.

— Жаль, — разочарованно протянул я. — Я-то думал, вы надолго... Кстати, а какое дело вас ко мне привело? О деле-то мы еще не поговорили.

— Дело? — удивленно переспросил шеф. — Даже не знаю, что тебе сказать. Хочешь правду? Не было у меня никакого дела. Так, смутное беспокойство. Никак не мог поверить, будто у тебя все в порядке — после такой-то передраги. Признаться, в какой-то момент я даже начал опасаться, что из Лабиринта вместо тебя вернулся кто-то другой. Совершенно нелепая идея, тем не менее я обязан ей чуть ли не дюжиной лишних минут, проведенных без сна. Теперь-то я вижу, что ты — это ты. Просто очень повзрослел и вообще изменился, только и всего. А со своими проблемами ты и сам справишься, в этом я больше не сомневаюсь.

— Ага, — саркастически поддакнул я. — Вам легко говорить. А я все представляю, каким идиотом меня сочтут, когда я на глазах у всего населения Ехо буду полчаса топтаться на пороге «Обжоры Бунбы», судорожно цепляясь за руку своей дамы и не решаясь переступить порог.

— Могу открыть тебе еще одну тайну, сэр Макс, — заговорщически прошептал Джуффин.

Я, признаться, раскатал было губу: решил, что он сейчас посвятит меня в какой-нибудь хитрый магический способ борьбы с дверным наваждением, на чем, собственно, мои мучения и закончатся. Ага, как же!

— В «Обжору Бунбу» можно зайти не только с улицы, но и с черного хода, — подмигнув, сообщил шеф. — Можешь топтаться на заднем дворе хоть весь вечер, никто не увидит. Только договорись заранее с мадам Жижиндой, чтобы она не запирала дверь на задвижку. Ты же знаешь, она никогда не задает лишних вопросов постоянным клиентам. Если решишься предпринять эту вылазку, дай мне знать. В Управлении Полного Порядка найдется немало желающих ощупать твои кости после долгой разлуки... Что ж, в таком случае я не прощаюсь.

Он помахал нам с порога и исчез за дверью — счастливчик! Мы с Меламори скорбно переглянулись, обнялись от полноты чувств и отправились на штурм очередного укрепления, воздвигнутого на моем пути вконец обезумевшей судьбой.

В «Обжору Бунбу» мы, разумеется, пошли, сразу после заката. Во-первых, этого требовал мой азарт, во-вторых, вечеринка в обществе людей, ближе которых у тебя никого нет во Вселенной, — слишком соблазнительная приманка, чтобы от нее отказываться, а в-третьих, я чертовски соскучился по кухне мадам Жижинды — тоже немаловажный резон!

Вечеринка удалась на славу — как всегда. Впрочем, даже лучше, чем всегда: стоит уяснить, что переменчивый мир, которому принадлежит твое сердце, куда более хрупок и ненадежен, чем ты когда-либо осмеливался предполагать, любая нехитрая радость заставляет пронзительно звенеть какие-то особо потаенные, доселе молчавшие струны в глубоких синих сумерках твоего существа.

А самым большим удовольствием стало долгое-долгое возвращение домой. Мы с Меламори и Друппи, которого были вынуждены взять с собой в «Обжору», поскольку не могли больше виновато отворачиваться от укоризненных печальных глаз обделенной вниманием собаки, полночи кружили по переулкам Старого Города, медленно сужая радиус этих причудливых зигзагов, пока не оказались на пороге Мохнатого Дома.

Мой пес наконец-то отвел душу, тысячекратно облизав наши носы и смертельно перепугав с дюжину одиноких прохожих активными попытками познакомиться и завязать дружбу.

Возможно, главное достоинство этой прогулки заключалось в том, что она не была ни первой, ни последней на нашем веку. Одной из многих — я упивался бесстыдной роскошью этих слов.

За этой ночью последовало несколько дюжин самых счастливых дней моей жизни. Я наслаждался вовсю, не забывая, впрочем, о регулярных тренировках. Как и предсказывала Меламори, я успешно справился с проблемой, научился претворять зыбкую реальность, подстерегающую меня за дверными проемами, в надежное пространство знакомых интерьеров.

На исходе зимы, когда жители столицы носятся как угорелые, пытаюсь уладить свои бесчисленные дела и оплатить все долги до наступления Последнего Дня года, я уверенной походкой вошел в кабинет сэра Джуффина Халли на нашей половине Управления Полного Порядка и объявил, что явился сдаваться. Теперь лишь очень опытный наблюдатель мог бы заметить, что я на мгновение торможу, прежде чем открыть очередную дверь. Шеф оценил мое мастерство: восхищенно поцокал

языком, поднимаясь мне навстречу.

— Жизнь, знаете ли, не мила без трудодействия, — пожаловался я, усаживаясь на подоконник и извлекая из кармана пригоршню орехов для Куруша — единственный способ заставить эту избалованную птицу искренне обрадоваться моему возвращению.

Буривух навскидку оценил размер округлой выпуклости моего кармана и снисходительно пересел на мое плечо.

— Ну, ежели не мила, добро пожаловать, — легко согласился Джуффин. — Я, признаться, уже начал сомневаться, что ты вообще когда-нибудь захочешь вернуться.

Между этой встречей и нашей в высшей степени откровенной беседой у меня в гостиной мы виделись всего несколько раз, неизменно за столиком трактира, и о серьезных вещах больше не говорили.

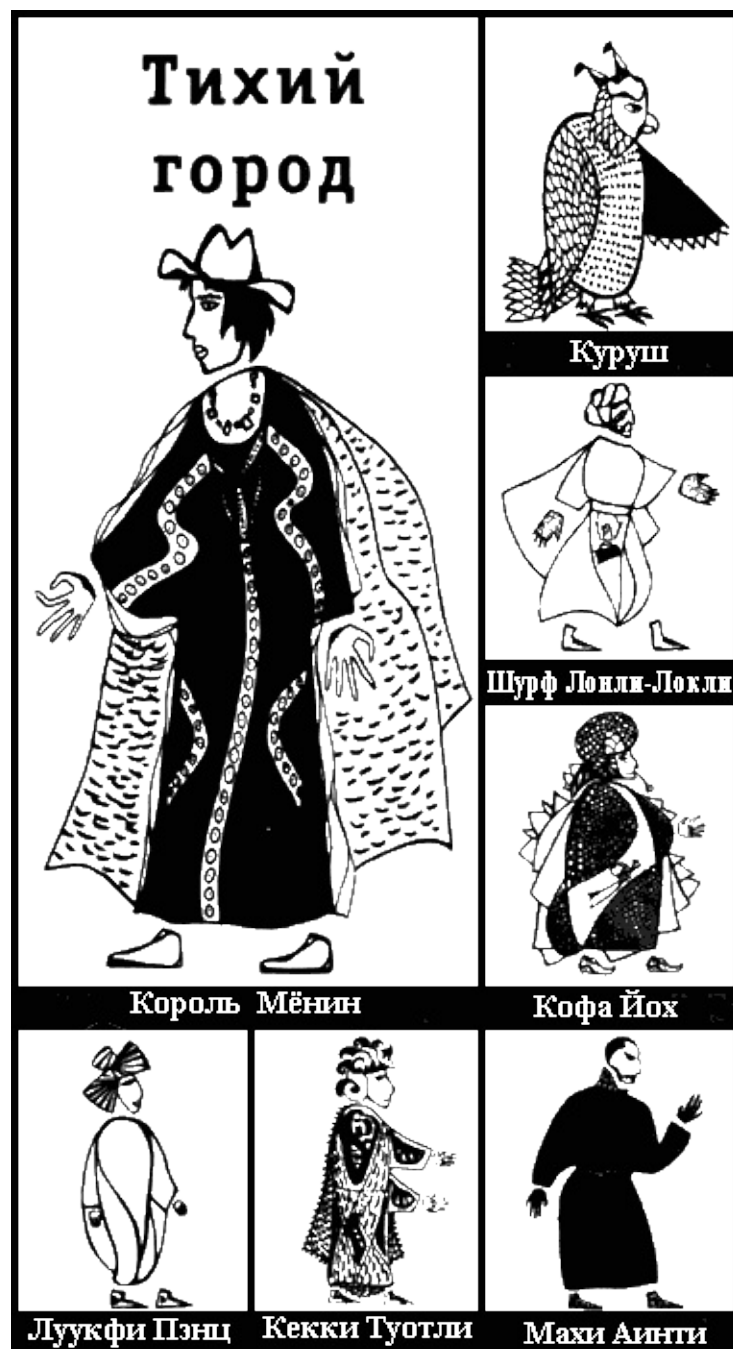
— Вы сомневались? — искренне удивился я. — Странно. Вы же всегда были в курсе всех безобразий, что творятся в моей глупой башке. А я с самого начала знал: если смогу — вернусь. Какие уж тут сомнения?

— Я действительно всегда был в курсе твоих дел, — согласился Джуффин. — До определенного момента: пока полагал своей священной обязанностью охранять твою драгоценную шкуру — в первую очередь от тебя самого. Но этот период в нашей с тобой жизни закончился вместе с твоим ученичеством. Мне больше не следует вмешиваться в твою судьбу. Поэтому я понятия не имею, что творится в твоей лохматой голове, сэр Макс. Не знаю и знать не хочу... Тем приятнее сюрприз! Я рад, что ты решил вернуться. Зная тебя, я предполагал, что каникулы затянутся надолго.

— Возможно, еще недавно я бы действительно ухватился за возможность как следует отдохнуть от ваших хлопотных чудес, — улыбнулся я. — Но не теперь. Я уже знаю, что нет ничего более зыбкого и ненадежного, чем моя жизнь. Пока я еще способен открыть дверь, за которой сидите именно вы или сэр Лонли-Локли с очередной книжкой на коленях, а не какой-нибудь другой мираж, к которому я питаю не столь глубокую привязанность, надо воспользоваться этим и провести в вашем обществе как можно больше дней. Столько, сколько отведено судьбой, и еще один отнять силой. Логично? Ну а если для этого следует продолжать играть в Тайных Сыщиков, — я к вашим услугам. Готов натянуть Мантию Смерти и приступить к исполнению своих обязанностей немедленно. Сейчас же конец года, у вас, небось, каждый сотрудник на счету, даже такой невменяемый, как я. Да и леди Меламори начнет появляться в Доме у Моста несколько регулярнее, если я тут обоснуюсь, — опять же польза.

— Дело говоришь, — рассмеялся шеф. — Что ж, приступай к исполнению своих обязанностей, сэр Макс. Хочешь, открою тебе одну маленькую тайну, как ясновидец ясновидцу? В Зале Общей Работы топчутся сэр Мелифаро и твой любимчик, Нумминорих. Эти юные тугодумы мучительно соображают, в каком трактире сегодня следует пообедать. Если поторопишься, ты еще успеешь сказать веское слово в пользу заведения нашего общего приятеля Мохи. А у меня, как всегда, годовой отчет. — И заговорщически подмигнув мне, он снова зарылся в самопишущие таблички.

Тихий Город

В полночь, накануне Дня Середины весны, когда начинается нашествие мохнатоголовых перелетных бабочек на цветущие сады Левобережья, а речная вода переливается всеми оттенками молочно-зеленого перламутра, такого яркого, словно на дне Хурона хранится

запасная луна, порог моего кабинета в Доме у Моста переступил тщедушный, но энергичный человечек. На его челе красовалась почти видимая моему наметанному глазу надпись: «Источник беспокойств».

Я обреченно вздохнул, поскольку его визит означал почти неизбежное крушение моих лирических планов. В те дни я по-прежнему был уверен, что весенние ночи специально созданы для того, чтобы стаптывать пару сапог за полдюжины дней, нарезая бессмысленные круги по узким переулкам колдовского города Ехо.

— Меня зовут Гретти Тумоис, я Мастер Совершенных Снов, — важно представился человечек.

У меня немного отлегло от сердца: Мастер Совершенных Снов — редкая, но совершенно безобидная профессия. Вряд ли этот человек мог стать вестником серьезных неприятностей.

Собственно говоря, такой способ зарабатывать деньги мог, наверное, возникнуть только в Ехо — в городе, где чуть больше ста лет назад тишайший обыватель был куда более могущественным колдуном, чем самый прославленный иноземный чародей, а потом все (вернее, почти все) законопослушные жители столицы были вынуждены распрощаться с чудесами, запрещенными Кодексом Хрембера.

Ностальгия есть ностальгия, ничего не попишешь: всем порой хочется волшебных приключений, да так, чтобы обошлось без риска для жизни и социального статуса. В таких случаях наши горожане обычно отправляются к Мастеру Совершенных Снов и заказывают себе подушки для волшебных сновидений.

Для изготовления такой подушки применять запрещенную законом Очевидную Магию не требуется: Мастера Совершенных Снов учатся ворожить где-то в горах Черухты. Тамошние сновидцы берутся за несколько лет обучить любого человека управлять собственными снами. Впрочем, мало кто из жителей Соединенного Королевства готов потратить время и деньги ради столь легкомысленной, по их мнению, забавы.

Но те немногие мечтательные чудаки, из которых получают Мастера Совершенных Снов, вернувшись домой, обнаруживают, что нехитрая наука, усвоенная вдалеке от Сердца Мира, здесь, в столице Соединенного Королевства, приносит неожиданные плоды. В Ехо эти ребята могут командовать не только призрачным парадом собственных сновидений. Чужие ночные кошмары и сладкие грезы тоже целиком в их власти. Впрочем, все они как один мечтательны и добродушны (вернее, доброжелательно равнодушны к окружающим) — на наше счастье.

Мастера Совершенных Снов торгуют иллюзиями, наиболее хрупкой

их разновидностью. Берут они за услуги недорого, дело свое знают крепко, с клиентами нянчатся, как продавцы игрушек с малыми детьми. Ничего удивительного, что у них не бывает Дней Свободы от забот, зато и пользоваться щедростью Короля, который в свое время приказал столичным трактирщикам кормить за его счет всех голодных, им, мягко говоря, не приходится.

Мой Мастер Совершенных Снов был, судя по всему, типичным представителем этого цеха. Отрешенный взгляд, руки унижены драгоценностями, пальцы неспешно перебирают причудливые четки. Только вот брови нахмурены, а тонкие губы изогнулись озабоченно в форме подковы. Непорядок.

— У вас неприятности? — сочувственно спросил я.

К моему удивлению, человечек отрицательно покачал головой.

— У меня все в полном порядке, сэр Макс.

Я адресовал ему укоризненный взгляд. Дескать, какого же черта ты сидишь в моем кабинете, дядя, ежели жизнь прекрасна? Обычно тех, у кого все в полном порядке, в Дом у Моста палкой не загонишь.

Разумеется, вслух я не сказал ничего, только одарил господина Тумоиса в меру обаятельным оскалом доброго вампира. Если бы мне, не приведи господи, пришлось стать шефом Тайного Сыска, мой кабинет непременно украсился бы надписью: «Клиент всегда прав».

— Я пришел, чтобы просто поговорить с вами, — невозмутимо признался Мастер Совершенных Снов. — Именно с вами, сэр Макс. Дело в том, что мне в последнее время снятся ваши сны.

— Как это может быть? — изумился я. — И почему вы полагаете, будто это именно мои сны, а не чьи-то еще?

— Если вам когда-нибудь станут сниться чужие сны, сэр Макс, вы поймете, что невозможно видеть чужой сон и не знать, кому он принадлежит, — наставительно заметил господин Тумоис. — Кстати, в последнее время многих посещают чужие сновидения. Клиенты недовольны: им все чаще снится совсем не то, о чем они просили. Неслыханно! Приходится возвращать деньги. Поначалу я полагал, что утратил мастерство на старости лет — так ведь бывает... Но нет, похоже, у моих коллег те же проблемы. Впрочем, никому из них, по крайней мере, не снятся ваши сны. Им повезло. Ваши сны порой ужасны, сэр Макс, вы уж не обижайтесь!

Я озадаченно молчал, пытаюсь припомнить, снилось ли мне хоть что-то в последнее время. Удивительное дело: ничего не вспоминалось. По всему выходило, что минувшей зимой я не спал, а временно умирал на ночь, а

потом снова воскресал, как ни в чем не бывало. Я, признаться, не придавал этому особого значения: счастливая личная жизнь на фоне удавшейся служебной карьеры и избыточной коммуникабельности кого хочешь до цугундера доведет. Когда спишь по четыре часа в сутки, тут уж не до упоительных грез и полночных видений.

— Эти якобы мои ужасные сны, — я наконец прервал затянувшееся молчание, — о чем они? И в чем, собственно, состоит ужас? Прежде мне иногда снились кошмары, и почти всегда оказывалось, что это реальность стучится ко мне с черного хода.

— Ваша метафора хороша, но лишь для того, кто по невежеству не склонен полагать сновидения такой же существенной частью реальности, как, скажем, события, происходящие за окном, — покачал головой Гретти Тумоис. — Что же до ваших снов... Нет, это не кошмары. Во всяком случае, не то, что принято считать кошмарами. Ваши сны пугают меня, сэр Макс, поскольку они не слишком похожи на сны. Можно сказать, они сотканы не из того вещества, какое принято использовать для изготовления сновидений. Они чрезмерно правдоподобны и тягостны. Ни один Мастер Совершенных Снов не стал бы подсовывать своему клиенту сны вроде ваших: они кажутся изнурительным продолжением реальности. Тяжело жить две жизни: одну свою, другую — чужую. Особенно если эта чужая жизнь — ваша, сэр Макс. Простите за откровенность, но, судя по вашим снам, вы безумны. Или когда-то были безумцем... или же вам еще только предстоит им стать. Не знаю. Это не мое дело. Если ваши сновидения — расплата за могущество, мне остается только радоваться, что я — скромный знахарь, а не могущественный колдун. Надеюсь, рано или поздно ваши видения оставят меня в покое и вернуться к хозяину...

Честно говоря, я его не очень-то понимал. Мне, конечно, иногда снились кошмары, но в целом я своими сновидениями был вполне доволен. Никакого особого безумия в них я не обнаруживал; что же касается вещества, из которого они якобы были сотканы, — тут мне было попросту не с чем сравнивать.

— Вы пришли ко мне, чтобы я избавил вас от своих снов? — осторожно уточнил я.

— Откровенно говоря, я не слишком на это рассчитываю, — вздохнул маленький человечек. — Боюсь, что тут даже вы бессильны. Я, собственно, пришел, чтобы рассказать некоторые вещи, которые, возможно, покажутся вам важными. Считайте, что это визит вежливости. Все равно что отдать соседу газету, которую нерадивый разносчик по ошибке положил под вашу дверь.

— Очень любезно с вашей стороны, — я изобразил на лице еще один обаятельный оскал. Когда не знаешь, что сказать, следует улыбаться. — И что же это за важные вещи?

— Ну, прежде всего, наверное, следует упомянуть, что мне несколько раз снился Король Мёнин. Он постоянно говорит, что собирается вернуться. Мне показалось, что Его Величество отлично понимает, что снится не вам, а кому-то другому, но то и дело с подчеркнутой вежливостью называл меня «сэром Максом». Говорил о том, как приятно будет наконец-то увидаться. Просил заказать столик в каком-нибудь хорошем трактире. Ухмыляясь, прибавлял, что единственная область знаний, в которой вы являетесь настоящим специалистом, — это наука о столичных трактирах... Вы только не обижайтесь, сэр Макс, я просто стараюсь быть точным.

— Да было бы из-за чего обижаться, — усмехнулся я. — Вы видели вещий сон, господин Тумоис. Мёнин сказал вам чистую правду.

— Ну... вам виднее, — смущенно пробормотал он. — Один раз Король Мёнин посулил принести хороший подарок, в другом сне пообещал вас удивить, а однажды сказал: «Двум Вершителям нет места в одном городе» — и стукнул кулаком по столу. Впрочем, в следующем сне он снова был любезен и разглагольствовал о сюрпризах и трактирах... Я подумал, что вам следует все это знать. Король Мёнин наверняка сам решает, кому присниться. Думаю, он был уверен, что я не поленюсь нанести вам визит.

— Ну... наверное, — растерянно согласился я. — Это все?

— По крайней мере, это самое важное... Еще мне часто снится сон про бузивуха, — нерешительно сказал мой посетитель. — Будто я сплю в очень тесном помещении с маленьким окном. Окно открыто, за окном светит луна, но не наша, а какая-то желтая... И вот из темноты прилетает бузивух и садится на подоконник. Это единственный хороший ваш сон, сэр Макс, после него я всегда просыпаюсь счастливым. Поскольку это вы должны были бы просыпаться счастливым, я решил, что должен непременно рассказать про бузивуха.

— Вы очень любезны, — вежливо улыбнулся я. — Что-то еще?

— Много всего. Но чужие сны запоминать труднее, чем свои. Мне не кажется, что все остальное так уж важно. А если и важно, то в моей памяти осталось лишь смутное ощущение, что я схожу с ума, а во рту — дурной привкус, словно я заболел... В ваших сновидениях вершатся совершенно непонятные мне дела, мне то и дело снится какой-то иной мир... вернее, несколько разных миров; там суетятся странные люди, и почти всегда сердце ноет от тоски. Я просыпался очень усталым после этих снов, сэр

Макс. Поутру я помнил все подробности, но забывать их было приятнее, чем хранить. И я забывал.

— Вас можно понять, — сухо кивнул я. — Что ж, сэр Тумоис, я очень благодарен вам за визит.

Он заторопился, покинул кресло, вежливо раскланялся. В процессе эвакуации посетителя из кабинета мы обменялись некоторым количеством взаимных любезностей, но я чувствовал, что мой гость еще не закончил выступление. Интуиция меня не подвела. Господин Тумоис эффектно остановился на пороге и с драматическим выражением лица резюмировал:

— Неспроста творится вся эта путаница со снами, сэр Макс. Помяните мое слово, грядут великие события и большие перемены. Оно и понятно: если уж сам Король Мёнин решил вернуться...

— Вполне может статься, что он просто морочил нам с вами голову, — с тоскливой надеждой сказал я. — Есть у него такая маленькая милая слабость.

— Кто знает, сэр Макс, — вздохнул Мастер Совершенных Снов. И с надеждой спросил: — Вы ведь перескажете сэру Джуффину Халли содержание нашей беседы? Я не решился обратиться к нему лично, поскольку в моем распоряжении нет фактов. Ничего, кроме смутных предчувствий. Я бы и к вам не решился обратиться, если бы не ваши сны...

— Разумеется я ему расскажу, — заверил я гостя. — Даже если бы не хотел, сообщать факты — это моя обязанность.

Мой гость удовлетворенно кивнул и слился с темнотой коридора, а я — узнаю старого доброго сэра Макса! — немного поторговался с Курушем, которому предстояло дежурить в мое отсутствие, сменил Мантию Смерти на неприметное серое лоохи и выскользнул в окно, благо мой кабинет находится на первом этаже. Я отчаянно опаздывал на свидание, отменять которое совершенно не хотелось. Оставалось надеяться, что моя прекрасная леди пребывает в том же настроении.

Я всегда подозревал, что самая ужасная история о любви непременно должна повествовать о так называемой счастливой любви. О взаимной. Что кошмар начинается сразу после финальной фразы: «Поженились и жили вместе долго и счастливо». Потому что «долго» и «счастливо» — две вещи несовместные. Человеческая природа, полагал я, этого не допускает. К счастью, я ошибался; убедиться в этом мне довелось на собственной шкуре — если уж везет, так везет!

Согласно моей прежней теории, наш с Меламори роман давным-давно должен был превратиться в нормальную спокойную (читай: смертельно

скучную) жизнь вдвоем или же оборваться на какой-нибудь надрывно высокой ноте. Однако ни того ни другого не произошло. Минуло два года с тех пор, как она вернулась в Ехо на заднем сиденье моего амобилера; ночи, которые она провела под собственной крышей, а не в моем Мохнatom Доме, можно пересчитать на пальцах, а днем мы то и дело сталкиваемся нос к носу в коридорах Дома у Моста или за столом в Зале Общей Работы. Но всякий раз, отправляясь на свидание, я волнуюсь так, словно мне предстоит встреча с почти незнакомой женщиной.

Наверное, так оно и есть, по большому счету. Я никогда не знаю, какое у нее будет настроение, как она себя поведет, захочет ли остаться рядом со мной или быстро распрощается и растает в оранжевом тумане фонарей. Я даже не уверен, что она вообще придет, и почему-то стесняюсь послать ей зов и переспросить. Дело не в том, что Меламори ведет себя экстравагантно и непредсказуемо, — достаточно того, что я знаю: она может так себя повести. Я и сам, впрочем, могу. Стоит ли добавлять, что нам обоим это чертовски нравится.

Мне повезло, Меламори все еще сидела в «Синем Фонаре». Этот маленький уютный трактирчик я нашел в начале зимы и очень полюбил здешнюю бархатную тишину, безлюдный обеденный зал, ультрамариновый свет фонарей над столиками и скромную домашнюю кухню.

Ее лицо скрывалось за серебристой маской горной лисички: зима в этом году выдалась на редкость холодная, чуть ли не дюжину дней кряду стояли самые настоящие морозы, и столичные портные тут же ввели моду на маски из мягкой теплой материи, чтобы предохранять от холода чувствительные щеки и носы столичных жителей. Новшество пользовалось столь бешеным успехом, что с наступлением тепла сообразительные кутюрье начали мастерить маски из тонкой ткани, предназначенные уже исключительно для украшения наших физиономий. Как и следовало ожидать, мода на маски прижилась в Ехо. Одна только Меламори опустошила несколько модных лавок Старого Города, и теперь причудливые морды таращились на меня со всех вешалок, крючков, полок и просто гвоздей, вбитых в стены Мохнатого Дома. Я и сам иногда их ношу, хотя никак не могу привыкнуть, как в свое время не мог толком привыкнуть к очкам: лишняя вещь на лице мешает мне сосредоточиться.

— Тебя что, Джуффин припахал? Или ты опять полчаса топтался перед очередной дверью? — сочувственно спросила Меламори. — Ох уж эти мне двери...

— С дверями все в полном порядке, — улыбнулся я. — С шефом, как ни странно, тоже. Зато ко мне зашел один симпатичный человек, Мастер

Совершенных Снов. Гретти Тумоис, может быть, знаешь такого?

Она равнодушно помотала головой. Я вкратце пересказал содержание беседы. Меламори слушала, не перебивая, только хмурилась. Озабоченного выражения ее лица не могла скрыть даже маска.

— Звучит как полная чепуха, — решительно резюмировала она. Выдержала эффектную паузу и добавила: — Но мне почему-то очень не нравится эта история. Нелепость, а тревожит. С какой стати этот господин видит твои сны? И хотела бы я знать: кому снятся мои, если уж на то пошло?

Я вопросительно поднял брови. Она развела руками:

— По крайней мере не мне, Макс. В последнее время мне ничего не снится. Я думала, что просто забываю. Когда каждый день встаешь с такой неохотой, тут уж не до ревизии сновидений... А выходит, что мне, возможно, и забывать-то нечего.

Мы еще некоторое время обсуждали странные слова моего посетителя, наперебой успокаивали друг друга — безуспешно, разумеется. Прогулка вышла скомканная и бестолковая, поскольку тревога влачилась за нами тяжелым шлейфом, а прозрачный весенний туман, в котором утопали наши ноги, больше не казался романтической декорацией к ночным блужданиям. Не сговариваясь, мы оба решили, что туман — это тоже чужой сон, потерявший своего хозяина и готовый увязаться за первым встречным.

Дело кончилось тем, что Меламори отправилась со мной в Дом у Моста, поскольку поняла, что оставаться одной в темной спальне ей сейчас не хочется, а я не мог совсем уж откровенно манкировать своими обязанностями самого высокооплачиваемого ночного сторожа в Соединенном Королевстве.

Пока я возился с жаровней и подогревал камру, чтобы угостить свою добровольную помощницу, она свернулась клубочком в кресле и мирно заснула. Куруш тут же покинул свое насиженное место и устроился на подлокотнике кресла. Меламори — его любимица. Все бурибухи, обитающие в Доме у Моста, равнодушны к Меламори с тех пор, как она вернулась с Арвароха в птичьем обличье. Они признают в ней «свою» и опекают, как несмышленного птенца.

Любуясь этой идиллической картинкой, я успокоился настолько, что и сам задремал, благо в столице Соединенного Королевства была тишайшая ночь. Никому и в голову не приходило врывать в Дом у Моста с эксклюзивной информацией об очередном великом злодействе. Да и злодейств никаких давненько уже не случалось: не то мы славно поработали в последние годы, не то судьба решила дать нам передышку.

Поэтому разбудил нас не отчаянный вопль очередной жертвы магического насилия, а бодрый голос сэра Джуффина Халли. Да и случилось это не на рассвете, а гораздо позже.

— Вы решили поселиться прямо на рабочем месте, ребята? — весело осведомился он. — Чтобы не тратить время на дорогу из дома на службу и прочие пустяки? Молодцы, все бы так. Надо будет поставить вас в пример... Что случилось-то?

— Ничего особенного, наверное... — я сонно потянулся и постарался принять вертикальное положение.

Меламори немного поморгала, пытаясь понять, что происходит, растерянно улыбнулась Курушу, смущенно — Джуффину, сползла с кресла и отправилась умываться.

Шеф заинтриговано уставился на меня:

— И все же?

— Вы знакомы с господином по имени Гретти Тумоис? — едва справившись с чудовищным зевком, спросил я.

— Знаком немного. Он все же скорее Мастер Гретти, чем господин Гретти Тумоис, — улыбнулся шеф. — Кому-кому, а тебе следовало бы с большим почтением относиться к Мастеру Совершенных Снов. Обыватели не слишком церемонятся с этим цехом — по причине непролазного невежества, каковое совершенно не подобает моему Ночному Лицу... Да, так что стряслось с Мастером Гретти?

— Ему снятся мои сны, — невесело усмехнулся я. — Например, Король Мёнин, который то и дело передает дружеские приветы и обещает приехать повидаться. Впрочем, это далеко не все.

Я подробно пересказал Джуффину наш разговор, стараясь не упустить ни единой подробности и не приплести отсебятины. С последним пунктом у меня, как всегда, были трудности, но я их мужественно преодолел.

— Да, мне в последнее время тоже кажется, что со сновидениями творится что-то не то, — шеф, кажется, почти обрадовался. — Очень любопытное явление! — восхищенно сказал он. — Сновидения — подкладка Мира, Макс. Когда видишь мятую подкладку плаща, следует предположить, что и с его лицевой стороной тоже не все в порядке, правда?

Джуффин даже помолодел — лет на пятьсот как минимум. Ни дать ни взять сумасшедший профессор на пороге очередного эксперимента по созданию атомной бомбы.

— На вас поглядеть, так нет лучше новости, — укоризненно заметила Меламори. Она уже вернулась в кабинет, умытая и растрепанная, но

свежая, как садовая клумба после поливки. — А я после этой истории поплелась сюда следом за Максом, чтобы не спать в одиночестве. Жутко почему-то.

— Новости, о юная леди, не делятся на плохие и хорошие, — фыркнул Джуффин. — Разве что на занятные и неинтересные. Эта как раз занятная.

— Даже немного слишком, — ядовито согласился я.

Меламори лишь передернула плечами в знак солидарности.

— Ну а чего вы хотели? — невозмутимо спросил шеф. — Неужто думали, что в вашей жизни больше никогда не будет ни одной тревожной новости? С какой стати?

— Чем злорадствовать, лучше бы просто разъяснили, чем это пахнет, — примирительно сказал я.

— Понятия не имею, — пожал плечами Джуффин. — Могу гарантировать одно: грядут большие перемены. По мне, любые перемены — это благо. Вы слишком долго ели со мной из одной миски, чтобы думать иначе — разве не так?

— Теоретически — так, — хмыкнул я.

— Ну вот, значит, дело за малым: постарайтесь добиться гармонии между теорией и практикой, — посоветовал шеф. — Заодно можете отдохнуть, прогуляться, выспаться... Вообще, развлекайтесь как хотите, лишь бы мне не мешали.

— Звучит заманчиво, — улыбнулся я. — И как долго будет сохраняться сие блаженное положение вещей? Полчаса? Час? Два часа? Впрочем, не верю!

— Тоже мне агностик-любитель, — флегматично съязвил Джуффин.

Я тут же начал мучительно соображать, из какой киношки он извлек мудреное словечко «агностик».

— По мне, так хоть целый день не показывайтесь, — подытожил шеф. — Если случится что-нибудь из ряда вон выходящее, пришлю вам зов. А так — гуляйте. Почему нет?

Иногда этот злодей производит впечатление человека, под началом которого вполне можно работать.

Так мы с Меламори внезапно стали сказочными богачами, потенциальными обладателями длинного-длинного солнечного утра, еще более длинного теплого дня и почти бесконечного вечера, напоенного сладкими ароматами речной сырости, цветов, дыма и пряностей.

Мы не стали придумывать ничего экстравагантного, а просто отправились на прогулку. Бродили, взявшись за руки, смотрели по

сторонам, бурно восхищались милыми пустяками — то перебежавшей улицу мохнатой собачкой, то изящной башенкой на крыше. Мы, старожилы, знающие каждый камешек разноцветных тротуаров Старого Города, вели себя как праздные путешественники. Один из самых простых способов любить город, в котором живешь, — время от времени смотреть на него глазами чужака (если, конечно, злая судьба не забросила тебя в совсем уж мерзопакостную дыру).

В полдень мы забрели на мост Гребень Ехо. Решили перекусить в одном из многочисленных кафе, остроконечные крыши которых придают самому большому мосту столицы сходство со спиной стегозабра.

За одним из столиков обнаружился сэр Мелифаро, изрядно потрепанный и даже без нарядной маски, что для такого модника, как он, означало окончательное и бесповоротное падение. Осунувшееся лицо, голодные глаза, эффектно очерченные темными полукружьями усталости, — человек, нетерпеливо ожидающий заказа после бессонной ночи, обычно чертовски похож на прету.

— Одна шутка на сортирную тему, и я брошусь с моста! — сразу предупредил он. — Достали!

Но мы и не думали насмешничать. Взирали на коллегу с неподдельным сочувствием. Бедняга уже не первый день разбирался с несколькими запутанными происшествиями: одной смертью, двумя помешательствами, двумя сердечными приступами и четырьмя глубокими обмороками. Известную пикантность всем этим несчастным случаям придавало то обстоятельство, что происходили они исключительно в уборных.

Когда на Мелифаро повесили эти дела, он сам ржал, как невоспитанная лошадь, а его комментарии могли бы заставить покраснеть даже генерала Городской Полиции Бубуту Боха, который до сих пор считался непревзойденным специалистом в области фекальной лексики. Однако укатали сивку крутые горки: на следующий день, погрузившись, так сказать, в материал, он уже морщился от наших шуточек на эту волнительную тему, а теперь вот даже утопиться грозился.

— Мы не будем тебя мучить, — пообещала Меламори. — Нельзя же полдюжины дней кряду шутить по одному и тому же поводу!

— Ты-то, возможно, не будешь, — проворчал Мелифаро. — А этот жуткий тип, с которым ты везде шляешься, — что, кстати сказать, совершенно не пристало леди из хорошей семьи! — будет. Хвала Магистрам, я его не первый день знаю...

— Я буду молча жевать, сохраняя скорбное выражение лица, если это

доставит тебе радость, — пообещал я. — Можно составить тебе компанию или лучше сделать вид, что нас тут не было?

— Сделайте вид, что вы тут есть, — устало улыбнулся он. — Я по живым людям соскучился, по правде говоря. Света белого не вижу, из сортиров не вылезаю. Впрочем, можете меня поздравить, расследование закончено. Сейчас съем что-нибудь и пойду спать, если не усну прямо за этим столом... Кстати, наш шеф все же редкостная свинья. Я послал ему зов, чтобы сообщить о своем бессмертном подвиге. И знаете, что он ответил?

— Попробую угадать, — усмехнулся я. — Скорее всего, он искренне удивился, что ты не закончил расследование тремя днями раньше.

— Да, в отличие от меня, ты разбираешься в людях, — удрученно признал Мелифаро. — Добавлю только, что шеф не сразу вспомнил, о каком деле идет речь. А я-то, дурак, рассчитывал на памятник в полный рост перед входом в Дом у Моста. Так гордился собой...

— Ничего, — утешил его я. — Теперь мы тоже будем тобой гордиться, хочешь?

— Хочу, — кивнул он. — Можете начинать.

— Сразу после того, как ты расскажешь нам душераздирающие подробности этого таинственного дела, — пообещал я.

— Смех смехом, а подробности действительно вполне душераздирающие, — заметил Мелифаро. — Ладно уж, расскажу. Только съем что-нибудь, если хозяин этого заведения не пал очередной жертвой нового сортирного демона — от старого-то я и пепла не оставил. Зря улыбаетесь, кстати. Я не шучу. Это был именно демон.

— Сортирный демон? — изумилась Меламори.

— Да, незабвенная, именно сортирный и именно демон, можешь себе представить, — буркнул Мелифаро.

Тут ему наконец принесли заказ. Опрокинув рюмку какой-то огненной воды местного разлива и умяв полпорции сырного танга, Мелифаро почти вернул себе прежний человеческий облик и принялся рассказывать.

— В Ехо объявилась очередная пакостная тварь из иного Мира. По крайней мере, хочется думать, что именно из иного: было бы печально обнаружить, что у нее здесь осталось множество братиков и сестричек. Эта разновидность тварей питается человеческим страхом, что само по себе не новость. В юности, когда я пытался получить хорошее образование и в связи с этим изредка заставлял себя читать умные книжки, я раз и навсегда уяснил, что способность питаться чужим страхом является одним из видовых признаков демона. Но на практике я до сих пор ни с чем

подобным не сталкивался. Хотите правду, ребята? Эта пакость хорошо знает свое дело. Что она умеет, так это внушать страх, противостоять которому невозможно. К счастью, оказалось, что я вполне могу действовать, невзирая на страх. В противном случае я бы пополнил список безнадежных пациентов какого-нибудь городского знахаря. Тешу себя надеждой, что меня, как персону значительную и для Соединенного Королевства бесценную, выхаживал бы сам Абилат Парас.

— Но при чем тут сортиры? — с любопытством спросил я. — Неужели выяснилось, что именно там ткань, разъединяющая Миры, особенно тонка? Было бы обидно: все же я вынужден изредка посещать эти места.

— Правда, что ли? — Мелифаро заставил свою физиономию изобразить гримасу удивления. — Как интересно! Впрочем, можешь быть спокоен, вряд ли эта клятая ткань истончилась именно в столь любимых тобою помещениях. Просто демон оказался сообразительным. Он быстро понял, что — только не вздумайте ржать, ребята, я до сих пор горжусь своим открытием! — человек, сидящий в уборной, особенно уязвим. В глубине души мы считаем свои сортиры самым надежным укрытием. Там мы не ждем ни чудес, ни подвохов. А тот, кто уверен в собственной безопасности, абсолютно беззащитен — это же известная аксиома!

— Забавно, — улыбнулся я. — Но похоже на правду.

— Похоже, — серьезно согласилась Меламори. — Мы беззащитны, когда находимся дома. Еще более беззащитны в спальне. Но в уборной... Да, пожалуй. Твой демон прав, Мел.

— Ага. Он прозорлив и не брезглив. Но, к счастью, излишне самоуверен. В противном случае вряд ли я бы его так быстро поймал. Впрочем, у меня несколько суток ушло только на то, чтобы узнать о его существовании. А уж наша встреча лицом к лицу была воистину незабываемым событием! До сих пор не могу поверить, что мне удалось его уничтожить: я так перепугался, что забыл, как меня зовут. А ведь знал заранее, *что* мне предстоит... В общем, намаялся я с этим грешным расследованием! — уныло заключил Мелифаро.

— Но теперь-то все, — напомнила ему Меламори.

— Ага, все. Если только не окажется, что этот демон был малолетним несмышленышем, который попал в наш Мир по глупости, и вслед за ним не заявится его мамаша, — горестно вздохнул наш бравый охотник за привидениями.

На этой оптимистической ноте он все же отправился спать, доверчиво завещав нам свой счет — не настолько, впрочем, большой, чтобы я

почувствовал себя банкротом.

— Когда я только поступила на службу в Тайный Сыск, эта история о демоне меня бы ужаснула, — задумчиво сказала Меламори. — Я бы, чего доброго, отказалась ходить в уборную без эскорта. Пару лет назад она бы меня испугала, но мне удалось бы взять себя в руки и даже помочь Мелифаро в его тяжком труде — если бы это вдруг понадобилось. Год назад я бы страстно пожелала лично встретиться с этим хваленным демоном и испытать свою силу. А сейчас... Сейчас мне просто не очень интересно. Так, забавно, не более того.

— А ведь ты права, — признал я. — Могу сказать о себе примерно то же самое.

— Мир стал менее угрожающим, правда? — словно бы рассеянно спросила она. И, не дожидаясь ответа, добавила: — Но и менее ярким. Все оттенки бытия потускнели, будто не живем, а при свечах ужинаем: уютно, интимно, но как-то не всерьез. И словно бы ненадолго... К тебе это не относится, Макс. Но ко всему остальному — относится. В последнее время мне кажется, что мир лежит под толстым стеклом: он — отдельно, я — отдельно. Только этот давешний страх, когда мы с тобой решили, будто туман — это чужой сон, был таким настоящим! Странно получается: неужели следует жить от страха до страха, снисходительно принимая все удовольствия, которые находятся в промежутке?

— Страх действительно одна из самых сильных эмоций, — согласился я. — Встряхивает, освежает... Но с чего это тебя так занесло?

— Меня не занесло, — сердито возразила Меламори. — С кем мне и быть откровенной, если не с тобой? Мы с тобой много разговариваем, Макс. Но мы все время говорим о пустяках и почти никогда о том, что действительно важно. Разве это не странно? Надо бы наоборот.

— Надо бы, — согласился я. — Но мы же обормоты бессмысленные, правда?

— Правда, правда, — снисходительно откликнулась она и выжидающе уставилась на меня.

Я понял, что если немедленно не скажу что-нибудь умное, меня съедят вместо десерта — и поделом!

Пока я лихорадочно перебирал про себя тезисы, подходящие для грядущего выступления, Меламори почти жалобно спросила:

— Макс, неужели ты не понимаешь, о чем я говорю? Никогда еще не жилось мне так славно, как сейчас... но в то же время никогда еще мне не казалось, будто я вижу мир сквозь пыльное цветное стекло. Никогда

прежде меня не приводило в ужас собственное равнодушие к происходящему. Раньше все было «взаправду». А теперь — почему-то нет.

— Да, пожалуй, — неохотно признал я. — Если честно, я очень хорошо понимаю, о чем ты говоришь. Даже слишком хорошо, на мой вкус. Знаешь, в детстве я очень любил сказку о мальчике, у которого была волшебная кисть: все, что он рисовал этой кистью, оживало. Дело кончилось тем, что он ушел жить в одну из своих картин. Мне время от времени кажется, будто я тоже живу в картине. Не знаю только, кто ее нарисовал... И ты совершенно права: лишь в минуты смертельной опасности или страха реальность опять обретает плоть. Просто мне почему-то трудно обсуждать эту тему. Даже с тобой. Да что там — наедине с собой я тоже гоню прочь эти мысли.

— Живешь в картине... — задумчиво повторила она, словно взвешивая на языке мои слова, чтобы убедиться в их точности или, напротив, отвергнуть. — Да, пожалуй, похоже. Странно, правда?

— По большому счету, все странно, — вздохнул я. — И все необъяснимо...

— Все объяснимо, если дать себе труд овладеть некоторыми навыками логических построений. Не следует полагать свою личную беспомощность одним из законов мироздания, — укоризненно сказал голос свыше.

Он действительно прозвучал именно свыше, поскольку мы с Меламори сидели, а обладатель голоса стоял у нас за спиной, да еще и был наделен от природы изрядным ростом.

Мы вздрогнули от неожиданности и обернулись. Рупором небес оказался сэр Шурф Лонли-Локли. Надо отдать должное, эта роль была парню к лицу — она отлично сочеталась с неподвижностью его лицевых мускулов, ангельской белизной лоохи и скрещенными на груди смертоносными руками.

— Однако, сюрприз, — наконец сказал я. — Откуда ты здесь взялся?

— Просто шел мимо, — невозмутимо объяснил Шурф. — Пожалуй, я бы не стал мешать вашей беседе, но я услышал несколько фраз и подумал, что могу быть вам полезен.

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросил я.

Меламори явно нервничала. Бросала на Лонли-Локли встревоженные взгляды, словно он был лечащим врачом, которому предстояло выявить наш диагноз, один на двоих, а потом изложить свои взгляды на методы лечения. Огласить, так сказать, приговор...

— Но ведь приговоров не бывает, — сказал я вслух. — Бывают только слова, которые можно принять к сведению, а можно пропустить мимо

ушей.

Они оба уставились на меня: Меламори — изумленно, словно я прочитал ее мысли (впрочем, разве я их не прочитал?), а Шурф смотрел понимающе и даже, кажется, одобрительно.

— Ты что-то говорил о своей полезности, — улыбнулся я ему. — Имей в виду, польза — это не обязательно, мы в любом случае рады, что ты к нам подошел. Но раз уж заинтриговал, договаривай.

— В одной из рукописей эпохи владычества дочерей Халлы Махуна Мохнатого, старинная копия которой хранится в моей библиотеке, сказано, что есть люди, которым дана одна длинная жизнь, и есть люди, кому дано много коротких жизней...

Я вопросительно поднял брови, поскольку еще не понимал, к чему он клонит, и Шурф неторопливо продолжил:

— Там было написано, что первые, сколь бы извилист ни был избранный ими путь, следуют им неторопливо, но неуклонно, к финальному триумфу или к бесславной гибели — это уже дело удачи и воли. Для них каждый новый день — закономерное следствие дня предыдущего. Если такой человек достаточно мудр, чтобы поставить перед собой великую цель, у него есть шанс рано или поздно достичь желаемого. А про вторых было сказано, что у таких людей душа изнашивается гораздо быстрее, чем тело, и они успевают множество раз умереть и родиться заново прежде, чем последняя из смертей найдет их. Поэтому жизнь таких людей похожа на существование расточительных игроков: как бы велик ни был сегодняшний выигрыш, не факт, что им можно будет воспользоваться завтра. Впрочем, и за проигрыши им расплачиваться приходится далеко не всегда. Ты не находишь, что это описание как нельзя лучше подходит к тебе?

— Наверное, — я пожал плечами.

— И ко мне, — твердо сказала Меламори.

— Да, леди, и к тебе. Вы с Максом вообще похожи больше, чем кажется поначалу, — согласился Шурф.

Только теперь он соблаговолил усесться на один из пустующих стульев.

— Да, разумеется, мы похожи, — эхом откликнулась она. — И вообще, все что ты рассказал, очень интересно. Но какой вывод мы должны сделать из твоих слов, Шурф? Что наша жизнь подошла к концу и следует ждать, когда начнется новая? А если она, эта новая, нам не понравится?

— Чаще всего так и бывает, — флегматично заметил Лонли-Локли. — Никому не нравится новая жизнь — поначалу. Потом проходит время, и

старые воспоминания могут вызвать лишь снисходительную улыбку. Чего ты хочешь от меня, леди? Чтобы я рассказал тебе, что ждет вас впереди? Но я не прорицатель. Просто коллекционер книг, который дает себе труд ознакомиться с содержанием своей коллекции. Могу сказать лишь одно: тот, кому жизнь стала казаться сном, должен ждать или смерти, или перемен. Что, в сущности, одно и то же. Извините, если я испортил вам обед.

— Ну что ты, сэр Шурф, — ехидно сказала Меламори. — Мы с тобой так мило щебечем! А если я сейчас разревусь, вы с Максом меня простите. Думаю, я заслужила право на одну истерику в год, а в этом году я еще ничего в таком роде не устраивала.

— Какая ты грозная, — улыбнулся я. — Отложи свою истерику до конца года. Шурф не сказал ничего ужасного. Любому живому человеку следует ждать смерти и перемен: лишь эти ожидания никогда не оказываются обманутыми. Вон и Джуффин нам переменами грозил с утра пораньше, что тут будешь делать?

— Я в той же лодке, что и вы, — флегматично заметил Лонли-Локли. — Правда, все мои жизни до сих пор оказывались весьма продолжительными. Но это как раз не имеет значения.

— Да, Шурф, я знаю, — вздохнула Меламори. — Все верно, Макс, все правильно... Но я нередко замечала, что можно подолгу томиться ожиданиями и предчувствиями на фоне размеренно текущей жизни — до тех пор, пока не появится кто-то и не сформулирует вслух то, что тебе лишь смутно мерещилось. И тогда все сразу случается: предчувствия сбываются, ожидания оправдываются. Иногда сказать вслух — все равно что прочитать заклинание, правда?

Лонли-Локли авторитетно покивал, я пожал плечами. Однако она как в воду глядела.

Четверть часа спустя сэр Джуффин Халли прислал мне зов и велел как можно скорее приезжать в Замок Рулх.

Я озадаченно покачал головой: что-то в последнее время Королевская резиденция перестала казаться мне оплотом спокойствия и стабильности! Поручил Шурфу поднять настроение Меламори — тем паче, что он сам его испортил! — и отправился на свидание с неугомонным шефом.

На первый взгляд в замке было спокойно. Пожалуй, даже чересчур спокойно. Столь безлюдной и тихой Королевская резиденция на моей памяти еще никогда не бывала.

Толстый пожилой охранник, не задавая лишних вопросов, проводил

меня ко входу в огромный прохладный зал и с проворством, удивительным для человека столь грузной комплекции, растворился в полумраке коридора.

В зале не было никого, кроме Джуффина. Однако помещение не производило впечатление пустого: когда мой шеф всерьез озабочен, он способен заполнить собой любое пространство.

— Что случилось? — обреченно спросил я.

— Хороший вопрос, — усмехнулся Джуффин. — Можно сказать, случилось все. Тебя удовлетворит такой ответ? Подозреваю, что нет. Собственно, тебя хотел видеть Мёнин. По его просьбе я тебя и позвал. Возможно, он даст тебе более развернутый ответ. Возможно — нет. Не знаю. Его причуды вне сферы моей компетенции.

— Как — Мёнин? — опешил я. — Он что, нашелся?

— Представь себе, — хмыкнул шеф. — При чем ведет себя так, словно и не пропадал никуда. Как будто не прошли тысячелетия, не было всех Королевских династий, пришедших ему на смену. Отослал Гурига в летнюю резиденцию. Снисходительно сказал, что это, дескать, ненадолго. Тот слова поперек не вымолвил. Собрал вещички, взял с собой пару дюжин юных лоботрясов, которые его развлекают, и поехал в Замок Анмокари.

— Ну дела... — растерянно протянул я. — И что?

Я захлебнулся собственным вопросом, поскольку не знал, как его сформулировать.

— А Магистры его знают, — отмахнулся Джуффин. — А чего ты, собственно, хочешь, сэр Макс? Я не раз присутствовал при эпохальных исторических событиях. Можешь поверить моему опыту: непосредственный участник обычно не ощущает ничего, кроме растерянности и смятения. Только потом, задним числом, можно понять, что, собственно, случилось, и засесть за мемуары.

— Представляю, сколько бы вам отвалили за мемуары, — рассеянно сказал я — лишь бы поддержать беседу.

— Да, немало, — с достоинством кивнул он. — Но зарабатывать литературным трудом?! Фи, мальчик, не так еще плохи мои дела. На худой конец, я довольно способный карманник.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся я. — А где Мёнин-то?

— Пошел прогуляться по замку, — пожал плечами шеф. — Сейчас вернется... или не вернется, а снова исчезнет, еще на несколько тысячелетий. Расслабься, сэр Макс. В нашей с тобой жизни начался светлый, в сущности, период: от нас теперь ничего не зависит.

— Меня это нервирует, — признался я.

— Догадываюсь. Однако ничем помочь не могу. Не могу даже сказать, что ты напрасно дергаешься. А вдруг потом окажется, что не напрасно?

— Странный вы сегодня, Джуффин, — укоризненно сказал я. — На себя не похожи.

— Ничего удивительного, поскольку я вовсе не Джуффин, — неожиданно расхохотался мой собеседник.

Внешность его теперь менялась, да так эффектно, словно на создание этого чуда были брошены лучшие силы Голливуда. Высокий худой бритоголовый старик с профилем хищной птицы превращался в моложавого симпатичного дядьку с пушистыми, как у ребенка, волосами, выбивающимися из-под знаменитой шляпы, яркими темными глазами и чувственным ртом. Он заговорщически подмигнул мне и доверительным тоном как ни в чем не бывало начал рассказывать.

— Когда я был совсем юным принцем, я был весьма стеснительным молодым человеком. Слишком стеснительным для принца. Настолько, что порой это мешало мне выполнять некоторые обременительные светские обязанности, из которых, собственно, и состоит жизнь наследника престола. Особенно скверно получалось, когда мне приходилось принимать иностранцев и других высокопоставленных персон, с которыми я не был знаком прежде. Необходимость говорить с незнакомцем меня парализовывала: я был неспособен толком ответить на поклон; о том, чтобы поддерживать беседу, и речи не шло. И однажды наш старый дворецкий дал мне очень толковый совет. Он сказал, что если изменить свой облик, все сразу становится просто. Словно это уже не ты ведешь беседу, а кто-то другой. Чужой человек, за чьи слова и поступки ты не несешь никакой ответственности. Я попробовал и тут же убедился в его правоте: перемена облика действительно развязывает руки. Не стану утверждать, будто я по-прежнему застенчив, но с тех пор за мной водится привычка начинать первую беседу с незнакомым человеком с такого вот невинного розыгрыша.

У меня голова кругом шла, поэтому единственный вопрос, который пришел мне в голову, был прост и не имел никакого отношения к откровениям легендарного Короля.

— А где сам Джуффин?

— Джуффин? Могу ошибаться, но подозреваю, что он уже начал искать ответ на загадку, которую в глубине души почитает великой тайной. Другими словами, изучает путь, которым я пришел сюда, дабы уразуметь, откуда я вернулся. Я не стал ему мешать: он ведь так любит тайны, твой хитрый начальник!

— Только тайны он и любит, по-моему, — растерянно подтвердил я.

— Ну вот. Значит, он теперь вполне счастлив, и тебе не следует о нем беспокоиться. Но разве тебя не удивляет наша встреча?

— Нет, — честно сказал я. — Всегда знал, что она случится. Порой подозревал, что очень скоро. Но я не думал, что все произойдет так буднично. Мне почему-то казалось, что при этом грянет гром, разверзнется небо или еще какая мистическая глупость случится. На худой конец, хоть Хурон из берегов должен бы выйти.

— Ну уж... — поморщился Мёнин. — Только потопа нам не хватало. Я, конечно, мог бы его устроить, но зачем? Ненавижу излишества.

— А я потерял ваш меч, — ни с того ни с сего брякнул я. — Вернее, не потерял, а отдал беглому Магистру Хонне. В обмен на жизнь Нуфлина Мони Маха, который, впрочем, все равно ехал умирать в Харумбу...

— Меч? — Мёнин непонимающе нахмурился. — Какой еще меч?

— Ну как же, — растерянно пояснил я. — Тот самый, который вонзила в меня ваша Тень, когда мы с ней...

— Оставь это, — отмахнулся Мёнин. — Если бы я был вынужден помнить все свои слова и поступки, я бы давно рехнулся. Неужели ты полагаешь, будто я интересуюсь проделками моей Тени? Ее жизнь — это ее жизнь, меня она не касается.

От этого его заявления я окончательно растерялся.

— Одно из двух, — увлеченно продолжал Мёнин, — или мне приписывают слишком много чужих подвигов и деяний, или я в совершенстве постиг науку забвения. Послушать этих ваших современных историков — так только я один и совершал великие дела. Можно подумать, ни до меня, ни после королей толковых не было, и даже колдунов мало-мальски умелых всего пара штук. Вот что значит не умереть в свой срок, по-человечески, в присутствии рыдающих от счастья наследников, а исчезнуть невесть куда! Не так уж сложно стать живой легендой, правда?.. Ох, я уже сегодня наслушался! Оказывается, древнее искусство призывать в свой сон тени живых и умерших, в котором я, признаться, не так уж преуспел, почему-то названо в мою честь. А еще более древнее искусство совершать путешествия между Мирами, преобразовав свою телесную оболочку в туманную материю, из коей сотканы призраки, почему-то считается не действием, а пространством, именуется Изнанкой Темной Стороны и тоже считается моим изобретением. С какой, интересно, стати?! Ну да, я не раз путешествовал этими тропами, было дело, но какому умнику взбрело в голову, будто я — первый?

— Интересно получается, — протянул я. — Что же, и Лабиринт ваш

— тоже не ваш Лабиринт?

— Ну почему же, Лабиринт-то как раз вполне мой, — гордо признался Мёнин. — Одно время это было любимое дворцовое развлечение. Только я не создал его, а просто нашел вход. Впрочем, возможно, это одно и то же.

— А вы мне не мерещитесь, часом? — подозрительно спросил я. — Как-то все неправильно происходит. Не по-настоящему.

— Хороший вопрос, — обрадовался Мёнин. — Вообще-то, надо бы ответить: «Все всем мерещатся», но я понимаю, что философия тебя сейчас не интересует. Что ж, я мерещусь тебе, но не более, чем все остальные. Или скажем так: не больше, чем ты мне.

Все это время я чувствовал себя сбитым с толку, растерянным и каким-то отупевшим. Словно бы сила разом ушла от меня, и опыт перестал быть фундаментом, позволяющим твердо стоять на ногах, и разум снова беспомощен, как ребенок, который пытается освоиться в мире взрослых.

Мёнин, кажется, отлично понимал, в каком я состоянии, и старался вести себя дружелюбно и непринужденно. Я оценил его великодушие, но почему-то не мог ответить тем же: был напряжен, недоверчив и вообще нервничал, чем дальше, тем больше.

— Минувшей ночью ко мне заходил один господин, Мастер Совершенных Снов, — наконец сказал я. — Жаловался, что ему снятся мои сны. До сих пор не могу представить, что такое возможно!

— Да, иногда воображение тебе отказывает, — невозмутимо заметил Мёнин. — И что же?

— Как — что?! Он говорил, что в этих самых якобы моих снах ему являлись вы. Сулили скорую встречу. Теперь вижу, что не обманывали. Но зачем все эти сложности? Почему вы не могли просто взять да и присниться мне, если уж считали необходимым предупредить о визите?

— Ты, наверное, полагаешь, будто я могу ответить на этот вопрос? — рассмеялся Мёнин. — Что ж, значит, будешь разочарован. Видишь ли, сэр Макс, я обычно не ведаю, что творю, как и многие Вершители. Я слаб в теории, я — практик. И, судя по количеству легенд, сложенных обо мне, неплохой. Тебя удивляет, что чужому человеку снились твои сны? Что ж, я знаю, что так порой бывает, но понятия не имею почему. Ты говоришь, будто я являлся этому господину во сне и назначал тебе свидание? Вполне возможно. Я не помню ничего в таком роде, но я вообще запоминаю хорошо если одно из дюжины событий, которые со мной происходят. Короткая память — залог долгой жизни, знаешь ли.

— Не помните?! Как такое может быть?

Я предпочел бы думать, что он водит меня за нос, сочиняет на ходу

какие-то байки, врет беззастенчиво, неуклюже и без особых на то оснований.

— Понятия не имею, — беззаботно откликнулся этот оживший миф, чтобы ему пусто было. — Давай не будем отвлекаться на всякую метафизическую чушь, в которой я все равно мало что смыслю, ладно? Я хотел повидаться с тобой — что ж, это, можно сказать, уже сделано. Кроме того, я хотел поговорить с тобой как со своим преемником...

— Как — с преемником?! — взвыл я. — Ни за что! Я уже был Владыкой Фангахра, и мне клятвенно обещали, что на этом эксперименты с хождением во власть закончены. А чем вас Гуриг не устраивает? Такое хорошее Величество!

— Да успокойся ты, — почти брезгливо поморщился Мёнин. — Не тараторь. Я и не думал делать тебя Королем. Зачем? В Соединенном Королевстве, как ты сам справедливо заметил, уже есть один монарх, притом действительно неплохой. Настолько неплохой, что я могу спокойно исчезнуть еще на несколько тысячелетий. При нынешнем Гуриге эта земля расцветет так, что нынче и вообразить невозможно.

— Ну, хвала Магистрам, — вздохнул я. — Извините. С тех пор как меня практически насильно сделали царем кочевников из Пустых Земель, я все время начеку.

— У тебя на родине такое «начеку» называется «паранойя», — ехидно подсказал Мёнин.

— Но почему вы тогда называли меня преемником?

— Да потому что ты и есть мой преемник. Единственный Вершитель на несколько поколений столичных жителей. В горах графства Шимара — вернее, на Темной Стороне этих гор — скрывается еще один, но у него и без того есть Мир, который надо держать. Кстати, сэр Макс, знаешь ли ты, зачем нужны Вершители?

— Чтобы было, — мрачно ответил я. — А что, есть и другие версии?

— О, предостаточно! Но я хочу рассказать тебе не версию, а сущую правду. Вершители нужны, чтобы держать Мир. Это все. Больше ни на что мы с тобой, по большому счету, не годимся.

Мне не нравилось все, что говорил этот блудный монарх. Я не хотел его слушать. Только врожденная застенчивость помешала мне демонстративно заткнуть уши. Но как я был близок к этому!

— Поначалу всякий Вершитель считает себя обычным человеком, — обстоятельно рассказывал Мёнин. — Это, так сказать, младенчество Вершителя. Бессмысленное, в сущности, время, которое, однако, оказывает роковое влияние на всю последующую жизнь. Хвала Магистрам, ты еще не

слишком испорчен, скажи спасибо некоторым обстоятельствам твоей жизни, которые ты опрометчиво полагал неблагоприятными. Потом приходит момент, когда Вершитель понимает, что все его желания сбываются, — и, можно сказать, идет вразнос, опьяненный собственным могуществом. А потом приходит время браться за работу — тяжкую, неблагодарную и, по большому счету, бесполезную. Тем не менее так уж все устроено.

— Какую работу? — тупо переспросил я.

— Как это — какую?! Держать Мир, что же еще? Ничего другого от нас с тобой, в сущности, не требуется.

— Но как это — держать Мир? Я не понимаю.

— Потом поймешь, не переживай. Это само приходит, как чих, — усмехнулся Мёнин. — Не ломай над этим голову, сэр Макс. Все равно ни до чего путного не додумаешься. Просто потому, что до некоторых тайн не додумываются — их узнают.

— Ладно, если вы говорите, значит, так оно и есть, — обреченно кивнул я, чувствуя себя абсолютным, можно сказать, совершенным ослом.

— Все это пустяки. Сегодня я хотел поговорить с тобой о другом. О времени. Видишь ли, в конечном итоге оказывается, что человеку не так уж много следует знать. Большинство так называемых знаний бесполезны. Разве что как занятие для беспокойного ума, дабы всегда был при деле. Но совершенно необходимо знать, что такое время — единственная стихия, которой трудно, почти невозможно противостоять!

Я ответил ему вопросительным взглядом. Мёнин, кажется, был доволен, что ему удалось пробудить мое любопытство.

— Есть люди, для которых время подобно воде — в зависимости от темперамента и личных обстоятельств они представляют его себе в виде бурного потока, все разрушающего на своем пути, или ласкового ручейка, стремительного и прохладного. Это они изобрели клепсидру — водяные часы, похожие на капельницу; в каком-то смысле каждый из них — камень, который точит вода; поэтому живут они долго, а стареют незаметно, но необратимо. Есть те, для кого время подобно земле, вернее, песку или пыли: оно кажется им одновременно текучим и неизменным. Им принадлежит честь изобретения песочных часов; на их совести тысячи поэтических опытов, авторы которых пытаются сравнить ход времени с неслышным уху шорохом песчаных дюн. Среди них много таких, кто в юности выглядит старше своих лет, а в старости — моложе; часто они умирают с выражением неподдельного изумления на лице, поскольку им с детства казалось, будто в последний момент часы можно будет

перевернуть... Есть и такие, для кого время — огонь, беспощадная стихия, которая сжигает все живое, чтобы прокормить себя. Никто из них не станет утруждать себя изобретением часов, зато именно среди них вербуются мистики, алхимики, чародеи и прочие охотники за бессмертием. Поскольку время для таких людей — убийца, чей танец завораживает, а прикосновение отрезвляет, продолжительность жизни каждого зависит от его персональной воинственности и сопротивляемости. И, наконец, для многих время сродни воздуху: абстрактная, невидимая стихия. Лишенные фантазии относятся к нему снисходительно; тем же, кто отягощен избытком воображения, время внушает ужас. Первые изобрели механические, а затем и электронные часы; им кажется, будто обладание часами, принцип работы которых почти столь же абстрактен, как сам ход времени, позволяет взять стихию в плен и распоряжаться ею по своему усмотрению. Вторые же с ужасом понимают, что прибор, измеряющий время, делает своего обладателя его рабом. Им же принадлежит утверждение, будто лишь тот, кому удастся отождествить время с какой-то иной, незнакомой человеку, стихией, имеет шанс получить вольную... Осталось понять, к какой группе принадлежишь ты.

— Не знаю, — удивленно откликнулся я. — Наверное, все же к последней...

— Так почти все говорят, и это лишний раз доказывает, что люди обычно очень плохо разбираются в собственной природе. Мне кажется, ты принадлежишь к тем, для кого время — земля, пыль, прах. Неужели ты никогда не сравнивал время с песком, утекающим сквозь пальцы? Неужели никогда не опасался увязнуть во времени, как в зыбучих песках?

— Было дело, — невольно улыбнулся я.

— Ну вот. Значит, я прав.

— Возможно. Но зачем вы мне это рассказываете?

— Будешь смеяться, — лукаво прищурился Мёнин, — но я просто пытаюсь подарить тебе рецепт бессмертия. Не откажешься принять его из рук того, кто родился столько тысячелетий назад, что придворные историки расходятся во мнениях, когда пытаются датировать мои письма, сохранившиеся в дворцовом архиве?

— Не откажусь. Что за рецепт?

— Только не жди от меня волшебной пилюли, — усмехнулся он. — Ее не существует. Бессмертие — это не драгоценность, которую можно заполучить и навсегда оставить при себе, а всего лишь игра в прятки со смертью в переулках времени. Тому, кто хочет стать хорошим игроком, следует изучить место действия, как свою ладонь. Я нарисовал для тебя

первую карту, приблизительную и схематическую, конечно. Остальные карты тебе придется чертить самостоятельно. Изучай время. Попробуй воспринимать его всеми способами, о которых я тебе рассказал, — поочередно. Потом тебе придется изобрести новые способы, неизвестные никому, кроме тебя. Потом... Впрочем, откуда мне знать, что будет потом? Возможно, ты окажешься хорошим игроком в прятки.

— Но я не понимаю, — почти простонал я.

— Ничего страшного. Главное, ты услышал и запомнил. Для начала достаточно. Понимание придет позже, когда меня не окажется рядом, потому что я уже не буду тебе нужен. На этом мы закончим беседу, если не возражаешь. Я устал.

— А вы способны уставать?

— Я на все способен, — рассмеялся Мёнин. — Однако в большинстве случаев фраза «я устал» — просто способ вежливо отделаться от собеседника.

— Со мной можно не церемониться, — усмехнулся я. — Достаточно просто сказать: «Иди на фиг, дружище». И я пойду.

— Иди на фиг, дружище, — тоном прилежного ученика повторил Мёнин. Хорошо хоть не по слогам!

И я ушел.

Первое, что я сделал, оказавшись в коридоре, — послал зов Джуффину. Мне требовалось не менее дюжины добрых советов или хотя бы одно дружеское плечо, причем немедленно.

Ответом было гробовое молчание — в точности, как в ту пору, когда я тщетно пытался связаться с шефом, подъезжая к Кеттари. По всему выходило, что кого-то из нас нет в этом Мире. Оставалось понять, кого именно.

Эту задачу я решил просто — поочередно связался с Меламори, Шурфом и Мелифаро; потом на всякий случай немного поболтал с несколькими знакомцами, не имеющими никакого отношения ни к Тайному Сыску, ни к легендарным Королям, ни к нашим обременительным тайнам. Распровавшись со своим давним приятелем, трактирщиком Мохи Фаа, я окончательно убедился, что в иной Мир на сей раз занесло не меня, а моего неугомонного шефа. Это было некстати, но вполне объяснимо: Мёнин сам говорил мне, что Джуффин отправился на охоту за тайнами, а эти проворные зверьки способны завести ловца куда угодно.

Мои старания выпросить у замковой прислуги, что у них тут, собственно, происходит, особым успехом не увенчались. Я выслушал

дюжину подробных описаний отъезда Его Величества в летнюю резиденцию. Это было ужасно, поскольку речь шла о Короле, а говорить о столь важной персоне простым человеческим языком его слуги не станут даже под страхом немедленного умерщвления. Собственно же информация состояла в том, что вскоре после полудня Гуриг внезапно сорвался с места и уехал в Замок Анмокари. Ну так это я и раньше знал.

Сведения о Джуффине были темны и туманны. Несколько стражей клятвенно заверили меня, что сэр Джуффин Халли не переступал сегодня порог замка Рулх. Но один их коллега, напротив, уверял, что господин Почтеннейший Начальник приходил сегодня дважды, причем с очень коротким интервалом, чем поверг доблестного служаку в крайнее изумление. Несколько придворных видели его в коридорах и даже обменялись поклонами. Правда, с тех пор миновало несколько часов. Ни одного свидетеля отъезда моего шефа из Замка Рулх так и не сыскалось.

Ну да, конечно. А чего я еще хотел?

Неудивительно, что я прибыл в Дом у Моста в растрепанном состоянии души. Административный инстинкт, однако, требовал немедленных действий.

В частности, я понимал, что отсутствие шефа может затянуться, а жизнь, увы, будет продолжаться и без него, со всеми вытекающими криминальными последствиями. Следовательно, я был обязан не только сообщить коллегам, что сэр Джуффин, возможно, взял продолжительный отпуск, но и позаботиться, чтобы в его отсутствие не наступил конец света в отдельно взятом Малом Тайном Сыскном Войске города Ехо.

Через полчаса оное сыскное войско в полном составе собралось в Зале Общей Работы. Гамма переживаний, четко обозначенная на моей (выразительной, увы) роже, их заинтриговала. Мелифаро нетерпеливо подпрыгивал на высоком табурете, Меламори встревоженно смотрела на меня, заранее предвкушая грядущие новости, зато Нумминорих лучился щенячьим энтузиазмом неопита. Кофа с демонстративной неспешностью раскуривал трубку, вопросительно поглядывая на меня, но я слишком хорошо изучил старого пройдоху и был уверен, что он знает о странных событиях сегодняшнего дня куда больше моего. Кекки Туотли, его способная ученица, рассеянно разглядывала трещинки на столе, ее красивое лицо сохраняло непроницаемое выражение. Луукфи Пэнц нетерпеливо обводил глазами присутствующих, не в силах дожидаться окончания скучного, по его мнению, собрания, после которого можно будет вернуться в Большой Архив или, того лучше, отправиться домой. И лишь

сэр Лонли-Локли имел вид торжественный и печальный — ни дать ни взять наследный принц на похоронах своего папеньки.

— Не тяни, Макс, — проворчал Мелифаро. — На нас потом налюбуеться. Надеюсь, ты позвал нас не для того, чтобы попрощаться навеки?

— Не дожدهшься! — ухмыльнулся я. А потом вкратце пересказал им события сегодняшнего дня.

Воспроизвести «нобелевскую речь» Короля Мёнина, посвященную природе восприятия времени я, впрочем, даже не пытался. Да и к делу она, собственно, отношения не имела.

А дело у нас было всего одно, зато очень важное — понять, как мы будем жить в отсутствие Джуффина. Что касается Мёнина и Гурига, я решил махнуть на них рукой и ни во что не вмешиваться, даже если в Замок Рулх заявится еще дюжина древних Королей. Пусть составляют себе график царствования и усаживаются на трон поочередно. Их проблемы.

— Не вижу особых проблем, мальчик, — флегматично заметил сэр Кофа. — У Джуффина, хвала Магистрам, есть заместитель. Этот заместитель — ты. По-моему, все ясно...

— Если уж на то пошло, у Джуффина целых два заместителя, — заметил я, с надеждой взирая на Мелифаро. Мой товарищ по несчастью так и взвился:

— Как пирожные с шефом в кабинете трескать, так заместитель один, а как работу работать, так сразу два. Интересная арифметика!

Я лишь отмахнулся: тоже мне, нашел время жаловаться на жизнь... Обвел глазами присутствующих. Кажется, они всерьез полагали, будто я способен возглавить Тайный Сыск. Я с надеждой покосился на дверь Джуффинова кабинета: вдруг объявится пропажа? Однако шеф и не думал объявляться.

— Сэр Джуффин незаменим, — резюмировал я. — По крайней мере, никто из нас не способен его заменить, это точно. Конечно, можно сейчас назначить главного и пусть отдувается. Но этот самый главный — я, или кто-то другой, не важно — таких дров наломает...

— И что ты предлагаешь? — нахмурился Мелифаро. — Коллективное самоубийство? Тогда вынужден откланяться: сегодня вечером у меня дела.

— Не перебивай его, — мягко попросил Кофа. — Сэр Макс, кажется, дело говорит.

В результате все снова усталились на меня. Я вздохнул и продолжил:

— Единственное, что мне сейчас приходит в голову, так это назначить нескольких Почтеннейших Начальников одновременно. У сэра Кофы

богатый опыт в земных делах, а у меня — в делах потусторонних. Мелифаро соображает почти так же шустро, как Джуффин, а Меламори не менее азартна и упряма. Сэр Шурф — такой же ловкий убийца, как наш беглый шеф, и вообще лучший его ученик. Впятером мы худо-бедно его заменим. Луукфи обременять властью не будем: буривухи нам этого не простят. А Кекки и Нумминорих пришли в Тайный Сыск позже всех и учились не у Джуффина, а у нас. Будем впятером ими командовать и посмотрим, кто кого раньше сведет в могилу.

— Генерал Бубута сказал бы на это: «Все вокруг такие умные, что за дерьмом послать некого», — ехидно улыбнулась Кекки. — Хвала Магистрам, хоть нас с Нумминорихом можно, оказывается...

— Если бы вы приговорили меня быть начальником — пусть даже один день в году! — я бы точно повесился, — с чувством сказал Нумминорих. — Все лучше, чем погубить Соединенное Королевство.

— И откуда в тебе столько патриотизма, парень? — фыркнул я.

— Смех смехом, а предложение разумное, — решительно заявил Мелифаро. — Иногда твоя голова годится не только на то, чтобы жевать, чудовище! Осталось только понять, как мы будем начальствовать. Все вместе или по очереди?

— По очереди, — твердо сказал Кофа. — Это эффективнее. Никаких дружеских дискуссий, никаких совместных решений. Начальник должен быть только один, даже если каждый день новый. Впрочем, каждый день — это слишком часто. Никто ничего не успеет довести до конца, зато целый вечер будет уходить на передачу дел преемнику. А вот полдюжины дней — в самый раз.

На том и порешили. Поскольку никто не хотел начальствовать первым, пришлось бросать жребий. Кекки держала в кулачке ароматные палочки, а Нумминорих вытягивал их одну за другой. Счастье, что среди нас нашлись люди, не заинтересованные в исходе жеребьевки, поскольку когда пять колдунов тянут жребий, короткая палочка может превратиться в длинную столько раз, сколько понадобится, и никакие джентльменские клятвы не помогут, поверьте уж моему опыту!

Первым Почтеннейшим Начальником стал сэр Кофа. После него должна была дежурить Меламори, потом Лонли-Локли, я и Мелифаро. В глубине души я надеялся, что до моего дежурства дело не дойдет. Небось через полторы-то дюжины дней шеф вернется.

Надеяться-то я надеялся, но тягостное предчувствие свинцовым компрессом легло на грудную клетку. Самое время было вспомнить, что надежда — глупое чувство. Во всяком случае, некоторые ее разновидности.

— Перемены, которые ты нам сулил, уже начались, — почти сердито сказала Меламори Шурфу, когда мы втроем покинули Дом у Моста. — Джуффин никогда не вернется, я правильно понимаю?

— «Никогда» — слишком смело сказано, — флегматично возразил Лонли-Локли. — Так далеко вперед я бы не стал загадывать. Но сэр Джуффин вряд ли вернется в ближайшее время.

— С чего вы все взяли, будто он не вернется? — проворчал я. — Можно подумать... Ну загулял шеф немного, с кем не бывает?

— Макс, не трать время на ерунду, — попросил Шурф. — Ты сам сегодня действовал как человек, совершенно уверенный, что Тайный Сыск надолго остался без начальника. Даже придумал весьма эффективную систему нашей дальнейшей работы, тут следует отдать должное твоей находчивости. Для тебя тоже очевидно, что сэр Джуффин пропал надолго. Надежда — сладостное чувство, но совершенно бесполезное для того, кто обращен к будущему лицом.

На этой высокой ноте мы и расстались. Я отправился провожать домой Меламори, поскольку мне еще предстояло заступить на ночную вахту в Доме у Моста.

— Ты-то хоть никуда не исчезнешь? — строго спросила она, когда я закончил традиционную возню с входной дверью.

— Ни за что! — я даже головой замотал для пущей убедительности. — Не хочу исчезать оттуда, где есть ты. А раз не хочу, значит, не исчезну. Логично?

— Будем надеяться, что логично, — вымученно улыбнулась Меламори. — Когда придет моя очередь начальствовать, я тут же подпишу приказ о твоём увольнении. Сиди уж лучше дома или шляйся по трактирам, так мне будет спокойнее.

— Я бы с радостью. Но неведомое может наложить лапу даже на того, кто предусмотрительно заперся от мира в уборной, где, согласно последним сведениям, владеют демонами, — вздохнул я. — Так что не лишай себя ценного сотрудника, будущая госпожа Почтеннейшая Начальница.

— И то верно. Только ты не очень там выпендривайся со своим «неведомым», — строго сказала она. И добавила с очаровательной усмешкой: — Береги свою драгоценную задницу, как непременно сказал бы на моем месте наш Мелифаро.

На том и порешили.

Ночь я провел в тщетных попытках наладить Безмолвный диалог с

Джуффином. В перерывах развлекался, обыскивая кабинет в надежде, что шеф оставил мне хотя бы коротенькую записку. Увы, я нашел лишь ворох старых служебных бумаг, ветхую салфетку с кратким конспектом какой-то карточной партии и целую россыпь монеток разного достоинства — можно сказать, почти клад.

Дело кончилось тем, что на рассвете я послал зов дворецкому Джуффина Кимпе и начал выпрашивать старика: не оставлял ли его хозяин каких-нибудь особых указаний на случай внезапного исчезновения.

Кимпа сообщил, что как-то раз, в самом начале его службы, сэр Халли предупредил, что может исчезнуть в любой момент, и наказал в таком случае не беспокоиться, а просто продолжать присматривать за домом, поскольку вернуться он может столь же внезапно.

Ну да, все это было очень похоже на шефа.

Наконец появился сэр Кофа, величественно мне покивал, еще более величественно поместил свое крупное тело в кресло Джуффина и велел мне катиться на все четыре стороны, но лучше — домой. И спать, спать, спать. Заявил, что я выгляжу, как мятежный Магистр, сотню лет прятавшийся от преследователей в водосточной трубе. Я поверил ему на слово, заблаговременно отвернулся от зеркала (зачем лишний раз расстраиваться?) и поплелся домой.

После полудня меня разбудили орущие под окном девчонки и мальчишки, продавцы газет. Сложив обрывки их воплей, я узнал, что Его Величество Гуриг Восьмой покинул летнюю резиденцию Анмокари и вернулся в Замок Рулх. Из этого я заключил, что Король Мёнин не стал задерживаться в гостях у нынешнего монарха. Как и обещал, собственно говоря.

«Вот и ладненько, — подумал я. — Этот Король Мёнин занятный персонаж, но без него как-то спокойнее. Интересно, зачем он все-таки приходил? За Джуффином? Или для того, чтобы поболтать со мной про время? С него бы случилось...»

Мои размышления прервал зов Меламори. Вместо того чтобы пожелать мне хорошего утра, она сообщила, что кто-то поджег дом бывшего Великого Магистра Ордена Наседки, а ныне — честного горожанина Рехфуна Гагуты, и ультимативным тоном заявила, что без меня обойтись невозможно. Дескать, она встала на след преступника, но сразу почуяла, что он весьма могущественный колдун, а потому рисковать не стоит. Дескать, по такому следу лучше сразу пускать меня — тогда беднягу можно будет брать голыми руками. Он, небось, еще и приплатит с

радостью за возможность поскорее оказаться в тюрьме, лишь бы я сошел с его следа.

«А кое-кто собирался уволить меня через шесть дней», — ехидно напомнил я.

«Так то через шесть дней, — невозмутимо парировала она. — А сейчас без тебя — ну никак!»

Пришлось наспех одеваться и нестись на улицу Высоких Стен. Я, впрочем, не возражал. Прикидывая на бегу, что после такого аврала меня наверняка освободят от ночного дежурства, а значит, мы с Меламори сможем ночевать под одной крышей, совсем как нормальные люди, с ума сойти можно!

Пока мы, как две полоумные таксы, бежали по следу неизвестного злодея, Меламори вкратце рассказала мне про Орден Наседки. До сих пор я не знал, что в Соединенном Королевстве существовали столь эксцентричные организации.

Порядки там были те еще. Нынешний погорелец, Великий Магистр Рехфун Гагута, усаживал прочих членов Ордена на заколдованные камни, о которых поговаривали, будто их привезли из самой Черхавлы. Так или иначе, а сидящие на камнях, в точности как куры на яйцах, послушницы (в этот Орден принимали только немолодых женщин) почти сразу впадали в транс, а их сила становилась достоянием Великого Магистра, который, собственно, был единственным социально активным членом Ордена.

В Смутные Времена резиденцию Ордена сожгли, все послушницы погибли, а Рехфун Гагута уцелел, хоть и лишился своей колдовской силы. Он сдался на милость победителей, отсидел сколько положено в Холоми, а получив свободу, заделался тишайшим городским обывателем.

О его былой славе напоминает разве что маленькая птицеферма, которую он держит прямо в доме, в центре Старого Города. Господин Гагута утверждает, будто вид индюшек, неподвижно сидящих на яйцах, чрезвычайно его успокаивает.

Нечего и говорить, что некоторые граждане Соединенного Королевства, мягко говоря, недолгоблювают бывшего Великого Магистра. Особенно друзья и родственники сгоревших послушниц. Такое не забывается: Магистр Гагута не вынес из огня никого, хотя вполне мог бы спасти всех. И уж точно никакого могущества не требовалось для спасения хотя бы нескольких женщин — тех, что сидели поближе к выходу.

— Гад, — резюмировал я. — Как его до сих пор не убили?

— Он не гад, — мягко возразила Меламори. — Поверь мне, я с ним

немного знакома. Просто неуклюжий, нелепый человек. Нервный, суетливый. Он потом говорил, что растерялся. Думаю, так оно и было. Невелик грех — растеряться. Просто таким людям нельзя становиться Великими Магистрами. Интересно, что за крутой колдун такой решил сжить его со света? Кому он нужен?

— Сейчас узнаем, — пообещал я. — Мы уже близко.

Злоумышленником, как и следовало ожидать, оказался сын одной из «наседок», бывший Старший Магистр Ордена Колючих Ягод. Еще в Смутные Времена он поклялся отомстить за нелепую смерть матери и ее подружек. Поскольку он был вынужден отправиться в изгнание, возможность привести приговор в исполнение появилась только сегодня: рано утром наш поджигатель сошел на родной берег с уандукского корабля.

Мы сдали беднягу судебным властям и отправились в Дом у Моста с нестигаемым намерением как следует почтить на лаврах.

— Сто с лишним лет изгнания его ничему не научили, — резюмировал я. — В частности, тому, что прошлое — не то сокровище, которым стоит дорожить.

— А ты сам-то уже научился не дорожить сокровищами такого рода? — лукаво спросил сэр Кофа.

— У меня не было ста лет, — парировал я. — Научусь еще, куда я денусь!

Мои планы касательно ночи осуществились с почти пугающей легкостью. По дороге я сжимал в руках теплую ладонь своей спутницы и удивленно думал, что с уходом Джуффина моя жизнь вовсе не закончилась. Более того, она была вполне прекрасна и обещала становиться все лучше и лучше. С ума сойти!

«Ты можешь обойтись без кого угодно», — когда-то говорил мне мудрый Лойсо Пондохва. В ту пору я не хотел ему верить, зато сейчас был готов искренне согласиться с этим утверждением — при условии, что из общего списка вычеркнут Меламори. На ее счет у меня с некоторых пор имелись серьезные сомнения.

Незадолго до Последнего Дня года я внезапно обнаружил, что мы благополучно просуществовали без шефа уже черт знает сколько времени: конец весны, лето, осень и почти всю зиму.

Тайный Сыск не прекратил свое существование, прекрасная столица Соединенного Королевства не заполнилась мятежными Магистрами и обнаглевшими преступниками, неприятности, которые время от времени у

нас случались, не выходили за рамки моих представлений о рутине.

Начальствовать шесть дней из тридцати оказалось совсем необременительно, Его Величество Гуриг с явным удовольствием принимал у себя во дворце нас с Кофой, а сэр Шурф обладал завидным даром писать неизбежные отчеты с такой зловещей регулярностью, что даже обычный цейтнот, надвигающийся всякий раз накануне Последнего Дня года, на сей раз нам не грозил.

«Старый лис хорошо нас вымуштровал, — с нежностью подумал я. — Достаточно хорошо, чтобы послать нас к черту, когда на горизонте замаячили тайны поинтереснее».

В общем, как выяснилось, я вполне мог обойтись без сэра Джуффина Халли. Проблема была в том, что я вовсе не хотел без него обходиться. Теперь, когда я окончательно убедился, что сэр Джуффин в качестве пилули от всех проблем нам уже не особенно нужен, мне стало не хватать нашей дружбы. Его язвительных шуток и жутких сюрпризов, острого языка и умения уютно устроиться за любым столом, его сочувственных улыбок и редких, всегда неожиданных откровений.

— Хреново мне без вас, шеф, — сказал я, уставившись в потолок. — И что с этим делать?

Вопрос, разумеется, был риторическим. Что делать, что делать — жить, что же еще?! Этим я, собственно говоря, в отсутствие Джуффина и занимался.

Вещественные доказательства помещались прямо здесь, в кабинете. И в немалом количестве. Сэр Шурф Лонли-Локли во время второго своего начальствования распорядился, чтобы самопишущие таблички с отчетами о закрытых делах были приведены в порядок и расставлены по полкам согласно хронологии. Надо отдать должное этому героическому субъекту: после того как очередной срок его власти истек и сэр Шурф снова стал рядовым сотрудником Тайного Сыска, он собственноручно осуществил сие нелегкое дело, с холодной вежливостью пресекая любые попытки хоть чем-то ему помочь.

Когда же управление Тайным Сыском на шесть дней перешло в мои ненадежные руки, я завел традицию снабжать одинаковые таблички яркими этикетками с легкомысленными заголовками, более подходящими для детективных романов, чем для секретной документации: «Кувви Мехла, король воров», «Белые люди из ниоткуда», «Чангайский блудник», «Попрыгунчик», «Радужный беглец», «Собираатель ненужных жизней», «Марлох, Марлита и Мариулхи». Впрочем, против такого нововведения не возражал даже строгий сэр Шурф: броские заголовки словно бы окружили

отчетную, самую рутинную часть нашей работы романтическим ореолом, да и отыскать нужную стопку табличек стало куда легче.

Безделье — мать сентиментальности. Начальнику Тайного Сыска, чьи обязанности я в очередной раз исполнял, обычно решительно нечем заняться в промежутке между двумя национальными бедствиями, которые, хвала Магистрам, в последнее время случаются все реже.

У меня был скудный выбор: отправиться ужинать, почитать свежие газеты или предаться воспоминаниям. Первый пункт никуда не годился, ибо я только что пообедал; второй был еще хуже, поскольку за обедом я прочитал всю прессу от корки до корки, в очередной раз восхитился слогом редакторской колонки «Королевского Голоса» и даже отправил зов сэру Рогро Жиилю. Наговорил ему комплиментов и пригласил отужинать в «Джуффиновой Дюжине». Этот поступок, надо понимать, окончательно ставил крест на возможности номер один: приходить в трактир виртуоза Мохи с набитым брюхом — сущее безумие.

Поэтому я восседал на собственном рабочем столе, курил и разглядывал яркие этикетки, надписанные, по большей части, моей же собственной рукой, и, можно сказать, с чувством глубокого удовлетворения оглядывал пройденный нами путь.

Ни одного нераскрытого дела не повисло на Тайном Сыске за время отсутствия могущественного шефа, и это было круто. Мы оказались не то очень сообразительными, не то невероятно могущественными, не то просто чертовски везучими ребятами. Последний пункт казался мне наиболее вероятным...

Мой взгляд неспешно переползал с одной таблички на другую.

«Воины Дрохмора Модиллаха»

Надо сказать, это хлопотное дело было, в первую очередь, напоминанием о том, как я впервые посетил столичную оперу.

Инициатором культурного мероприятия стал, как ни странно, сэр Мелифаро. Ввалился ко мне на закате и пинками выгнал из-за обеденного стола — наряжаться. Дескать, на наши имена пришло личное приглашение от самого маэстро Екки Балбалао, а такими приглашениями даже Его Величество не пренебрегает.

Надо сказать, я был весьма удивлен, узнав, что, невзирая на страстную любовь столичных жителей к оперному искусству, никаких театров в обычном понимании этого слова в Ехо нет. Зато есть известные артисты,

которые время от времени устраивают представления у себя дома.

Если принять во внимание, в каких дворцах живут наши знаменитости, сразу становится ясно, что на обычное домашнее музицирование это не слишком похоже. Маэстро за свой счет нанимает музыкантов и других певцов, рангом пониже.

Билетов на подобные представления не продают, но существует традиция, согласно которой следует перед уходом «забыть» в доме маэстро кошелек с деньгами, драгоценный перстень или что-то в таком роде. Можно, разумеется, уйти, не расплатившись, но о таком скупом меломане сразу пойдет дурная слава. Даже в газете могут написать — если разобиженный маэстро пожалуется репортеру светской хроники на «падение нравов». Того гляди, перестанут не только приглашать на представления, но даже пускать на порог; слезные просьбы, пылкие клятвы и толстые кошельки уже не помогут.

«Холостяцкая квартирка» маэстро Балбалао (именно так это место именовалось в приглашении) потрясла меня до глубины души. Гостиная была оборудована роскошнее, чем иной театр: полукруг изолированных лож с удобными диванами, в центре — сцена, перед сценой — бассейн. В бассейне рос танцующий тростник апуге из страны Тонтори и плескались экзотические поющие рыбки лелепо с островов Банум (в ходе представления их тоненькие голоса иногда присоединялись к тенору маэстро). Там же пускали радужные пузыри моллюски клорэн из Моря Тысяченогов и мерцали светящиеся океанские твари, именуемые сейхами.

Мелифаро объяснил мне, что каждый артист устраивает место для выступлений по-своему, и всяческая экзотика — не менее важный залог успеха, чем вокальные данные исполнителя. Дескать, примадонна Хриа Велен разбила перед сценой дивный бормочущий сад, саженцы для которого везли аж из Арвароха. А ставшая модной в этом сезоне госпожа Трула, которая еще не успела накопить денег на роскошную обстановку, просто держит у себя дома дикого ландаландского оборотня. Дивное существо хриплым фальцетом подпевает своей патронессе, меняя обличья на глазах у заинтригованной публики. А в начале Эпохи Кодекса один не слишком талантливый актер, чье имя уже успели позабыть, был популярен в течение нескольких сезонов лишь потому, что держал у себя нескольких спившихся эльфов, коих выпускал на сцену в начале каждого представления. Когда публика пресытилась выходками пьянчужек, звезда их работодателя, увы, закатилась.

Увлеченный познавательной лекцией и переливами радужных пузырей, клубящихся над бассейном, я не сразу заметил, что на сцене

творится неладное. Там, откуда ни возьмись, появилась толпа причудливо одетых, до зубов вооруженных мужей.

Поначалу я решил, что это статисты. С нетерпением ждал, когда они начнут подпевать маэстро. Но вместо этого растерянно умолк сам Екки: один из «статистов» приставил к его горлу антикварный кинжал. Потом завизжали дамы в одной из ближних лож.

Мы с Мелифаро растерянно пялились друг на друга, силясь понять, что же это за сценарий такой драматический?! Увы, у нас не было даже минимального зрительского опыта, чтобы отличить пьесу от форс-мажорных обстоятельств.

«Статисты» тем временем успели посоветоваться. Тот, кто угрожал маэстро ножом, презрительно сплюнул, досадливо махнул рукой, и компания покинула зал, бряцая браслетами и потрясая мечами. Когда последний из воинов покинул зал, впечатлительный Екки Балбалао потерял сознание.

Только тогда до меня дошло, что безобразие не было предусмотрено сценарием. Я выскочил на улицу, но «статисты» уже скрылись за углом. Попытавшись взять их след, я обнаружил, что никаких следов не было. Выходит, сорвавшие спектакль хулиганы не были ни живыми людьми, ни даже мертвецами. Так, призрачные видения, мираж, морок...

Ага, ничего себе мираж!

К ночи мы имели сообщения о сорока с лишним уличных драках с применением холодного оружия (зато, хвала Магистрам, никакой запретной магии) и восемнадцати погромах (громили почему-то лишь богатые дома Старого Города, а роскошные виллы Левобережья никто не трогал).

Пострадавшие в один голос уверяли, что нападающие хотели выяснить две вещи: куда подевался их господин и где скрывается некто Телари Ийс?

Да уж, воистину хороший вопрос...

Ничего удивительного, что несчастные горожане не могли удовлетворить любопытство этих новоявленных членов «Бойцовского клуба». Имя Телари Ийс ничего не говорило даже всеведущему сэру Кофе.

Наконец разбуженные среди ночи ввиду особых обстоятельств бурибухи из Большого Архива сообщили мне, что так звали Великого Магистра древнего Ордена Пыльных Рукавов. Магистр сей попирал стопами мостовые Ехо столь давно, что, кроме имени и названия Ордена, о нем почти ничего не было известно. В истории сохранилась разве что легенда о его сражении с воителем из Пустых Земель по имени Дрохмор Модиллах. Согласно легенде, Магистр заключил грозного полководца в рукоять своего веера; туда же последовал и боевой отряд Дрохмора,

наводивший ужас на окрестности Ехо.

В легенде также говорилось, что когда с этого веера стряхивают пыль, появляются две дюжины призрачных воинов Дрохмора Модиллаха; искусный маг может управлять воинами, манипулируя веером, простому же человеку это не под силу.

В заключение бурибух Татун заверил меня, что следы волшебного веера давным-давно затерялись где-то за океаном, куда отбыл непоседливый Магистр Телари вместе со своим волшебным скарбом.

Я сразу понял, что нам посчастливилось стать участниками запоздалого эпилога старой сказки. А с такими вещами лучше бы не шутить.

Поэтому пришлось, не дожидаясь утра, вытащить из постели маэстро Екки Балбалао: я вспомнил, что на сцене он обмахивался диковинным веером в форме бабочки. Взяв в руки изящную безделушку, я содрогнулся. Мне не требовалось никаких индикаторов, чтобы понять: передо мной колдовская вещь, убойной силы талисманище. Да уж, нет ничего хуже вот такого случайного возвращения волшебной вещицы на родину: проку от них обычно никакого, зато хлопот не оберешься!

Певец сказал, что веер попал в его дом накануне злосчастного концерта. Это был подарок старой поклонницы, присланный в качестве извинения за пропущенное выступление: так, оказывается, принято в этой среде.

Дама, в чью спальню я бесцеремонно ввалился через полчаса, ничем не смогла мне помочь. Сообщила, что приобрела веер на портовом рынке, у одного из иноземных моряков. Обычная история.

Я, впрочем, выкрутился. Для начала выпустил из заточения самого Дрохмора Модиллаха. Не так уж сложно это оказалось, хотя одного взмаха веера, вроде тех, что позволили вырваться на свободу его воинам, тут было недостаточно.

Я понимал, что рискую: Дрохмор мог оказаться еще худшим подарком любимому городу, чем его веселые сотоварищи. С другой стороны, что мне оставалось?! Пришлось положиться на здравый смысл героя древности и на свою удачу.

Дрохмор Модиллах оказался весьма незаурядной личностью. Великий воин древних времен, родом из Пустых Земель. Когда-то он завоевал чуть ли не полконтинента всего с двумя дюжинами воинов. Именно эти две дюжины, надо понимать, и бесчинствовали всю ночь на улицах Ехо.

По счастью, сей исторический персонаж оказался вполне вменяемым. Он сразу же уяснил ситуацию, счел меня своим избавителем (в сущности,

так оно и было), быстренько принес мне клятву верности и отправился утихомиривать свою банду.

К утру они все вместе явились в Дом у Моста, совершенно ошеломленные известием, что с момента их сражения с Магистром Телари Ийсом минуло несколько тысячелетий, и оттого изрядно присмиревшие. Что, собственно, и требовалось с самого начала.

Мне еще и завтраком пришлось кормить это тяжкое наследие темного прошлого. Махури Островитянин, Гоу Хех, Удугат Габухая Сын Золотой Горы (его я сразу же прозвал Голдбергсоном), Кунема Кунеман Шелковая Вережка, Анчимор Великий, Тинра Ольчок Повелитель Ящериц, Тотрих Борхот, Ангурлаг Бачиба, Рохи Весельчак, Гудо Хомух Красный Башмак, Хели Молигаят Абонский Принц Шести Городов, Буха Регидагр и еще дюжина легендарных богатырей древности, чьи имена я так и не смог запомнить, смиренно сидели за столом в Зале Общей Работы и уплетали слоеные булочки мадам Жижинды.

Меламори научила их пользоваться салфетками. Мелифаро подсказал им адрес квартала Свиданий. Нумминорих подпрыгнул чуть ли не до потолка и бегом бросился за женой и детьми, чтобы дать им возможность понаблюдать за нашими гостями хотя бы в замочную скважину.

За завтраком Дрохмор Модиллах охотно ответил на все мои вопросы. Беседа вышла в высшей степени занимательная — оставалось лишь благодарить судьбу за то, что язык этого Мира не претерпел почти никаких изменений за несколько тысячелетий. Сэр Шурф, впрочем, не выпускал из рук самопишущую табличку: конспектировал речь наших гостей, чтобы на досуге выявить особенности древнего говора и его основные отличия от нынешних традиций.

Меня же больше занимали другие вещи. В частности, я узнал, как именно Дрохмор собирал свое элитное призрачное войско. Это была, мягко говоря, очень странная магия!

Однажды в полнолуние Дрохмор Модиллах сел в выгребную яму (нечистоты доходили ему до пояса), поднял голову к небу и испустил призывный клич. Так он сидел, не вставая с места, до следующего полнолуния, пока к нему не явились две дюжины величайших героев из разных мест. С тех пор они служили Дрохмору верой и правдой, ибо не могли противостоять его чарам.

«Это была самая дерьмовая ворожба за всю историю Мира», — резюмировал сэр Мелифаро, крупный авторитет в делах такого рода.

Мы долго ломали голову: как поступить с Дрохмором и его компанией. Наказывать их за бесчинства, учиненные в городе, было вроде как

несправедливо: мы бы и сами на их месте вели себя не лучшим образом. Оставлять же эту бравую компанию на свободе было, мягко говоря, рискованно. Да и рассерженные горожане вряд ли пришли бы в восторг от такого гуманизма.

Выход нашел наш Король (у Гурига на диво светлая голова, в последнее время я все чаще в этом убеждался). Он пригласил Дрохмора к себе и провел с ожившей легендой содержательную беседу, в ходе которой высокие стороны договорились, что в обмен на дарованные им жизни и свободу Дрохмор Модиллах и его призрачные воины будут служить Соединенному Королевству дюжину сотен лет.

Сразу после аудиенции их отправили охранять границы с Пустыми Землями. Герой древности вернулся туда, откуда когда-то началось его триумфальное шествие по миру, а мы вздохнули с облегчением.

«Сад Мокки Келесса»

Помню, как я был ошарашен, застав в своем рабочем кабинете самого Мабу Калоха. Впрочем, отставной Великий Магистр Ордена Часов Попятного Времени вел себя как ни в чем не бывало, говорил сухо и деловито, словно его визит в Дом у Моста был не беспрецедентным событием, а обязательной частью ежевечернего променада.

«Ты знаешь, Макс, не в моих правилах вмешиваться в естественный ход вещей, но на сей раз вынужден попросить тебя прогуляться по этому адресу, — сказал он, протягивая мне лоскуток старинной шелковой бумаги, на котором крупным ровным почерком было выведено название улицы и номер дома. — И возьми с собой кого-нибудь толкового — ну хоть Безумного Рыбника. Только женщин не бери ни в коем случае, даже Сотофу. Женщину там, чего доброго, сразу съедят».

«Это где-то на Левом Берегу?» — неуверенно протянул я, изучая адрес. «Да, можно сказать, по соседству с моим домом», — кивнул Маба и невежливо исчез, не давая никаких объяснений.

У каждого, наверное, есть свой набор аксиом, так называемых очевидных вещей, которые не подвергаются сомнению. Моя личная коллекция не так уж велика, однако я твердо знаю: сэра Мабу Калоха следует слушаться во всем, даже если этот загадочный джентльмен станет утверждать, будто бы я должен немедленно броситься вниз головой с крыши собственного дома. Поэтому я послал зов Шурфу, сообщил начальствовавшему в те дни Мелифаро, что нам нужно срочно отлучиться,

чтобы совершить бессмертный подвиг, и мы с Шурфом отправились на Левый Берег.

Злополучный дом оказался нежилым. К воротам была прибита массивная доска с надписью «Собственность г-на Мокки Келесса, предназначена на продажу». Внешний вид доски наводил на мысль, что недвижимостью является объектом продажи со времен царствования Халлы Махуна Мохнатого, а то и дольше.

Зато сад, увы, был обитаем, это мы с Шурфом почуяли сразу. Не увидели, а именно почуяли: неискушенному прохожему этот сад мог бы показаться райским.

Для того чтобы увидеть истинный облик сада, мы отправились на Темную Сторону, где мир, который нам удобно считать «настоящим», становится прозрачным, а тайны, спрятанные под мясистой кожурой обыденности, выступают на поверхность.

На Темной Стороне обитатели сада смахивали на безобразных пауков; в миру же они были невидимы, но прожорливы и беспощадны. Вошедший в сад обрекал себя на мучительную и страшную смерть: его поедали заживо, а бедняга до самого конца так и не мог понять, что с ним происходит.

Впрочем, была в поведении этих невидимых тварей какая-то странная избирательность. Маба был прав: женщин они предпочитали мужчинам, искушенных в магии — невеждам, а молодых — старикам. При этом они почему-то совершенно не интересовались маленькими детьми и потомками эльфов, даже теми, в чьих жилах текло всего несколько капель крови этой древней расы. Окрестные жители потом простодушно рассказывали мне, что их ребятишки любят играть в этом «чудесном садике», а родители, насколько я понял, не слишком настойчиво возражали, полагая, что самой большой неприятностью может стать объяснение с хозяином собственности, если он когда-нибудь здесь объявится...

Но все это мы разузнали уже позже. А в тот вечер мы провели несколько часов на Темной Стороне, изучая облик и повадки чудовищ.

Давненько мне не было так страшно. Скажу честно: если бы не присутствие Шурфа, я бы позорно бежал, заперся в собственной спальне и никогда в жизни больше не пересек бы Хурон, ни за какие коврижки не сунулся бы на Левый Берег. Но, хвала Магистрам, рядом с сэром Лонли-Локли любой может позволить себе роскошь держаться героем, даже я.

Как ни странно, убить невидимых тварей оказалось очень легко: Шурф поднял левую руку и испепелил сад вместе с его кошмарными обитателями. Разумеется, от старого дома тоже остался только пепел. Вернувшись в Дом

у Моста, мы подготовили все необходимые документы, чтобы возместить ущерб владельцу или его наследникам, однако никто из них так и не объявился — до сих пор, кстати!

На следующий день я плюнул на все дела и отправился разыскивать дом Мабы Калоха. Старый хитрец устроил свое жилище таким образом, что найти его может только тот, кого желает видеть хозяин. Для всех остальных этого дома попросту не существует. К счастью, мое общество редко вызывает у Мабы отвращение — возможно, потому, что я нечасто злоупотребляю его гостеприимством.

Однако я твердо вознамерился получить надлежащие разъяснения: дескать, заказ выполнен, потрудитесь расплатиться.

«Ты хочешь знать, откуда взялись эти твари? — спросил Маба. — Признаться, мне тоже любопытно. Но я не знаю. Во Вселенной, видишь ли, полно всякой пакости, а в любом Море рано или поздно находится безумец, достаточно талантливый, чтобы пригласить такую тварь в гости. Я знаю не так уж много: до наступления Эпохи Кодекса Мокки Келесс был неплохим колдуном, он не принадлежал ни к одному из Орденов, действовал в одиночку. Подозреваю, что в Смутные Времена он, как и наш с тобой общий друг Джуффин, был наемным убийцей. Потом вел тишайшую жизнь, возделывал свой сад, так сказать. Лет пять назад я видел Мокки в последний раз. Некоторое время спустя его сад начал вызывать у меня смутное беспокойство, однако мне не хотелось лезть в чужие дела. Я и не лез. Но в последнее время этот грешный сад стал совсем скверным местом. Жить рядом с ним тягостно. К тому же порой он привлекает внимание любопытствующих — сам понимаешь, со смертельным исходом. И тогда я, как честный гражданин, решил обратиться в Тайный Сыск. А что, между прочим, имею полное право! Теперь ты доволен, сэр строгий следователь?»

Вскоре он меня вежливо выпроводил, сославшись на некую «важную встречу» — честное слово, мог бы придумать что-нибудь более оригинальное! Впрочем, я и сам уже был готов раскланяться: колдовские занятия и внезапное исчезновение Мокки Келесса если и не объясняли все, то, по крайней мере, давали мне возможность нарисовать себе простую и понятную картинку: дядя перестарался, экспериментируя с Невидимой магией, и призвал к себе монстров, обуздать которых не сумел. Счастье еще, что они не могли выбраться за пределы сада: на Темной Стороне мы с Шурфом ясно видели магический круг, предусмотрительно очерченный с внутренней стороны ограды.

Финальную точку в этой истории поставила Меламори, которая, выслушав мой сбивчивый отчет, строго сказала: «Я всегда считала, что

нельзя заводить домашних животных, если заранее не знаешь, как и чем их следует кормить». Ей удалось выжать из меня улыбку, чьи потомки до сих пор резвятся на моих губах, когда я вспоминаю эту скверную историю. Что ж, все лучше, чем содрогаться от ужаса!

«Бездомный буривах»

Это дело было простое, но противное.

В Ехо случилось несколько загадочных убийств. Поначалу ими занималась Городская Полиция, но после десятого по счету трупа сэр Кофа решил, что надо брать дело в собственные руки.

К этому времени наш всеведущий Мастер Кушающий-Слушающий уже знал, что на месте преступления не раз видели буриваху, встрепанного и неприветливого. Это запомнилось: буривахы не обитают в Соединенном Королевстве и вообще на нашем континенте. Их родина — Арварох, а у нас буривахы живут разве только в Большом Архиве и еще у нескольких частных лиц, связанных со своими пернатыми питомцами какой-то таинственной разновидностью дружбы.

А этот буривах выглядел бездомным, общаться ни с кем не желал, помощь принимать отказывался.

Тогда Меламори вспомнила, что сама вернулась с Арвароха в птичьем облике. Что ж, если ей удалось превратиться в птицу, значит, это могло получиться и у кого-нибудь еще.

Нам пришлось начать охоту на буриваху, а у меня к этим птицам отношение особое. Я их не просто люблю, а испытываю по отношению к ним обожание, граничащее с идолопоклонством. Потому и говорю, что дело было противное. Правда, мне как-то удалось уклониться от участия в охоте: боялся, что рука на птицу не поднимется.

К счастью, я один такой сентиментальный идиот. Из моих коллег получились отличные птицеловы.

Охота прошла удачно. Бездомный буривах оказался пожилым мужчиной по имени Иххэ Малла. Когда-то он был Старшим Магистром Ордена Решеток и Зеркал, а после войны за Кодекс отправился в изгнание; скитания привели его в Арварох. Магистр Иххэ каким-то образом сумел очаровать тамошних буривахов и был обучен искусству волшебных превращений.

Я до сих пор не устаю удивляться причудам человеческой природы: как мог человек, годами изучавший магию арварохских птиц-демиургов,

остаться мстительным и не слишком умным старикашкой?! Долгие годы он носил за пазухой полный список личных врагов, а вернувшись в Сердце Мира, употребил все свои таланты на организацию весьма неаккуратных убийств.

«Маленькая угуландская горгона»

Славная, между прочим, оказалась девчушка, хоть и стала невольной виновницей первого после окончания войны за Кодекс национального траура, а личное знакомство с ней чуть было не стоило мне жизни.

Известие о том, что все жители крошечного селения Ави на севере Угуланда превратились в каменные изваяния, повергло нас в панику. Вот когда нам действительно недоставало Джуффина: целые сутки Тайный Сыск пребывал, можно сказать, в коме. У нас не было ни одной стоящей идеи, мы не могли принять никакого решения — ни впятером, ни поодиночке. Мы бездействовали до тех пор, пока Нумминорих не спросил меня: «А почему бы кому-нибудь из нас туда не съездить?»

Я лишний раз убедился, что власть и ответственность лишают человека способности соображать: почему-то никому из нас за целые сутки не пришло в голову отправиться в Ави и уже там, на месте, разобраться в случившемся. Без Нумминориха мы бы еще дюжину дней думали, я полагаю...

Через час после этого разговора мы с Нумминорихом покинули Ехо и еще до заката смогли осмотреть импровизированный музей скульптуры под открытым небом — все, что осталось от жителей Ави. Камень, в который превратились их тела, имел необычный вид — своего рода гибрид ракушечника и янтаря: рыхлый, ноздреватый, но блестящий, окрашенный в мягкий желто-оранжевый цвет. На ощупь, однако, каменные тела были неожиданно холодны — странно, если учесть, что они целый день простояли под лучами летнего солнца...

Окаменели не только люди, но и домашние животные. Мы то и дело натыкались на застывшие изваяния индюшек, кошек, лошадей. Несколько каменных воробьев валялись под кустарником, гнувшись под тяжестью спелых ягод. Хвала Магистрам, хоть с растениями все было в порядке!

Из-за угла дома, неуверенно пошатываясь, вышел крупный кот. Было видно, что он очень стар: его длинная шерсть поредела и отливала серебром.

Мы обрадовались коту, как родному: «Живой зверюга!» Нумминорих

тут же взял кота на руки, погладил, полез в амобилер за съестными припасами. Вскоре он растерянно дернул меня за рукав: «Кот слепой, Макс. Точно-точно: на одном глазу бельмо, а другой не открывается...»

«Слепой?» — переспросил я, смутно предчувствуя, что это очень важно, но еще не понимая почему.

Именно тогда слово «горгона» впервые пришло мне на ум, но я не придавал ему особого значения. Чем плохи некоторые озарения: их очень легко спутать с обычным умственным мусором, от которого всеми силами стараешься избавиться, чтобы «не мешал».

Люди забавно устроены: в критических ситуациях многие из нас пытаются делать не то, что действительно необходимо, а то, что мы лучше всего умеем. Мне как-то рассказали жуткую и нелепую историю времен войны за Кодекс: один студент, запертый в горящем доме, даже не попытался слезть вниз по водосточной трубе или уйти по крышам. Не знаю в точности, что там можно было предпринять, но пока человек жив, всегда есть шанс выкрутиться. Вместо этого парень залез на подоконник и читал наизусть стихи, которые успел выучить за время пребывания в Университете, пока на него не обрушилась горящая балка.

Потом выяснилось, что несчастный юноша был лучшим декламатором на своем курсе; профессора старой школы его весьма хвалили и пророчили успешную придворную карьеру. Легко предположить, что парень просто рехнулся от страха, но, по моим наблюдениям, многие терпящие бедствие почему-то сходят с ума именно в этом направлении.

Вот и я тогда не стал обременять себя составлением плана расследования (в чем, откровенно говоря, не силен), осматривать местность, добывать какие-нибудь улики и зацепки (в этой области я вообще болван, каких мало), а сразу же начал искать след живого среди следов мертвых. Да, я мог биться об заклад: люди, превратившиеся в камень, были мертвы, поскольку невозможно спутать след мертвеца и след живого, пусть даже тяжело больного или околдованного человека.

Мастер Преследования я хороший, лучше даже, чем Меламори, которую в свое время пригласили на службу в Тайный Сыск именно в этом качестве. Однако в Ави я, мягко говоря, сел в лужу. Здесь было слишком много мертвецких следов, так что к ночи я сам лежал пластом среди каменных изваяний. Остывал понемногу.

Нумминорих до рассвета отпаивал меня бальзамом Кахара из походной фляги и пытался подбодрить, в чем весьма преуспел. В конце оздоровительного сеанса он предложил мне прогуляться по селению: «Разведать, что там и как» — по его собственному выражению. Я

согласился. Не столько потому, что действительно рассчитывал обнаружить там нечто важное (я был совершенно уверен, что весь этот кошмар — дело рук какого-нибудь могущественного злодея, который уже давным-давно празднует победу где-нибудь на другом краю Вселенной), а просто так, чтобы доставить удовольствие своему другу... ну и развеяться заодно.

Оказалось, что прогулка по опустевшему селению, жители которого стали каменными истуканами, — не совсем то мероприятие, которое действительно помогает развеяться. Зато в одном из домов мы слышали тихий детский плач, доносящийся из погреба. Восхищенно переглянувшись, мы бросились к лестнице, громко выкрикивая какие-то утешительные глупости — ну что еще два взрослых мужика могут говорить ребенку, попавшему в такую передрыгу?

«Дяденьки, только не смотрите на меня, пожалуйста, — рыдая попросила девочка, — а то тоже станете камушками. Это все из-за меня случилось, я теперь знаю».

Хорошо, что она успела нас предупредить. И счастье, что мы не отмахнулись от ее просьбы. Потому что малышка оказалась самой настоящей горгоной, чей взор обращает все живое в камень.

Я резко затормозил у двери, ведущей в погреб. Нумминорих рванулся было вперед, но я его не пустил.

Дальнейшие переговоры с ребенком велись через запертую дверь. Мне даже сейчас становится не по себе, когда я думаю, что еще секунда, и памятник в полный рост был бы мне обеспечен. Памятник сей, впрочем, вряд ли имел бы большой успех в столице, поскольку изображал бы меня в дорожном костюме и без тюрбана.

Маленькая горгона поведала нам свою коротенькую печальную историю. Этот жуткий дар, разумеется, не был врожденным, а пришел к ней во сне, всего три дня назад. Девочка не помнила подробностей, лишь рассказывала, что ей приснилось «радужное облако», а в облаке кроме нее была еще «тетенька, злая, но добрая» (я перевел эту фразу так: женщина в радужном облаке имела зловещий вид, но с ребенком вела себя ласково).

«Злая добрая тетенька» посулила девочке некий подарок, а на прощание «поцеловала в глазки». Потом девочка проснулась и отправилась на кухню — завтракать. Когда ее родители и четверо братьев в мгновение ока стали каменными истуканами, она испугалась и побежала звать на помощь соседей. Когда окаменела толстая тетушка Мири, ребенок начал стучаться в другой дом. Потом — в следующий...

Ави — очень маленькое селение. Ничего удивительного, что уже к вечеру маленькая горгона осталась в полном одиночестве, если не считать

слепого соседского кота, который ее боялся и к себе не подпускал. Она плакала, пока не уснула, а во сне к ней снова явилась ее загадочная «крестная» и спрашивала: «Ну разве не веселая игра?»

Девочке «игра», однако, не понравилась. Она была нормальным, веселым, привязчивым ребенком, очень любила маму, папу, братиков, соседей, кошек и воробьев.

Поутру маленькая горгона проснулась с твердой уверенностью: она одна виновата во всем, что случилось. Злая женщина из сна поцеловала ее в глаза, и теперь все, на кого она посмотрит, превращается в камень.

С логикой у девчушки все было в полном порядке, надо отдать ей должное. Впрочем, она еще раз проверила свое утверждение: вышла на улицу и бродила по мертвому селению, пока не увидела стайку лесных пичужек, деловито объедающих ягодный куст. Девочка довольно долго разглядывала птиц, и все было в полном порядке, пока одна из птичек не уставилась на нее темными блестящими бусинами глаз. Легкое пушистое тельце тут же превратилось в бессмысленную безделушку из желтого камня, а маленькая горгона с ревом побежала домой. Теперь у нее не осталось ни сомнений, ни надежды.

«Я никуда отсюда не выйду. Буду сидеть здесь, пока не умру, — твердо заявила она. — Я стараюсь ничего не кушать, и когда я скоро умру, никто-никто больше не станет камушком».

Мы с Нумминорихом растерянно переглянулись. «Скоро умру», понимаете ли... Дети иногда кажутся жестокими, потому что мыслят ясно и называют вещи своими именами.

В сущности, малышка была совершенно права, приговорив себя к смертной казни через сидение в погребке. Но, к счастью, в Соединенном Королевстве давным-давно отменили смертную казнь. И мы, как служители закона, были просто обязаны придумать какой-нибудь менее кровавый выход из положения.

«Умирать тебе не нужно, — наконец сказал я. — Достаточно просто завязать глазки платком. У тебя есть платок? Только не прозрачный. А потом мы с тобой поедem к доктору, он тебя вылечит, и все станет как раньше».

Девочка озадаченно молчала. Очевидно, такой простой вариант не приходил ей в голову.

«Здесь есть мамин передник, — наконец сказала она. — Возьмите меня к доктору. Только не ругайте меня, хорошо? А то я опять буду плакать, а папа говорил, что плакать перед чужими стыдно».

Стыдно ей, видите ли...

Она наконец вышла. Белокурая девчушка с острыми локотками и трогательными веснушками на облупленном носике. Впрочем, кроме кончика носа, нам тогда почти ничего не удалось разглядеть: наша маленькая приятельница аккуратно сложила материн передник в несколько слоев и обмотала им не только глаза — полголовы!

Она доверчиво взяла меня за руку, другую лапку сунула Нумминориху и взвизгнула восторженно, ощутив наши пожатия: «Не превратились, не превратились!»

Я сдал ее на руки леди Сотофе Ханемер. Решил: пусть женщины Ордена Семилистника разбираются с маленькой горгоной и со «злой доброй тетей» из ее сна заодно. Я был уверен, что у Сотофы куда больше шансов на успешное завершение этого дела, чем у меня. Да и девчушку в хорошие руки (самые лучшие руки в Соединенном Королевстве) пристроил.

На прощание я подарил малышке солнцезащитные очки, которые несколько лет провалялись у меня дома в качестве бесполезного сувенира с «исторической родины». В Ехо темные очки никто не носит, а я стараюсь не очень выделяться в толпе: у меня и без того та еще репутация...

По дороге к резиденции Ордена Семилистника я свернул на рынок и купил там толстую индюшку, явно предназначенную на убой. С девочкой мы договорились так: она наденет очки под присмотром леди Сотофы и попробует посмотреть на птицу. Если индюшка окаменеет — что ж, это ничем не хуже, чем быть зажаренной. А если с ней все будет в порядке, значит, моя маленькая подружка может продолжать смотреть на мир — через зеленоватые стекла очков он тоже выглядит неплохо.

Через час леди Сотофа великодушно прислала мне зов и сообщила, что эксперимент с индюшкой увенчался полным успехом. Правда, насколько мне известно, «женщину из радужного облака», истинную виновницу происшествия, ведьмы Семилистника пока не обнаружили. Поэтому в подвалах Иафаха теперь хранится огромная партия темных очков: на всякий случай.

Я отвернулся от полки с отчетами, но пестрые этикетки, надписанные моей собственной рукой, все еще плясали перед глазами: «Голомский кисель», «Человек без проблем», «Наездник громового аромата», «Гобелен королевы Вельхут», «Йонохская печать»...

Вот-вот. Надо быть честным с собой: именно Йонохская печать и не давала мне покоя. Опаснейшая штуковина. Но и полезной может быть, как никакая другая волшебная вещь. Свойства ее способны свести с ума

человека, отягощенного избытком воображения.

Можно записать на бумаге все, что взбредет в голову, например: «Сэр Шурф Лонли-Локли становится куманским халифом», или: «Сэр Мелифаро превращается в юную леди», или даже: «Сэр Кофа Йох садится на диету»... — да какая, к черту, разница, написать можно все что угодно, любую чушь! Но если тот, о ком идет речь, распишется на бумаге и поставит сверху эту грешную печать, все написанное сбудется в ближайшие же дни.

Поначалу я удивлялся: как вообще мог уцелеть мир, в котором существует столь опасный предмет?! Немного поразмыслив, понял: все дело в подписи. Подпись должна быть поставлена добровольно, в здравом уме и твердой памяти, в противном случае волшебство не подействует. Поэтому владелец печати может, по большей части, лишь желать всяческих земных и неземных благ себе, любимому, а от таких пожеланий мир, как правило, не переворачивается.

Конечно, если бы Йонохская печать в свое время попала в руки моего старого приятеля Лойсо Пондохвы или одного из его коллег, Миру пришлось бы несладко. Но мудрая судьба позаботилась, чтобы все эти годы печать пребывала в забвении. О ней даже легенд почти не рассказывали. Было несколько упоминаний в Королевских архивах, но не все древние записи принимают на веру. А сама волшебная вещица хранилась в одном из сундуков, которые были зарыты на заднем дворе безымянных развалин на окраине Левобережья.

Она бы покоилась под землей еще Магистры знают сколько столетий, если бы Его Величеству Гуригу в начале этого года не пришла блажь привести в порядок столичные окраины. Живописные руины, которые простые любители пеших прогулок с любимыми девушками, вроде меня, считают отличными декорациями для душевных бесед и первых поцелуев, были сочтены чуть ли не национальным позором и ликвидированы в фантастически сжатые сроки (подозреваю, что без Черной магии тут не обошлось).

В начале лета на месте загубленных исторических достопримечательностей уже начали спешно разбивать парки, что, признаться, почти примирило меня с этой варварской акцией. Я считаю, что в идеальном городе парков должно быть больше, чем жилых кварталов, и если так пойдет дальше, Ехо скоро будет отвечать этому требованию.

Садовники, собственно говоря, и нашли сокровища. Люди простые, разумные и практичные, они рассудили, что клад надо тихонько, без лишнего шума отнести домой и посмотреть, что он собой представляет.

Если в сундуках ценные вещи, их следует разделить поровну, а если полусгнившие древние книги — торжественно отдать властям и потребовать награду.

Содержимое сундуков показалось мудрым садовникам более ценным, чем награда, которую можно получить за такую находку, поэтому они не стали обременять нас пустыми хлопотами, а тихонько поделили его между собой. Невелико преступление: в глубине души я тоже убежден, что клад принадлежит тому, кто его нашел, и никому более.

Но среди драгоценной бижутерии были и другие «безделушки», при изготовлении которых использовалась уже изрядно подзабытая магия древности. Когда дело о Йонохской печати было закрыто, а уцелевшие исторические ценности изъяты у их счастливых обладателей, сэр Кофа, единственный в своем роде специалист по «простым волшебным вещам», озабоченно кряхтел над инвентарным списком сокровищ и ежесекундно хватался за голову: если бы все эти амулеты были пущены в ход одновременно, в Море наступил бы хаос!

К счастью, садовники и не подозревали, что попало им в руки: волшебные вещицы по большей части украшали их прихожие, на зависть соседям, молочникам и почтальонам.

С Йонохской печатью дело, однако, вышло иначе.

У одного из садовников был взрослый сын. То есть у остальных, вероятно, тоже имеются взрослые дети, но они не имеют никакого отношения к дальнейшим событиям.

Сын садовника, маленький невзрачный господин по имени Тетла Брикас, служил личным помощником престарелого университетского профессора, а на досуге коллекционировал сведения о волшебных талисманах древности. Хобби похвальное: увлекательное, познавательное и небескорыстное — никогда не знаешь, какой из описанных в древних рукописях магических предметов попадется на твоём пути.

Тетла Брикас был умен и образован, он обладал хорошей памятью, свободным доступом к тайным университетским архивам и почти неограниченным запасом свободного времени: его шеф считался глубоким стариком еще до войны за Кодекс и слишком любил покой и размеренный ритм жизни (всего две лекции в неделю), чтобы перегружать своего помощника текущей работой.

Одним словом, Тетла Брикас принадлежал к тем немногим счастливчикам, которые имеют возможность полностью посвятить себя любимому делу и преуспеть в оном без риска потерять «верный кусок хлеба» и прочие житейские ценности из разряда непреходящих. Если бы он

демонстрировал свои знания в нужное время в нужных местах, ему, несомненно, уже давно предложили бы профессорскую должность. Однако он предпочел ловить удачу за другой хвост.

Все так удачно совпало: Йонохская печать оказалась в доме, куда изредка захаживал компетентный специалист, способный с первого взгляда понять, что за вещь перед ним. Заполучить в подарок волшебную вещь, которую его практичный отец собирался приспособить для колки орехов (чтобы без дела не стояла), было проще простого.

Следующие несколько суток Тетла Брикас провел без сна, в разъездах между своей холостяцкой квартиркой, где хранилась обширная коллекция копий древних рукописей, и университетским Архивом. Приятель, служивший в Замке Рулх, по дружбе провел неугомонного исследователя в Королевский Архив, да еще и полночи караулил под дверью, чтобы Тетла мог спокойно снять интересующие его копии.

Невольный сообщник считал Тетлу безобидным чудаком, помешанным на старье, но любил в нем веселого товарища давно минувшего детства. К тому же коллекционирование копий никогда не считалось в Соединенном Королевстве большим грехом. Закон есть закон, конечно, но во имя государственного благополучия следует потакать безобидным человеческим слабостям.

Ага, безобидным, как же...

Незадолго до конца лета миру было явлено первое чудо Йонохской печати. Скромный помощник университетского профессора подал прошение об отставке и в тот же день переехал в роскошный дворец, невесть откуда появившийся на берегу Хурона. Никто не удивился внезапному появлению нового памятника архитектуры в самом центре столицы, поскольку (это мы узнали уже позже) первая бумага была составлена очень грамотно: «Тетла Брикас становится владельцем роскошного замка на берегу Хурона и несметных богатств, это никого не удивляет».

Благодаря столь удачному речевому обороту даже педантичный сэр Шурф Лонли-Локли не придавал значения внезапному появлению в Ехо нового дворца. А ведь он ежедневно дважды проезжал мимо нового жилища хитроумного коллекционера, добираясь из дома к месту службы и возвращаясь обратно.

При всех своих достоинствах счастливый обладатель Йонохской печати был начисто лишен воображения. И хвала Магистрам! Он владел печатью несколько дюжин дней кряду, но не нанес никакого ущерба равновесию Мира.

Как старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке», он чуть ли не ежедневно менял хорошее на лучшее. Его замок становился все выше и периодически перемещался с места на место, когда жильцу начинало казаться, что вид из окна спальни недостаточно хорош. Число сундуков с драгоценностями росло, наряды день ото дня становились все роскошнее, а число его личных амобилеров постепенно перевалило за дюжину. Внешний вид Тетлы Брикаса тоже претерпел изменения: он стал высоким мускулистым рыжеволосым красавцем, так что легкомысленные горожанки порой бросали все свои дела и брели за ним, чтобы узнать, где живет этот невероятный мужчина и нет ли — ах! — возможности познакомиться с ним поближе.

Вскоре его именовали не иначе как «сэр Брикас», на стене гостиной появился фамильный герб, а в комод — бумаги, свидетельствующие о древности и знатности графского рода Брикасов. Старик отец переехал в собственный замок на Левом Берегу; там новоиспеченный граф продолжил копать в саду. В отличие от богатых садоводов-любителей, живущих по соседству, он делал это профессионально, но без особого удовольствия — так, по привычке. Друг детства, пустивший счастливчика в Королевский Архив, получил в подарок двухэтажный дом в Новом Городе и лакированный амобилер и открыл личный счет в Управлении Больших Денег: Тетла был не из тех, кто забывает добрые услуги. Поговаривали о скором браке Тетлы Брикаса (не то с лохрийской принцессой, не то с кузиной Шиншийского халифа). И это никого не удивляло, как и прочие внезапные перемены в жизни простого университетского ассистента.

Этот счастливчик мог бы до сих пор распоряжаться Йонохской печатью в свое удовольствие, но ему надоело оставаться в тени. В глубине души скромный коллекционер древностей жаждал не столько всеобщей любви (которая у него в последнее время имелась в избытке), сколько аплодисментов. А вот аплодисментов-то и не было.

И тогда «граф» Брикас совершил, можно сказать, роковой поступок: на очередной бумаге, которая должна была улучшить его и без того замечательную жизнь, он написал: «Граф Тетла Брикас удостоивается Высшей Королевской награды, все вокруг удивляются». Расписался, приложил Йонохскую печать и замер в ожидании триумфа.

Это стало началом конца. Не только бывшие соученики, соседи и просто приятели Тетлы Брикаса изумленно заахали над первыми полосами столичных газет. В тот же день наш сэр Кофа вернулся из вечернего похода по городским трактирам в состоянии почти мечтательном — верный признак того, что Мастер Слышащий начал разматывать очередной

запутанный клубок чужих секретов.

«Весь город только и говорит о Королевской награде, которую получил некий граф Брикас, — сообщил он мне. И задумчиво добавил: — Удивительное дело! Королевские награды не раздаются просто так, безо всякого повода, «за заслуги перед Соединенным Королевством», как написано в Высочайшем Указе. Да и никаких таких заслуг, кроме брачного предложения Шиншийскому правящему дому, за этим графом Брикасом не водится, я уже навел справки. Более того: кажется, он и не граф вовсе. По крайней мере, еще недавно его папаша был садовником, а сам сэр Брикас служил в Королевском Университете. Занятный авантюрист... Надо будет заняться этим делом, благо все равно скука смертная».

Самый страшный зверь — это заскучавший Кофа. Два дня спустя Тетла Брикас, печальный и растерянный, сидел в моем кабинете и сбивчиво рассказывал историю своего внезапного возвышения.

Йонохская печать лежала на столе, сэр Кофа взирал на нее с опасливым благоговением: оказывается, легенду про эту печать он случайно услышал еще в детстве, но даже тогда не верил в ее существование. Слишком уж неправдоподобно все это звучало.

«Это — самая опасная волшебная вещь за всю историю существования Мира, — сурово резюмировал Кофа. — Пожалуй, вы действительно заслужили Высшую Королевскую награду, господин Брикас: будь вы хоть немного более азартным или просто любопытным человеком, Мир мог бы рухнуть. Какое счастье, что вы оказались бездарным занудой!»

С беднягой Брикасом мы поступили гуманно: он сохранил свои дворцы, драгоценности, амобилеры и графское звание; даже Высшая Королевская награда осталась при нем — в обмен на клятву о неразглашении тайны Йонохской печати. Поскольку дело касалось государственных секретов и даже в какой-то мере репутации самого Короля, клятва была особенная: нарушивший ее обрекал себя на медленную, мучительную смерть.

Хвала Магистрам, Тетла Брикас оказался весьма впечатлительным человеком: когда я в красках расписывал ему, как выглядит тело клятвопреступника примерно за неделю до похорон, он потерял сознание. Мы могли не сомневаться: он будет молчать.

Некоторое время сэр Кофа потратил на то, чтобы собрать остальные волшебные вещицы. Садовников сначала припугнули перспективой провести пару лет в Холоми за хранение волшебных талисманов в домашних условиях, а потом отпустили восвояси и даже выплатили компенсацию: когда занимаешься делом, в ходе которого никто не

пострадал, надо постараться, чтобы и наказанных не было. В Ехо принято считать, что судьба не любит несправедливости и может отомстить излишне строгому служителю закона.

Теперь Йонохская печать хранилась в нашем сейфе, как и прочие магические предметы, конфискованные у кладоискателей. По этому поводу мы с коллегами держали совет, в результате которого набрались наглости и объявили, что волшебные вещи являются, можно сказать, орудиями нашего труда, поэтому логично оставить их в арсенале Тайного Сыска, а не передавать на хранение в какой-нибудь музей, откуда их, кстати сказать, рано или поздно сопрут предприимчивые охотники за чудесами.

Король, как человек рассудительный и, что еще более важно, достаточно равнодушный к чужим делам, тут же с нами согласился.

Разумеется, при жизни Великого Магистра Нуфлина Мони Маха сей стратегический финт ушами нам бы вряд ли удался. Покойный глава Ордена Семилистника с величайшим удовольствием наложил бы лапу на все сокровища Мира: волшебные они там или нет — это уже дело десятое. Но эпоха Нуфлина миновала безвозвратно. В отсутствие начальства всеми делами в Ордене негласно заправляли женщины Семилистника, а их предводительница леди Сотофа Ханемер лишь нетерпеливо отмахнулась от меня, когда я вежливо осведомился, не претендует ли она на обладание вышеупомянутыми магическими талисманами. Леди Сотофа — слишком могущественное существо, чтобы всерьез интересоваться волшебными побрякушками, к тому же, насколько я могу догадываться, Сотофу, как и ее старинного друга Джуффина, интересуют лишь такие области тайных знаний, где магические вещицы, даже самые могущественные, совершенно бесполезны.

Итак, Йонохская печать лежала в сейфе, ключи от которого сейчас хранились у меня; через три дня я передам их Мелифаро, поскольку придет его очередь усаживаться в кресло начальника.

Эта грешная печать стала самым сильным искушением в моей жизни. Разумеется, я не нуждался ни в улучшении жилищных условий, ни в увеличении своего банковского счета, ни в титулах, ни в невестах из королевских семей. Даже внешность менять было ни к чему: Меламори моя рожа вполне устраивает, да и многие другие леди поглядывают на меня с нескрываемым интересом: такой тип внешности, как у меня, считается в Угуланде чуть ли не эталоном мужской красоты. А ведь пока я жил дома, форма моего носа и разрез глаз приводили в экстаз разве что старушку соседку, да и то лишь потому, что я был похож на кого-то из героев ее

юношеских романов.

Одним словом, я не нуждался в услугах Йонохской печати для повышения качества жизни: что-что, а жизнь у меня и без того удалась — дальше некуда. Не стал бы я просить и могущества — этого добра у меня, честно говоря, было больше, чем требовалось. Не было у меня и планов радикального изменения мироустройства, этот прекрасный Мир вполне устраивал меня таким, каков он есть, поскольку лучше все равно невозможно. Уж мне-то, хвала Магистрам, было с чем сравнивать...

Честно говоря, Йонохская печать требовалась мне только для того, чтобы найти Джуффина и помочь ему вернуться домой. Эта идея занимала в моем сознании почетную должность навязчивой.

Дело, конечно, было не только в том, что я тосковал без Джуффина — потерпел бы, не проблема. Да и без его отеческой опеки обходиться уже давно привык. И, разумеется, я отдавал себе отчет в том, что шеф вряд ли предпочел бы необходимость ежедневно приезжать в Дом у Моста открывшейся перед ним возможности странствовать в неизвестности. Мне было отлично известно, что охота на тайны составляла единственный смысл его существования, так что, если рассуждать теоретически, сэр Джуффин должен быть сейчас счастлив как никогда прежде.

Но это теоретически. А на практике меня одолевали какие-то смутные, но определенно нехорошие предчувствия. Порой я почти физически ощущал себя загнанным в ловушку; при этом внешние обстоятельства никоим образом не могли способствовать такому состоянию души. Иногда я был готов поклясться, что это странное тоскливое томление испытываю не я сам, а кто-то другой — я лишь отражаю размытые очертания чужой тоски, как тусклое зеркало в темной комнате.

Хуже всего, что я был почти уверен: мои скверные переживания каким-то образом связаны с Джуффином.

Признаться, мне было довольно сложно вообразить ситуацию, в которой шеф мог бы нуждаться в посторонней помощи. Впрочем, что я знал о тайнах, которые поманили его за собой? Правильно, ничего.

Нельзя сказать, будто я сидел сложа руки. Трижды я просил совета у могущественных колдунов, которые, как мне казалось, чуть ли не обязаны прийти мне на помощь в таком деле: у леди Сотофы, у Мабы Калоха и даже у кеттарийского шерифа Махи Аинти, благо он редко оставляет без ответа мой зов. Все трое были единодушны: «Не лезь в дела Джуффина, мальчик, они тебе пока не по зубам». Как будто я сам этого не понимал... Рассказать мне о том, где сейчас Джуффин и что с ним происходит, они мне тоже решительно отказались. Дескать, сами в жизнь Джуффина не вмешиваются,

а посему понятия не имеют...

Ага, так я им и поверил!

Оставленный наедине с тягостными предчувствиями и мрачными мыслями, я понемногу сходил с ума. По идее, мне следовало бы молить судьбу о неприятностях: когда в Ехо случается что-то из ряда вон выходящее, вроде истории с буйными воинами Дрохмора Модиллаха, у меня не остается ни времени, ни сил на собственные навязчивые идеи. Когда же наступает счастливая пора блаженного безделья, для меня начинается очередной этап душевной борьбы.

Рано или поздно я должен был дойти до предела. Судьбе было угодно, что это случилось именно в тот день, когда в моем кармане бренчали ключи от сейфа, где хранилась Йонохская печать.

Самые чудовищные глупости в своей жизни я всегда совершал, отлично сознавая, что делаю именно чудовищную глупость. Сознать-то сознаю, но не останавливаюсь, а лишь завороченно наблюдаю за собственными действиями как бы со стороны, словно не мне предстоит потом расхлебывать последствия. Кролик и удав в одном лице, провокатор и жертва провокации, сам себе наказание!

Вот и сейчас я медленно, словно бы растягивая удовольствие, взял заранее, вчера еще приготовленный лист бумаги (самопишущие таблички тут не годились) и аккуратно, стараясь придать своему неразборчивому почерку более-менее пристойный вид, написал: «Сэр Джуффин Халли возвращается из своих странствий живой и невредимый».

Написал и сразу порвал, сообразив, что такая формулировка требует личной подписи самого Джуффина — а где я ее, интересно, возьму?!

Пришлось писать заново: «Сэр Макс отправляется на помощь сэру Джуффину Халли и помогает ему вернуться домой». Поставил точку, размашисто расписался. Неторопливо, словно в глубине души надеялся, что мне помешают, извлек из кармана связку ключей, открыл сейф, достал печать. Запер сейф, спрятал ключи. Печать лежала на столе, как неопровержимая улика моего грехопадения, вот только желающих стать свидетелями почему-то не обнаруживалось. Я взял печать в руки.

Вырезанная из невзрачного зеленовато-серого камня, инкрустированная дешевыми блестящими кристаллами, Йонохская печать совершенно не производила впечатления могущественного талисмана. Возможно, именно по этой причине я не стал класть ее на место, а поднес к губам и несколько раз энергично выдохнул теплый воздух. Аккуратно приложил печать к бумаге. Потом запер кабинет на ключ (сейчас свидетели

мне уже не требовались, поскольку останавливать меня было поздно) и поспешно вернул печать обратно в сейф. Бумагу же сжег — не потому, что этого требовал обряд, а потому, что за мной водится скверная привычка разбрасывать важные документы в самых неподходящих для этого местах. Теперь, когда глупость уже была совершена, я искусно заметал следы — словно это могло помочь мне избежать последствий.

Только несколько минут спустя, когда пепел был тщательно развеян по ветру, стол протерт, а кабинет проветрен, я испугался. Мне пришло в голову, что было бы разумнее написать: «Они оба возвращаются домой», потому что судьба умеет мстить тем, кто небрежно с нею обращается. Но дело уже было сделано. Теперь оставалось только ждать, чем все закончится.

Я стиснул зубы, приказал себе улыбаться и отправился на ужин с сэром Рогро. Весь вечер старательно разыгрывал веселье и беззаботность, да так успешно, что, когда к нашему обществу присоединилась Меламори, ей в голову не пришло, что со мной что-то не так. Я мог принимать поздравления: провести Меламори практически невозможно.

Впрочем, позже, когда мы уединились в Мохнatom Доме, я сам ей все рассказал. В самом оптимистическом тоне, разумеется. Дескать, успех мероприятия гарантирован, мне ничего не грозит, и вообще жизнь прекрасна. Меламори выслушала меня внимательно и спокойно, а когда я умолк, попросила:

— Покажи мне, пожалуйста, эту бумагу, Макс.

— Я бы с радостью, но ее уже нет. Сжег, чтобы никому на глаза не попала.

— Собственно, меня интересует только одно, — все тем же подозрительно спокойным тоном сказала она. — Я хочу точно знать, что ты там написал: «Джуффин возвращается домой» или «Джуффин и Макс возвращаются»?

— Не так и не так, — неохотно ответил я. — Просто: «Макс помогает Джуффину вернуться домой». По-моему, очень хорошая формулировка.

— Да, неплохая, — согласилась Меламори. — У твоей формулировки есть только один недостаток. Несущественный, разумеется... Она не дает никаких гарантий, что ты тоже вернешься домой.

— Но почему я не должен вернуться домой? — почти жалобно спросил я.

— Так... Не знаю. Не у одного тебя бывают скверные предчувствия, — сухо сказала она. Отвернулась и вышла из комнаты.

Я нашел ее внизу: моя гордая леди изо всех сил старалась смыть с лица следы недавних слез. Я сделал вид, что ничего не заметил.

— Не сердись, — попросил я.

— А я и не сержусь, — мягко сказал она. — Просто стараюсь привыкнуть к мысли, что моя жизнь очень скоро может закончиться. Потому что если ты не вернешься...

— Если я вдруг не вернусь, ты найдешь меня, — улыбнулся я. — Найдешь и снова вытащишь из болота, как это уже было однажды.

— Да, это мысль, — согласилась она. — Ладно, договорились. Найду.

Больше к этой теме мы не возвращались: все было сказано, и мы оба знали, что обещание Меламори было не отговоркой и тем более не сентиментальным лепетом, а планом действий, который будет приведен в исполнение, если понадобится. Мне, честно говоря, сразу стало спокойнее: легко верить человеку, который уже однажды спас тебе жизнь.

В эту ночь произошло еще много хорошего, но ничего из ряда вон выходящего. Признаться, я был даже немного разочарован: если верить словам бывшего владельца Йонохской печати, исполнение желаний наступало если не немедленно, то очень и очень скоро.

Поначалу я предполагал, что чудеса будут поджидать меня на пороге сна, как это уже не раз случалось. Однако нет, я дрых, как бревно бесчувственное, дивные сновидения меня не посетили. Поутру я проснулся в собственной постели, и нельзя сказать, что меня это сильно огорчало. Сейчас вчерашняя безумная выходка казалась мне делом столь давних дней, что ее следовало навеки похоронить на задворках памяти, чтобы не мешала наслаждаться жизнью.

В таком легкомысленном настроении я отправился завтракать. Мне даже удалось развеселить Меламори, которая поначалу была хмурой и сосредоточенной, словно уже начала заблаговременно составлять план моих поисков.

Утро удалось на славу: удивительно теплое для зимнего дня, оно было чертовски похоже на весеннее. Даже ветер пах так, как бывает только весной: сыростью, медом и дымом. Я послал зов Кофе и с удовольствием выяснил, что в Дом у Моста можно не слишком спешить: все равно там ничего не происходит. На приоткрытое окно уселась лесная птица и доверчиво защebetала что-то на своем птичьем языке, кокетливо поблескивая темными бусинами глаз. Камра была чудо как хороша, особенно в сочетании с солнечными зайчиками, которые то и дело ныряли в кувшин; крошечные хрустящие булочки из «Ленивой Тарелки» вполне

могли считаться пищей небожителей. Утренняя газета оказалась достаточно забавной, чтобы читать ее вместе, по очереди отпуская ехидные замечания в адрес авторов и героев статей.

Около полудня я с сожалением начал одеваться. Меламори вполне могла продолжать валять дурака в ожидании вызова на службу, но мне, как временному начальнику, все же полагалось присутствовать в Доме у Моста.

Меламори, впрочем, собиралась пойти со мной, но потом вдруг передумала: вспомнила, что у нас имеется обделенная вниманием собака, и отправилась гулять с Друппи, не дожидаясь, пока я приведу себя в божеский вид. Ее отсутствие сказалось на моих сборах весьма благотворно: у меня больше не было причин оттягивать момент выхода из дома.

Я в последний раз посмотрел на себя в зеркало. Мантия Смерти, шикарные сапоги с драконьими мордами на носках, тюрбан на голове, черная шелковая полумаска на лице — неизбежная дань моде, практической надобности в ней при таком костюме не было. Убедившись, что мой внешний вид не нанесет ущерба репутации Тайного Сыска, я распахнул дверь и вышел на улицу, пытаясь угадать, в какой из переулков помчался Друппи, увлекая за собой мою подружку: очень уж хотелось как бы «случайно» встретить их по дороге.

Запутавшись в своих предположениях, я, кажется, попросту забыл, что, прежде чем открыть дверь, мне следует сосредоточиться, чтобы ненароком не угодить в какой-нибудь другой Мир. Впрочем, именно такого рода приступ рассеянности и требовался для исполнения моего давешнего «тайного указа», скрепленного Йонохской печатью.

* * *

Болван, я даже не сразу заметил, что оказался совсем в другом городе, ничуть не похожем на Ехо. А когда понял и обернулся назад, никакого Мохнатого Дома, разумеется, уже не было. Только одинаковые двухэтажные силуэты зданий в пасмурном полумраке внезапно сгустившихся сумерек.

Я запоздало понял, что мое давешнее желание начало сбываться, и решительно отогнал тревожные мысли. Все должно развиваться согласно моему собственному сценарию: сейчас я найду Джуффина и помогу ему вернуться домой. И разумеется, мы вернемся вместе, иначе быть не может!

Руководствуясь скорее практическими соображениями, чем нетерпением, я тут же попробовал послать зов Джуффину, рассудив, что

проще спросить, где он находится, чем искать его наугад, блуждая по незнакомому городу.

Однако у меня ничего не получилось. Проблема не в том, что Джуффин не откликнулся, как не откликаются на зов мертвецы и обитатели иных Миров, дело обстояло еще хуже: я больше не мог воспользоваться Безмолвной речью, словно меня никогда этому не учили, словно я не применял сей полезный навык на практике не далее как полчаса назад, чтобы поболтать с сэром Кофой. Даже не так: словно бы возможности воспользоваться Безмолвной речью вообще не существовало в природе.

Вообще-то, я склонен поддаваться панике; слонов, собственноручно изготовленных мною из мух, хватило бы на заселение зоопарков всех обитаемых Миров. Но тогда ничего похожего на панику я не ощутил, только тоненькая струйка ледяного пота поползла по спине. Настоящий ужас пренебрегает внешними эффектами: я не побледнел, не зашатался, не схватился за грудь, не принялся изрыгать ругательства, мои глаза не наполнились слезами отчаяния. Я лишь на мгновение остановился и тихо сказал себе: «Ну вот, допрыгался».

Потом я пошел дальше. Голова была совершенно пуста, никаких эмоций я не испытывал, и это было благо, причитающееся мне по праву, как наркоз любому пациенту перед операцией.

Я понятия не имел, каким образом теперь можно найти Джуффина. Никаких идей на сей счет у меня не было; впрочем, я и не обдумывал эту проблему. Все должно было случиться как-нибудь само собой, в противном случае нечего было и затевать эту сомнительную канитель с Йонохской печатью. Полагаю, я мог не бродить по незнакомому городу, а оставаться на месте и ждать, пока Джуффин сам ко мне придет, но бездействие свело бы меня с ума. Неудивительно, что я предпочел задать работу своим ногам.

Город, по которому я ходил, мне скорее понравился, чем нет. Тихий, безлюдный, очень зеленый городок с невысокими домами, редкими, но яркими разноцветными фонариками, теплым светом в окнах маленьких кафе. Пахло хвоей, жасмином и свежей выпечкой; лиловые сумерки никак не могли сгуститься до состояния настоящей ночи, но и не рассеивались, чтобы уступить место утреннему свету. Потом, много позже, я узнал, что этот город навсегда застыл в сумерках, как мошка в смоляной капле. Откуда-то издали доносилась танцевальная музыка, но я так и не набрел на ее источник: в каком бы направлении я ни сворачивал, музыка не становилась ни громче, ни тише, словно звучала у меня в ушах, а не где-то на соседней улице.

В конце концов я устал бродить. К тому же меня раздражало смутное

подозрение, что я хожу по кругу, как заплутавший в лесу грибник. Стеклянная дверь одного из кафе, украшенная вывеской «Салон», показалась мне достаточно привлекательной; мягкий желтый свет и сладкий ванильный запах, льющиеся из открытого окна, окончательно решили дело.

Я снял полумаску, вывернул наизнанку Мантию Смерти — так, чтобы она стала похожа на обычный черный плащ. Немного подумав, снял и тюрбан: слишком уж экзотический головной убор! Поколебавшись, сунул тюрбан и полумаску в кусты: авось не сопрет никто, а сопрет — и черт с ними!

Закончив нехитрую процедуру превращения своей внешности в более-менее обыденную, я решительно толкнул дверь и вошел в маленькое теплое помещение.

Здесь почти никого не было, только два старика за столиком в углу играли — судя по форме доски и перестуку костей, в нарды. Невысокая белокурая женщина за стойкой рассеянно протирала и без того чистые стаканы.

Я пересек помещение, взобрался на высокий деревянный табурет и заговорил с хозяйкой «Салона» — сам не знаю, с какой стати. Скорее всего, я просто чертовски устал молчать. Настолько, что даже не задался вопросом: а поймут ли меня? Впрочем, путешествия между Мирами тем и хороши, что знание иностранных языков тут редко требуется: всегда почему-то оказывается, что словари и переводчики без надобности. Ну или почти всегда...

— В юности я мечтал держать именно такое кафе, как у вас, — сказал я. — И твердо решил, что мое кафе будет работать всю ночь, до рассвета... Кстати, ваш «Салон» открыт до рассвета?

— Почему именно до рассвета? — спросила она. Вполне доброжелательно спросила, но, как мне показалось, равнодушно. Однако я был рад уже тому, что меня не послали к чертям собачьим. Меня понесло.

— Потому что на самом дне долгой зимней ночи открытое кафе, окна которого гостеприимно источают леденцовый желтый свет, а из-за неплотно прикрытой двери доносится аромат свежего кофе, — это гораздо больше чем просто кафе. Это спасательная станция, контора по мелкому ремонту разбитых сердец, пункт раздачи таблеток от одиночества...

— Забавно, что вы так говорите, — мягко перебила она. — Вы не поэт, часом?

— Был когда-то, — неохотно признался я.

— Если вы были поэтом, значит, когда-нибудь снова им станете, —

вздохнула хозяйка. — Это неизлечимо. По себе сужу. И не только по себе.

— Извините, я сам не знаю, с чего это меня так развезло, — смутился я.

— Не нужно извиняться, — улыбнулась она. — Вы очень хорошо говорили. Просто здесь нет ни ночей, ни рассветов, к этому вам придется привыкнуть. Вы ведь совсем недавно в городе?

— Недавно, — кивнул я. — Всего пару часов.

И, помолчав, решительно прибавил:

— И ненадолго.

— Ненадолго? — недоверчиво повторила она. Сочувственно покачала головой и неожиданно ласково спросила: — Вам чего хотелось бы? Кофе? Чаю? Горячего шоколада? Или покрепче чего-нибудь? Не стесняйтесь, заказывайте.

— А такие деньги вы принимаете? — с сомнением спросил я, извлекая из кармана корону.

— Я принимаю любые деньги, если клиент непременно желает заплатить, — отмахнулась она. — И не требую денег, если клиент платить не хочет. Здесь деньги не нужны, хотя некоторые любят набить ими карманы, перед тем как выйти из дома, — так дети берут на прогулку любимые игрушки. Знаете, как я расплачиваюсь со своими поставщиками?

— Как?

Я слегка смутился. Мне вдруг показалось, что сейчас эта милая женщина заявит, что ей приходится оказывать поставщикам интимные услуги.

— Я говорю им спасибо, — невозмутимо объяснила она. — Доброе слово — единственная валюта, которая здесь высоко котируется, — и, лукаво прищурившись, спросила: — А вы что подумали?

— То, что на моем месте подумал бы любой дурак, — улыбнулся я. — Сделайте мне горячего шоколада. Это он пахнет ванилью?

— Ванилью, скорее всего, пахну я сама, — усмехнулась она. — И еще булочки, которые я пекла перед вашим приходом. Хотите попробовать?

Я было закивал, но тут дверь кафе распахнулась и на пороге появился сэр Джуффин Халли собственной персоной.

Шеф уставился на меня, как смотрел бы школьник на живого Санта-Клауса, не в силах поверить, что он действительно существует.

Я опомнился первым.

— Уже не надо ни шоколада, ни булочек, — сказал я хозяйке. — Мне необходимо переговорить с этим господином.

— А, так вы знакомы с Чиффой? — обрадовалась она. — Ну надо же!

Ничего, попробуетесь еще моих булочек, я их часто пеку.

Я не стал говорить ей, что не собираюсь задерживаться здесь до следующей партии булочек: зачем огорчать хорошего человека? Благодарно улыбнулся, кивнул, слез с табурета и поспешил к Джуффину. Тот, кажется, только-только пришел в себя.

Радости на его лице, однако, не было. Шеф смотрел на меня с неподдельным сочувствием, как на тяжело больного, который еще не ознакомился с заключением врачебного консилиума.

— Как ты сюда попал, Макс? — наконец спросил он. — Ума не приложу, как ты мог здесь оказаться? Это Мёнин?

— Нет, — гордо отвечивал я. — Это Йонохская печать. Знаете, что это такое?

— Не припоминаю, — нахмурился шеф. — Расскажи-ка... Впрочем, нет, не здесь. Пойдем лучше ко мне. Я живу неподалеку.

— А может быть, сразу домой, в Ехо? — предложил я. — Вы ведь хотите вернуться, я правильно понимаю? Мне почему-то все время казалось, что вы хотите вернуться, но не можете. Или все это вздор, и я, дурак, зря действую вам на нервы?

— Нет, Макс, ты не дурак. Ты все очень правильно понимаешь. Я хочу вернуться в Ехо, — мягко сказал Джуффин. — Другое дело, что это не так уж просто. Ты еще не понял, куда попал? Это же Тихий Город.

— И что с того? — небрежно спросил я. — Тихий... Да, действительно вполне тихий городок. Но с какой стати...

Тут я осекся, потому что вспомнил. Когда-то давно Джуффин рассказывал мне про Тихий Город.

Из его слов следовало, что Тихий Город — это самое жадное место во Вселенной, которое обожает заманивать в свои стены усталых странников, скользящих через Хумгат.

— Попасть сюда легче легкого. Как правило, это происходит помимо нашей воли и как бы само собой, — вздохнул шеф. — А вот покинуть Тихий Город почти невозможно.

— Слово «почти» мне нравится, — я попытался быть оптимистом.

— Мне тоже. Только имей в виду, нашему с тобой приятелю Мёнину понадобилось Магистры знают сколько тысячелетий, чтобы найти дорогу домой.

— Выкрутимся как-нибудь, — упрямо сказал я. Моя вера в силу Йонохской печати была непоколебима. — А что, магия тут совсем не действует, да? Я попытался послать вам зов, но...

— Здесь не может быть никакой магии, кроме магии самого Тихого

Города, — подтвердил Джуффин. — Счастье еще, что это место скорее доброе, чем злое — если забыть о том, что оно удерживает в плену всех своих обитателей. Но, по крайней мере, не мучает. Скорее наоборот, старается порадовать. Твои соотечественники вполне могли бы счесть Тихий Город раем... А вот и мой дом.

Дом, на который он указывал, ничем не отличался от других двухэтажных домов квартала. Деревянный забор был выкрашен в зеленый цвет и увит плющом; вдоль тропинки, ведущей к дому, толпились пушистые вечнозеленые кустики. В ветвях деревьев щебетали птицы. Что ж, для тюрьмы очень даже неплохо.

Но я все еще был настроен оптимистически и задерживаться в этом душистом раю не собирался. Обойдутся!

Обстановка в доме Джуффина совершенно не соответствовала моим представлениям о его вкусах. Слишком скромно, я бы сказал, аскетично.

— Этот Тихий Город считает, что лучшего вы не заслуживаете? — возмущенно спросил я.

— Все не так просто, — улыбнулся Джуффин. — Тихий Город невозможно обмануть. Обстановка в доме каждого пленника такая, какая требуется именно этому человеку для того, чтобы ему было покойно и уютно. Когда я сам обустраивал свое жилище на Левом Берегу, я руководствовался не столько собственными потребностями, сколько традициями, модой, размерами своего кошелька, в конце концов. А на деле оказалось, что не так уж много мне нужно. Кстати, о Мёнине местные старожилы рассказывают, что его дом был обставлен не лучше скворечника. И, представь себе, ему это нравилось. Впрочем, все это пустяки. Расскажи-ка мне лучше про Йонохскую печать, которая помогла тебе меня найти. Очень любопытно.

Пока я рассказывал, шеф смотрел в окно. Выражение его лица постепенно менялось: равнодушие уступало место изумлению.

— Значит, судьба, — тихо сказал он, когда я умолк. — Не поспоришь...

— Что вы имеете в виду? С кем — не поспоришь? — почти сердито спросил я. — По-моему, все идет неплохо. Вас я уже нашел. Не сомневаюсь, что скоро случится еще какое-нибудь чудо, и мы окажемся дома. Страшная штука эта Йонохская печать!

— Чудо, к твоему сведению, уже случилось, — сухо сказал шеф. — Но, кажется, оно случилось только для меня. Посмотри в окно, Макс. Что ты там видишь?

— Как — что? — растерялся я. — Тропинку, кусты, забор, зеленый фонарь в конце улицы и еще один, красный, совсем далеко. А что?

— Так я и думал, — печально кивнул Джуффин. — А вот я уже вижу за окном совсем другой пейзаж. Сумеречный рынок, старый амобилер на углу, двух толстух в цветастых лоохи. Насколько я припоминаю расположение зданий на площади, когда я выйду отсюда, выяснится, что я сидел в доме старого Нони Хелуфеца, который его внуки в начале весны выставили на продажу. Понимаешь, что это значит?

— Что это значит? — тупо переспросил я. Способность соображать великодушно меня покинула.

— Это значит, что здесь, в этой комнате, пролегла граница между Тихим Городом и обитаемой Вселенной. Мы с тобой пока сидим рядом, но мы уже в разных Мирах. Если ты выйдешь за дверь, ты окажешься в моем саду. Если выйду я — попаду в Ехо. Чтобы сразу поставить точки над «i», заранее говорю тебе: именно так я вскоре и сделаю, потому что надо быть безумцем, чтобы не воспользоваться таким шансом. Тем более что, отдав в твои руки Йонохскую печать, судьба ясно указала мне, где чье место.

— Вы меня пугаете, — хрипло сказал я. — Хотите сказать, что я освободил вас, а сам застрял? Права была Меламори, надо было написать: «Они оба возвращаются в Ехо». Я — клинический идиот.

— Не такой уж ты идиот. Просто твоей рукой в то мгновение управляли силы, противостоять которым невозможно, — вздохнул Джуффин. — Я понимаю, *что* ты сейчас испытываешь, Макс. Думаю, тебе лучше знать всю правду. Твое место — здесь, в Тихом Городе. С самого начала. Для этого, собственно, ты и появился на свет.

— Для этого?! Для чего — этого?

Я уже ничего не понимал. Мелькнула спасительная мысль: я сплю, это просто сон. Тягостный сон, чем дальше, тем хуже, но это не имеет значения, потому что когда-нибудь я проснусь.

Впрочем, обмануть себя было трудно: в глубине души я прекрасно знал, что никакой это не сон, а самая что ни на есть явь. Возможно, куда большая явь, чем все предыдущие события моей жизни.

— Постарайся успокоиться и выслушать меня внимательно, — мягко сказал Джуффин. — Я много раз говорил тебе, что лучше знать правду, чем не знать ее. Невежество, конечно, дарит нам возможность нежиться в теплом океане иллюзий, зато знание развязывает руки — как бы ужасно оно ни было.

— В теории это так, — пробормотал я. — Однако на практике... Впрочем, фиг с ними, с иллюзиями. Давайте вашу правду. Все равно вы

скоро уйдете — что ж мне, еще и любопытством терзаться, в довершение ко всем прочим бедам?

— Я намерен рассказать тебе все, даже если ты заткнешь уши или начнешь кидаться на меня с ножом, — заверил меня шеф. — Имей в виду, оба варианта в твоём случае вполне простительны, но я бы не рекомендовал тратить силы на такую ерунду.

— Не тяните из меня душу, — попросил я. — Выкладывайте. Я не буду затыкать уши, а оружие могу сдать, если хотите. Впрочем, не думаю, что оно для вас опасно.

— Я тоже так не думаю, поэтому можешь оставить его при себе, — спокойно согласился Джуффин. — А теперь слушай. Впрочем, для начала ответь мне на простой вопрос: нравится ли тебе Мир, куда я в свое время помог тебе перебраться?

— Вы имеете в виду Ехо? — опешил я.

— И Ехо, и Соединенное Королевство, и весь Мир в целом, включая материки Уандук, Черухту и Арварох.

— Разумеется, нравится... Хотя нравится — слишком слабо сказано. Могли бы, кстати, и не спрашивать.

— Мог бы, конечно. Однако мне было важно, чтобы ты вспомнил о своей любви к Миру. Пусть это чувство станет своего рода фоном для дальнейшей беседы. А теперь постарайся представить себе, что этот прекрасный Мир давным-давно рухнул. Его нет. Не осталось ничего и никого, кроме нескольких сумасшедших магов, достаточно сообразительных и могущественных, чтобы вовремя унести ноги из рушащегося Мира.

— Вы не раз говорили, что Мир *может* рухнуть, — осторожно поправил его я. — И поначалу я очень пугался, а потом привык к разговорам о конце Мира и стал воспринимать их как нормальную рабочую ситуацию: мы, Тайные Сыщики, должны следить за тем, чтобы в Сердце Мира не очень много колдовали, потому что от этого Мир может рухнуть. Несколько раз я даже совершал какие-то безумства, будучи уверен, что никто, кроме меня, не может спасти Мир. Но позже мне стало казаться, что все эти разговоры о близком конце были, мягко говоря, преувеличением. Разве не так?

— Можно сказать, что так. Но попробуй представить себе, что разговоры о близком конце были не преувеличением, а, скажем так, — преуменьшением. Что конец Мира — дело прошлого, а не гипотетического будущего.

— Представляю, — флегматично согласился я. — Это очень скверно.

Так скверно, что слов нет.

По правде говоря, мне не хватало вовсе не слов, а желания приводить в действие свое буйное воображение — так и рехнуться недолго.

— Врешь, ни хрена ты не представил, — неожиданно рассмеялся Джуффин. — Ладно, Магистры с тобой. Поехали дальше. Теперь тебе придется понять вот что: истинное положение вещей находится как раз посередине между твоими воспоминаниями о Мире и моим рассказом. И то и другое — правда, но обе эти правды ущербны и несовершенны.

— Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — кивнул я.

Странное дело, я знал, что Джуффин сейчас говорит мне чистую правду, и его слова не вызывали у меня никакого протеста. Более того, теперь мне казалось, что я всегда каким-то образом знал, как обстоят дела, и наша беседа — всего лишь внешний толчок, побудивший меня вспомнить об этом знании. Я посмотрел в холодные светлые глаза Джуффина и произнес вслух то, что прочитал на их дне.

— С какого-то момента история Мира развивалась в двух направлениях одновременно. Одна последовательность событий привела Мир к гибели, другая — к тому положению дел, с которым я знаком по опыту жизни в Ехо. И теперь обе реальности снова сходятся в одной точке. Возможно, эта точка — наш с вами разговор на границе Миров? Впрочем, не важно. Совсем не важно, правда? Важно только одно: какая из двух историй поглотит другую. Я правильно вас понял?

— На удивление правильно. — Теперь он смотрел на меня с нескрываемым любопытством. — Вот уж не думал, что каким-то образом передал тебе и это знание. Ты — странный мальчик, сэр Макс. Порой я не могу поверить, что... Впрочем, нет, об этом мы поговорим позже. Сначала я должен рассказать тебе о заговоре — самом невероятном заговоре за всю историю Мира. Заговор магов древности, давно покинувших Мир, и талантливых, но невежественных выскочек вроде меня: надо же им было на кого-то опереться.

Я вопросительно приподнял бровь. Дескать, давайте уж подробности. Джуффин кивнул.

— Начать, наверное, следует с того, что Великие Магистры наших древних Орденов, помимо всего прочего, были способны провидеть будущее. Впрочем, это плохая формулировка: они просто *знали* будущее, как мы знаем о событиях, случившихся несколько дней назад. Думаю, дело в том, что они совершенно иначе воспринимали время. Боюсь, у нас с тобой просто не хватит воображения, чтобы представить себе *как*. Факт, что эти люди умели «вспоминать» будущее и своими поступками изменять

события прошлого; мы же поступаем в точности наоборот. Одним словом, они знали, что Мир относительно скоро рухнет; называли даже точную дату. Забавно, но эта роковая дата есть во всех учебниках истории: именно в этот день был принят Кодекс Хрембера.

— Понятно, — сдержанно кивнул я. — Война за Кодекс — дело рук этих древних мудрецов?

— Не совсем так. Война за Кодекс имела место в обоих вариантах развития событий. Просто в том будущем, которое открылось древним магам, эта война лишь ускорила трагическую развязку. Неудивительно: никогда прежде в Сердце Мира не произносилось столько могущественных заклинаний, как в Смутные Времена. Обе стороны внесли свой вклад в приближение конца, хотя формально считалось, что Король и Орден Семилистника пытаются предотвратить катастрофу. Но ведь они тоже колдовали, и еще как! С другой стороны, а что еще оставалось?

— Да, я сам не раз думал, что Война за Кодекс вполне могла приблизить конец Мира, — кивнул я. — И именно поэтому постепенно перестал верить, будто этот самый конец действительно был так уж вероятен. Решил, обычная пропаганда... Но в чем состояло вмешательство древних? И, если уж на то пошло, какое им было дело до событий, которые должны случиться не на их веку?

— Тут все очень непросто. Во-первых, что значит — не на их веку? Неужели ты думаешь, что древние маги умерли в свой срок, как обычные люди? У них были свои, неведомые нам отношения с временем... да и с вечностью, если уж на то пошло. Умирать никто из них не собирался. Покидать Мир каким-то иным способом — да, пожалуй. Во всяком случае, так поступили многие из них. Некоторые, впрочем, остались. С двоими ты знаком лично.

— Маба и Махи? — ахнул я.

— Незачем переспрашивать, ты и сам это всегда знал. А если не знал, то нюхом чуял, что они — существа совсем иной породы. В общем, древним было не совсем безразлично, что случится с Миром. Даже тем, кто твердо решил не связывать с Миром свою судьбу. Видишь ли, когда человек взрослеет и покидает родительский дом, он, как правило, не перестает желать добра своим домашним, даже если не собирается поддерживать с ними тесную дружбу. И если уже после его ухода случится пожар и родительский дом сгорит, это его, скорее всего, опечалит, правда?

— Наверное, — неохотно буркнул я. — Меня бы это вряд ли опечалило, но... Конечно, по большому счету, вы правы.

— Ну вот. Мое сравнение, конечно, примитивно, но оно дает тебе

возможность понять, что в беспокойстве древних Магистров о будущем конце Мира не было ничего странного. Возможно, это вообще единственный их поступок, который легко объяснить. Поскольку древние были людьми действия, а не мечтателями, они тут же взялись за дело. Знаешь, с чего они начали? Со строительства моста, который соединил их с далеким будущим. У них тогда была теория — дескать, спасти Мир можно только руками тех, кому предстоит жить незадолго до конца. Они сделали немало. В частности, вернули нам забытые к тому времени традиции Истинной магии, которая не разрушает Мир, а напротив, исцеляет его. Мне выпала редкая удача стать учеником одного из древних Магистров; замечу, что счастливчиков, подобных мне, было не так уж мало. Возможно, именно поэтому наш Мир так тебе понравился. Лет двести назад он вряд ли привел бы тебя в восторг. Впрочем, тут я могу и ошибаться, у тебя странный вкус...

— Неважно, — нетерпеливо перебил я. — Рассказывайте дальше. Вы говорили о заговоре, так?

— Разумеется. Участниками этого заговора стали мы, ученики древних Магистров, наши учителя и, как ни дико это звучит, люди, чьи следы исчезли во тьме тысячелетия назад. Мост между Мирами, о котором я тебе говорил, — не метафора. Он действительно существовал, этот грешный мост. Я однажды видел, как старый Махи уходил по этому мосту туда... нет, «в тогда», когда он был молод и неопытен: советоваться со старшими, по его собственным словам. Я видел, как он вернулся... Прости, Макс, но я не возьмусь описать это зрелище! Ни в одном известном мне языке нет нужных слов. Я и сам хотел последовать за ним по этому мосту, но, веришь ли, мне тогда не хватило мужества. Это был не единственный, но, пожалуй, последний трусливый поступок в моей жизни, и мне даже не стыдно в нем сознаваться. Там было чему ужаснуться, поверь мне на слово!

Мы немного помолчали: Джуффин, судя по всему, старался прогнать видение, которое услужливо подсунула ему память, я вежливо выжидал. Признаться, в тот момент я напрочь забыл печальные обстоятельства нашей беседы, даже тот факт, что мне, скорее всего, не удастся вернуться домой, в Ехо. Слишком уж невероятные вещи рассказывал шеф, и слишком странно было признаваться себе, что я уже знал все это когда-то. Знал и забыл. Вернее, слишком долго не хотел вспоминать.

— Ваша работа в качестве наемного убийцы тоже была частью этого заговора? — наконец спросил я.

— Разумеется. Все было неплохо задумано: существовал список колдунов, наиболее опасных для равновесия Мира. Никто из них не

использовал Истинную магию и не имел к ней решительно никаких способностей. Зато в Очевидной магии, разрушительной для Мира, им не было равных. Мои учителя считали, что если вовремя вывести этих Магистров из игры, у Мира появятся шансы уцелеть. Но в расчеты закралась досадная ошибка: никто почему-то не учел, что, защищая свою жизнь, наши жертвы превзойдут себя. Почти каждый из них перед смертью успел внести свою лепту в разрушение Мира. Откровенно говоря, сражаясь со мной, они умудрялись натворить куда больше бед, чем за те несколько лет, на которые я укорачивал их жизнь. Арифметика понятна?

— Понятнее не бывает, — вздохнул я. — Странно, что очень мудрых и могущественных людей подвел такой пустяк, как арифметика, правда?

— Любой пустяк может быть орудием судьбы, — пожал плечами Джуффин. — А против судьбы, по большому счету, не может играть никто. Кроме Вершителей, конечно.

Я насторожился.

— Когда мой старинный друг Гленке Тавал впервые рассказал тебе, кем ты являешься на самом деле, он ведь объяснил тебе, что желания Вершителя непременно сбываются, верно?

— Рано или поздно, так или иначе, — печально улыбнулся я.

Эту фразу я слышал неоднократно: и от Гленке Тавала, и от Махи Аинти, и от Лойсо. Да и от самого Джуффина.

— Вот именно. Желание Вершителя сбывается даже в том случае, если оно противоречит самой судьбе, — строго сказал шеф. — И когда нам стало ясно, что план древних Магистров безнадежно провалился, наш с тобой общий приятель Махи вспомнил, что в Море, кроме людей и магов, есть еще и Вершители. Не так уж много, но есть. Откровенно говоря, «не так уж много» в нашем случае означало «всего один».

— Мёнин?

— Он самый. Вершители в нашем Море вообще рождаются редко; к тому же природа Вершителя такова, что собственное могущество губит его прежде, чем он начинает его осознавать. Простейший пример: юный Вершитель получает скверную отметку на экзамене, ссорится с родителями, его не любит соседская девушка (она бы, конечно, его полюбила, поскольку он так хочет, но на исполнение любого желания требуется некоторое время). В голову паренька лезут печальные мысли; он решает, что лучше бы ему умереть. Поскольку других, более мощных желаний у него в этот момент нет, приговор, можно сказать подписан: парень умрет молодым, и никто ему не поможет.

— Ужас! — поежился я. — Странно, кстати, что со мной ничего

подобного не случилось: в юности меня не раз посещали подобные скверные мысли.

— О тебе разговор особый. К нему мы еще вернемся. Но я бы предпочел рассказывать все по порядку, если не возражаешь.

— Как скажете, — согласился я. — Тогда объясните: почему уцелел именно Мёнин? Потому что он был королем?

— Скорее потому, что в свое время он был наследным принцем, — пояснил Джуффин. — Видишь ли, наследники престола Соединенного Королевства, в какую бы эпоху они ни жили, всегда получали отличное воспитание. Можешь себе представить, что это значит: управлять государством, власть в котором то и дело пытаются захватить могущественные магические Ордена? Король должен был стать не просто магом, но лучшим из лучших. В отличие от орденских послушников, принцам приходилось изучать не одну, а великое множество магических традиций, поскольку каждая из них имела свои сильные и слабые стороны. Однако быть сильнее всех в чародействе — это еще полдела. Будущего Короля следовало воспитывать так, чтобы он оказался умнее, мужественнее и терпеливее, чем его могущественные подданные. Король в те времена не мог позволить себе практически ни одной человеческой слабости, в противном случае власть немедленно перешла бы в другие руки. Со слабыми монархами нигде особо не церемонятся, но у нас — это вообще было нечто невообразимое! С учетом всего вышесказанного и воспитывали наследных принцев. Нет ничего удивительного в том, что король Мёнин оказался единственным Вершителем, способным держать в узде свой нрав, капризы и желания. К тому времени, когда он осознал свой странный дар — кстати, в отличие от тебя, Мёнину пришлось делать это открытие самостоятельно, — он был, можно сказать, совершенством. Не без причуд, конечно, но Мёнин позволял себе лишь те причуды, которые шли на пользу делу.

— Ясно, — кивнул я. — Знал бы раньше, непременно взял бы у него при встрече пару-тройку консультаций. Но чем именно помог вам Мёнин?

— Неужели не догадываешься? — лукаво прищурился Джуффин. — Сам подумай: чем может помочь Вершитель? Одним своим желанием.

— Все так просто? — недоверчиво протянул я.

— Просто, но не настолько, как тебе кажется. Для того чтобы обреченный Мир выжил, необходимо, чтобы все помыслы Вершителя были сосредоточены на этом желании. Вершитель должен просыпаться с одной-единственной мыслью: «Я хочу, чтобы Мир существовал» — и засыпать с нею же, не пренебрегая, впрочем, обязанностью желать этого и во сне.

Можно усилием воли заставить себя постоянно думать об одном и том же — не так уж это сложно. Но вот для того, чтобы сделать желание страстным, превратить его в манию одержимого... Для этого усилия воли недостаточно, тут требуется искренность. Но мы нашли выход. Нет более страстного желания, чем желание узника вырваться на свободу. Странник, заброшенный в чужие края, очень искренне хочет вернуться домой. Приговоренный к смерти одержим мыслью о спасении. Король Мёнин выслушал наши резоны и согласился. Он добровольно удалился в изгнание. Это был очень мужественный поступок: с Мёнином велась честная игра, он с самого начала знал, что его ждет, и не питал никаких иллюзий. Он стал заложником и в то же время чем-то вроде великана, поддерживающего Мир. У тебя на родине рассказывают легенды о таких великанах, я ничего не перепутал?

— Не о множестве великанов, а об одном титане по имени Атлант, — машинально поправил я.

— Да, верно. Он и должен быть один, потому что Мир, как ни странно, можно удержать только в одиночку, — согласился Джуффин. — Как ты, наверное, и сам догадываешься, Тихий Город, о существовании которого древние Магистры знали всегда, оказался идеальным местом для добровольной ссылки Вершителя. Отсюда невозможно уйти по собственному желанию. Время здесь не имеет власти над человеком: обитатели Тихого Города не стареют, а их воспоминания о прошлом не тускнеют с годами. И последнее, возможно, самое главное. Пленник Тихого Города жив только до тех пор, пока о нем хоть кто-нибудь помнит. Когда умирает последний из тех, кто знал его имя, узник Тихого Города исчезает, словно и не было его никогда... С Мёнином был заключен договор: мы позаботимся о том, чтобы его имя стало легендой; следовательно, он мог не сомневаться, что будет жив, пока не рухнет Мир, где его помнят. Мы рассчитали верно: даже если бы Мёнин привязался к Тихому Городу и раздумал возвращаться обратно — что маловероятно, но теоретически вполне возможно, — инстинкт самосохранения все равно побуждал бы его страстно желать, чтобы Мир уцелел. К бессмертию, знаешь ли, легко привыкнуть.

— Не сомневаюсь, — кивнул я. Голова шла кругом: я уже понял, к чему было все это длинное лирическое вступление. — Сейчас вы скажете, что в договоре с Мёнином был еще один немаловажный пункт: вы обязались прислать ему сменщика, правильно? И для этой роли выбрали меня. Подобрали практически на помойке, в каком-то завалящем мирке, совершенно не пригодном для комфортного существования. Обучили

разным полезным вещам, заодно и воспитали — не так блестяще, как воспитывают наследных принцев, но тоже, смею надеяться, неплохо. Проверили в деле, заодно познакомили с экспертами из числа древних Магистров, эксперты мою кандидатуру одобрили, верно? Я провел в Ехо вполне достаточно времени, чтобы полюбить этот город, и весь Мир заодно. Я даже успел стать вполне легендарной личностью: Мантия Смерти, несколько громких дел и бойкие перья газетчиков немало этому способствовали... Что ж, все очень точно рассчитано, теперь я могу сидеть в Тихом Городе и выть от тоски, а Мир будет держаться на моем протяжном вое, как на плечах Атланта. Самое смешное, что я даже возмущаться не стану. Вы кругом правы, Джуффин. Ваш Мир великолепен, его следует сохранить любой ценой, а моя жизнь — не такая уж высокая цена. Откровенно говоря, если бы не знакомство с вами, она бы вообще ничего не стоила, поэтому все справедливо. Остается задать только один вопрос: а мне пришлют сменщика? И если да, то когда? Через сколько тысяч лет? Или мне даже это не светит?

— Все не так просто, Макс, — неохотно сказал Джуффин. — Я не подбирал тебя ни на каких помойках, я тебя выдумал.

— Как это может быть? — растерянно спросил я. — Как можно выдумать живого человека? Я ведь живой... Или нет?

— Куда более живой, чем большинство людей, появившихся на свет традиционным способом, можешь не сомневаться, — усмехнулся Джуффин. — Это я тебе говорю на правах создателя. Честно говоря, до сих пор не понимаю, как мне это удалось. Порой я думаю, что активной стороной был ты, а не я: ты так хотел существовать, что заставил меня придумать юного Вершителя по имени Макс, который однажды должен прийти на смену усталому Вершителю по имени Мёнин. Хочешь знать подробности?

— Да, если возможно, — криво улыбнулся я. — В конце концов, любой ребенок рано или поздно приходит к родителям с вопросом: «Откуда берутся дети?» Кстати, я всегда был убежден, что на такой вопрос лучше отвечать правдиво.

— Я тоже, — кивнул Джуффин. — Впрочем, мой опыт куда хуже поддается словесному выражению, чем нехитрые постельные радости, о которых так не любят сообщать своим чадам обыватели. Начать, наверное, следует с того, что на меня возложили обязанность найти замену Мёнину. Было решено, что, если мне не удастся в нужный срок подобрать нужную кандидатуру, я буду обязан заменить Мёнина сам. Я не Вершитель, конечно, но Махи заблаговременно обучил меня некоторым ритуалам,

которые делают желания обычного человека почти столь же могущественными, как желания Вершителей. Это очень трудно, но возможно: я оказался способным учеником.

— Но как вы-то влипли в это дело? Почему бы кому-нибудь из Древних не потратить часть вечности на сохранение Мира? В конце концов, они сами это затеяли, сами же навалили ошибок, когда стали вашими руками убивать участников Войны за Кодекс. Почему вам пришлось за всех отдуваться? Как самому молодому?

— Ну что ты. Все было вполне справедливо. Именно я в свое время настоял на том, что мы обязаны прислать Мёнину сменщика. Благородный поступок Короля потряс меня до глубины души, и я не мог смириться с мыслью, что он обречен на вечное заточение, пусть даже в столь уютном местечке, каким является Тихий Город. Это ведь действительно очень уютное место, Макс. Тебе еще предстоит убедиться в справедливости моих слов.

— Охотно верю, — равнодушно кивнул я. — Но здесь нет Меламори. В ее обществе я бы, пожалуй, и в болоте вечность провел с удовольствием. Но если она будет рядом, я стану слишком счастливым и не смогу удерживать Мир, я правильно понимаю?

— Ты правильно понимаешь, — сдержанно согласился Джуффин. — Я сожалею, Макс, но так оно и есть.

— Я и не сомневался... Ладно, рассказывайте дальше. Вы остановились на том, что вам пришлось заняться поисками того, кто придет на смену Мёнину. И у вас, судя по всему, ничего не получилось. Почему, кстати?

— Потому что у нас Вершители рождаются очень редко, я тебе об этом уже не раз говорил. Впрочем, в последнее время ваш брат вообще перестал баловать нас своим появлением на свет. Возможно, как раз потому, что существование Мира с определенного момента является, мягко говоря, сомнительным фактом. Я почти уверен, что это как-то связано. А Вершители, рожденные в других Мирах, для такого дела решительно не годились. Я ведь несколько раз пытался действовать именно по той схеме, которую ты только что описал: находил юного, глупенького, не осознающего своего могущества Вершителя, забирал в Ехо, наполнял его жизнь чудесами, окружал дружбой, заботой, прекрасными девушками и прочими атрибутами удавшейся жизни. Все напрасно, Макс. Худшие из них рано или поздно начинали тосковать по дому. А лучшие, напротив, входили во вкус и устремлялись в неведомое, сердечно поблагодарив меня на прощание. Со временем я убедился, что Вершителя, который полностью

соответствовал бы моим целям, попросту не существует в природе. Сколь бы велико ни было мое влияние, но главное оружие Вершителя — его потаенные желания — оставалось вне моей власти. Махи, который был в курсе моих затруднений и даже, кстати сказать, заблаговременно подготовил плацдарм для отступления — я имею в виду знакомый тебе новорожденный мир, частью которого теперь является Кеттари, — как-то пошутил: дескать, идеального Вершителя не существует, поэтому его надо бы выдумать. Как и всякое высказывание Махи, эта шутка была своего рода инструкцией, руководством к действию. Ему удалось подцепить меня на крючок. Я забросил поиски и, как одержимый, бродил ночами по городу, пытаюсь понять: что следует делать для того, чтобы выдумать человека?

— А во сне не пробовали? — с любопытством спросил я, невольно вспоминая один из рассказов Борхеса.

— Как же, пробовал, — невозмутимо откликнулся Джуффин. — Это — в первую очередь. Во Вселенной стало несколькими призраками больше, только и всего.

— И как же вы выкрутились?

— Да очень просто. Решил испытать на практике те самые ритуалы, которым меня предусмотрительно обучил Махи.

— Которые делают желания обычного человека столь же могущественными, как желания Вершителя? Понятно, — вздохнул я.

— Стоило только начать, дальше все понеслось само, — признался он. — Это захватило меня. Я переложил почти все дела Тайного Сыска на Кофу; иные мои обязанности, о которых не следовало знать никому, кроме посвященных, любезно взял на себя сэр Маба Калох. Впрочем, этим дело не ограничилось... Тебе ведь рассказывали, что я — вдовец?

— Вы же сами и рассказывали. Неужели вам пришлось принести жену в жертву каким-то потусторонним силам?

Я, надо сказать, почти испугался. Перед внутренним взором маячила ужасающая, но вполне живописная картина: сэр Джуффин Халли в облачении ацтекского жреца, с окровавленным ножом в руках склонился над жертвенным камнем, и...

— Ну что ты. Человеческие жертвы в таком деле без надобности. Она не умерла, а ушла. Моя жена была одной из посвященных — ничего удивительного: никто из нас не стал бы связывать судьбу с человеком, который не следует тем же путем. И не потому, что это было запрещено, просто так уж мы устроены.

— Разумеется, — кивнул я. — Мир делится на тех, кто все понимает, и на всех остальных. Остальные, при всех своих гипотетических

достоинствах, — неинтересны.

— Я бы сказал, что они просто не имеют значения, — вздохнул Джуффин. — Так вот, жена была в курсе моих дел; она, как и прочие участники заговора, была кровно заинтересована в том, чтобы моя затея удалась. Она сама приняла решение покинуть меня, поскольку поняла, что личное благополучие мешает моей ворожке. Для того чтобы напрасные надежды на грядущее воссоединение не отвлекали меня от дела, она пересекла Мост Времени и скрылась от меня на самом дне омуты истории. Впрочем, она всегда страстно желала быть одной из Древних. Думаю, так все и случилось.

— Вот оно как, — меланхолично заметил я. — А что, личное благополучие действительно так уж мешало вашей ворожке?

— Разумеется. Личное благополучие — состояние приятное, но для дела вредное, — сухо сказал Джуффин. — Магу нельзя быть ни счастливым, ни несчастным. И то и другое ослепляет и опустошает.

— Понятно, — кивнул я. — Поэтому вы в свое время отговаривали меня от романа с Меламори? Говорили, будто мы совершенно не подходим друг другу. Проблема заключалась в том, что мы слишком хорошо подходили друг другу, я правильно понимаю?

— И что сегодня за день такой? Ты абсолютно все понимаешь правильно, просто наваждение какое-то! — в речь шефа вдруг вернулись обычные для него насмешливые нотки. Откровенно говоря, мне это скорее нравилось, чем нет.

— Ладно, оставим это, — вздохнул я. — Вы были абсолютно правы, но даже если бы я заранее знал, чем дело кончится, вряд ли это что-нибудь изменило бы... Расскажите лучше, как вы меня придумывали? Просто сидели и сочиняли, как писатель, которому нужен главный герой для новой книжки?

— Примерно так оно и было, — согласился шеф. — Но мне пришлось стать скорее визионером, чем выдумщиком. Я поставил перед собой цель привести в Мир почти совершенное существо. Совершенное не в том смысле, что оно должно быть лишено каких бы то ни было человеческих слабостей, а просто идеально подходящее для предстоящей задачи. Ты не очень зазнаешься, если я скажу, что наделил тебя не только лучшими своими качествами, но и некоторыми достоинствами, которых мне самому очень не хватало? От меня тебе достались врожденный талант к Истинной магии, удачливость, обаяние, любопытство, способность к сопереживанию и безжалостность. В то же время в юности я сам был угрюм и серьезен, поэтому ты стал легкомысленным и смешливым. Я принадлежу к числу

тех, кому новые знания даются с великим трудом, поэтому тебя я наделил способностью усваивать любую науку с пугающей скоростью. Я половину своей жизни провел, витая в облаках, поэтому ты практичен и прямолинеен. Так и не научившись толком наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях, я наделил тебя счастливой способностью испытывать восторг от запаха цветущих деревьев, хруста свежееиспеченных булочек, рифмованных строк, птичьего щебета и прочей очаровательной чепухи, которая меня самого оставляет равнодушным. Опыт наемного убийцы наглядно продемонстрировал мне, как дешево стоит любая человеческая жизнь, поэтому я решил, что ты будешь неуязвим. Ну и так далее.

— И все же вы как-то плохо старались, — растерянно заметил я. — Даже мне самому очевидно, что я рассеян, необуздан, капризен, не умею управлять своим настроением... Уверен, что любой посторонний человек без особых затруднений продолжит список моих пороков. По-моему, вам следовало не морочить себе голову, а просто придумать второго Лонли-Локли, разве нет?

— Ошибаешься. Безупречность Шурфа — всего лишь обратная сторона его безумия. С другой стороны, твои многочисленные изъязны — идеальный фундамент для безупречности совсем иного рода. Я уже сказал: ты — совершенство, сэр Макс, но лишь потому, что идеально подходишь для исполнения возложенной на тебя задачи. С этой точки зрения многие из нас — совершенства: и я сам, и Кофа, и Луукфи... Сэр Шурф тоже совершенство, разумеется, но лишь до тех пор, пока он занимается своим делом и не пытается разгуливать в чужих туфлях. Но мы отвлеклись. Ты готов слушать дальше?

— Да, конечно. Рассказывайте.

— Когда дело было уже, можно сказать, сделано и твои круглые любопытные глаза порой внимательно смотрели на меня из зеркала в кабинете — по какой-то странной прихоти твой образ поселился там почти с самого начала моей работы, но открывать глаза научился лишь незадолго до ее окончания, — меня стал смущать один простой вопрос: а на кой мы все сдались такому замечательному парню, как ты? С какой стати ты будешь заниматься нашими проблемами, вместо того чтобы просто отправиться в любой другой из обитаемых Миров? По большому счету, тебе везде будет хорошо, таким уж я тебя придумал. И тогда мне пришлось выдумать для тебя прошлое. Такое прошлое, которое должно было показаться тебе малопривлекательным. Я вообразил тебя обитателем одного из самых нелепых Миров, прости уж мою откровенность! Я знаю, о чем говорю: мне пришлось хорошенько изучить это место, чтобы сделать

твои воспоминания достоверными. Я наскоро сочинил твоих родителей: простых, небогатых, недалеких людей, которые пальцем не пошевелили, чтобы дать тебе возможность получить образование и хоть как-то развить свои способности, зато приложили все усилия, чтобы ты как можно раньше узнал, что такое скука, принуждение и полное одиночество. Придумал тебе приятелей, рядом с которыми ты всегда чувствовал себя ссыльным инопланетянином. Заодно позаботился, чтобы ты с максимальным недоверием относился ко всем сведениям об Истинной магии, которые каким-то образом получили хождение среди обитателей этого мира: было совершенно необходимо, чтобы до знакомства со мной ты даже не догадывался о своих способностях в этой области. Я наделил тебя скептическим умом, поэтому ты не стал бы искать утешения ни в философии, ни, тем более, в религии. Одним словом, я сделал все для того, чтобы ты возник из небытия, обремененный малоприятными воспоминаниями о прошлом, которого у тебя, откровенно говоря, никогда не было.

— Тут что-то не сходится, — нахмурился я. — Зачем тогда понадобился Магистр Гленке Тавал, который якобы придумал рассказ о двери в стене?^[3] Согласен, мне было необходимо иметь такое воспоминание, но... Получается, что Гленке меня разыгрывал? Он был очень убедителен.

— Ничего удивительного. Магистр Гленке Тавал был одним из твоих многочисленных наваждений, — усмехнулся Джуффин. — Рассказ о двери в стене я случайно прочитал среди множества прочих книг, когда старался получить представление о месте, которое ты должен был до поры до времени считать своей родиной. Я решил, что воспоминание о поисках двери, ведущей в неведомый, прекрасный мир, подойдет тебе как нельзя лучше: емкий и остроумный эпиграф к судьбе Вершителя. А Гленке... Что ж, иногда наши наваждения начинают жить собственной жизнью. Гленке вон даже Одинокие Тени на Ехо наслал, пытаясь убедить Мир в том, что он действительно существует, а меня — в том, что он мой старинный друг. Понимаешь, о чем я толкую?

— Ничего не понимаю, но... Ладно, допустим. Но в таком случае каким образом Мир, где я никогда не рождался, мог потребовать меня обратно? А ведь однажды это случилось, помните?

— Конечно. Это отчасти моя вина: я недооценил тот факт, что воспоминания и особенно тайные страхи Вершителя обладают не менее мощной силой, чем желания, — вздохнул Джуффин. — Ты, сам того не желая, «изнасиловал» Мир, который считал своей родиной. Силой своего

убеждения ты оживил призраки, населявшие твои фальшивые «воспоминания». Ты сам запер себя в тюрьму, сотканную из собственных опасений. Так бывает, Макс. Возможно, только так и бывает. Для меня тот случай был почти крахом. Однако, к моему искреннему изумлению, ты все же сумел вернуться: оказалось, что твоя любовь к нашему Миру достаточно велика, чтобы привести тебя обратно. Я мог перевести дух, провал обернулся победой. С того дня я был совершенно уверен, что ты станешь хорошим преемником Мёнина.

— Понимаю, — неохотно согласился я. — Что ж, расскажите, что ли, о моем рождении. Как это выглядело со стороны? Я вышел из вашего зеркала? Или вовсе с неба свалился?

— Ты не выходил из зеркала, — покачал головой Джуффин. — И с неба, хвала Магистрам, не валился. Ничего такого не было. Твое появление выглядело довольно буднично. Оно было похоже скорее на странную случайность, чем на чудо.

Он набил трубку, неспешно раскурил ее и наконец продолжил:

— Однажды, когда мой труд уже близился к завершению, я почувствовал себя очень скверно. Силы покинули меня, я ни на что не годился. Не то что ворожить — до ближайшего трактира пешком добраться вряд ли смог бы. Это настораживало: я давно научился подчинять себе собственный организм и не был подвержен болезням. Это азы нашей профессии, наука для начинающих, основа всех основ. В чем, в чем, а уж в своем теле я всегда был уверен — и вдруг такая неожиданность! В тот день я покинул Дом у Моста раньше положенного часа и отправился домой приводить себя в порядок. Кимпа встретил меня на пороге и сообщил, что в комнате для гостей спит некий незнакомец. Я посмотрел на незнакомца и сразу понял, что случилось: моя выдумка стала реальностью. Именно это и забрало у меня все силы — впрочем, я довольно быстро их восстановил. Ты же проспал несколько суток, а потом проснулся в полной уверенности, что тебя зовут Макс и ты только что прибыл в Ехо из иного Мира. Воспоминания, которые я выдумал для тебя, ты искренне полагал своей единственной и неповторимой биографией. Все, что случилось потом, действительно случилось. Эти факты ты можешь по праву считать настоящими — если, конечно, это все еще имеет для тебя какое-то значение.

— Все имеет какое-то значение, — неохотно сказал я. — Да, теперь примерно понятно... Хотя какое там, к черту, понятно! Но ведь вы, наверное, не можете ничего добавить? Или можете?..

— Мне осталось рассказать тебе совсем немного. Сосредоточься,

пожалуйста, — мягко, но настойчиво перебил меня Джуффин. — Когда я бросился к Махи, чтобы сообщить ему о своем головокружительном успехе, мой бывший наставник в обычной для него снисходительной манере заметил, что я не сделал ничего из ряда вон выходящего. «Есть древние существа, которые используют нас для того, чтобы воплотиться среди живых, — сказал он. — Они таятся в темноте небытия и только выжидают момента, когда очередной неопит, вообразивший себя могущественным колдуном — совсем как ты, Джуф, — рискнет воплотить в жизнь самый дерзновенный из замыслов». Потом он прибавил, что это не имеет значения: мы получили, что требовалось, а это, дескать, главное. Поэтому имей в виду, Макс: все, что я сделал, было сделано лишь потому, что ты сам этого хотел. На этом драматическую историю твоего появления на свет можно благополучно закончить.

— Но... — начал было я.

— Лучше воздержись от комментариев, мальчик, — сочувственно сказал Джуффин. — Сейчас ты оглушен и растерян. Ничего страшного, у тебя впереди вечность, чтобы обдумать все, что ты сегодня узнал. Возможно, где-нибудь, на другом краю этой вечности, мы снова встретимся, и тогда ты сможешь рассказать мне, что произошло на самом деле. Сегодня эта тема не по зубам нам обоим.

Воцарилось тягостное молчание. Джуффин смотрел в окно, за которым ему, очевидно, по-прежнему открывался вид на улицы Ехо, города, куда мне не было суждено вернуться. Ему, надо полагать, не терпелось открыть дверь и выйти на улицу, дабы не искушать судьбу столь откровенным пренебрежением к ее подаркам. Но он не уходил.

— Осталась еще пара пустяков, — наконец сказал Джуффин. — Думаю, напоследок мне следует объяснить, почему я стал пленником Тихого Города прежде, чем ты. Если ты думаешь, что я был приманкой...

— Я так не думаю.

Я вдруг почувствовал, что вот-вот разревусь, и до крови прикусил губу: примитивное, но действенное средство.

— Вам не требовалось становиться приманкой. Вы вполне могли вызвать меня к себе в кабинет, выложить историю, которую я только что выслушал, и... Вы слишком хорошо меня изучили. Вы отлично знаете, что ради эффектного жеста я способен сунуться в любое пекло; если бы вы сказали, что я должен отблагодарить вас за то, что вы дали мне жизнь, я бы так и сделал. И уж, по крайней мере, вы бы дали мне возможность уладить свои дела. Да просто попрощаться по-человечески со всеми, кто мне дорог!

— Ты действительно все понимаешь, — печально улыбнулся

Джуффин. — То, что случилось, можно назвать заговором обстоятельств. Во-первых, Мёнин покинул Тихий Город на пару столетий раньше, чем мы рассчитывали...

— На пару столетий? — изумленно спросил я.

— Конечно. Я полагал, что следует дать тебе возможность провести в Мире лет двести — триста. Такова средняя продолжительность человеческой жизни, и мне казалось, что ты имеешь полное право прожить эту жизнь так, как тебе заблагорассудится. Видишь ли, я всегда полагал, что любая работа должна предваряться хорошим авансом. Из этого следует, что философ из меня хреновый. Зато начальник неплохой, правда? Однако Мёнин нашел способ покинуть Тихий Город и не захотел сидеть здесь еще три столетия. Говорит, что его «тошнит от бездействия» — что ж, охотно верю. Однако это шло вразрез с моими планами. Мы с Мёнином серьезно поругались в тот день, когда он объявился в Замке Рулх: неоправданный риск! Мир мог рухнуть в то же мгновение, но каким-то чудом уцелел. Возможно, Мёнин был прав, когда говорил, что страстное желание вернуться домой стало для него настолько привычным, что не ослабело даже после того, как его ноги прогулялись по мостовым Ехо. К тому же Мир слишком переменился — где уж тут почувствовать себя дома! Мёнин уверял меня, что не собирается задерживаться в Ехо, говорил, что опрашивать кого-то в Тихий Город вместо него не требуется: дескать, он может с тем же успехом продолжать тосковать о доме, путешествуя по удаленным Мирам. Возможно, он был прав. Возможно... Но я — старый перестраховщик, ты же меня знаешь! Поэтому я решил отправиться в Тихий Город и применить на практике науку старого Махи.

— Но почему вы не позвали меня?

— А я уже не был уверен в том, что имею на это право.

— Ничего не понимаю!

Ответ Джуффина, признаться, меня озадачил.

— Все очень просто, Макс. Ты слишком быстро стал самостоятельным. Ты изменился. Ты уже совсем не похож на того юного Вершителя, которого я когда-то выдумал. Не могу сказать, будто от этого ты перестал подходить для возложенной на тебя миссии. Напротив, теперь я совершенно уверен, что ты сумеешь удерживать наш Мир лучше, чем кто бы то ни было. Лучше, чем твой предшественник Мёнин, и уж точно лучше, чем это делал я сам. Возможно, ты будешь действовать столь хорошо, что вскоре выяснится, что Миру больше не угрожает опасность... более того, нам покажется, будто она *никогда ему не угрожала*. Может стать, через несколько лет все мы, участники событий, забудем, что

когда-то пытались отвести от Мира угрозу гибели. Все может быть. Но в тот день, когда Мёнин сбежал из Тихого Города, я не считал себя вправе отправлять тебя ему на смену. Сердце у меня к этому не лежало. А я привык доверять собственному сердцу. Теперь вижу, что я ошибался. Что ж, судьба сама взялась исправить мой промах. Она, судьба, нашептала тебе, будто я нуждаюсь в помощи, она же вложила в твои руки Йонохскую печать. Откровенно говоря, я-то почти уверен, что эта волшебная вещь — всего лишь наваждение, которое бесследно растает теперь, когда его миссия выполнена. Готов спорить на тысячу корон, что когда я войду в свой кабинет и открою сейф, он окажется пуст. В общем, встретив тебя в кафе, в самом центре Тихого Города, я понял, что напрасно дергался. Мое место — в Ехо, твое место — здесь. Мое мнение на сей счет никого не интересует. Твое, увы, тоже.

— Но если я Вершитель и мои желания всегда исполняются... Значит ли это, что в глубине души я всегда хотел оказаться узником Тихого Города? — мой голос дрогнул. — В таком случае я — сумасшедший, Джуффин. Я — злейший враг себе самому, что-то вроде безумца, который обливает себя бензином и поджигает, чтобы согреться. Вы придумали меня безумным? Или я сошел с ума самостоятельно?

— Ты ошибаешься, Макс, — мягко сказал мой бывший шеф. — Чем диагнозы ставить, просто будь честен с собой. Разберись в себе получше. Больше всего на свете ты хотел стать незаменимым. Всемогущим. Тем, от кого все зависит, тем, без кого все пропадут. И еще ты хотел в один прекрасный день отблагодарить меня за все, что я, по твоему мнению, для тебя сделал. Например, спасти мне жизнь или — еще лучше! — отпустить меня на свободу, как однажды ты отпустил на свободу Лойсо. Разве не так? Вот твое желание и исполнилось. Рано или поздно, так или иначе, и не говори, что тебя не предупреждали.

— Ваша правда, — я опустил отяжелевшую голову на руки, чувствуя, что не в силах продолжать разговор. Еще немного, и я бы просто уснул — странная реакция организма на стресс. Но, говорят, так бывает.

— Прежде чем уйти, я должен сказать тебе еще вот что... — голос Джуффина доносился до меня откуда-то издалека, словно между нами уже пролегло непреодолимое расстояние.

Я с трудом поднял голову, понимая, что не должен пропустить ни звука из его прощальной речи.

— Сейчас я как никогда уверен, что твоего могущества хватит на то, чтобы не слишком долго оставаться здесь, в Тихом Городе, — выразительно сказал он.

— Как это? Ведь вы сами только что говорили: Тихий Город не отпускает никого.

— Мёнин, однако, отсюда ушел, — напомнил Джуффин. — Правда, ему на это понадобилось несколько тысячелетий, но откуда нам знать, каким образом течет здесь время? Ты — шустрый парень, сэр Макс. Уверен, ты быстро найдешь выход. Я — тот, кто тебя придумал, мне виднее.

— Ладно, — согласился я. — По крайней мере, мне приятно думать, что вы правы. И что из этого следует? Если я выберусь отсюда, я могу вернуться в Ехо?

— Ни в коем случае, — твердо сказал Джуффин. — Именно об этом я и хотел тебя попросить. Если ты вернешься... Нет никаких гарантий, что Мир уцелеет. Мёнин побывал на родине после долгой отлучки, мне показалось, что он разочарован. Не думаю, что его желание сохранить Мир осталось столь же искренним и страстным, как прежде. Ты сам вряд ли испытываешь разочарование, но когда мы счастливы, сила наших желаний ослабевает, так что...

— Можете не продолжать, — кивнул я. — Я все понял. Могу дать вам торжественную клятву, что никогда не вернусь в Ехо. И никогда не буду слишком счастливым. Собственно, эти вещи взаимосвязаны.

— Не нужно торжественных клятв. Достаточно того, что ты все понимаешь. Ты очень мудрый мальчик.

Я поморщился. Джуффин вполне мог бы обойтись без этого задушевного обращения «мальчик» и без комплиментов. Зачем? Он и так добился своего. Теперь он может покинуть этот неуютный дом и оказаться на площади у Сумеречного рынка, пройти по мозаичным тротуарам к Дому у Моста, пока в зеленоватых сумерках один за другим зажигаются оранжевые фонари, а ветер с Хурона разносит по городу сладкий запах горячих пирожков, которые пекут и продают прямо на мостах... черт бы все побрал!

Мое давешнее усталое равнодушие вдруг сменилось беспричинным гневом. Все к лучшему: куда легче и приятнее ненавидеть Джуффина, чем сходить с ума при мысли, что я больше никогда не увижу этого человека... человека, который меня, кстати сказать, выдумал. О господи!..

Еще немного, и я бы полез с ним драться, просто потому, что ярость облегчает боль. Я стиснул зубы. Джуффин адресовал мне вопросительный взгляд. Кажется, он действительно не понимал, что со мной творится.

— Я был бы очень признателен, если бы вы теперь говорили со мной как с чужим человеком, с которым вас не связывают ни судьба, ни дружба,

ни общие воспоминания, — наконец сказал я. — Так будет проще. Тот Макс, которого вы называли «мальчиком», только что умер. Его жизнь, ваш замечательный подарок, закончилась. Началась другая жизнь. Возможно, не такая замечательная. Но моя. Не нужно воскрешать симпатягу Макса, а то он, чего доброго, бросится вам в ноги, с жалобным воем будет выклянчивать возможность вернуться в Ехо — пусть не сейчас, а когда-нибудь, хоть на часок, напоследок... А там сиганет вниз головой из чердачного окна своего Мохнатого Дома или других глупостей наделает. Поэтому не тревожьте мертвых, Джуффин. Возвращайтесь домой. И все будет хорошо.

Я чувствовал, что несправедлив к нему, но ничего не мог с собой поделать. К тому же нам обоим следовало бы сохранить друг о друге не слишком приятные воспоминания, чтобы не сожалеть о потере, — разве не так?

— Да, я понимаю, — тихо сказал Джуффин. — Вы правы. Сэр Макс из Ехо действительно умер. Каждый из нас будет оплакивать его в одиночестве — и вы, и я, и другие. Но Мир не рухнет от наших слез, а значит, все было правильно спланировано, да и сделано на совесть.

— Конечно, все было правильно, — эхом откликнулся я. — И не просто правильно, а великолепно. Ваш план по спасению Мира — само совершенство. Иначе и быть не могло. Аве, Джуффин, сияющий, живые и мертвые рукоплещут вам. А теперь идите, ладно? Я — мертвый, но не железный.

Мягкий сухой хлопок двери свидетельствовал, что он исполнил мою просьбу.

Только тогда я решился отвернуться от окна и оглядеть опустевшую комнату. Какая неосторожность! Этот жест дорого мне обошелся. Мышечное усилие, необходимое для того чтобы развернуть корпус на пол-оборота, напомнило мне, что я все еще жив.

Я? Кто — я? Что я такое? Плод воображения сэра Джуффина Халли? Изобретательное древнее чудовище, изыскавшее хитроумный способ принять человеческий облик? Вершитель? Атлант?.. Впрочем, все это — романтический бред, пустые фантазии. В данном случае «я» — просто слабый, привязчивый, сентиментальный, уязвимый человек, которому больше никогда не придется вдыхать сладостную сырую смесь речного ветра и пряного дыма, пробовать на вкус только что сваренную камру и ступать ногами по разноцветным мозаичным мостовым Ехо.

Мое тело, опьяненное невиданной доселе дозой смертной тоски,

взбеленилось, вышло из-под контроля. Боль (поскольку я запретил себе испытывать душевную боль, она превратилась в физическую) заставила меня сложиться пополам. Из горла вырвались сдавленные рыдания, но слез не было, только воздух, который я выдыхал, почернел от печали.

Так прошла вечность (в каком-то смысле она продолжается, и я все еще корчусь на теплых деревянных досках, окрашенных в медово-желтый цвет, но мне, хвала Магистрам, удастся игнорировать этот факт). А потом я встал и отправился к умывальнику, приоткрыв по дороге платяной шкаф, дабы убедиться, что он не пустует. Помыться, переодеться в чистое, взглянуть на Мир, в который меня занесло, и как следует перекусить — вот что мне требовалось. Как любому новорожденному, к слову сказать.

Это звучит как метафора, поскольку мне, разумеется, не пришлось выкарабкиваться из материнского чрева. И все же это гораздо больше, чем просто метафора. Я не чувствовал себя новорожденным, я был таковым. Дверь, захлопнувшаяся за Джуфффином, обрезала некую невидимую пуповину, связывавшую меня с прежней беспокойной, но счастливой и безопасной жизнью под крылышком у собственного создателя. Теперь мне предстояло остаться один на один с внешним миром, каким бы он ни оказался.

Я умылся, вытер лицо мягким темно-зеленым полотенцем. Обошел дом. Он показался мне вполне уютным. Ничего удивительного, мои вкусы, теоретически говоря, должны были полностью совпадать со вкусами Джуфффина.

Очередное воспоминание о нем заставило слезы навернуться на глаза. Я вытер их полотенцем, которое, оказывается, машинально прихватил с собой. С удивлением отметил, что слезы, оказывается, действительно приносят облегчение. Я оплакивал Джуфффина, как оплакивают умерших друзей: ничего метафизического в моей печали больше не было. Нормальная человеческая грусть, на смену которой когда-нибудь придет забвение. Придет, придет, куда оно денется!

Я предвидел, что мне предстоит провести еще не одну ночь, выплевывая в подушку сдавленные рыдания. Я знал, что воспоминания едкой кислотой выжгут мою жизнерадостность; я знал, что мои потери — из числа тех, с которыми не смиряются... Я все знал. Однако это знание больше не ужасало меня. Печаль станет главным настроением моей новой жизни? Что ж, я был готов принять и эту судьбу. Какая ни есть, а все же моя. Лучше иметь такую судьбу, чем вовсе никакой.

Говорят, что смирение требует мужества. Наверное, это правда. Но иногда смирение становится единственным источником мужества — в этом

я убедился на собственном опыте.

Вечером того же дня — впрочем, я не уверен, что это был именно вечер, поскольку в Тихом Городе всегда царят сумерки, — я сидел в «Салоне», с белокурой хозяйкой которого познакомился несколько часов назад.

Я вернулся, чтобы отведать ее горячий шоколад и ванильные булочки. Наше мимолетное знакомство было единственным мостиком между мною и старожилами Тихого Города, оно дарило мне возможность тешиться иллюзией, будто мне есть куда пойти. Что ж, тот, кто не имеет ничего, готов довольствоваться малым.

— В Тихом Городе не принято спрашивать у незнакомцев, как они сюда попали, — доброжелательно говорила она. — В первую очередь потому, что мало кто из нас способен дать вразумительный ответ на этот вопрос, даже оставшись наедине с собой. Но у нас считается хорошим тоном рассказывать друг другу о своей прежней жизни. Привирать не возбраняется. Ронять слова, как янтарь и цедру, — чем не развлечение? Я, кстати, благодарная слушательница. Имейте это в виду, если вам хочется выговориться.

— Наверное, когда-нибудь захочется, — согласился я. — Но для начала я предпочел бы послушать. Вас, например.

— Вам не слишком повезло, — усмехнулась она. — В моей прежней жизни не было ни подвигов, ни чудес, ни трагедий. Думаю, я и жива-то до сих пор лишь потому, что обо мне написал стихи один мой поклонник, который потом прославился. Нам обоим повезло, но мне больше, чем ему. Но погодите, я непременно перезнакомлю вас с моими завсегдатаями. Среди них попадаются весьма интересные личности и отличные рассказчики. К сожалению, эти качества редко встречаются в сочетании, но случается и такое. Ваш приятель Чиффа, кстати сказать, относится именно к этой категории. Сокровище, а не клиент!

— В таком случае у меня для вас скверные новости, — вздохнул я. — Он здесь больше не появится.

— Почему? — опечалилась хозяйка. — Решил коротать вечера в другом кафе, разнообразия ради?

— Разнообразия ради он решил коротать вечера в другом городе.

— Не понимаю, — она озадаченно покачала головой. — Это шутка? Такими вещами тут не шутят.

— Догадываюсь. Поэтому и не шучу. Он действительно вернулся домой. А я остался вместо него. Что-то вроде обмена заложниками. Так

бывает.

— До сих пор я была уверена, что Тихий Город невозможно покинуть, — нерешительно заметила она.

— Да, но некоторым удастся сделать невозможное.

— Но как у вас это получилось? Я имею в виду — остаться здесь вместо вашего друга?

— Да так... — я неопределенно махнул рукой. — Отпустить на свободу кого-то другого гораздо проще, чем сделать то же самое для себя самого. Проверено неоднократно на живом человеке — то бишь на вашем покорном слуге.

Она задумчиво уставилась на меня. Видимо, пыталась привыкнуть к моей манере изъясняться. Недоверчивое выражение ее милого лица вдруг сменилось приветливой улыбкой: очевидно, хозяйюшка поняла, что я — совершенно безобидный тип, к тому же достаточно забавный болтун, поэтому меня следует приручать, а не отваживать.

— Как вас зовут, солнце мое? — наконец спросила она, ласково и снисходительно.

— Макс.

— А я — Альфа. Это не имя, а давнее прозвище. Но я предпочитаю прозвища именам. По крайней мере, прозвища дают более-менее осмысленно, а имена — как бог на душу положит. Что ж, милый Макс, теперь, когда мы представлены, «пришло время потолковать о многих вещах: о башмаках, о кораблях, о сургучных печатях, о капусте и о королях».

Я невольно рассмеялся, узнав цитату.

— Люди делятся на тех, кто любит рассказывать о чувствах, тех, кто предпочитает истории с моралью, и тех, кто всегда умудряется говорить о чудесах — даже если повествуют о том, как следует чистить картошку. Надеюсь, вы относитесь к последней категории рассказчиков?

— Несомненно, — заверил ее я. — Любая моя история — о чуде. По большому счету, до сих пор со мной не случилось ничего, кроме чудес. Я фигурирую в собственной биографии лишь в качестве свидетеля и, так сказать, пострадавшего: всю жизнь я болею чудесами.

— Именно болеете? — сочувственно уточнила она.

— Именно. Бывают ведь врожденные неизлечимые болезни, вроде малокровия или слабоумия. Моя хворь им сродни.

— Ой, как все запущено! — звонко рассмеялась она.

— Вот именно, — хмыкнул я, залпом допив остатки уже остывшего шоколада. — Хотите грустный секрет? Чудеса не приносят ни счастья, ни

комфорта; невероятные события не освобождают от пут повседневности, а всего лишь перекручивают эти путы на иной манер, перед тем как затянуть их потуже... Невыносимо туго, по правде говоря!

— А где жмет-то? — осведомилась моя новая приятельница. — В подмышках?

— В основном в области сердца, — буркнул я.

— Вы действительно больны, друг мой, — сочувственно сказала она. — Но не чудесами, а обычной черной меланхолией. Самая популярная хворь Тихого Города в этом сезоне. Поздравляю, у вас прекрасное чутье на причуды моды! Но если вас интересует мое мнение, я бы посоветовала немедленно исцелиться. Чтобы наслаждаться жизнью, требуется особая, невесомая поступь духа, а сожаления о минувшем сделают его походку тяжелой, как у слона, мечущегося между посудными лавками. Хотите получить рекомендацию квалифицированного лекаря? Немедленно выговориться! Заодно и мое любопытство утолите.

— Хитрая какая, — я почувствовал, что мои губы расползаются в улыбке, на удивление искренней для человека в моем положении.

— А то! Конечно хитрая, на том и стоим, — она вышла из-за стойки и проворно завесила окна синими занавесками, пояснив: — Это — знак моим постоянным посетителям, что я занята и не могу уделить им внимание. А случайные клиенты нам не помешают: если и зайдет кто-нибудь — пусть себе сидит за дальним столиком, какое нам до него дело? Начинайте же. Бог с ними, с башмаками и кораблями, успеется еще. Рассказывайте о ваших грустных чудесах.

Разумеется, я ей все выложил. Это было лучше, чем исповедь, целительнее, чем сеанс у психоаналитика. Потому что когда рассказываешь о себе «правду и только правду», стараясь при этом быть увлекательным или хотя бы забавным, эффект поразительный: собственные горести начинают казаться старым анекдотом, который ты сам уже когда-то от кого-то слышал. А страдания героя анекдота могут разве что насмешить — такой уж это жанр.

— Да, дела... — задумчиво сказала Альфа, когда моя история наконец подошла к концу. — Получается, вы — выдумка? Что ж, это как раз не удивительно. Здесь, в Городе, встречаются те, чья судьба отчасти похожа на вашу. Только вас придумал колдун, а их — обычные люди, литераторы, чудаковатые господа, которых, как правило, никто не принимает всерьез. Некоторых, однако, придумали столь удачно, что публика в них влюбилась. А тот, кого очень любят, непременно становится живым. По крайней мере,

здесь, в Тихом Городе. У местных мудрецов есть множество идей касательно природы этого места — о, они бы, пожалуй, сошли с ума, если бы не взяли за правило раз в день после обеда придумывать очередное объяснение для тайны, частью которой стали! Одна из теорий мне очень нравится, она гласит, что Тихий Город помешан на любви. Он любит своих обитателей и делает все, чтобы внушить нам любовь к себе. Что ж, большинство моих знакомых действительно привязаны к этому месту, да и я сама, признаться, тоже. С другой стороны, Тихий Город ревнив, как шекспировский мавр, он собственник и нежный тиран, поэтому уйти отсюда невозможно. И смотрите, как интересно получается: если теория верна и Город действительно помешан на любви, нет ничего удивительного в том, что он помогает воплотиться тем вымышленным образам, которые притягивают к себе любовь живых. Поэтому у вас есть шанс случайно встретить на улице персонажа вашей любимой детской книжки. Имейте в виду и не падайте в обморок, если что! Впрочем, ко мне они не заходят: Тихий Город велик, и каждый может найти здесь местечко по вкусу. Но если вас разберет любопытство, я подскажу, где их искать.

— У меня не было любимых детских книжек, поскольку мое детство — фантазия сэра Джуффина Халли, — флегматично возразил я. — Впрочем, фальшивые воспоминания о том, как я захлеб читал книжки, по-прежнему выглядят вполне достоверно. Так что, может быть, когда-нибудь потом меня заинтересует ваше любезное предложение.

— Потом так потом. Возможно, Тихий Город — единственное место во Вселенной, где можно позволить себе роскошь откладывать на потом. Что-то, а время здесь — мелкая монета. Мы давно разучились его ценить. Рай — это место, где не нужно торопиться и невозможно опоздать, не так ли?

Она дружески подмигнула мне, поднялась, отодвинула занавеску, распахнула форточку. В кафе ворвался теплый ветерок, он принес нам свежий запах мокрой зелени и несколько обрывков смутно знакомой мелодии. Звуки, словно сухие листья, плавно опустились к моим ногам. Где-то в конце улицы играли — неужели на аккордеоне?! — из плотной синевы сумерек раздавался приглушенный смех и цокот острых каблучков.

— Да уж, чем не рай, — криво улыбнулся я. — Самое смешное, что примерно так я его и представлял. Я был совершенно уверен, что в раю всегда сумерки и кажется, будто только что закончился дождь; цветет сирень... да, и непременно каштаны. И знаете, в саду за домом, где я, скорее всего, поселюсь, действительно полно сирени, и я видел цветущий каштан в соседнем переулке, когда шел сюда! А еще мне казалось, что в раю температура воздуха навеки — плюс девятнадцать по Цельсию. И в

любое время суток можно зайти в маленькое уютное кафе, где мне обрадуются и с удовольствием выслушают, но при этом не огорчатся, если мне взбредет в голову не показываться там неделями.

— Намек поняла, — насмешливо кивнула она. — Можете быть покойны, если вы исчезнете, я и не подумаю огорчаться. Но если зайдете на огонек, обрадуюсь непременно. Вы мне нравитесь, Макс. И ваша история сама по себе — весьма элегантный сюжет... Хотя она все же не дотягивает до совершенного литературного сюжета.

— А что такое, по-вашему, совершенный сюжет? — удивленно спросил я.

— Хотите знать, что такое совершенный сюжет? Что ж, могу рассказать. Наделите своего героя теми качествами, которые вы считаете высшим оправданием человеческой породы; пошлите ему удачу, сделайте его почти всемогущим, пусть его желания исполняются прежде, чем он их осознает; окружите его изумительными существами: девушками, похожими на солнечных зайчиков, и мудрыми взрослыми мужчинами, бескорыстно предлагающими ему дружбу, помощь и добрый совет... А потом отнимите у него все и посмотрите, как он будет выкарабкиваться. Если выкарабкается — а он выкарабкается, поскольку вы сами наделили его недюжинной силой! — убейте его: он слишком хорош, чтобы оставаться в живых. Пусть сгорит быстро, как сухой хворост. Это жестоко и бессмысленно, зато достоверно. Вот такую историю я бы непременно написала, если бы принадлежала к числу господ литераторов. Но я, слава богу, не литератор, а всего лишь женщина, случайно ставшая бессмертной, спрятавшись между строчек чужих стихов.

— Но этот ваш совершенный сюжет очень похож на мою историю, — дрогнувшим голосом сказал я.

— На первый взгляд похож. Но вы живы. Да еще и в рай, можно сказать, при жизни попали. Здесь с вами ничего не случится. Не сгорите, небось.

— Возможно, сейчас вы беседуете именно с горсткой пепла, — горько усмехнулся я.

— Не мудрите. Горстка пепла, в отличие от вас, не может наслаждаться беседой, вкусом горячего шоколада и запахом мокрой листвы. Так что не пробуйте меня разжалобить, не выйдет. С какой стати? Вы — счастливчик. Если хотя бы четверть того, что вы мне понарастказали, правда, о вас наверняка будут помнить дольше, чем обо мне; значит, вполне может оказаться, что вы — бессмертнее меня. Только это здесь и имеет значение. Только это! Те, кого некому помнить, исчезают, лишь их прозрачные тени

иногда появляются на улицах. Они жмутся к фонарям, поскольку темнота для тени — то же самое, что забвение для любого из нас. Небытие.

— Не понимаю, — удрученно признался я. — Предположим, меня будут помнить дольше, чем вас. Следовательно, я останусь жив. Но я-то вас буду помнить! Получается, что вы не исчезнете, пока не исчезну я, разве не так?

— Не так. Наша с вами память друг о друге не в счет, так уж все устроено. Почему — не знаю. Возможно, это свидетельствует о том, что обитатели Тихого Города не так уж и живы... Но мои ощущения доказывают обратное, а я привыкла доверять собственным ощущениям больше, чем теоретическим изысканиям.

Мы угрюмо помолчали. Потом моя новая приятельница хлопнула себя ладошкой по лбу и рассмеялась:

— Эврика! Вполне возможно, что я теперь действительно гораздо более бессмертна, чем прежде!

Я адресовал ей вопросительный взгляд. Она объяснила:

— Мои шансы на долгую-долгую жизнь связаны не с вами, а с нашим общим приятелем Чиффой, который, как вы говорите, вернулся домой. Он ведь колдун? Если верить вам, то колдун, и еще какой! А хороший колдун вряд ли станет умирать от старости в собственной постели. И вообще вряд ли станет умирать, правильно? А уж он-то меня никогда не забудет!

— Да, действительно, — улыбнулся я. — Вам повезло: Джуффин — мужик живучий. А вас и правда невозможно забыть. Это не комплимент, а констатация факта.

— Что-что вы сделали с фактом?

— Поймал и как следует отконстатировал, — важно объяснил я. — На свете стало одним констатированным фактом больше.

— Это следует отметить, — рассмеялась Альфа. — Что выпьете? Впрочем, не отвечайте, попробую угадать. Джин или ром?

— И то и другое, можно без хлеба.

Она одобрительно кивнула, опознав цитату из Винни-Пуха (я и не сомневался, что опознает), и загремела стаканами. Атмосфера, сгустившаяся было в течение последних минут (со стороны мы, наверное, походили на пациентов санатория для туберкулезников, обсуждающих свои последние рентгеновские снимки), разрядилась окончательно и бесповоротно.

К тому времени как в «Салоне» начали собираться завсегдаи, мы с хозяйшкой опустошили полбутылки джина, перешли на «ты» и вообще

чувствовали себя старыми, чуть ли не фронтовыми друзьями.

Альфа бесцеремонно сообщила своим приятелям, что выменяла меня у некоего Альги. Тот, дескать, получил Чиффу, ящик португальского портвейна и горшок с голубой геранью, а она — нового клиента. О том, что Джуффин покинул Тихий Город навсегда, мы договорились молчать.

Альфа утверждала, будто такая новость поспособствует новой вспышке эпидемии черной меланхолии: чужая участь нередко кажется завидной даже тем, кто искренне полагает себя одним из обитателей рая. Она же заверила меня, что на исчезновение Джуффина никто не обратит внимания и уж точно никто не станет его разыскивать: ни в заведении этого загадочного Альги, ни где-либо еще. Приветливое равнодушие к отсутствующим было здесь единственным обязательным правилом хорошего тона.

Заодно Альфа успела объяснить мне, что любить стоит только тех, кто в данный момент находится рядом, и только до тех пор, пока за ними не закроется дверь.

Следовать этому правилу оказалось неожиданно легко: человек, существующий только в памяти, ничем не отличается от призрака. Я даже удивился, что сам не додумался до такой простой и очевидной вещи.

Вечеринка тем временем набирала обороты.

Сначала я познакомился с высокой темноглазой женщиной по имени Клер. Потом в кафе появились смуглый коренастый бородач по имени Сэмюэль и Алиса, потрясаяще красивая, но совершенно седая леди с глазами, яркими, как мокрые сливы. Позже к нам присоединились еще несколько мужчин и женщин — к этому моменту я уже истребил столько огненной воды, что утратил врожденную способность запоминать человеческие имена.

В самый разгар веселья я сдал все дела автопилоту и отключился. Автопилот, впрочем, повел себя достойно: вежливо попрощался с присутствующими и доставил меня в дом Джуффина, в холле которого я и заснул, обстоятельно укутавшись в мягкий домотканый коврик. Во сне я слышал перезвон медных браслетов на тонких запястьях Клер, сердечный смех Алисы, вкрадчивый баритон Сэма, холодный клекот жидкости, льющейся в стаканы, утробный скрип деревянной мебели, но не видел ничего, так что мой сон был похож на бодрствование слепца.

Проснувшись, я весело ужаснулся собственному грехопадению, объявил сердечную благодарность автопилоту и возрадовался отсутствию похмелья: в этом смысле Тихий Город действительно мог считаться раем, без всяких кавычек.

«Если будет очень хреново, сопьюсь! — жизнерадостно подумал я. — Благо для этого здесь, кажется, весьма подходящие условия!»

Но спиваться не понадобилось. Воспоминания о Ехо, еще вчера сводившие меня с ума, как-то подозрительно быстро истончились, стали бледными, нежными и совершенно безболезненными, словно это были не дни моей жизни, а кинофильмы, которые я успел посмотреть.

Я по-прежнему любил этот город и людей, которые там остались, но это была легкая любовь: она не причиняла мне страданий и не разжигала желания вернуть прошлое. «Люди, которых не видишь, ничем не отличаются от призраков», — думал я. Мудрая Альфа не только подпоила меня, но и каким-то образом ухитрилась научить уму-разуму. За оба деяния ей следовало бы памятник поставить, но я ограничился букетом сирени из собственного сада.

Так началась моя жизнь в Тихом Городе. Я обзавелся жильем, новыми впечатлениями, мудрой воспитательницей и нехитрой философской системой, каковая, однако, помогла мне достичь некоего подобия душевного покоя; стал потенциальным завсегдатаем симпатичного «Салона» и до полубеспамятства напился в компании старожилов, что странным образом способствовало созданию иллюзии, будто мы знакомы уже очень давно.

Что ж, могло быть и хуже. Могло быть гораздо хуже, черт побери!

Дни потекли один за другим. Они стали невесомыми и незначительными, гремели в моих карманах, как мелочь, которую не жалко тратить на пустяки, а то и вовсе швырять горстями в теплую пыль, чтобы не звякала при ходьбе.

Впрочем, и дней-то, в сущности, никаких не было. Только сумерки, в благоуханной синеве которых попытки отсчитывать время утратили всякий смысл.

Я и сам утратил всякий смысл. Стал одним из многих статистов, заполняющих театр теней, темным силуэтом в освещенном окне, замысловатой безделушкой на полке страстного, но рассеянного коллекционера. Странно, но именно здесь, в Тихом Городе, где время не имеет никакого значения, где некуда торопиться и невозможно опоздать, я вдруг зажил размеренной жизнью пунктуального человека, к чему,

откровенно говоря, никогда не стремился.

Как ни странно, мне это даже нравилось.

Проснувшись, я принимал ванну и отправлялся завтракать в заведение Альфы. Один из столиков — в углу, подальше от окна — по негласной договоренности считался «моим». Я мог завтракать там в полном одиночестве или в компании жизнерадостной хозяйки, которая тут же принималась потчевать меня занимательными сплетнями о знакомых и незнакомых; а мог пригласить кого-нибудь из посетителей присоединиться ко мне и сыграть в нарды.

Нарды были самой популярной настольной игрой в «Салоне» и, насколько я успел заметить, во многих других забегаловках Тихого Города. Здесь чаще играли в «длинные нарды», чем в «короткие», причем большинство игроков, как и я сам, предпочитали играть черными и кидать не чужие, а собственные самодельные кости. Окруженный сочувствующими советчиками, я старательно вырезал свои кубики в течение нескольких вечеров и, как ни странно, довел эту почти ювелирную работу до победного конца. За все время я не встретил ни одного человека, который был бы искренне заинтересован в исходе игры, однако все мы были очарованы процессом: нежный цокот перекатывающихся кубиков, мелодичный перестук шашек...

После завтрака я возвращался домой и занимался наведением порядка или возился в саду. Потом отправлялся на прогулку. Поначалу я старался всякий раз непременно забрести туда, где не бывал прежде; со временем же понял, что улицы Тихого Города похожи одна на другую, и махнул рукой на свою исследовательскую деятельность.

Прогулка обычно завершалась обедом, но не в «Салоне», а в каком-нибудь незнакомом заведении. Таким образом я отдавал дань жалким остаткам собственной страсти к открытиям: размещал свое тело в новых интерьерах, пробовал новые блюда, заводил новые знакомства.

Бледные призраки новых впечатлений меня вполне удовлетворяли; возвращаясь домой, я изрекал одну и ту же фразу: «Это была хорошая прогулка», — что-то вроде сытой отрыжки, но не желудочной, а душевной.

Дома я варил кофе, неисчерпаемые запасы которого обнаружились в кладовой, топил камин, валялся на диване, листая старые энциклопедии, которыми были уставлены мои книжные полки.

Один из томов назывался «Новые сведения о вещах»..^[4] и пользовался моим особым расположением: я читал эту книгу медленно, растягивая удовольствие. Книга отвечала мне взаимностью и, кажется, постепенно становилась толще, словно бы в мое отсутствие неизвестный автор

добавлял в нее новые и новые статьи.^[5]

Потом я отпраивлялся в «Салон», поскольку сердце подсказывало мне, что у гостеприимной Альфы уже начала собираться теплая компания, частью которой теперь считался и я сам.

Несколько коротких кварталов, знакомая стеклянная дверь, уютный желтый свет лампы под плетеным абажуром. Ласковый аромат цветочного чая, сладостное удушье кофейной пыли, густые табачные облака под потолком, перестук льдинок в бокалах с крепкими напитками, неизменные нарды и бесконечные разговоры, которые стали единственным внятным смыслом моего призрачного бытия. На дружескую болтовню расходовались все душевные силы, что, безусловно, было мне только на руку: я физически не мог тосковать, как не смог бы, скажем, поднять в воздух товарный состав или взять на руки новорожденного слоненка.

Дома я укладывался в постель, сладко потягивался и засыпал — крепко и без сновидений. С непривычки мне поначалу казалось, что я сплю всего несколько минут в сутки, но, сверив свои впечатления с Альфой, которая видела меня и в конце дня и почти сразу после пробуждения, я убедился, что стал редкостным засоней. Что ж, все к лучшему. «Солдат спит — служба идет».

Новые приятели понемногу открывали мне свои странные тайны.

Серьезная, спокойная красавица Клер, обладательница тонких запястий, оленьих глаз, высоких скул и звонких браслетов, однажды со снисходительной, словно речь шла о давних школьных проказах, улыбкой поведала мне, что в прежней жизни убила не менее сотни человек.

— Вы были наемным убийцей? — опешил я.

— Нет, что вы, Макс. Это была не профессия. Так, хобби. Просто я слишком серьезно относилась к поэзии.

— Если вы убивали плохих поэтов, сто — это слишком мало; если же гениальных, цифра чересчур велика, — заметил я.

Клер оживилась.

— Вы все очень правильно понимаете, — она дружески сжала мою руку, чего за ней прежде не водилось. — «Сто — слишком мало» — о, еще бы! Но у меня не было задачи убить всех плохих поэтов. Я — здравомыслящий человек и прекрасно понимала, что это невозможно. Но плохой поэт — это полбеда. Существуют гораздо более опасные типы. Они пишут стихи к именинам, свадьбам и юбилеям. Стихи ко дню окончания средней школы. Стихи в честь Пасхи. Высокопарные стихи по поводу всякого торжества, какое только может случиться в их бессмысленной

жизни.

— Знаю, как же, — хмыкнул я. — И этих безобидных дурачков вы убивали?

— Именно эти безобидные дурачки уничтожили магическую составляющую поэзии, — жестко сказала Клер. — Их трудами поэзия стала обычной ритмически организованной речью. Эта разрушительная техника описана еще в Библии и называется «поминать всуе». Понимаете ли вы, что это значит — потерять магическую составляющую?

— Догадываюсь, — горько усмехнулся я. — Я сам, кажется, потерял свою «магическую составляющую».

Впрочем, горечь моя прошла почти сразу. Секунду спустя я и сам удивлялся собственному пафосу.

— Вам виднее, — сухо заметила Клер. — Но речь сейчас идет не о вас, а о поэзии. В юности я была достаточно наивна, чтобы полагать, будто дело еще можно поправить.

— Вы убивали людей, которые писали стишки к праздникам? — уточнил я.

— К праздникам и не только... Но суть вы уловили верно.

— И вас не поймали? — недоверчиво спросил я.

— С чего бы? — она пожала плечами. — Меня невозможно было заподозрить. С точки зрения следствия, у меня не было решительно никаких побудительных мотивов. В нескольких случаях их смерть была мне чрезвычайно невыгодна: ущемлялись мои материальные, карьерные и прочие интересы. К тому же я была очень ловка и осторожна — сейчас сама удивляюсь.

— И чем это закончилось? — осторожно поинтересовался я.

— Как видите, ничем. Поэзия так и осталась ритмически организованной человеческой речью. Сотня трупов ничего не изменила. Мне следовало родиться на тысячу лет раньше: тогда еще можно было что-то исправить... Когда я поняла это, я занялась другими вещами.

— А сами-то вы писали стихи? — бестактно спросил я.

— Да. Недостаточно плохие, чтобы наложить на себя руки, — невозмутимо парировала Клер. — Но читать я их вам не буду. Не время, не место. Да и не нужны вам стихи — ни мои, ни чьи-то еще.

У меня на языке уже крутился вопрос: как ее-то занесло в Тихий Город и много ли народу помнит ее за пределами этого призрачного Мира, но я вовремя вспомнил, что Альфа предостерегала меня от разговоров на эту тему.

В течение нескольких вечеров после этого разговора я пожирал Клер

глазами, пытаясь вообразить себе, как она подсыпает яд в бокал незадачливого сочинителя или таится с охотничьим ружьем в глубине чужого сада... Но любопытство мое довольно быстро угасло. И не потому, что Клер перестала казаться мне загадочной и интригующей. Дело было не в ней, а во мне. Я утратил способность испытывать искренний интерес к чему бы то ни было. Печальных доказательств тому я собрал великое множество.

Бородатый Сэмюэль, флегматичный, приветливый и, кажется, бесконечно добродушный от природы дядька, поведал мне, что в прошлом принадлежал к тайному братству Бешеных Псов. Члены братства стремились к «прижизненной трансформации духа и тела»; основной рецепт самосовершенствования, изложенный Сэмюэлем, мог бы шокировать кого угодно.

Эти люди давали собаке, издыхающей от бешенства, укусить себя, после чего пытались выжить, не прибегая к спасительным прививкам. Они полагали, будто человеческая воля способна не только обуздать смертельную болезнь, но и воспользоваться ее мощью в своих целях.

Неофит, впрочем, мог и даже должен был обратиться к врачу, но не ранее, чем через неделю после укуса; некоторым, впрочем, удавалось продержаться дольше. Сам Сэмюэль очень гордился тем, что отправился лечиться только через двенадцать дней после первого укуса, когда окружающий мир уже изменил свои цвета, а глотательные движения давались ему с величайшим трудом. Курс уколов, сделанный с катастрофическим опозданием, как ни странно, помог. Впрочем, Сэм утверждал, будто ни один из членов их тайного братства не умер на этом этапе посвящения.

За первым испытанием следовало второе — семь лет спустя, после того как организм полностью утрачивал приобретенный в результате лечения иммунитет к бешенству. После второго укуса обращаться к врачу запрещалось. Основатели братства полагали, что за этот срок неофит должен был успеть подготовить свой организм к полной трансформации.

По словам Сэмюэля, примерно четверть его товарищей погибла; остальные же, в том числе и он сам, получили право именоваться Бешеными Псами и считали себя чем-то вроде оборотней — с той, однако, разницей, что их облик практически не менялся; преображался только дух.

— Это было священное безумие, — говорил Сэмюэль, рассеянно вращая опустевший бокал. — Безумие без внешних проявлений: у нас хватало выдержки вести себя так, словно ничего не случилось. Мы продолжали жить среди людей, ходить на службу и не пренебрегали

своими семейными и дружескими обязанностями. Никто не догадывался, что мы уже давно погружены в иной мир. Между собой мы называли его Радужным, поскольку это хотя бы отчасти описывало новые особенности нашего восприятия.

Прежнего Макса рассказ о двойной жизни Бешеных Псов потряс бы до глубины души; я же выслушал нового приятеля с вялым любопытством и не стал выспрашивать подробности. Я даже не попытался выяснить, какими свойствами обладал Радужный Мир — а ведь некоторые детали его лаконичного описания позволяли предположить, что Бешеные Псы каким-то образом умудрялись видеть реальный мир и его Темную Сторону одновременно. Но мне было все равно. Я и собственной-то судьбой больше не мог заинтересоваться как следует.

Не взволновала меня и исповедь Алисы — в высшей степени романтическая. Она призналась, что всегда тяготилась размеренным ритмом своего упорядоченного и, с точки зрения друзей и соседей, счастливого бытия: двухэтажный дом в пригороде, сад, засаженный яблонями и боярышником; заботливый, жизнерадостный и нетребовательный муж, обстоятельно выбранный ею когда-то из числа самых верных поклонников; двое сыновей, воспитание которых не доставляло особых хлопот...

Никто не подозревал, что приветливую красавицу Алису на протяжении многих лет преследовала одна навязчивая идея, сладостное наваждение, гремучая смесь фобии и надежды. Всякий раз, уезжая из дома — погостить у старых друзей, на курорт или просто за покупками, — она непременно набирала свой телефонный номер и измененным до неузнаваемости, чужим голосом просила позвать Алису.

— Я все надеялась: вдруг какая-нибудь добрая душа уже «вернулась» домой вместо меня, и значит, мне возвращаться не обязательно, — доверительно призналась она.

Постепенно детская вера в жутковатое чудо ослабла и стала чем-то вроде маленького безобидного чудачества. Иногда Алисе казалось, что муж и сыновья догадываются, что незнакомый ломкий голос принадлежит именно ей, но тактично помалкивают, желая доставить ей удовольствие.

Однажды ранней весной (Алиса только-только бурно отпраздновала свой пятидесятый день рождения) она позвонила домой из маленького курортного городка на юге Баварии. Алиса отправилась на этот курорт якобы для каких-то оздоровительных процедур, необходимых женщине, желающей выглядеть на десяток лет моложе не только в полумраке спальни, но и на солнечном пляже; на самом же деле ей просто хотелось

остаться наедине с собой и понять: как следует жить человеку, который твердо знает, что большая часть его жизни уже позади.

Ничего путного она так и не придумала, но за день до отъезда по старой традиции позвонила домой и, взвинтив свой низкий голос до пронзительного повизгивания, попросила к телефону Алису. Знакомый тенорок мужа беззаботно откликнулся: «Сейчас». Алиса услышала, как он говорит: «Это опять тебя, дорогая», — и, теряя сознание, опустила трубку на рычаг.

Очнувшись секунду спустя (вокруг еще не успела собраться сочувствующая и втайне благодарная за развлечение публика), она с изумлением обнаружила в своем арсенале ровно две концепции: «Я свободна» и «Такой шанс нельзя упустить». Открыла сумочку. Там лежали документы, дорожные чеки, пластиковая карта «Visa» и блокнот с адресами и телефонами многочисленных друзей и знакомых. Блокнот она тут же изорвала на мелкие клочки и сожгла в пепельнице, присев за столик ближайшего уличного кафе; все остальное справедливо сочла необходимой и достаточной экипировкой для начинающего путешественника в неизвестность.

Домой она с тех пор не звонила ни разу; тот факт, что ее никто не пытался разыскивать, ничуть ее не удивил. Работа, жилье и первый за последние двадцать лет любовник появились как бы сами собой, без каких-либо усилий с ее стороны; новые привычки то и дело возникали и тут же умирали, привлекательные и недолговечные, как бабочки.

— С тех пор я перестала вести счет прожитым годам, — задумчиво призналась Алиса, — и знаете, кажется, мне удалось избежать разрушительного воздействия времени. Только мои волосы остались в заложниках у этой стихии: они быстро поседели, а я не стала их подкрашивать. Мне казалось, это что-то вроде платы за то, что лицо и тело остаются в точности такими, какими они были в тот день, у озера Шторнберг... И, конечно, за то, что ни один из дней моей новой жизни не был похож на прочие.

«Следует запомнить эту историю, — думал я в тот вечер, возвращаясь домой. — Вот он, рецепт вечной молодости: надо просто чтобы ни один из дней твоей жизни не был похож на прочие. Может, пригодится когда-нибудь. Хотя — на кой черт мне этот рецепт здесь, в раю?!»

Ну да, ну да, в Тихом Городе дни мои были похожи друг на друга, как близнецы, а залогом вечной молодости, очевидно, являлся летаргический сон духа — дешево и сердито.

Впоследствии я выслушал еще немало импровизированных

автобиографий, но все они, по большому счету, оказались похожи одна на другую. Очевидно, книга человеческих судеб скудна сюжетами, но богата интерпретациями.

Возможно, именно поэтому я сам стал очень популярным рассказчиком: мои истории разительно отличались от прочих, и жители дальних окраин Тихого Города порой специально заходили в «Салон» послушать мои истории.

Со временем, впрочем, мне все чаще казалось, будто я все выдумал. Но для моих слушателей это не имело особого значения: события, оставшиеся в прошлом, не менее призрачны, чем события, которых никогда не было.

* * *

— Если все, что вы рассказывали, правда, то ваша жизнь — это просто история карточного домика, — заметила однажды Клер.

Я удивился: после ее исповеди наша дружба, и прежде немногословная, превратилась в своего рода молчаливый сговор. За несколько сотен одинаковых вечеров, минувших с той поры, мы обменялись множеством понимающих взглядов и в лучшем случае десятком фраз, составленных согласно классическому канону светского общения: «Передайте мне чашку, пожалуйста».

— Объясните, что вы имеете в виду, — осторожно попросил я.

— А вы не понимаете? Сами подумайте: как бы хорош ни был карточный домик, сколько бы ни твердили восхищенные наблюдатели, что построить такое чудо из обыкновенных кусочков глянцевого картона совершенно невозможно, — не так уж интересно всю жизнь оставаться его гордым создателем и, не щадя усилий, защищать свое творение от сквозняков и неосторожных зрителей. И не потому ли величайшее из искушений, которые посещают строителей карточных домиков, — выдернуть одну карту из самого основания и зачарованно наблюдать, как рассыпается только что созданное твоими руками маленькое чудо.

Я хотел возразить, что карточный домик был разрушен отнюдь не моими руками, но вовремя вспомнил о сокрушительной силе тайных желаний Вершителя и осекся. Лишь изумленно покачал головой.

— Я бы не говорила вам все это, Макс, но мне вдруг подумалось, что вы уже успели выстроить очередной карточный домик — здесь, в Тихом Городе. У вас еще нет желания его сломать?

— Не знаю, — растерянно признался я. — Я об этом не думал.

— Ну вот, теперь подумайте, — доброжелательно посоветовала она. — Все бы ничего, но вы не производите впечатление человека, которому нужен какой-то карточный домик. Вот нам с Альфой он нужен позарез; Алисе и Сэму, возможно, тоже; всем остальным — не знаю, не знаю... Откровенно говоря, они меня не слишком занимают. Но вам это барахло точно ни к чему.

Я вернулся домой в смятении. Несколько порций темного рома, заботливо влитые мною в собственный желудок во имя восстановления душевного равновесия, не только не исполнили свое предназначение, но, напротив, усугубили внутренний разлад.

В сущности, я хорошо знал это нервное настроение: оно всякий раз посещало меня накануне больших перемен, когда истерзанный предчувствиями разум вдруг понимает, что тонкая ткань реальности уже истерлась до дыр, а причинно-следственные связи все еще тягостны, но больше не могут гарантировать ему желанного уютного покоя.

Чтобы отвлечься, я взял с полки первую попавшуюся книгу. К моему величайшему удивлению, это был древний трактат Суньцзы «Искусство войны». Открыв книгу наугад, я прочитал: *«Притворный беспорядок рождается из порядка; видимость страха рождается из мужества; мнимая слабость рождается из силы. Порядок и беспорядок — это вопрос количества; мужество и страх — вопрос стратегической мощи. Поэтому тот, кто умеет управлять врагом, предлагает то, что враг может схватить. Выгодой он завлекает его, со своими войсками он ждет его»*.

Умствования древнего полководца неожиданно меня разозлили. Я захлопнул книгу и поставил ее на место. Движение это оказалось столь резким, что стеллаж с книгами зашатался и с грохотом обрушился на пол. На меня пролился своего рода энциклопедический дождь. Несколько ударов оказались довольно болезненными. Я отчаянно тер ушибленное плечо, другой рукой массировал пострадавшие ребра и растерянно улыбался. Это маленькое происшествие окончательно выбило меня из колеи, и я вдруг обнаружил, что такое состояние мне, как ни странно, нравится.

Я собирал книги и думал, что суть военной науки Суньцзы проста для понимания, но применить ее на практике нелегко, как все по-настоящему могущественные формулы.

«Вершина военного искусства — управление врагом, — сказал себе я. — Бесстрашное коварство трикстера превышает прямодушную силу

героя... Это как раз понятно. Понять бы еще, кто враг? Кем следует управлять?»

Боковым зрением я заметил мельтешение у противоположной стены. Развернувшись, увидел, что это — всего лишь мое отражение в зеркале.

— Ага, вот он, враг, — вслух сказал я, упиваясь нелепостью своего озарения.

Бросил книги, поднялся с пола, подошел к зеркалу и внимательно уставился на собственную физиономию.

Кажется, тихая сытая жизнь не пошла мне на пользу: щеки изрядно округлились, это было заметно даже под многодневной щетиной; в линии рта появилась какая-то неприятная слабинка. Хуже всего дело обстояло с глазами: они стали серо-зелеными, как у сытого кота, и тусклыми, как у всякого довольного жизнью обывателя.

— У тебя глаза пожилого рантье, — презрительно сказал я собственному отражению. — Если так пойдет и дальше, они заплывут и станут пороссячими. Тебя это устраивает, дорогуша?

Мой разум был обескуражен открывшимся ему зрелищем. Мелькнула паническая мысль, своего рода попытка оправдаться перед собой: «Я добровольно стал мертвым, потому что оставаться живым — слишком больно».

Повинуясь внезапному, почти немотивированному порыву, я вышел из дома и отправился в «Салон». Альфа уже накрыла вымытые чашки крахмальной салфеткой, но еще не погасила свет и не заперла дверь, поэтому я решил, что мое вторжение будет не слишком бестактным.

— У меня только один вопрос, — сказал я в ответ на ее удивленный взгляд. — Ты ведь помнишь тот день, когда я впервые к тебе зашел, правда?

— Отлично помню, — кивнула она.

— Скажи, только честно: я с тех пор сильно изменился?

— Даже не знаю, — она пожала плечами. — Ну, наверное, с тех пор ты стал немножко занудой, но это вполне объяснимо.

— Занудой? — почти с удовольствием переспросил я. — И это все?

— Да... наверное. Ну, еще ты слегка растолстел, но в твоем случае это не скоро станет настоящей проблемой. Скорее никогда, чем когда-нибудь...

— Еще, — потребовал я. — Ты молчишь о самом главном, Альфа.

— А что ты хочешь услышать? — сердито спросила она. — Что ты перестал быть мне интересен? Что ты достал меня своей дурацкой манерой являться каждый день в одно и то же время? Что, когда ты в очередной раз начинаешь пересказывать историю своих похождений, невозможно

поверить, будто ты и есть тот самый веселый и бесстрашный мальчик, с которым ежедневно случались чудеса? Ты это хотел услышать? Ну вот, услышал... Впрочем, не бери в голову, Макс, то же самое я могу сказать любому из своих друзей. И собственному отражению в зеркале заодно.

Я слушал ее и чувствовал, что еще немного, и я могу расплакаться от обиды. Именно то, что требовалось!

За этим я к ней и шел, зная за собой давнюю слабость: я люблю нравиться, мое глупое сердечко жаждет восхищенных вздохов, а голова идет кругом после пары-тройки второсортных комплиментов. Я знал, что самый деликатный упрек из чужих уст встряхнет меня гораздо эффективнее, чем длительный сеанс самоедства. Что ж, мне повезло: умница Альфа наговорила мне гораздо больше неприятных вещей, чем я рассчитывал.

— Спасибо, — искренне сказал я. — Именно то, что надо! А теперь подскажи мне, где живет Сэм.

— Сэмюэль? — удивленно переспросила она. — Макс, он не скажет тебе ничего нового. Уверяю тебя: кроме клятвенных заверений в неизменной симпатии и вечной дружбе ты из него ничего не выколотишь!

— А он мне не для разговоров нужен, — усмехнулся я. — Ну будь человеком, дай адресок. Ты же все про всех знаешь!

Несколько секунд Альфа в замешательстве рассматривала меня, словно мы только что познакомились. Внезапно нахмурилась, кивнула и подробно объяснила мне, как найти дом Сэмюэля. Я обнял ее, бесцеремонно притянул к себе и звонко расцеловал в щеки, искренне удивляясь, почему никогда не пробовал сделать это прежде — отличное занятие!

Переступая порог кафе, я ощущал ее изумленный взгляд на своей спине. Взгляд был теплый, как солнечный зайчик. Мне хотелось плакать. Я знал, что больше никогда не увижу Альфу. Но и смеяться мне тоже хотелось, потому что я твердо решил, что больше никогда не увижу в зеркале сонные сытые глаза мертвого сэра Макса. Все что угодно, только не это!

Дом Сэмюэля я нашел почти сразу: Альфа очень толково мне все объяснила. Особая примета, красный флюгер на крыше, оказалась очень кстати: во-первых, дом видно издалека, а во-вторых, я не мучился напрасными сомнениями, когда стучал в дверь. В Тихом Городе дома не имеют номеров, а улицы — названий, поэтому риск попасть не по адресу чрезвычайно велик.

Сэм открыл мне не сразу. А когда открыл, я понял, что вытащил его из постели. Но я досадливо отмахнулся от угрызений совести: слишком высоки были ставки.

— Сэмюэль, дружище, — торопливо сказал я, — об одном прошу: сначала выслушайте меня, а потом гоните, хорошо?

— Хорошо, — сонно согласился он. — Может быть, зайдете в дом, Макс? Зачем беседовать на пороге?

— Как вам будет угодно, — церемонно отвечивал я.

Зашел вслед за растерянным хозяином в гостиную. Бросил косой взгляд на зеркало. Глаза у моего отражения были ошалевшими, дикими, отчаянными, но уж никак не сонными. И то хлеб.

— Сэм, — решительно сказал я, утонув в глубоком плюшевом кресле. — Я бы ни за что не решился злоупотреблять вашим временем, но я в безвыходной ситуации. У меня в этом клятом городе только один знакомый бывший бешеный оборотень — вы. Укусите меня, пожалуйста, до крови, если вас это не слишком затруднит.

— Что-о-о? — изумленно протянул он и, кажется, начал просыпаться.

— Укусите меня, пожалуйста, — смиренно повторил я.

— Но зачем? — густые брови моего собеседника медленно ползли вверх. Потом его лицо прояснилось, и он с видимым облегчением спросил: — Это шутка, Макс? Немного некстати, но мне даже нравится...

— Это не шутка, — твердо сказал я. — Просто вы — мой единственный шанс. Мне позарез нужно взбеситься. Сойти с ума. Стать одержимым. Одной моей доброй воли для этого не хватит: я слишком распустился, обмяк, стал спокойным и благодушным. Магия тут не работает, в чем я неоднократно убеждался на практике. Но бешенство — не магия. Вдруг поможет? Имунитета у меня точно нет. В Тихом Городе никто не умирает, верно? Значит, и я не умру, только съеду с катушек — именно то, что требуется!

— Зачем это вам? — тихо спросил он. — Я имею в виду: зачем вам сходить с ума, Макс? Вы надеетесь, что это поможет вам покинуть Город? Я, как видите, все еще здесь.

— Вы — это вы, а я — это я... Впрочем, я ни на что не надеюсь. Но я обязан попробовать.

Мой ответ его вполне удовлетворил. По крайней мере, он кивнул, подошел поближе и без дополнительного предупреждения впился в мое предплечье удивительно острыми зубами. Это было очень больно («жить вообще больно», — напомнил я себе), но я рассмеялся от радости.

— Вы довольны? — вежливо спросил Сэмюэль, снова усаживаясь в

кресло. — В таком случае я бы предпочел отправиться спать. Кстати, имейте в виду: если вам станет совсем скверно, я готов помочь практическим советом в любое время.

— Спасибо, — улыбнулся я. — Надеюсь, все обойдется. Я уйду, Сэм. Доброй ночи. Заприте за мной дверь.

Вернувшись домой, я торжествующе уставился на собственное отражение в зеркале.

— Ну что, нашел я на тебя управу? — ехидно спросил я своего зазеркального двойника. — Вот то-то. Живи, скотина! Вой от тоски, рычи от боли, если сильно припечет, но живи.

Нечего и говорить, что жизнь моя с этого дня разительно переменилась. Я твердо решил удрать из Тихого Города. Зачем, куда и что я потом буду с собой делать — все эти вопросы не имели решительно никакого значения.

Откровенно говоря, меня просто напугала легкость, с какой я опустил, размяк, расслабился, превратился в зануду, по-стариковски разглагольствующего о своих былых подвигах. Я не раз слышал, что солдат, публично уличенный в трусости, нередко становится самым отчаянным героем: его подстегивает страстное желание доказать миру, что он не так уж безнадежен. Нечто в таком роде произошло и со мной.

После вышеописанного взрыва эмоций, завершившегося визитом к знакомому оборотню, я проснулся совершенно разбитым. Нервы были на взводе, разум панически метался между страхом и отчаянием, на сердце покоилось несколько дюжин Греттировых подымов,^[6] память услужливо подсовывала живописные картины прошлого, утраченного навсегда, а кровь стыла в жилах при воспоминании об укусе «бешеного» Сэма. Что ж, я мог поздравить себя с победой: старый добрый сэр Макс, почивший было под толстым слоем теплого душевного ила, начал оживать, со всеми вытекающими последствиями.

Душевные муки я счел симптомом выздоровления. Теперь требовалось довести дело до конца. Я встал, принял душ, оделся и навсегда покинул дом, в котором мне так уютно жилось. Обстановка здесь явно не подходила для того, чтобы как следует сойти с ума. А именно этим я и собирался заняться.

Для начала я постановил за правило: ночевать только под открытым небом. Я был совершенно уверен, что в Тихом Городе полно пустующих домов; не сомневался я и в том, что любой из них покажется мне самым уютным жилищем во Вселенной. Поэтому я принял простое и жестокое

решение: с этого дня я живу на улице. Минимум комфорта. Сэр Макс, первый бездомный бродяга за всю историю существования Тихого Города. Юродивый, одержимый, безумный, грязный и отвратительный. Именно то, что требуется!

Несколько десятков глотков синих сумерек спустя (лишившись привычного образа жизни, я окончательно утратил способность хоть как-то отмерять ход времени) я выглядел так, что ни один из завсегдатаев «Салона» не смог бы меня узнать. Всклобоченные волосы, отросшая борода, грязный измятый плащ, который служил мне то простыней, то одеялом, в зависимости от того, что было нужнее. Я очень быстро осунулся: кормили-то здесь, конечно, бесплатно, однако аппетит у меня пропал; к тому же все меньше находилось владельцев кафе, готовых пустить меня в свое заведение. Когда со мной пытались заговорить, я бессвязно мычал, поскольку отлично знал, что задушевная болтовня — моя ахиллесова пята, самое слабое место. Хороший собеседник вполне мог бы уговорить меня умыться, пообедать, переодеться да еще и поселиться в пустующем домике по соседству — нет уж!

Иногда становилось совсем невмоготу. В эти черные дни безумие было сильнее меня, мрак застилал мне глаза. Полуслепой и отчаявшийся, я бродил по улицам, пугая своими хриплыми стонами привыкших к спокойному существованию прохожих. Время останавливалось, я почти физически ощущал, что отмеряющие его песочные часы (согласно теории Мёнина, именно так я и должен был видеть время) засорились, и количество песка в обеих чашах остается неизменным. Густая ядовитая кровь пульсировала в моих висках, насыщая тело безумием вместо кислорода. В такие мгновения тоска по мозаичным мостовым Ехо, серым глазам Меламори и дружеским пирушкам Тайных Сыщиков казалась мне благом, поскольку я узнал, что есть куда худшая боль: смутные воспоминания живого мертвеца о времени, когда он был просто живым.

Но из этих схваток я всегда выходил победителем. Несмотря ни на что, я оказался живуч, как драная кошка, в полном соответствии с замыслом Джуффина, который предусмотрительно создал меня неуязвимым. Что ж, стоило довести тело и разум до столь плачевного состояния, чтобы узнать наконец сокрушительную силу собственного духа. В жизни каждого бывают моменты, когда следует броситься в пропасть, чтобы наконец убедиться в том, что всегда умел летать.

Так я и жил, то балансируя над пропастью безумия, то погружаясь туда с головой. Я решил стать настоящим городским сумасшедшим, и я стал им.

То ли укус Сэмюэля столь благотворно на меня подействовал, то ли следовало отдать должное собственным талантам в этой области — не знаю и знать не хочу. Главное, я осуществил задуманное.

Я быстро сделался единственным изгоем Тихого Города, своего рода местной достопримечательностью. Своим видом я отравлял беззаботное существование великому множеству славных людей. Однако этого было явно недостаточно для того, чтобы оказаться первым изгнанником за историю существования этого райского уголка. В моем плане чего-то не хватало. Оставалось понять, чего именно.

И однажды меня осенило. Я проснулся на чьем-то заднем дворе, где довольно сносно выспался, зарывшись в свежескошенную траву, и едва сдержал желание завопить: «Эврика!» Идея была проста и легко осуществима; разумеется, у меня не было никаких гарантий, что я копаю в правильном направлении, но попробовать стоило. В конце концов, надо же чем-то себя занять!

С этого момента я начал поносить Тихий Город. Я бродил по улицам и ругал его вслух, умолкая, лишь когда сон сваливал меня с ног. «Мерзкий, дрянной, задрипанный городишко! — с энтузиазмом восклицал я. — Вонючее болото! Самое поганое место во Вселенной! Уродство! Архитектурное недоразумение! Свинарник!»

С какой стати я поднял такой гвалт? Да просто вспомнил, как Альфа говорила мне, будто Тихий Город помешан на любви. Я верил в нее: Альфа умница, она не может ошибаться! А если этот город действительно жаждет любви, значит, тип вроде меня для него — кость в горле. Рано или поздно он непременно захочет от меня избавиться. И поскольку я сам хочу в точности того же — дело в шляпе!

Конечно, я здорово рисковал: вполне могло стать, что Тихий Город предпочтет убить меня, а не отпустить. В таком случае некому будет тосковать о мозаичных мостовых Ехо, и затея сэра Джуффина Халли и его загадочных «старших товарищей» пойдет прахом, все это так... Но я уже давно решил, что никому ничего не должен. Вообще никому, в том числе и Джуффину. Он придумал меня? Вот и славно. Но раз уж он придумал меня таким, каков я есть, пусть сам все и расхлебывает.

О да, я был по-настоящему безумен в те дни, но порой мне кажется, что никогда еще я не мыслил так ясно — ни до, ни после.

И однажды (я как раз рылся в помойном ведре у входа в ресторан под гордой вывеской «Золотой Гусь», откуда меня только что вежливо попросили убраться, и громогласно заявлял, что только в таком дурацком

городке может существовать поганая забегаловка со столь идиотским названием) я услышал голос. Он звучал не откуда-то сверху, откуда обычно льется глас божий в мультфильмах, снятых по мотивам библейских сюжетов, а из-под земли.

— Почему ты так ненавидишь меня?

Голос звучал скорее обиженно, чем угрожающе, и мое сердце сжалось в сладкий комок, предчувствуя скорую развязку.

— Потому что ты самый дрянной, мерзкий, паршивый, дурацкий, уродливый городишко во Вселенной! — бодро отрапортовал я.

— Разве я не заботился о тебе? — печально спросил голос. — Разве я не устроил твою жизнь наилучшим образом? Разве я не предоставил тебе самое уютное из жилищ? Разве я отказывал тебе в пище? Разве я не наполнил твой дом самыми лучшими книгами? Разве не окружил друзьями и даже почитателями?

— Ты поселил меня в поганом свинарнике, раскормил, как свинью, и жизнь моя здесь была сплошным непрерывным свинством. Ты — не город, а вонючее болото, в котором копошатся сытые свиньи, — парировал я. И для убедительности добавил: — Меня тошнит от твоего слабоумного бормотания даже больше, чем от твоей паршивой жрачки!

Таким образом мы препирались еще четверть часа. Тихий Город гнул свою линию, я — свою. В отличие от таинственного голоса, я не брезговал нецензурной бранью; когда же мне требовалась передышка (ибо любой словарный запас может иссякнуть), я демонстративно плевал себе под ноги и старательно воспроизводил звуки, которые издает блюющий человек.

Я так увлекся, что не сразу заметил надвигающиеся перемены. В городе поднимался ветер. Синие сумерки сгустились до полной, непроницаемой тьмы. Ветер усиливался. Я понял, что эта стихия пришла по мою душу, и торжествующе рассмеялся: будь что будет, а своего я добился! Я победил. Возможно, это была первая настоящая победа в моей жизни. Какую бы цену ни пришлось заплатить, оно того стоило!

Платить, впрочем, не пришлось. По крайней мере моя жизнь осталась при мне, а больше ничего и не требовалось.

Когда тьма рассеялась, я обнаружил, что лежу в постели, укрывшись чуть ли не дюжиной одеял, зубы мои лихорадочно стучат, тело пылает, а разум в смятении вцепился в первую попавшуюся словесную конструкцию: «Вечность — это безумие, а время подобно воле, которая способна его обуздать».

Кое-как приведя мысли в порядок, я осторожно огляделся по сторонам,

а оглядевшись, увидел, что нахожусь в маленькой светлой комнате с большим окном, за которым плескалось предзакатное небо. Голые светлые стены, лазурный потолок и янтарно-желтое ковровое покрытие позволяли надеяться, что это жилье принадлежит мне и никому больше: слишком уж все это соответствовало моим представлениям об идеальном интерьере. Судя по всему, я был серьезно болен, но это меня не пугало: справляться с болезнями я научился довольно давно — как говаривал сэр Джуффин Халли, это же азы!

Несколько дней я провел, можно сказать, по ту сторону добра и зла, однако в конце концов мне удалось привести себя в порядок. Справился я и с памятью, которая, воспользовавшись моей телесной слабостью, попыталась спрятать подальше события последних лет, и с предательским разумом, возомнившим, будто он может заставить меня поверить, что Ехо, Кеттари, Магахонский лес, болота Гугланда, равнины Пустых Земель, Темная Сторона Мира и ее таинственная Изнанка, пески Красной Пустыни Хмиро и мостовые Черхавлы, высокие стены Харумбы и сумерки Тихого Города были всего лишь галлюцинациями тяжело больного человека. Но эта ловушка не сработала: я уже давно научился *знать* правду, вместо того чтобы смутно о ней догадываться...

Так что я вытащил свои воспоминания на поверхность, заботливо перебрал, отряхнул от пыли и разместил на виду: забывать я не собирался ничего. Мне было необходимо помнить все, до малейших деталей, поскольку с того момента, как я окончательно убедился, что судьба занесла меня в Мир, который по милости Джуффина я должен был считать своей родиной, у меня появился грандиозный план по спасению Мира. Господину Почтеннейшему Начальнику Тайного Сыска такое и в страшном сне не могло привидеться!

«Решаем все проблемы. Быстро. Недорого, — с недоброй ухмылкой сказал я своему отражению в зеркале. — Тоже мне нашли Атланта — Мир на плечах держать. Нет уж! Пусть тысячи, десятки тысяч Вершителей захотят, чтобы он существовал на самом деле. Пусть не верят, что это возможно, тем более страстным и неуправляемым станет их неосознанное желание. Если уж в этом Мире Вершителей что блох на собаке, пусть приносят хоть какую-то пользу. А моему хребту найдется другое применение, как ты считаешь?»

Зазеркальный двойник флегматично пожал плечами: дескать, проживем — увидим. Я ободряюще подмигнул ему и засел за работу.

Это было хорошее решение — хотя бы потому, что с того вечера у

меня не оставалось ни сил, ни свободного времени для душевных мук. А воспоминания, вместо того чтобы бездарно терзать мою изрядно затвердевшую сердечную мышцу, шли в работу, как старая мебель в печь.

Жизнь моя была скудна людьми и событиями, что, честно говоря, совершенно меня устраивало. Найти равноценную замену всему, что потерял, я не рассчитывал, а меньшее меня бы уже не устроило.

И черт с ним.

Эпилог

Минуло почти три года с тех пор, как я засел за работу, и ровно два с того момента, когда я впервые увидел на книжном лотке свою писанину, заключенную в темницу неописуемо уродливой пестрой обложки. В той части Вселенной, где я обитал, наступил сентябрь — время ветра и спелого винограда; дни, когда по щекам моего двойника, обитающего в вечной тьме под опущенными веками, текут слезы, но мои глаза, оконные отверстия, из которых он выглядывает наружу, остаются сухими.

Нет нужды говорить, что сентябрьская ночь — не время для сна. Если я не отправляюсь на прогулку, то сижу на подоконнике и смотрю на луну — хорошо хоть в голос не вою!

В одну из таких сентябрьских ночей в мое настезь распахнутое окно влетела сова. Вернее, я сначала подумал, что это сова. Мягкая толстая птица оказалась бурибухом, я понял это сразу, но отказывался верить очевидному.

Но я сохранял спокойствие, и не только внешнее. Нормальная реакция человека, который каждое свое утро начинает со зверской расправы над чахлыми ростками надежды. Выжидающе смотрел на птицу, словно она была не событием моей единственной и неповторимой жизни, а кадром из какого-нибудь голографического фильма, который крутят мои соседи (как всякое невежественное дитя прогресса, я готов вообразить любое техническое новшество задолго до того, как оно будет изобретено).

— Неужели ты мне не рад? — удивленно спросила птица.

— Я бы обрадовался. Но если дам волю чувствам, то умру, — честно сказал я. — Поэтому я еще какое-то время не буду радоваться, ладно? Пусть все происходит постепенно.

— Пусть, — согласилась птица. — Хочешь узнать новости?

— А разве ты — это не главная новость? — Губы едва повиновались мне, но я как-то умудрялся говорить спокойно, даже вяло. Это спокойствие было сейчас единственным мостиком, все еще соединявшим меня с плохонькой — но уж какая есть! — реальностью.

— Кто знает... — откликнулась птица. — Джуффин просил меня передать тебе, что ты свободен от всех предыдущих обязательств. Если захочешь, можешь наведаться к нему в гости. Можешь даже остаться, если тебе снова понравится в Ехо. Наш Мир уже тверд и надежен, насколько вообще может быть надежной такая зыбкая штука, как любой обитаемый

мир. Джуффин знает, *что* ты для этого сделал. Он восхищен. Говорит, что недооценил тебя, твоих земляков и возможности литературы как таковой. Теперь мы все можем быть совершенно уверены, что действительно существуем. Странное ощущение, надо сказать!

— Черт с ними со всеми, — сказал я, робко прикасаясь к мягкому оперению птицы. — Ты существуешь — вот это действительно важно. И будешь существовать всегда.

— Ну уж — всегда, — с сомнением сказала птица. — Не думаю, что я бессмертна.

— Бессмертие, если верить моему предшественнику Мёнину, всего лишь игра в прятки со смертью, — улыбнулся я. — А из нас с тобой получатся хорошие игроки.

— Прежде чем толковать о бессмертии, предложи даме пожрать, — усмехнулась Меламори, спрыгивая с подоконника. — Я дюжину дней постилась, пытаясь увидеть этот сон.

Другие издания, использовавшиеся при создании файла:

Издательство «Азбука», «Олма-Пресс», 2001 год

Макс Фрай

Лабиринт Мёнича

Последняя книга
про Ехо?!

Издательство «Азбука», «Олма-Пресс», 2000 год

Макс ФРАЙ

Лабиринты
Его

ЛАБИРИНТ
МЕНИНА

АЗБУКА

Вы можете мне сказать: «А ты уверен, что твоя легенда правдива?»
Не все ли равно, какова она, действительность, расположившаяся
вокруг меня, если мне она помогает жить, чувствовать, что я есть
и что собой представляю?

Шарль Бодлер. «Окна»
(Из сборника «Парижский сплин»)

<http://www.free.hobby.ru>

МАКС ФРАЙ

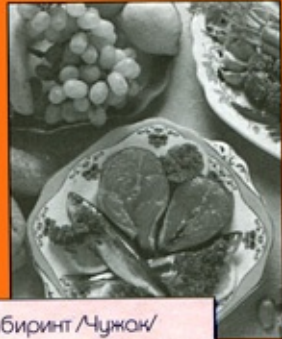
Собрание сочинений

Серия «Лабиринты
Его»

Мой Рагнарёк

Гнезда Химер

Лабиринт Чужак/
Волонтеры Вечности
Темная сторона
Новождения
Власть несбывшегося
Болтливый мертвец
Лабиринт Менина

Здравствуйте, дорогие читатели! Это мой первый сборник сочинений.

notes

Примечания

Не в моих привычках загромождать увлекательные истории своими стишками (разве что чужими, да и то изредка), но на сей раз все же придется процитировать строчки, которые имеет в виду Магистр Нуфлин. Возможно, они помогут читателю проникнуться настроением той, уже давно минувшей ночи. А ведь именно настроение тех дней имеет сейчас какое-то значение; прочее — милые, но необязательные детали.

Я домой не вернусь — решено. Это небо дрожит, как вода.
Сколько тысяч шагов от болотных низин до холодной, как руки,
луны?
Гнутся голые ветви под тяжестью птиц. Разум птицей кричит —
не беда,
пусть кричит. У меня есть в запасе последний глоток тишины.
Я домой не вернусь никогда, но зато доживу до утра.
Темный вечер и ветер холодный, луны поворот на ущерб —
ничего!
Знаешь, птица, во мне не осталось ни капли раба и ни капли
добра,
и ни капли любви, и ни капли меня самого.

Речь идет о рассказе Эдгара Аллана По «Похищенное письмо».

Речь идет о рассказе Герберта Уэллса «Дверь в стене».

Как ни странно, некоторые статьи из этой энциклопедии можно обнаружить в Интернете по адресу: <http://www.russianresources.lt/dictant/>

Так оно, собственно говоря, происходит по сей день.

Греттиров подым — огромный камень, который поднимал Греттир
Силач, самый сильный из исландцев, увековеченный в «Саге о Греттире».